

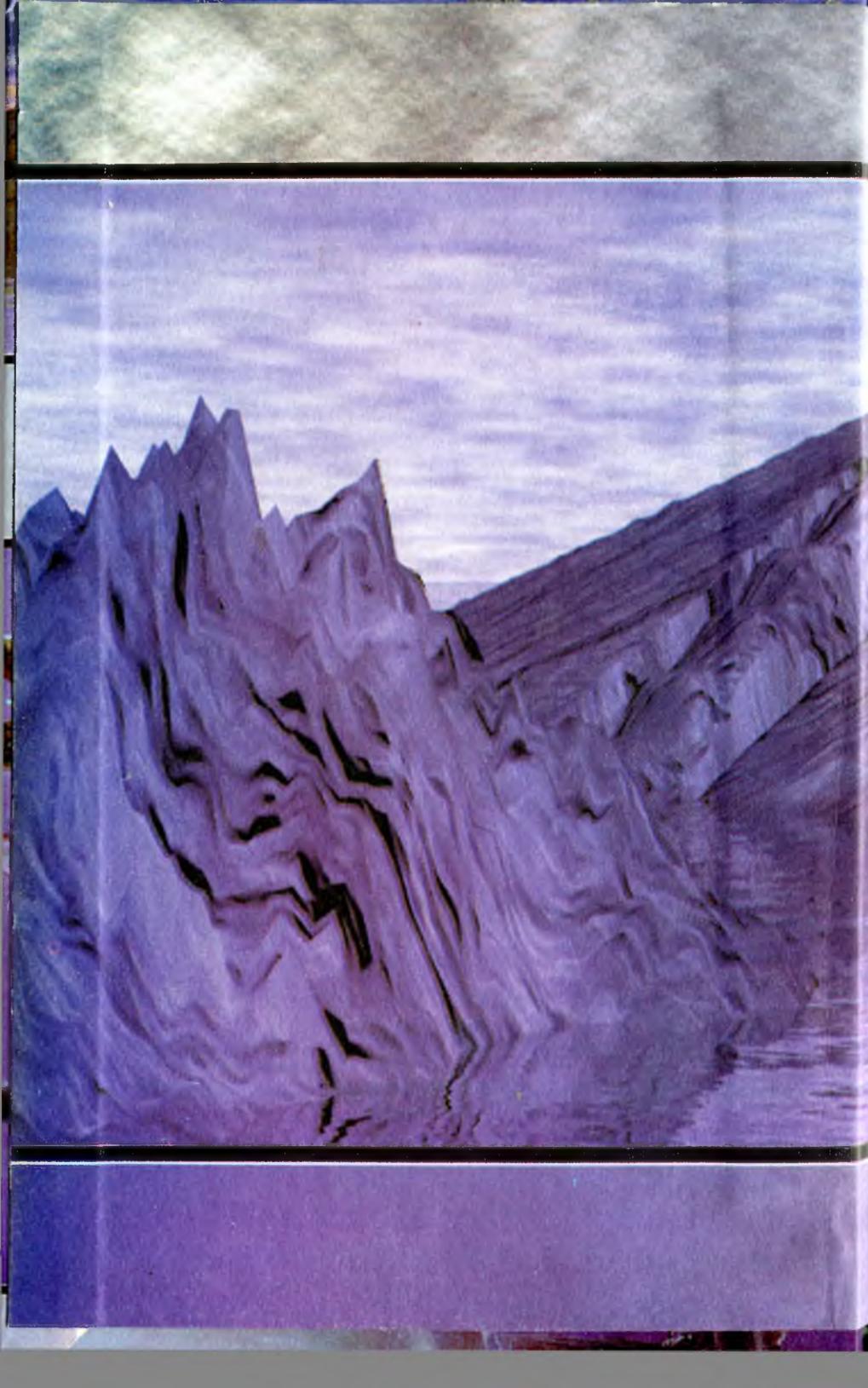
МАРИНА И СЕРГЕЙ
ДЯЧЕНКО

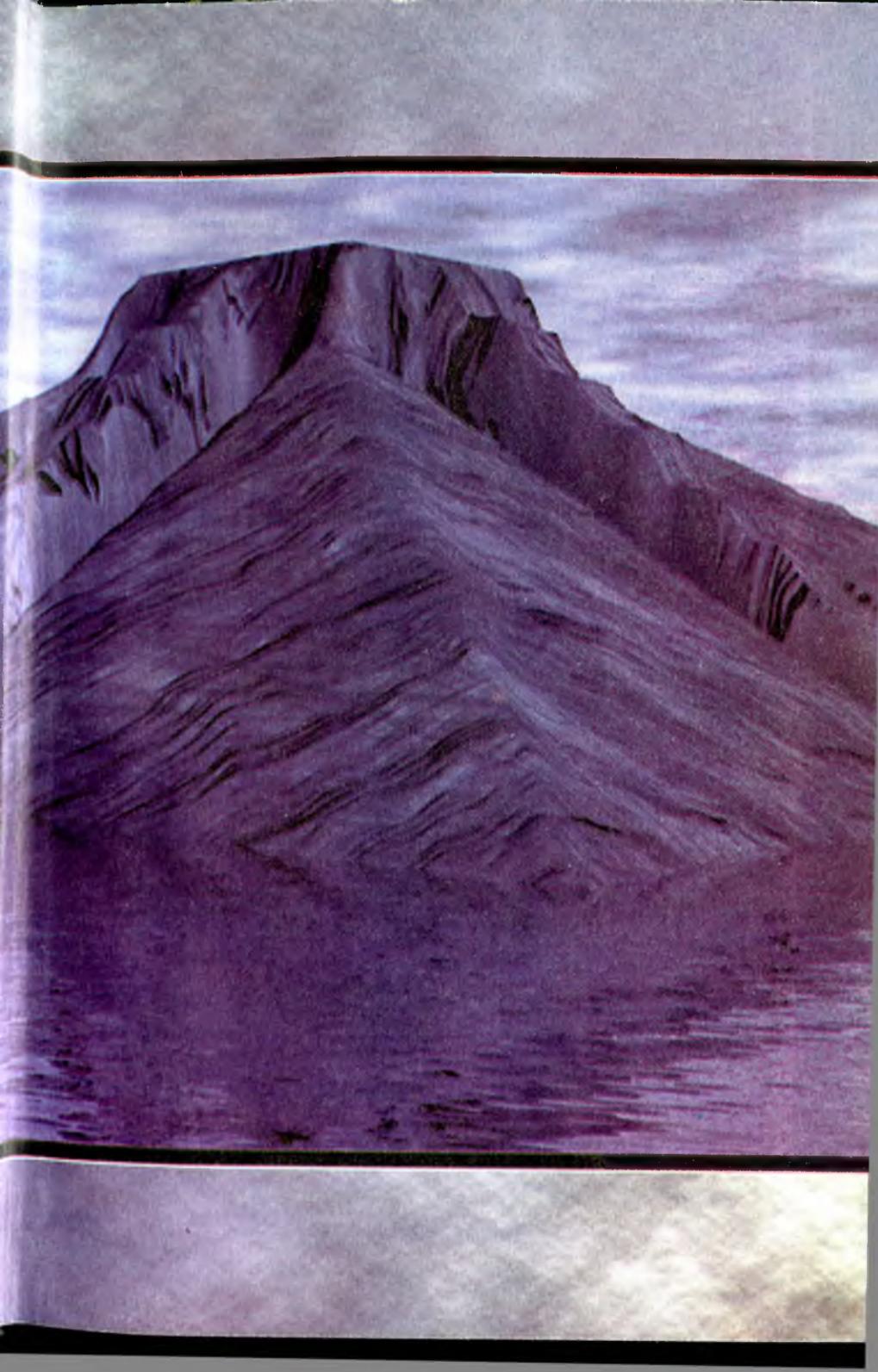
казнь

З В Е З Д Н Ы Й

Л А Б И Р ИН Т

З В Е З Д Н Ы Й

Л А Б И Р И Н Т

Л А Б И Р И Н Т

З В Е З Д Н Ы Й

**МАРИНА И СЕРГЕЙ
ДЯЧЕНКО**

Казнь

ИЗДАТЕЛЬСТВО *аст* • МОСКВА • 1999

TERRA FANTASTICA • САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Серия основана в 1997 году

Серийное оформление Александра Кудрявцева

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная Александром Корженевским*

Все права защищены. Ни одна из частей настоящего издания и все
издание в целом не могут быть воспроизведены, сохранены на
печатных формах или любым другим способом обращены в иную
форму хранения информации: электронным, механическим,
фотокопировальным и другими – без предварительного
согласования с издателями.

Дяченко М., Дяченко С.

Д99 Казнь: Фантастический роман. – М.: ООО “Фирма
“Издательство АСТ”; СПб.: Terra Fantastica, 1999. –
480 с: ил. – (Звездный лабиринт).

ISBN 5-237-03363-6 (ACT)

ISBN 5-7921-0261-9 (TF)

Ночные кошмары хороши одним — возможностью проснуться.
У нее такой возможности нет. Она сделала шаг — и оказалась в
мире, где кромешный ужас — не просто реальность, но
единственная реальность. Можно, наверное, сделать еще шаг. Вот
только каким окажется следующий мир? Еще страшнее? Еще
безысходнее? И каким тогда будет ее следующий шаг?..

© Текст. М. и С. Дяченко, 1999

© Оформление

ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1999

® TERRA FANTASTICA

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Н

а повороте, где дорога выписывала петлю над самым обрывом, Ирена остановилась. Вышла из машины, чтобы посмотреть на туман.

Провал начинался сразу же за полосатыми столбиками дорожной разметки. На дне провала сидело самое настоящее облако — даже на вид плотное, струйчатое, медленно перетекающее само в себя. Серые ложноНожки, поднимаясь над краем провала, таяли в лучах восходящего солнца — сквозь расплывающиеся лохмотья проступали горы, дальний лес, красная крыша маленькой кофейни, до которой еще десять минут езды...

Из-за поворота осторожно — а в этих горах все ездят осторожно — выглянула мелкая синяя легковушка. При виде созерцающей Ирену притормозила, остановилась; из-за руля выбрался лысеющий мужчина — Ирена где-то ужас с ним сталкивалась. Впрочем, в этих местах все когда-нибудь встречаются, людей-то не так уж много...

-- Что-то случилось с машиной? Вам помочь?

Над опадающими клочьями тумана летела, мерию взмахивая крыльями, белая птица. Лес проступал яснее — он тянулся с горы на гору, будто небрежно наброшенная шаль.

— Э-э-э... Извините за беспокойство...

Она очнулась:

— Нет-нет... спасибо. С машиной все в порядке.

Мужчина нерешительно топтался на месте. Вероятно, бранит себя за неуместное рвение. И боится показаться глупым.

Туман таял. Скоро проявятся валуны на дне провала и ручей между валунами.

— Спасибо,— повторила она, думая о другом.

— А говорят,— неожиданно сказал мужчина, проследив за ее взглядом,— говорят... Знаете эту примету?

На красную крышу кофейни легло солнце, отчего черепища засияла, будто мак.

— Говорят,— мужчина кашлянул,— что если в безлюдном месте долго смотреть в плотный туман,— можно увидеть Создателя. Он ходит в тумане, как в облаке.. Вы не Создателя, случайно, караулите?

Ирене захотелось кофе. Она вообразила маленькую фарфоровую чашечку с петелькой ручки, такой крохотной, что иначе, как двумя пальцами, за нее не взяться...

А до кофейни еще десять минут пути!..

— Извините,— снова сказал мужчина, и через секунду за спиной Иrenы заурчал мотор его синей легковушки.

— Нет, я просто люблю это место,— сказала Иrena в пустоту.— Красиво, правда?

Синяя машинка удалялась, виляя хвостом выхлопного дымка. Вероятно, в знак согласия.

* * *

Кафедра филологии помещалась в центральном корпусе — самом большом и пышном, с административными кабинетами, с каменными гарпиями, охраняющими вход. Ирену терпеть не могла и администрацию, и гарпий.

Она опоздала на десять минут. Заведующая кафедрой демонстративно посмотрела на часы:

— Когда госпожа Хмель явится вовремя, я поверю в скорый конец света...

Ирена не ответила. Села в угол у стола, достала записную книжку и принялась водить ручкой по пустым клеточкам.

— ...итоги нынешней сессии позволяют сделать выводы о...

Заведующая кафедрой, моложавая блондинка, была похожа на крупного кудрявого ангела, голос имела приятный и глубокий, а рассудок трезвый и совершенно мужской; поколения студентов передавали друг другу ее неизменную кличку: Карательница. Ирена знала, что, будучи хоть при смерти, студент — если у него нет надежды помереть до начала ближайшей сессии — приползет к ней на лекцию, опасаясь неминуемых, неслыханных в своей жестокости санкций...

Половина неудачников, вылетевших из университета после первого же триместра, с полным основанием могли благодарить за это госпожу Карательницу. Что до кафедры, то те, кто уцелел на ней за последние пять лет, давно уже привыкли к вечной грызне на заседаниях.

Ирена водила ручкой по чистому листу. Сквозь бледный узор клеточек проступали очертания замка — половина башен обрушилась, и над донжоном вздымался огонь. Осадная башня, таран у ворот, полчища варваров, взирающих на стены...

Темпераментная речь госпожи Карательницы сменилась ядовитой тирадой длинного, как жердь, профессора восточной литературы; конфликт вспыхнул, как куча промасленного тряпья Ирена раздраженно поморщилась.

— ...А то, что за подачу работ на конференцию взялись именно вы! И как понять, что я и мои студенты узнали о ней за неделю, в то время как ваши успели подготовить три развернутых доклада?!

Ирена оторвала взгляд от горящего на бумаге замка.

В просторной комнате кипели страсти. На чахлых веточках комнатного лимонного дерева спокойно шил свои сети тощий, болезненного вида научок,— зато у профессора восточной литературы тряслись губы и лестала слюна изо рта. Ирене казалось, что между профессором и Карательницей выгибается вольтова дуга:

— ...Вы все сказали? Я спрашиваю, вы все сказали? Может быть, теперь вы некоторое время помолчите?!

В сравнении со склокой на кафедре даже горящий замок казался бледным, лишенным жизни, ненастоящим. Ирена пририсовала в уголке виселицу с пустой петлей — трагическая картинка приобрела и вовсе опереточный вид. Грустно покачав головой, Ирена перевернула страницу.

— ...Вот хотя бы и госпожка писательница!

Ирена нахмурилась. Помолчала, разглядывая пустой клетчатый листок; подняла взгляд. Все присутствовавшие на заседании почему-то смотрели на нее,— только профессор, ухватившись за сердце, глядел в окно. Полагая, наверное, что один только вид свежего воздуха способен его успокоить.

— Вот кому я завидую,— с ноткой горечи сообщила Карательница.— Это у нас, господа, нервы. Все это нас касается. А у госпожи Хмель совсем другие интересы. И если в один прекрасный день весь наш институт сго-

рит синим пламенем,— госпожка писательница, вероятно, даже не обратит внимания...

Ирена представила себе языки пламени над административным корпусом. Осадная башня на клумбе, таран, сшибающий гарпий у входа, полуугольные варвары, десятками гибнущие от рук госпожи Карательницы...

— Господа,— полная женщина-доцент постучала по стеклышику часов.— Не время ли закругляться?..

И только когда члены кафедры, облегченно вздохнув, высыпали в коридор, Ирене пришел на язык хлесткий и остроумный ответ.

* * *

— Ирена, вы меня подбросите? — спросил профессор восточной литературы. Он жил на окраине университетского городка и никогда не упускал возможности напроситься к Ирене в попутчики.

— Я ненавижу стерв, Ирена. О, как я ненавижу стерв. Моя первая жена была стерва... Знаете песенку — «как берутся стервы из хорошеных невест»?.. И тем более приятно видеть рядом женщину, которая... осторожно, автобус!!

У профессора была скверная привычка — он изо всех сил помогал Ирене вести машину. Всякий раз подпрыгивал на сидении и в ужасе указывал на неминуемую, с его точки зрения, опасность.

Автобусы вывернули из-за угла — их было три. У ворот общежития их поджидали: рюкзаки, баррикадой сваленные поперек тротуара, перегораживали дорогу пешеходам, а румяные студенты галдели и приветственно махали разноцветными спортивными шапочками.

— У людей каникулы,— завистливо констатировал профессор.

Ирена притормозила.

Прогулять лекцию госпожи Хмель считалось среди студентов обычным делом, зато и радость, с которой обычно приветствовали Ирену, была совершенно неподдельной. Выбравшись из машины, она сразу же оказалась в кольце,— молодые люди, оттеснив девушек на задний план, дурашливо сражались за право поцеловать Иренину перчатку.

— Здравствуйте! Здравствуйте! Здравствуйте!

— Госпожа Хмель, поедемте с нами!

— Госпожа Хмель, разрешите поприветствовать...

Она, конечно же, не успевала ответить сразу всем — ограничивалась кивками и улыбкой. Ажиотаж понемногу спадал, кольцо ребят вокруг Иrenы редело, и через несколько минут она осталась в обществе двух своих старинных почитателей — имен она, к своей досаде, никак не могла вспомнить.

— Госпожа Хмель,— нерешительно попросил высокий тощий очкарик.— Вы мне автограф... можно? Я специально за журналом гонялся... Тем номером, где ваша повесть...

Она смущилась, как бывало всегда, когда студенты заговаривали о ее публикациях. Кивнула.

— Говорят, скоро выйдет книжка?.. Госпожа Хмель, скажите, пожалуйста...— очкарик замялся.— Почему у вас всегда все так плохо кончается?

— Так уж плохо? — она усмехнулась, скрывая смущение.— Герой погиб — это, конечно, жаль, но ведь он знал, на что идет...

Парень покраснел:

— Дело не в том... Плохо, что его девушка вышла замуж за барона. Плохо, что... ну, в общем, это...

— Вы сознательно... м-м-м... расчленили образ романтической легенды? — негромко спросил второй, широкоплечий и моцкий, но с детским круглым лицом.

— Совершенно сознательно, — она посмотрела круг лолицему в глаза, но он не смущился под этим взглядом. По-взрослому поджал губы:

— Получается, что это... разрушение романтики, при земление... Что это — ваш фирменный творческий метод?

Она задумалась.

Студенты сутились вокруг автобусов, очкарика кто-то дернул за рукав, а круглолицего окликнули; в машине нетерпеливо возился профессор.

— Мы поговорим об этом в будущем триместре, — сказала она, садясь за руль. — Счастливых каникул...

— И вам счастливо, госпожа Хмель... Пишите побольше...

— Бедные мальчики, — сказал профессор, когда автобусы скрылись из виду. — Женятся каждый на своей стерве — и станут, как все... Вот скажите, Ирена. Когда я открываю книжку, — я хочу отдохнуть, я хочу наркотика... А стерв мне и в жизни хватает...

— Не надо было с ней связываться, — сказала Ирена, вспомнив Карательницу.

— Нет, не то... Знаете, почему я не могу читать ваших рассказов? Потому что, если дама в кринолине, а мужики в кольчугах и с мечами, — мне хочется сказки, Ирена. Иного, так сказать, мира... мироустройства... чтобы были лесные духи, гномы там разные, кровавые войны, жестокие законы... любовь... А не бытовые, прости те, разборки с печальным исходом.

— Я подумаю, — сказала она. И это не была отговорка — она действительно собиралась подумать, а как ее мысли соотносились со словами профессора — дело третье.

— Вы только не обижайтесь...

Она притормозила перед профессорским домом.

— Ох, спасибо, Ирена... Желаю вам творческих успехов. И хоть немножко отдохните в каникулы...

— Спасибо. Вам того же...

Профессор поставил одну ногу на землю. Задержкался, будто раздумывая, обернулся:

— Ирена... Вы напрасно думаете, что все мужчины в мире — самовлюбленные эгоисты.

— Я поду... — начала она привычно, но вовремя спохватилась: — Я вовсе так не думаю.

Профессор печально потряс головой:

— Знаю... Ну, что ж. До свидания.

* * *

Первое, что она сделала, вернувшись домой, — вытащила из-под кровати черепаху и положила ее на коврик в светле чахлой лампы. Черепаха, похожая на закованного в латы рыцаря, смерила Ирену бессмысленным взглядом бусинок-глаз; черепаха не отзывалась на свое имя и никогда не шла на зов. Ирена держала черепаху просто так, для настроения.

Сторожевой пес Сэнсей бил хвостом по доскам крыльца, умоляя впустить его в дом; Ирена исполнила его просьбу и только после этого подошла к телефону, чтобы проверить, кто звонил в ее отсутствие.

Ого! Два звонка от литаента и еще три — с незнакомого телефона. Кто это, интересно, так настойчиво домогался беседы с госпожой Хмель...

Она дала черепахе капусты. Потрепала Сэнселя по затылку, улеглась на диван и натянула плед до самого подбородка.

Хотя, честно говоря, следовало самой позвонить литаенту. Мало ли что, вдруг выгодный контракт...

«Разрушение романтики, приземление»... «Хочется сказки, Ирена... Иного, так сказать, мира...»

Надо было ответить так. Да, ничто не мешает всем вам верить, что там, в ином мире, лучше и интереснее...

В чистом и честном мире, без зачеток, без Карапельниц, без налоговой инспекции.. Но вы ошибаетесь, потому что...

Закурлыкал телефон. Ирена вздохнула — на табло горел номер литаагента.

— Да, я слушаю...

— Госпожа Хмель? Наконец-то... Вообразите себе, у нас есть покупатель на весь цикл об Осаде.

— Но он же еще не написан...

— Именно! Авансом, под заказ... Только, Ирена, ради Создателя, они просят побольше магии. Обязательно Темный Властелин, хотя бы на третьем плане. Они хотят фантазии, волшебников, артефактов, квестов, поединков... Ирена, вы помните, мы с вами уже не раз говорили...

— Я подумаю,— сказала она примирительно.

Литаагент замолчал. Он достаточно хорошо успел изучить свою подопечную, чтобы различать оттенки этой ее привычной фразы.

— Ирена... Назрел серьезный разговор. Где мы могли бы встретиться?

Она вздохнула:

— Я подумаю...

— Хорошо,— голос в трубке помрачнел.— Я перезвоню завтра утром...

— Конечно,— сказала она с облегчением и положила трубку.

Сэнсей вертелся вокруг кровати, ставил лапы на плед, и это было плохо, потому что известно, какие у него лапы,— грязные...

...Вы напрасно верите, мальчики, что там, в этом честном мире, вы окажетесь среди сильных, найдете достойное вас место... Потому что те, кто действительно умеет находить такое место,— находит его в **ЛЮБОМ** мире... Они побеждают на выборах и ворочают миллионами, и

совсем не читают сказок. А потому вы обманываете себя, мальчики... А я вас обманывать не стану...

— Какие глупости,— сказала она вслух.— Тоже мне, проблема...

Снова — телефон. Нет, еще один звонок — и она отключит его...

Звонила знакомая. Не так, чтобы очень близкая,— но вполне приятная. Из тех, с кем интересно беседовать два раза в месяц и видеться два раза в год...

— Ирена? Что ты делаешь сегодня вечером?

— Сплю,— сказала она честно.

— Хочешь, мы заедем за тобой? Сегодня годовщина свадьбы Игоря и Янки, мы хотели...

Ирена с трудом вспомнила, кто такие Игорь и Янка. Ах да, тоже симпатичные люди...

— ...интересное общество. И несколько твоих читателей-поклонников, ты их еще не знаешь... Все очень хотят тебя видеть. Поедешь?

Ирена молчала. Голос в трубке несколько потерял уверенность:

— Ирена... ты ведь здоровा?

Она подумала, что следует ответить «нет». Сказаться больной, чтобы никто не обиделся...

Вставать с дивана? Одеваться, делать макияж? Ехать куда-то, с тем чтобы вернуться за полночь с тяжелой головой, в запахе терпких духов и чужих сигарет...

Черепаха под настольной лампой флегматично двигала челюстями.

— Извини,— Ирена вздохнула,— но я не поеду. Слишком много... — она хотела сказать «пищи для размышлений», но в последний момент одумалась. — Слишком много... работы.

— Но ведь только один вечер,— приятельница, судя по голосу, все-таки обиделась.— Мы ведь не так часто тебя... беспокоим!

— Извини, — Ирена зиала, что через несколько минут после отбоя в голову к ней явятся веские доводы и остроумные оправдания, но выслушать их будет некому...

А Сэнсей и черенаха давно привыкли к ее монологам. И, возможно, знают все ее аргументы наперед.

* * *

Она подмела двор. Посмотрела, как садится за горы солнце; разожгла костер, попыталаась по дыму определить погоду на завтра — и не определила. Сэнсей носился, отбрасывая задними лапами комья земли, и его восторг частью передался Ирене. В конце концов, уже почти весна...

Телефонный звонок вывел ее из созерцательного настроения. Телефон курлыкал долго и настойчиво, — по дороге к нему Ирена насчитала пятнадцать звонков.

— Госпожа Хмель?

Тот самый незнакомый номер. И голос, что интересно, незнакомый тоже. Она ведь просила никому не давать ее номер...

— Госпожа Хмель, меня зовут Николан Петер, я прошу прощения, если потревожил...

Он сделал паузу, как бы специально для того, чтобы она любезно опровергла его — ничего страшного, мол, я слушаю.

Но она молчала. Потому что неведомый господин Петер действительно потревожил ее.

— Госпожа Хмель, речь идет о вашем муже, Анджее Кромаре.

— О моем бывшем муже, — поправила она механически.

Потом у нее подкосились ноги, и она села на диван.

— Он жив?

— Но, госпожа Хмель, зачем сразу такие страшные предположения...

— Он жив?

— Да, конечно... Видите ли. Вообще-то, я из Комитета общественной безопасности.

Ирена глубоко вздохнула. Сердце колотилось, как бешеное, даже черепаха, кажется, повернула закованную в латы голову и повела бусинками бессмысленных глаз...

— Он что-то натворил?

— Нет, напротив, возможно, его представляют к награде...

Опираясь о мягкий бок дивана, Ирена подобралась к столу и положила ладонь на горячий черепаший панцирь. Обычно такое прикосновение успокаивало ее.

— Тогда при чем тут я?

— Необходимо встретиться.

Ирена поморщилась. Ни с того ни с сего пришла мысль, что это, наверное, уловка новобрачных Игоря и Янки, которые во что бы то ни стало решили вытащить ее сегодня на вечеринку...

Она вообразила, как едет на встречу с сотрудником Комитета,— а попадает в развеселую подвыпившую компанию, безусловно, милых людей...

— Сегодня?

— Завтра утром,— невидимый Петер будто не слышал сарказма в ее голосе.— Если пожелаете, за вами пришлют машину...

— У меня много работы,— сообщила она осторожно.

* * *

...Ей было восемнадцать лет, и она без памяти любила однокурсника, Ивонику, первого парня на всем факультете. Их любовь некоторое время ограничивалась объятиями в темноте кинозала; очень долго они ходили

друг вокруг друга, как намагниченные, боясь и разойтись, и сблизиться,— когда вдруг однажды вечером, провожая Ирену домой, Ивоника поцеловал ее на автобусной остановке.

Завертелось.

Остановка была пуста; они долго целовались, забравшись под стеклянный навес, а потом, обменявшись долгим взглядом и поклявшись друг другу в любви до гроба, перешли на другую сторону дороги и поехали в противоположном направлении — к Ивонике в гости.

Редкие пассажиры поглядывали на них с пониманием. Пропустив нужную остановку, влюбленные возвращались пешком, держась за руки. На перекрестке играл за подаяние бродячий оркестрик — огромная туба, две трубы поменьше и барабан с тарелками. Здесь же Ивоника купил из рук доброжелательной бабули маленький белый букетик...

Окна Ивоникого дома были пустыми и темными, — родители пребывали в отъезде. Ирена так раз波动валась, что перед самым порогом поскользнулась и шлепнулась, выронив сумку, рассыпав по снегу конспекты, карандаши и косметику.

Они собирали Иренин скарб в четыре трясущиеся руки. Потом вошли в дом, поставили чайник и тут же про него забыли. Ивоника вытащил бокалы и вино; они по-быстрому опустошили бутылку и почувствовали себя почти героями.

В спальне Ивоника сперва потушил ночник, потом зажег, потом снова потушил. Ему очень хотелось выглядеть опытным мужчиной, — а Ирена вспомнила, что у нее на маечке имеется неподшитая застежка, и уже ни о чем не думала, кроме как вовремя прикрыть ее ладонью...

Ивоника жарко дышал. Ивоника робел, улыбался, вздрагивал — и, наконец, залез к ней под одеяло; она,

одурманенная вином, закрыла глаза и отдала себя в руки судьбы, — когда под самыми окнами грянул неистовый духовой оркестр

...Ирина вздрогнула — воспоминание было слишком явственным. Сняла руку с теплого панциря Обменялась взглядом с черепахой, послушала шум ветра за окном, устало опустилась в кресло.

Подлец... В тот день ОН встретил парочку влюбленных и положил на девушку свой безошибочный глаз. Проследил. А потом выбреб из карманов всю мелочь и сделал небритым оркестрантам персональный заказ...

...Они стояли под окном — бодрые бродяжки с медными трубами, те самые, с перекрестка... И гремели свадебный марш так, что в соседних домах загигались окна... Бамс! — пронзительно лязгали тарелки. Бамс!. И она заплакала и лихорадочно принялась одеваться, а Ивоника некоторое время простоял столбом, а потом распахнул окно, обрывая поролоновые полосы утенителя, и запустил в музыкантов круглой табуреткой...

Циничная туба имитировала непристойный звук.

Ивоника сидел на полу и судорожно вспоминал грязные ругательства — все, какие знал, все, которые когда-то слышал и забыл, и еще такие, которых не знал и не слышал, — они придумались на лету и оттого звучали еще более жалко...

Аура. Какая она была... Неужели это неизбежно, и в восемнадцать лет все девочки — идиотки?!

А тогда она, конечно, моментальнопротрезвела. И бежала, под звуки свадебного марша бежала, куда глаза глядят, и едва не угодила под машину...

А на следующее утро ее, зареванную, несколько раз звали к телефону, но она не подходила, не желая разговаривать с Ивоникой... А когда позвали в четвертый раз и она сделала над собой усилие и спустилась к окошку

вахтерши,— никакого Ивоники в трубке не оказалось. Незнакомый голос вкрадчиво осведомился:

— Это Ирена?

Она не готова была к такому повороту событий и потому промолчала.

— Алло, Ирена?

— Вы кто? — спросила она угрюмо.

— Я Анджея.

…Впоследствии она узнала, что он добивается любой поставленной цели. Совершенно любой.

— Какой-такой Анджея? — ей наплевать было, что ее слушают.

— Тот, кто заказывает музыку.

Она промолчала.

— Я подобрал вашу записную книжку… вместе с номером телефона.

— И что? — спросила она.

Зато уже через секунду добавила:

— Так засуньте эту книжку себе… куда хотите!

И шлепнула трубку на рычаг…

Он был старше ее на семь лет. Жил один, в огромной комнате почти без мебели, но перемещаться по ней можно было лишь бочком, под стенкой, потому что все пространство занимал средневековый город, построенный из спичечных коробков.

— Это что?! — спросила она, впервые переступив порог его комнаты.

— Да так,— он небрежно махнул рукой.— Ничего особенного… Одна моделька.

* * *

Они встретились на нейтральной территории — в кафе; Николан Петер пришел в сопровождении красивой подтянутой женщины — из тех, кто до глубокой

старости пунктуально посещает спортзал, массажиста и косметолога. Дама, тем не менее, нервничала, и Ирена с удивлением поняла, что источником ее напряжения является безобидная госпожа Хмель.

— ...И ваши последние вещи. Я дала читать их сыну, — тот в восторге, у него половина класса записана в очереди на этот журнал...

Скорее всего, дама врала. Скорее всего, ей только вчера вечером вручили журнал, и она спешно проштудировала Иренину повесть, желая иметь тему для приятного разговора с нужной собеседницей...

Потому что она, Ирена Хмель, зачем-то им нужна.

— Вы собираетесь беседовать со мной как представители Комитета или как частные лица?

Дама улыбнулась — вполне обаятельно, но за улыбкой скрывалось все то же напряжение:

— Уютная обстановка... располагает, прежде всего, к частной беседе.

— И тем не менее?

— Да, мы уполномочены говорить официально,— Петер, оказавшийся полноватым печальным блондином, вздохнул. — Мы понимаем ваше... мягко говоря, замешательство.

— Вы, конечно, знаете, что мы с мужем развелись пять лет назад? — небрежно спросила Ирена.

Петер кивнул:

— Разумеется... Позвольте принести извинения за невольное напоминание о вещах нежелательных и неприятных. Но... Комитет вынужден просить вас о помощи. В том числе... и о помощи вашему... бывшему мужу.

Ирена молчала.

Бревенчатый домик о десяти углах был в этот час почти пустым. Столы помещались по кругу, против входа — стойка, а в центре, под широким отверстием в

потолке — жаровня. Едва ощутимо пахло дымом, и блюдо, заказанное господином Петером на троих, только начало путь преображения — от кровавых мясных обрубков к румяным аппетитным кусочкам...

— У нас мало времени,— господин Петер смотрел проникновенно.— Дело вот в чем. Представьте себе, что наш сотрудник, выполняющий свою миссию, в процессе некоторых социологических исследований... пережил тяжелый шок и, фактически, оказался... невменяем.

Ирена молчала. Аккуратный сизый дымок, поднимавшийся над жаровней, тонкими волокнами вытягивался в дыру на потолке.

Даже в лучшие времена Анджей ничего не рассказывал ей о своей работе... И, уж конечно, он всегда был малость невменяемым. Если, конечно, возможно такое сочетание слов.

— Наверное, вы будете удивлены,— женщина вздохнула.— Мужчины удивляют нас не реже, чем мы их... Но данные специального теста показали, что вывести этого человека из ступора может... сильный раздражитель. В том числе — появление бывшей жены.

Ирена по-прежнему молчала. Эти двое уже загрузили ее выше ватерлинии,— самое время лечь на диван, натянуть до подбородка плед и поразмысльить над их словами...

Интересно, что за «специальные тесты»?

«Я подумаю»,— хотела она сказать,— но в последний момент удержалась.

— Да,— господин Петер подался вперед, и глаза его оказались прямо напротив Ирениных глаз.— Случилось так, что от... душевного здоровья этого человека сейчас зависит судьба многих других людей... Можно сказать, вопрос жизни и смерти. И Комитет обращается к вам... как к сознательной гражданке. Как к женщине, педагогу, гуманисту...

Мясо на вертеле понемногу приобретало съедобный вид. Вероятно, и госпожу Хмель сейчас обрабатывают, доводя до готовности...

К чему вся эта патетика?

— Он в больнице? — спросила Ирена, и голос ее был менее равнодушен, чем ей хотелось бы.

Кажется, Петер и женщина едва удержались, чтобы не переглянуться.

— К сожалению, нет... Несчастье случилось, когда господин Анджей Кромар находился с научной миссией в... командировке.

— О какой науке вы говорите? — удивилась Ирена. — Я всегда считала, что Комитет...

— О прикладной социологии,— негромко сообщил Петер. Глаза его сделались отрешенными, как будто он смотрел на Ирену из далекого далека.— Об экспериментальной социологии... Видите ли. В любой момент времени у человечества был, так сказать, потаенный запретный уголок. Исследования, которые считались неприличными, неэтичными, негуманными... И, тем не менее, неслыханно перспективными. Естественно, только под надзором Комитета...

Кусочки мяса медленно вращались вокруг своей оси, подставляя огню то один, то другой бок.

— Что случилось с Анд... с господином Кромаром?
Женщина вздохнула.

— Он проводил эксперимент,— Петер по-прежнему смотрел Ирене в глаза, и взгляд его был теперь схож со взглядом умудренной опытом лани.

— Неудачный?

— Наоборот. НЕВИДАННО удачный. Талант господина Кромара... еще будет оценен государством и обществом... Впрочем, об этом потом. Дело в том... что когда работаешь на грани дозволенного... дозволенного не обществом — дозволенного природой... Тогда и ус-

нек может обернуться трагедией. Вот как в нашем случае...

Ирена тоскливо подумала о своем пледе. О диване, о чашечке чая, о горячем панцире флегматичной черепахи.

— Вы, вероятно, уже устали,— женщина улыбнулась через силу,— от наших недомолвок...

— Что от меня требуется? — спросила Ирена, с досадой понимая, что этим-то вопросом и следовало начинать разговор.

— Мы попросили бы вас,— голос Петера сделался совсем уж проникновенным,— навестить господина Кромара там, где он сейчас находится... и вывести его из шокового состояния. Этим вы спасете... его жизнь. И, возможно, жизнь еще многих людей... Профессиональная этика не позволяет мне сказать большего.

Ирена молчала.

Если бы речь шла о том, чтобы съездить в соседний городишко и разыскать там Анджея,— вряд ли уместен был весь этот странный разговор...

— Я так понимаю... он находится далеко?

— Транспортные расходы берет на себя Комитет,— глуховато сообщила женщина.

— А куда, собственно, предстоит...

Петер вздохнул. Вытащил из-под стола свой плоский портфель, из портфеля — заранее приготовленный листок:

— Вот... прочтите и подпишите.

Ирена пробежала глазами текст — это была подписька о неразглашении государственной тайны; ей почему-то сделалось весело. Местонахождение Анджея является государственной тайной. Давно пора. Давно пора объявить этого паразита оружием тактического значения, а во мрачном расположении духа — и стратегического... И,

разозлив как следует, сбрасывать на позиции вероятного противника. «Через час враги, рыдая, побегут сдаваться в плен...»

Петер сдвинул брови. Ему непонятна была ее усмешка.

Она покачала плечами:

— Сроду не хотелось ваших тайн...

— Это формальность,— мягко сказала женщина.— Но без вашей подписи мы не можем...

«На диван,— подумала Ирена устало.— И дня два не высовывать нос из-под пледа. Восстанавливать внутреннюю экологию...»

Она подписала. Петер долго изучал бумагу, будтэ со-мневаясь в подлинности Ирениного автографа; потом официант принес жареное мясо, и документ пришлось убрать — от жирного соуса подальше.

— Видите ли... Основная специальность вашего бывшего мужа — моделятор.

Красный соус оплывал каплями — как будто мясо, преобразившись над огнем, пожелало снова выглядеть сырым и воспользовалось косметикой из кровавого томата. Вот так и женщины... — подумала было Ирена, но доводить назидательную мысль до конца не больно-то хотелось.

— Итак, моделятор,— голос Петера понизился до шепота.— Экспериментатор... И случилось так, что в процессе эксперимента ваш муж создал...

— Мой бывший муж,— механически поправила Ирена.

— Ваш бывший муж... создал функционирующую четырехмерную модель. Во временном режиме десять к одному...

— Очень хорошо,— сказала Ирена, потому что оба ее собеседника явно ждали какой-то реакции.

Женщина поперхнулась. Петер сглотнул:

— Вы не поняли. Он находится ВНУТРИ модели. Мы имеем сведения о том, что он жив и здоров... Вместе с тем его поведение наводит на мысль о шоке. О расстройстве восприятия...

Ирене представился Анджей, восседающий посреди своего спичечного города,— самая высокая башня едва достает ему до плеча. «Это? Пустяки, так, моделька...»

— Я что-то не очень вас понимаю,— призналась она честно.— Но я обещаю подумать.

* * *

...Примерно месяц назад она получила открытку. Без подписи, и текст был напечатан безликим принтером,— но она все равно сразу же поняла, кто отправитель.

На картинке не было ничего особенного — просто красивый городской пейзаж. Какой-то магазин с яркой витриной. Вывеска над входом, нечто вроде «Праздничные шутки и сюрпризы». Улица, прохожие, дети, обычные жанровые сценки...

«Ну, я пошел,— написано было на обратной стороне.— Привет».

Она долго вертела открытку в руках. В какой-то момент даже обессиокоилась — ей почудился намек на самоубийство... И, возможно, любой другой человек, отправляя подобное послание, действительно помышлял бы о суициде. Любой другой,— но не Анджей.

Он был из тех, кто НИКОГДА не покончит с собой. Даже в помыслах.

Что он имел в виду? Она думала об этом несколько дней, а потом перестала. В конце концов, все это осталось в далеком прошлом — Анджей...

Анджей.

Она села на диване. Дом спал; спала на журнальном столе черепаха, и Сэнсей тоже, вероятно, дрых в своей

будке,— хотя стоит случайному прохожему пройти вдоль забора, как все окрестности тут же узнают, каков бывал Сэнсей...

А открытку она давно уже выбросила. Вместе с прочим бумажным хламом.

* * *

Сначала была проходная. Потом внутренний кордон, потом еще один, потом спире. Отовсюду пялились рачьи глаза телекамер; на всех постах господин Петер совал в специальное гнездо свое удостоверение — зеленую пластиковую карточку. И еще одну карточку, красную, изготовленную специально для Ирены; лампочки мигали, давая добро, и сосредоточенные охранники снимали блокировку с бронированных дверей.

— Приносим извинения за, э-э-э, некоторые неудобства...

Ирена покровительственно улыбалась. Для того, чтобы оградить эту их хваленную секретность, достаточно было бы посадить у входа одного-единственного Сэнсея.

За очередной дверью оказалась обшитая пробкой, напичканная аппаратурой комнатушка; Ирена с любопытством огляделась.

Петер нервно потер ладони:

— Кофе хотите?

Самый большой и сложный прибор, привыкшийся у входа, оказался комбайном-кофеваркой. Ирена в жизни таких не видела.

— Автомат для мытья посуды у вас тоже есть?

Петер не ответил. Подсел к миниатюрному монитору, попцелкал кнопочкой, устало сказал кому-то невидимому:

— Выведи на нас его физданные...

Кофеварка замигала, выпуская струйку ароматной жидкости. В ее шипение вклинился другой звук — точь-в-точь фонограмма из фильма про врачей-убийц.

Мерные удары сердца. Шелест воздуха — вдох-выдох... Экран монитора ожила, осветился некой развернутой диаграммой. Световые столбики подпрыгивали и опадали.

Ирена подошла и присела на подлокотник вертящегося кресла.

— Это Анджей, — напряженно сказал господин Петер за ее спиной. — Сейчас данные разворачиваются в реальном времени, для наглядности и для удобства. Хотя — вы помните — модель работает в хронорежиме десять к одному...

Ирена молчала.

Ей сложно было поверить, что самолюбивое сердце Анджея способно биться напоказ, в динамиках. В какой-то момент ей стало неприятно — как будто некую интимную подробность выставили для всеобщего обозрения...

— Он в сознании, — сказал Петер, глядя на кофейную чашечку в собственных руках. — Эксперимент длится вот уже месяц... реального времени. У нас колоссальный перерасход энергии. Модель необходимо сворачивать... Если он этого не делает — он не в себе.

Ирена приняла чашку из его рук и с удовольствием отхлебнула. Коснулась ладонью шеи, ловя собственный пульс; сердце Анджея всегда билось реже. «Удав, — говорила Ирена в свое время. — Хладнокровная сытая змеюка...»

Она поставила кофе обратно на блюдечко. Она ОСОЗНАЛА, и мерные удары перестали быть фонограммой. Это действительно билось сердце — вполне определенного, знакомого Ирене человека...

— Дело вот в чем,— Петер вздохнул.— Мы обладаем возможностью... гм. Мы можем прервать эксперимент, закрыть модель снаряжки... Даже если не принимать в расчет господина Кромара, который при таком варианте обязательно погибнет... Даже если не принимать этого в расчет,— взрыв вероятностных аномалий такой силы... способен... причинить неконтролируемый ущерб... положить начало не до конца изученным нами процессам... Я уже не говорю о международном скандале,— но попросите, грубо говоря, нас ждет катаклизм, который...

— То есть как не принимать в расчет? — удивленно спросила Иrena.

Господин Петер замолчал.

— То есть что не принимать в расчет? Смерть Анджея?

Господин Петер страдальчески сморщился:

— Нет... то есть... Видите ли, Ирена, эксперимент с самого начала нес в себе опасность... для жизни испытателя. Господин Кромар...

— Господин Кромар никогда не был склонен к авантюрам,— сказала Ирена медленно.— И никогда не рисковал бы жизнью просто так... ради научного интереса. Думаю, он был уверен до конца... что ему удастся провести эксперимент и остаться в живых.

— Да! — Петер сморщился так, что лицо его стало похоже на сдувшийся резиновый матрас.— Но эксперимент оказался НАСТОЛЬКО удачным... Что это гранчит с катастрофой, Ирена. Боюсь, что даже Анджей... не мог предполагать...

Сердце в динамиках билось уверено и ровно,— но Ирена вдруг похолодела от мысли, что еще секунда-две — и оно остановится. Завоинят, забегают невидимые сотрудники господина Петера, и сам он прольет кофе на светлые брюки,— и только она, Ирена, останется сидеть неподвижно, и даже чашка в ее руке не дрогнет...

— Итак, Ирена, мы не можем склоннуть модель извне... И поддерживать ее жизнеобеспечение не можем тоже. Потому что каждая минута существования модели порождает проблемы... в том числе, извините, этические. Потому что ЭТО, созданное господином Анджеем... с каждым мгновением становится все более... как бы это объяснить... автономным. И когда оно станет совсем автономным... Видите ли. Это раковая опухоль на вероятностной структуре реальности...

Он еще что-то говорил — красиво и научнообразно. Ирена пила кофе и слушала, как дышит Анджея. Кажется, и пульс, и дыхание чуть ускорились, — возможно, он волнуется или, может быть, бегает...

При слове «модель» ей представлялась увеличенная копия спичечного городка, запакованная в непроницаемую капсулу. И где там, спрашивается, разбежаться?..

Она желчно усмехнулась. Петер заметил ее улыбку — и прервался:

— Я понимаю — все это звучит... может быть, фантастично, или не вполне убедительно... Но единственная для нас возможность — найти моделятора внутри модели и, извините, побудить его... принудить его завершить эксперимент.

Он замолчал. На лице его, как ни странно, обозначилось облегчение, — как будто он наконец-то переступил через колебания и излил душу. Высказал все начистоту.

Кофе закончился. Ирена с сожалением заглянула в пустую чашечку. Попросить, что ли, еще?

— Почему для этой... миссии вам нужна только я и никто другой? Вы думаете, я способна повлиять на Анджея? Вы ошибаетесь, — на него и в лучшие времена никто не мог повлиять...

Петер раздраженно пощелкал кнопочкой — в комнате стало тихо, экран монитора погас, унося с собой

тайну кровяного давления Анджея Кромара и температуры его тела, и еще множества показателей, в которых Ирена, не будучи врачом, ничего не понимала...

— Отправьте лучше роту десантников,— порекомендовала Ирена серьезно.

Петер засопел. Встал, прошелся по узкому коридорчику между приборами, характерным жестом потирая ладони:

— Видите ли... Во-первых, мы исходим из того, что господин Анджея, мягко говоря, не в себе от пережитого потрясения... И женская мягкость здесь куда уместнее грубой силы. Во-вторых... вернее, это во-первых и в-единственных... Внутрь модели ведет один лишь канал. По иронии ли судьбы... или поциальному умыслу господина Анджея... или еще по какой причине — но это ВАШ канал, Ирена. Никого, кроме вас, модель не впустит.

— Можно еще кофе?

— Пожалуйста...

Завертелось кофейное зерно, обращаясь в пыль. Зашипела, давясь собственным паром, кофеварка.

Славный же спичечный городок соорудил ее старый друг...

Он всегда добивался своего. Всегда; ни один его экстравагантный поступок не поддавался предсказанию. На месте господина Петера она бы никогда не связывалась с...

Хорошо давать другим советы. А она сама?! Возможно, тысячи женщин временем от времени повторяют друг другу: на месте этой дуры Хмель я никогда бы не...

— Где находится модель?

— Что? — господин Петер почему-то вздрогнул.

— Где находится эта его модель?

— Видите ли...

Тонкая шоколадная струйка лилась в фарфоровые недра чашечки.

— Видите ли никто не в состоянии ответить на ваш вопрос. Мы контролируем ВХОД в модель, тот самый канал.

Ирена молчала.

— Госпожа Хмель. Не знаю, как вы это себе представляете... Дело в том, что в ходе эксперимента Анджею Кромару удалось смоделировать самодостаточную, саморазвивающуюся... реальность. Только помните — вы давали подпись о неразглашении!!!

Автомат выплюнул последнюю каплю свежего кофе.
Ирена молчала.

* * *

Она была тогда на третьем курсе. Единственная среди всех девчонок — замужем.

...О самоубийстве одноклассницы Владки она узнала в полдень. И надо же, только вчера пришло последнее Владкино письмо — совершенно спокойное, веселое, безмятежное...

Самолет вылетал в девятнадцать ноль-ноль, раз в два дня, но именно тот день как раз был днем рейса; Ирена кинулась в кассу — билетов на сегодня не было. Никаких; не помогла телеграмма, которую она совала в оконечко, — билетеры сочувственно вздыхали и разводили руками. Все места заняты. Абсолютно все. Брони не бывает, берите билет на послезавтра...

Тогда она позвонила Анджею на работу. Она поступала так только тогда, когда иного выхода не было.

«Перезвони через полчаса»...

Она перезвонила.

«Есть. Я подвезу тебе билет прямо к рейсу. Жди в аэропорту в шесть»...

Преклонение перед ним на какое-то время побороло даже шок от трагического известия. Она кинулась

домой, бросила в сумку необходимые вещи и поспешила в аэропорт.

В шесть часов посадка была в самом разгаре.

Ирена стояла с сумкой в одной руке и телеграммой в другой, растерянно оглядывалась, выискивая среди толпы знакомое невозмутимое лицо...

В полседьмого объявили, что посадка закончена.

В семь самолет улетел.

Она постояла еще какое-то время, будто надеясь, что самолет, спохватившись, вернется. Потом побрела на остановку автобуса..

Анджей был дома. Сидел за компьютером и даже не заметил Иренного возвращения. В оконном мониторе плавала сложная трехмерная конструкция — Анджей в экстазе вертел ее то так, то эдак; в прихожей, под зеркалом, сиротливо лежал авиабилет на сегодняшний рейс...

Некоторое время спустя Ирена узнала, что Владка покончила с собой из-за постоянных размолвок с мужем.

«...Ничего особенного. Просто очередная моделька».

* * *

Она вытащила черепаху из-под дивана и водрузила на подушку под лампой. Черепаха не обрадовалась и не огорчилась — закованная в латы рыцарская морда оставалась бессмысленной и бесстрастной.

Во дворе Сэнсей перемалывал зубами куриные кости; слабо дымил костер из остатков хвороста.

«Мы примем все меры к тому, чтобы ваше... путешествие было как можно более безопасным. Почти таким же безопасным, как катание на лыжах с гор... То есть вероятность какой-нибудь случайности есть всегда... Но мы сделаем все, чтобы исключить такую вероятность...»

«Я подумаю», — твердила она, как заводная. Ей хотелось домой, в одиночество.

«Ваша задача предельно проста — вы войдете в мир... предположительно он в точности соответствует нашему, разве что некоторое расхождение во времени... Точка вашего входа будет соответствовать местоположению моделятора. Вы войдете с ним в контакт. В случае благоприятного исхода... вы понимаете, все мы надеемся именно на благоприятный исход... Так вот, в этом случае эксперимент будет немедленно свернут, и вы вернетесь автоматически — вместе с моделятором. В случае же... мы всё обязаны предусмотреть... если вы не найдете моделятора или если его состояние окажется необратимым... Тогда вы снова воспользуетесь своим индивидуальным каналом. Место вашего входа вы используете как выход. Вашему здоровью ничего не грозит... Вы проведете внутри модели не более нескольких часов, а в реальном времени — меньше получаса...»

Я должна подумать».

Соседские дети гоняли мяч посреди пустынной дороги. Жена соседа время от времени требовала прекратить безобразие; вот мяч перелетел через Иренину калитку, — следом опасливо заглянул лохматый цуцульный пацаненок, Валька, старший соседский сын.

— Сидеть, Сэнсей, — сказала Ирена помрачневшему ису.

Валька осмелел. Перемахнул через забор, подобострастно улыбнулся Ирене и, уже выбравшись обратно, показал Сэнсею длинный издевательский язык:

— Бе-с-с...

Проехала, отчаянно сигналя на футболистов, чья-то незнакомая машина. Жена соседа выскочила на улицу и от угроз перешла к делу; мальчишки завопили.

Ирена поворошила угли.

Если бы она решилась иметь ребенка от этого сумасшедшего... Нет. То есть, конечно, малыш бегал бы и прыгал через заборы наравне с этими сорвиголовами,— но тогда бы она была связана с Кромаром чем-то, куда более весомым, нежели просто воспоминания...

Половину из которых хорошо бы навеки забыть.

«Ирена... Я не говорю о вознаграждении, которое назначит вам Комитет. Я просто взываю к вашему благородству... Вы ведь благородный человек. Кризис эксперимента повлечет за собой... к сожалению, пострадают совсем невинные люди. У нас есть последний шанс...»

«Я должна подумать».

«... И ведь какой толчок для творчества!.. Вы связаны подпиской о неразглашении... Но, творчески переработав... вы могли бы написать фантастический роман. Согласовав сюжет с Комитетом... у нас есть каналы для быстрого издания, распространения, популяризации... это был бы перелом вашей писательской карьеры... Не говоря уже о незабываемом впечатлении... Вообразите себе, что вам предложили бы слетать в космос. Неужели вы отказались бы?»

Она вернулась в дом. Легла на диван и натянула плед до самого подбородка.

Под столом бесформенной горкой лежала распечатка ее неоконченной повести. Написанной процентов на шестьдесят — и вдруг оказавшейся ненужной, неправильной, беспersпективной...

А чего, собственно, ей надо? Чтобы ее узнавали на улицах? Чтобы ее имя стало паролем? Чтобы отхватить хоть раз в жизни Серебряный Вулкан в номинации «повесть»?

Она поисками взглядела черепаху. Не нашла; устало заложила руки за голову.

Ей хочется, черт подери, иметь повод для гордости. И она желает, чтобы ее право на эту гордость признали...

Ирена поморщилась.

Вот уже недели две она не бралась за работу. И называла это «отдыхом»...

Зачем Анджею понадобилось отправлять ей ту открытку? Учитывая, что вот уже пять лет, как они умерли друг для друга?..

Вошел, открыв лапой незапертую дверь, молчаливый Сэнсей. Положил морду на край пледа, поднял на Ирену вопросительные глаза.

— Посмотрим, — сказала она шепотом. — Мне надо еще немножко подумать.

* * *

Экспертов было человек пять. Все лощеные, партитулярные, наперебой благоухающие одеколонами; всех по очереди представили Ирене, — но она, конечно же, ни одного имени не запомнила.

— Сверим часы...

Господин Петер нервничал и пытался скрыть свое волнение. Ирене было его немножечко жаль.

— Итак. Двенадцать тридцать четыре, мы находимся непосредственно перед входом в канал... В двенадцать сорок пять госпожа Хмель войдет в пространство модели. К сожалению, мы не сможем напрямую наблюдать за ее действиями... Однако госпожа Хмель прошла необходимый инструктаж и способна справиться со своей миссией совершенно самостоятельно...

Петер говорил и говорил, наблюдатели молча кивали.

— Аварийный выход не предусмотрен? — небрежно спросил самый нахуний из них, представлявший, кажется, какой-то секретный отдел президентской администрации. — К примеру, если контактерша не вернется через энное количество часов...

Господин Петер потер ладони:

— Господа... Мы обязаны предусмотреть все. Мы и предусмотрели все... что в наших силах. К сожалению, специфика работы с моделью... Однако, время! Госпожа Хмель...

Ирена посмотрела на круглый циферблат, установленный над железной мрачного вида дверью. Двенадцать сорок пять...

Господин Петер нервничал все сильнее. Угрюмый молодой человек в спецовке техника — но с физиономией опытного телохранителя — ловко отпер все навешенные на дверь замки.

Эксперты запереглядывались. За дверью начинался узкий грязный коридор, причем из глубины его ощущалось тянуло кошачьей мочой.

— Удачи, госпожа Хмель... Ваша новая книга будет иметь феноменальный успех!..

Ирена шагнула через высокий порог. Такое впечатление, что этажом выше сейчас разбранится визгливая соседка, а из-под ног с мяном шарахнется...

Полная темнота. И беззвучие.

ГЛАВА ВТОРАЯ

III

о широкому изгибу трассы ползли на встречу друг другу две машины — желтая и белая. С такого расстояния обе казались симпатичными игрушками; вот они разминулись, разъехались, не оглядываясь, в разные стороны...

Ирена поежилась. Ветер был сырьим и прохладным.

В стороне, под холмом, отрешенно бродили два десятка вислобрюхих коров. Ирена перевела взгляд; роща была почти сплошь желтой, посреди улицы гоняли мяч голосистые ребятишки, а из трубы Ирениного дома поднимался квелький дымок...

Она вздрогнула. Тряхнула головой.

«Моделятор должен находиться в непосредственной близости — таковы конструктивные особенности канала... Немедленно приступайте к поискам. Используйте все ваши знания о моделяторе,— вероятно, модель во многом носит отпечаток его личности...»

Справа и слева торчали из земли два толстых прута с навязанными на них красными лоскутками. Так на скользкую руку ограждают промоину на обочине или незакрытый канализационный люк...

Ирена шагнула вперед. Скрипнули под ногами камушки.

Оглянулась.

Теперь два пруга напомнили ей самодельные ворота для дворового футбола. Сомнительно, правда, чтобы соседские дети карабкались на вершину холма, решив сыграть тут пару матчей. Тем более что мяч здесь катится в одном направлении — вниз...

Она переступила с ноги на ногу, в который раз осматривая до боли знакомый пейзаж.

Что ж. Часть дела сделана, теперь надо подумать...

Дымок из трубы ее дома понемногу иссякал.

Старый тополь рос не справа от ворот, а слева. Обнаружив это, Ирена некоторое время стояла, не в силах сдвинуться с места.

«Пребывание в ткани модели совершенно безопасно для здоровья»...

Ветер пах осенью. Калитка скрипела уютно и привично; Ирена медленно провела рукой по доскам, убеждаясь, что это не голограмма и не иллюзия. «Ткань модели»?..

Нет, она обдумает все это потом... Когда сядет за компьютер и выведет белым по синему: глава первая...

— Сэнсей?

Движение в будке. Показалась одна лапа, другая...
Он ПРОСПАЛ ее появление?!

Радостный визг. Пес прыгнул ей навстречу — заспанный, странно маленький, со свалившейся шерстью, неухоженный...

— Сэнсей, это ты?!

Визг. Порядочные собаки, перешагнувшие порог совершеннолетия, обычно не позволяют себе подобных звуков.

Или он очень уж соскучился?

— Сэнсей, в доме посторонние?

Никакой реакции. Умилльные глаза.

Входная дверь была отперта. Более того — белые щепки на пороге и судорожно высунувшийся язычок замка свидетельствовали о том, что в дом вошли не вполне мирным путем...

Разумеется. У Анджея нет ключа, но, если он хочет пройти, — остановить его невозможно...

— Глазам не верю! — она встала посреди прихожей, скрестив на груди руки. — Ты же клялся, что никогда в жизни сюда не явишься!

Молчание. Непривычный запах — не то ощущается чужое присутствие, не то сам дом пахнет по-другому...

Ирена ревниво огляделась. Нет, все знакомо. Все, до последней черточки...

А вот этого пятна под дверью — это не было. Что он тут разлил? Чернила? Машинное масло?

— Анджея, — сказала она резко, — выходи.

Молчание.

Она распахнула дверь в гостиную; в камине дымился пепел. Кресла перед круглым столом были коричневые, а не синие; Ирена скжала зубы.

— Анджея!

Содержимое камина ее удивило. Какие-то обуглившиеся лохмотья...

На кухне она снова обнаружила следы чужого присутствия. Длительного, беспорядочного, совершенно неучтивого; Сэнсей бегал за ней, как хвостик, и в преданных глазах его не было ни капли раскаяния.

— Сэнсей, как же так?! Пришел чужой человек... как ты допустил?

Радостное повиливание хвостом.

— А где он сейчас? Где он?

Пес побежал ко входной двери. Ирена выскочила следом; соседские ребятишки все еще гоняли мяч перед воротами.

— Валька!

Она невольно вздрогнула. Подбежавший вихрастый панчененок был старше, чем она ожидала увидеть.

— Валька, где господин Анджей... где дядя, который тут был?

Мальчишка смотрел непонимающе.

— Полчаса назад. В доме. Был дядя. Вы с ребятами не видели, куда он ушел?

Валька невесть с чего застеснялся. Поворотил пыльноском видавшей виды кроссовки:

— Так ведь... тетя Ирена... Разве ж это были не вы?..

* * *

Они поженились скоропостижно и без всяких церемоний. Говоря обязательное «да», Ирена страшно переживала из-за туфель со сбитыми набойками: все случилось так внезапно, что она не успела навестить сапожника...

На другой день она привела молодого мужа в компанию собственных однокурсников. По такому случаю холл в общежитии был освобожден от мебели, а три двери, снятые с петель и уложенные на табуретки, образовали подобающий слухаю стол. Девчонки стряпали сутки напролет; Ирена надела некое подобие подвенечного платья, что до Анджея — он был в тот день особенно обаятелен. Ирена чувствовала себя немножко фокусником — будто везла напоказ однокурсникам праздничный фейерверк в коробке...

Еще в такси она взяла с него слово не упоминать о духовом оркестре под окнами Ивоники, — чтобы не травмировать бедного парня... Анджей был покладист, весел и шутил так, что даже таксист — Ирена видела — судорожно пытался запомнить его шутки, чтобы потом огорчить приятелей...

Приехали. Сели за стол. Ирена видела, какими глазами смотрят на Анджея ее однокурсницы,— предвкушая обещанного джина в бутылке...

Выпили за новобрачных — и с этого момента Анджея замолчал.

Он сидел рядом с молодой женой, во главе стола — и мрачнел на глазах. Смотрел в скатерть перед собой, отмахивался от тостов, бормотал, злобно щурился на бокал с шампанским. За столом понемногу установилась недоуменная тишина; Ирене казалось, что ее жарят на медленном огне. Белая блузка безжалостно оттенила пунцовую шею, пунцовые щеки, горящие уши; подруги принужденно шутили, завистницы демонстративно смотрели в потолок, а парни хмурились и все чаще выходили покурить...

Наконец, Анджея поморщился, как от кислятины. Встал с бокалом в руке; за столом воцарилось напряженное молчание. Анджея обвел присутствующих угрюмым взглядом — и спросил, нервно постукивая костяшками пальцев по краю стола:

— Кстати, а что вы думаете о смертной казни?..

С тех пор эта фраза стала на курсе паролем. Когда сказать было нечего, спрашивали, многозначительно переглядываясь: «А что вы думаете о смертной казни?..»

Ирена убежала с праздника раньше времени. Анджея догнал ее на улице, долго молча шел рядом и вдруг заговорил — странно. Сначала ей показалось, что он наизусть цитирует каких-то забытых поэтов,— но потом она поняла с суеверным ужасом, что муж ее попросту просит прощения и его уложенные в ритм признания есть не просто зарифмованный текст — пугающие в своем совершенстве стихи...

Он говорил весь вечер. Когда они пришли домой и легли в постель. Когда они... Впрочем, это было уже без слов. И наутро — а утро, как ни странно, все-таки

наступило — никто из них не смог вспомнить ни строчки. Как будто ничего не было; Ирена плакала со злости, и, утешая ее, он виновато пожимал плечами:

— Сиюминутное — не восстановимо...
— А что ты думаешь о смертной казни?! — спрашивала она сквозь раздраженные слезы.
Он пожимал плечами:
— Сейчас — ничего.

* * *

— ...Анджей!

Дом молчал, но Ирена и не ждала, что он ответит. Дом был пуст, ее зов звучал по инерции, для самоуспокоения...

Она прошлась по комнатам. Остановилась в кабинете, присела на край дивана, провела рукой по складкам пледа.

Достала из сумки записную книжку. Аккуратно написала под рисунком горящего замка: «В доме никого нет. Кресла не синие, а коричневые. Дверь открыли ломиком. Собака не злая... и неухоженная. Черепахи нет. В доме кто-то жил.»

Перечитала написанное. Поморщилась. Нет, за такое Серебряный Вулкан не дают...

...Время?

Прошло около часа с тех пор, как она увидела две машины, ползущие навстречу друг другу на широком изгибе трассы. И теперь, восстановив перед глазами эту картину, вдруг нахмурилась.

Она спрятала записную книжку, поднялась и направилась в гараж.

Машина была на месте. Грязная, с забрызганными глиной бортами, и это поразило Ирену даже больше, чем непривычная форма крыши.

Потому что ее привычная машина вдруг оказалась по-верблюжьи горбатой. Так же, как и те, желтая и белая, что она видела с холма...

Она постояла, переминаясь с ноги на ногу.

Потом достала записную книжку и дописала под горячим замком: «Машины не такие. И моя тоже. Она горбатая. И грязная.»

Прерывисто вздохнула. Посмотрела на часы.

— Анджей...

Там, откуда она пришла, прошло семь минут. Вероятно, эксперты многозначительно переглядываются, делая вид, что хоть толику понимают в происходящем. А господин Петер — тот трет ладони, сдирая с них белую кожу...

В принципе, она прямо сейчас может подняться на холм и пройти в те импровизированные ворота. Господин Петер будет в отчаянии; впрочем, материала на рассказ уже хватит. Или ее не устроит Серебряный Вулкан в номинации «рассказ»?

Она усмехнулась. Что, если эта сволочь, мастер по моделькам, сейчас наблюдает за ней — неким хитрым моделяторским способом?

— Анджей,— сказала она устало.— Ты меня утомил.

Календарь висел на обычном месте — в спальне; календарь открыт был на картинке «декабря».

Она опустилась на краешек кровати. Достала записную книжку,— но писать ничего не стала.

Какие будут варианты?

Господин Петер напичкал ее наркотиками, и теперь она живет внутри большой галлюцинации... Тогда все понятно. Только какого пса?..

Она раздраженно отбросила подушку. С обратной стороны наволочки обнаружилось продолговатое бурое пятнышко; Ирена брезгливо поморщилась.

Какого черта она дала втравить себя в это сомнительное предприятие? Тем более что в нем замешан Анджей...

А вот интересно... где-то она читала о методе, позволяющем отличить галлюцинацию от правды...

Она зевнула. Кровать почему-то не внушала ей доверия,— возможно, из-за пятна, которого на ЕЕ наволочке никогда не было. Придерживаясь за скрипучие перила, Ирена спустилась в кабинет, включила компьютер в надежде отыскать на диске собственное великое произведение,— но не нашла. Ничего из свежих вещей, даже неудачной неоконченной повести...

Она легла на диван, натянув плед до подбородка.

Слышно было, как в прихожей стучит хвостом Сэнсей.

Надо подумать. Немного времени... Связать. Осознать. Дайте мне подумать...

Модель. Это все — МОДЕЛЬ?!

Она потянулась к телефону. По памяти набрала номер долговязого профессора восточной литературы. Ожидая связи, усмехалась про себя. Надо же... Сейчас проверим...

— Ирена?! Вы уже вернулись, вот здорово!

Она села на диване, бездумно кутаясь в плед.

— Как я рад вас слышать! Ваши студенты вас ждут... В то время как Карателиница стоит на ушах, потому что триместр уже пять недель как начался... Ирена, как съездили?

— Хорошо,— сказала она удивленно.— Спасибо...

— Когда вас ждать? С вычертениями, с сувенирами? — голос профессора сделался игривым.

Ирена сглотнула:

— Собственно... а когда удобнее?

— Завтра, конечно, сразу же приходите в институт, не стоит давать Карапельнице лишнего повода... Возможно, лучше ей прямо сейчас позвонить...

— Да-да... — пробормотала Ирена по инерции. — Да... я тоже рада... вас слышать.

— Может быть, расскажете вкратце? — профессор заулыбался в трубку.

— Нет... извините, я очень устала... Завтра.

— Хорошо... Тогда до завтра. Всего хорошего...

— Всего... и вам... тоже... того же...

Она перевела дыхание.

Это уже интереснее. Это по-прежнему — МОДЕЛЬ?
Смоделированный профессор?

Она опять-таки по памяти набрала старый телефон Анджея. Вот поди ты, и забыть-то не удалось...

Никто не брал трубку. Ирена призадумалась — и вспомнила еще два телефона, по которым Анджея когда-то обретался.

Тот же результат. Длинные гудки.

Через несколько часов стемнеет. Да, стемнеет, потому что... как там говорил профессор? Триместр уже пять недель как начался? Октябрь...

Страх был ледяным и внезапным. Рубашка мгновенно прилипла к спине, — как она позволила себе втянуть... почему она просто не отказалась сразу же?! Теперь... это галлюцинация — или она «в ткани модели»? Над кем здесь проводят эксперимент?!

Из-под дивана выползла черепаха. Покосилась на Ирену бесмысленным блестящим глазом; Ирена автоматически включила настольную лампу, уложила черепаху на подушку...

Время начала эксперимента — декабрь. Правильно, и календарь в спальне говорит о том же... Эксперимент длится ТАМ месяц, а ЗДЕСЬ — десять. Все сходится...

А кто, спрашивается, все это время кормил Сэнсэя и черепаху?! Когда стемнеет, идти к воротцам на холме нет резона — можно с легкостью сломать шею. Значит, за оставшиеся несколько светлых часов просто необходимо отыскать Анджея... Почему он сбежал при ее приближении? Играет в кошки-мышки?!

Ирена прошлась по кабинету. Ты дома, говорили глаза, но все остальные чувства не особенно этому верили. Следовало бы пойти на кухню и открыть банку каких-нибудь консервов, — но мешала мысль об учиненном чужими руками беспорядке. О разбросанной утвари, о грязной посуде, о каких-то тряпках в углу...

Тряпки. Она почесала кончик носа.

...Содержимое камина в гостиной представляло собой груду пепла с непрогоревшими кусочками ткани. Что это была за ткань, и почему Анджея ее жег?

И был ли это Анджея?!

Она прокляла свою заторможенность. «Тетя Ирена, а разве это были не вы?»

В тот момент она решила, что маленький соседский Валька балуется, либо фантазирует, либо видел что-то не то...

Что он видел?! Что, если в этой... модели живет смоделированная Анджеем Ирена?..

Она перевела дыхание. Прошла в кухню; в дальнем углу имела место куча неопределенного назначения ложмарьев. Впрочем, у Иrenы не было охоты особенно их разглядывать...

Морщась от отвращения, она выгребла тряпки во двор и сбросила в мусорную яму. Пусть этот дом смоделирован, пусть он ненастоящий, — но допускать в свою кухню неаппетитный хлам Ирена не желала.

Посреди двора она остановилась, раздумчиво уставилась на тополь. Ладно, если допустить на минутку, что никакой МОДЕЛИ нету и господин Петер попросту ог-

лужил ее на десять месяцев и она только теперь пришла в себя... Если допустить, что это возможно,— тогда почему тополь растет не справа от ворот, а слева?!

Насколько МОДЕЛЬ реальна? Где ее границы? Профессор, например, существует? Или существует только его голос в телефонной трубке?

В задумчивости она вернулась в дом, подошла к телефону и набрала номер Карапельницы.

— Наконец-то, госпожа писательница, вы соизволили объявиться...

Из трубки, казалось, вытекали ледяные сквозняки. Карапельница даже не считала нужным язвить; равнодушная холодность в ее голосе предвещала самые большие из всех возможных неприятностей.

Ирена отстраненно выслушала пассаж о недобросовестности и безответственности и сообщение о том, что ее, госпожи Хмель, увольнение есть вопрос почти решенный. Интересно — сама ли Карапельница дышит сейчас в трубку, или презрительный голос ее моделируется на уровне электронных импульсов?..

— ...за версту не подпускать к педагогике. И это всё, госпожа Хмель, вам ясно?..

— Хотите, расскажу анекдот? — предложила Ирена задумчиво. — Прибегает студент в медпункт: скорее! Там госпожу Карапельницу укусила гадюка!.. А медсестра ему эдак флегматично: я этой гадюке уже ничем помочь не смогу...

Короткие гудки. Оказывается, в трубке вот уже минут пять никого нет,— она говорит в пустое пространство...

Ирена аккуратно положила трубку на рычаг.

Во время так называемого инструктажа она не раз и не два спрашивала у господина Петера: насколько МОДЕЛЬ реальна? И всякий раз получала один и тот же невразумительный ответ: не более, чем всякая модель... хотя,

гениальность господина Анджея заключается именно в том, что модель, как бы это сказать точнее... многофункциональна, внутренне непротиворечива и в некотором роде самодостаточна... Современное состояние науки, говорил, маясь, господин Петер, не позволяет полноценно работать с таким уровнем моделирования. Господин модельятор, возможно, сам не осознает... что этот колossalный успех равносителен сокрушительному поражению...

Закурлыкал телефон. Ирена машинально подняла трубку:

— Алло!

Молчание. Тишина.

— Алло, я слушаю!

Короткие гудки.

* * *

Было время — она как раз училась в аспирантуре, — когда Анджею вдруг наперебой стали звонить молоденькие девушки. И в комплекте с ними молоденькие ребята; Ирена несколько раз пошутила на эту тему, но Анджея шутки не понял. В тот период он вообще не понимал шуток; Ирена не знала, что ей делать — ревновать или насмехаться, или сделать вид, что ничего не происходит...

Потом эти девочки-мальчики разом объявились у супругов в доме — их было десять человек, Ирена оставила всякие попытки напоить гостей чаем и только удивленно наблюдала, как юнцы волнуются, будто перед экзаменом, медитируют по углам и передают друг другу какие-то скверно изданные брошюры...

Потом она ненадолго уединилась на кухне — и, вернувшись, застала среди гостей живописную свару. Двое парней удерживали третьего, но это не была обычная драка — рядом прыгала девчонка с веревочным хлыстом в руке, неожиданно хлестала кресло, орала, требуя от

парня каких-то признаний, выкрикивала непонятные вопросы; еще две девочки застыли по обе стороны двери, скимая пластмассовые пистолеты, а прочая комната забилась под стол и оттуда напряженно наблюдала за происходящим...

Анджей стоял, скрестив руки на груди, и казался довольным.

Сумасшедшее действие продолжалось часа три; наконец, юнцы и юницы выдохлись и, опять-таки отказавшись от чая, разошлись.

— Ты бы мог хоть раз смоделировать что-нибудь полезное? — спросила она, когда закрылась дверь за последним гостем.

Он поднял бровь:

— Что, например?

— Спокойную жизнь, — сказала она устало. — Хоть месяц. На море. В уединенном месте, в домике на берегу, и чтобы орали одни только чайки...

— Хм...

Он собрался и ушел, и она решила, что он обиделся. Но уже назавтра был поезд, а еще через день она потрясенно бродила по маленькому домику, проверяя ногой температуру морской воды и придирично изучала содержимое холодильника:

— Анджей... Видишь ли... Зачем же воспринимать все так прямолинейно?!

Он кидал в море камушки — и не замечал ее благодарной улыбки.

Думал о своем.

* * *

На журнальном столе она обнаружила декабрьскую газету. Просмотрела — и, потрясенная, едва не села на черепаху.

Газета «Вечерний город», знакомая до последней рамочки, спокойная консервативная газета показалась ей развернутым заключением судебно-медицинской экспертизы.

«Извлечено из колодца тело находилось в четвертой стадии разложения и носило на себе следы...»

«...Новые жертвы. Их приметы: мальчик около десяти лет, с признаками насильственной смерти, блондин, был одет...»

«Мы не должны отворачиваться. Ни брезгливость, ни страх, ни равнодушие... каждый, хоть раз преступивший проведенную обществом черту,— будет настигнут правосудием при активной помощи... Ты и твой сосед — никто не останется в стороне, и только тогда...»

И наконец:

«Вчера в Ратуше состоялось заседание городского совета. Рассматривались вопросы финансирования правоохранительных структур... новых источников пополнения городской казны... утвержден законопроект, согласно которому будет наложена целевая продажа осужденных — предприятиям и организациям для соответствующих целей, в том числе... расширены мотивационные списки к передаче приговоренных к смерти граждан в пользование гражданам с гемоглобиновой зависимостью... при условии соблюдения... рассмотрению в каждом отдельном случае».

Ирина отложила газету. Взяла снова, посмотрела на число, изучила состав редакции, прочитала адрес редакции и типографии, многочисленные технические данные...

Если модель носит на себе отпечаток личности моделятора, то что же случилось в Анджеес в последние перед экспериментом месяцы?..

Она спохватилась. Глянула на часы; скоро стемнеет.

Моделятор не появился, ее миссия на грани провала, и все сильнее болит голова...

Затяжал во дворе Сэнсей. Не залаял — именно затяжал, как распоследняя болонка...

Интересно, измененный характер Сэнсэя — тоже отпечаток неясных желаний ее бывшего мужа?!

Посреди двора соседский Валька пытался отобрать у Сэнсэя палку. Пес мотал головой, Валька азартно сопел; секунда — и палка полетела далеко в кусты, а за нею с тявканьем погнался довольный волкодав...

При виде Ирены Валька смущился. Сунул руки в карманы, принялся ковырять землю носком кроссовки.

— Валечка,— сказала она как можно спокойнее.— Скажи, пожалуйста... Вы газеты получаете?

Пацан кивнул.

— А ты не мог бы... принести мне на минутку какой-нибудь последний номер? Я только посмотрю...

Сэнсей в кустах орудовал палкой, как бульдозер ковшом.

— Я подожду,— сказала Ирена мягко.— Поиграю пока... с собачкой. Да?

Валька метнулся за калитку. Минут пять Ирена думала, что он не вернется,— но одновременно с визгом Валькиной сестры и звуком разбитой бутылки из соседского двора выскоцила маленькая вертлявая тень.

Вечерело. Ирена с трудом разбирала текст; газета была спортивная, но всю последнюю страницу занимали сообщения в плотных рамочках: приговоры, приговоры, приговоры...

— Спасибо, Валечка,— сказала Ирена каким-то не своим, противно-сладким голосом.— А скажи — ты в школу ходишь?

Валька кивнул.

— А Сэнсэя, когда меня не было, кто кормил?

Валька застенчиво улыбнулся.

— Ты?

Кивок.

— А кто в моем доме был, ты не видел? Тетя? Или дядя?

Пацаненок помрачнел. Принялся ковырять кроссовкой, провел в пыли перед собой неровную черту.

— И ты будешь жить в этом ненормальном мире?

— шепотом спросила Ирена, обращаясь не столько к мальчику, сколько к себе.— Моделька...

Валька быстро стрельнул глазами. Опустил голову.

— Ну, ты заходи как-нибудь,— деревянным голосом предложила Ирена.— Заходи... с собакой поиграешь... чаем угощу...

Валька кивнул, не поднимая глаз.

— Ну, беги...

Пацаненка словно ветром сдуло. Спортивная газета так и осталась у Ирены в руках.

Неудобно...

Она положила газету на лавочку перед соседскими воротами.

Анджей, Анджей...

Преодолевая внезапно навалившуюся усталость, Ирена переступила порог как бы своего дома. Побрела в как бы свой кабинет, опустилась на как бы знакомый диван...

Все, господин Петер. С меня хватит.

А нечего было заваривать всю эту кашу. «Возникают проблемы, в том числе этические... Модель многофункциональна, внутренне непротиворечива и в некотором роде самодостаточна...»

Без меня.

Ирена потянулась к телефону. В последний раз — наугад — набрала один из номеров господина Кромара; пусто. Возможно, он специально заманил ее в свой сумешедший мир — и теперь злорадно наблюдает?..

«К сожалению, господин Петер, выполнить ваше за-

дание не представляется возможным... Что, попробовать еще раз? Нет. Ни второй, ни третьей попытки не будет. У меня другая специальность... Я не секретный агент, я преподаю литературу. На новую повесть материалов мне достаточно,— а роман пишите сами, господин Петер, пишите в соавторстве с сумасшедшим Анджеем Кромаром, я даже готова уступить вам свой Серебряный Вулкан...»

Вечерело. Еще полчаса — и она не отыщет в темноте два прутика с навязанными на них красными тряпочками...

Сколько времени прошло ТАМ? Час? И эксперты все так же переглядываются, и все так же нёвничает господин Петер...

Она поднялась. Включила свет в прихожей, отыскала на вешалке свою старую спортивную куртку — на холмах сейчас холодно...

«Ни в коем случае не пытайтесь пронести обратно любые предметы из смоделированной среды...»

Куртку она потом выбросит.

Черепаху жалко. Прихватила бы с собой... А Сэнсэя не взяла бы в любом случае. Это совсем другой пес, чужой пес, ему и здесь неплохо...

Всё.

Ирена поправила на боку сумку и распахнула входную дверь.

Сразу несколько фонариков ударили лучами ей в лицо, ослепили, заставили споткнуться на пороге.

— Не сопротивляйтесь... Это полиция. Поднимите руки.

* * *

Так, ослепленную и растерянную, ее доставили в тесное помещение с жесткой койкой и остали на ночь.

Давая себя обыскать — непривычная, невероятная процедура,— она отрешенно думала, что сейчас все равно темно. И прутиков на вершине холма не отыскать без прожектора...

Сквозь зарешеченное окошко машины она мельком разглядела город. Совершенно привычный. Совершенно такой же, как ТАМ...

Она думала, что не заснет,— но стоило голове ее коснуться плоской подушки, как мир — и реальный, и смоделированный — перестал существовать. Обернулся сновидением.

В сновидении был Анджей, но был за гранью видимости. Спотыкаясь, злясь, все более запутываясь, она искала его и звала,— но, издаваясь, он ускользал, оставляя только недобрую память по себе, только запах, только колебание воздуха...

И в то же время он был. Постоянно. Рядом, только руку протяни.

* * *

Кабинет следователя был похож на тысячи других кабинетов.

— Госпожа Хмель, вы можете потребовать присутствия адвоката... У вас есть адвокат?

— Зачем? — спросила она после паузы.

— Потому что по закону вам полагается адвокат...— следователь, по-мальчишечки веснушчатый, не сводил с нее неприятного, сосущего взгляда.— Не знаю, кто бы взялся защищать вас, госпожа Хмель, но при наличии некоторого количества денег...

Он выжидалительно замолчал. Ирена пожала плечами:

— А зачем... в чем меня... собственно, обвиняют?

Миновало вот уже двадцать два часа, как она вошла «в ткань модели». НАСТОЯЩЕГО времени — два с не-

большим часа. Вероятно, эксперты пьют кофе, а господин Петер не знает, что и думать...

Следователь сдвинул брови:

— Скажите, пожалуйста, госпожа Хмель... Где вы провели последние десять месяцев? Примерно с десятого декабря?

Она молчала. Она сидит здесь и все глубже впутывается в этот бред, в то время как на холме ждет ее путь ДОМОЙ...

— Госпожа Хмель, вы вспомнили?

— В командировке,— сказала она глухо.— А в чем дело?

— Где? Видите ли, это очень важно... Кто отправил вас в командировку? Ведь институт не отправлял...

— Творческая командировка,— сказал она уже тверже.— Я писатель...

Следователь кисло поморщился:

— Я знаю... Кажется, даже что-то читал... да, интересно, впечатляет... И все же: где вы были? Кто вас там видел? Не сохранились ли у вас билеты, к примеру, на поезд? Визитки из гостиниц?

— А в чем дело? — тупо повторила Ирена.

Следователь вздохнул:

— Дело в том, что наш отдел ведет дело о серийном убийце. Дело в том, что в районе за последние два месяца убиты трое детей,— по всей видимости, одним человеком... По всей видимости, не из корыстных побуждений. И, вероятно, убийца — женщина.

— При чем тут я? — спросила Ирена после паузы.

Следователь посмотрел совсем уж мрачно. И положил перед ней на стол протокол, как выяснилось, обыска — обыска в ее доме.

В ее смоделированном Анджеем доме.

В подвале — топор со следами крови.

В камине — остатки сгоревшей одежды...

В мусорной яме — тоже одежда, с пятнами крови.

В машине — курточка, принадлежавшая мальчику, который был убит три дня назад... И его же правый ботинок.

Машина — это вообще особый случай. Кроме глины, налипшей на колеса, кроме пятен крови в багажнике, — еще и характерная вмятина, причем потерянные в столкновении частички эмали остались на месте преступления...

Ирена молчала.

— Госпожа Хмель, вы понимаете всю серьезность... всю доказательность обвинений?..

— У меня алиби, — сказал Ирена и поразилась, до чего удачно вспомнилось нужное слово. — Меня здесь не было... десять месяцев.

— ГДЕ вы были? КТО может подтвердить ваше алиби?

Ирена молчала.

— Соседи видели вас... Три дня назад вас видел соседский мальчик. Стоит ли отрицать?

Он смотрел на нее, болезненно морщась, и Ирена тоже посмотрела на себя его глазами и ужаснулась: а ведь он верит во всю эту муть... Перед ним сидит исчадие ада, женщина, хладнокровно убившая троих детей...

Ирена невольно поежилась. Взгляд следователя присосался плотнее:

— Вы разговаривали вчера с соседским ребенком? С Валентином Ельником, десяти лет?

— Да, — сказала она механически.

— Вы зазывали его в дом? Попить чаю?

Ирена молчала. Теперь она вообще перестала что-либо понимать; под сосущим взглядом ее мысли, традиционно неторопливые, перестали двигаться вообще. Оцепенели.

— ...Госпожа Хмель, вам лучше сознаться сразу. Для пользы дела, для меня и для вас.

— Я невиновна,— сказала она шепотом.

— Вы можете объяснить, где были три дня назад? Месяц назад? Полгода?

Ирена молчала.

Еще вчера... Нет, еще три часа — три ВНЕШНИХ часа назад — она вышла из дома... Из настоящего своего дома... Заперла ворота... Ее провожал Сэнсей — нормальный, строгий волкодав, без колтунов на брюхе и без замашек развеселого пуделя...

Какой черт тянул ее? ЗАЧЕМ она впуталась в...

Мысли еще немного поскрипели и остановились — будто ржавая карусель.

— Госпожа Хмель, ваше молчание не поможет — скорее усложнит... Повторю вопрос: где вы были на протяжении десяти месяцев, и кто может подтвердить, что вы действительно там были?

— Я невиновна,— сказала Ирена, и голос ее дрогнул. Следователь подался вперед, — вероятно, на своем веку он часто и помногу слыхал эту фразу и теперь ловил в глазах подследственной приметы беззастенчивого вранья:

— А как вы объясните все эти находки — в вашем доме и в вашей машине?

— Я невиновна... Кто-то другой.

— Кто-то другой жил в вашем доме и пользовался машиной?

— Да...

— Вы понимаете, что это звучит неубедительно?

Она понимала.

Она разглядывала собственные ладони, но перед глазами у нее стояли две вешки на холме — два прутика, вроде как самодельные футбольные ворота...

Интересно, если корова пройдет — господин Петер с экспертами получит в лаборатории корову? Нет...

Канал работает только на нее, на Ирену, именно так устроил этот мир господин моделятор — вольно или невольно...

— Я невиновна,— сказала она, не поднимая глаз.— Мое алиби... может подтвердить господин Анджей Кромар.

* * *

Она воспользовалась правом на телефонный звонок. Единственный.

И набрала номер Анджея.

Длинные гудки. Пять, десять, пятнадцать...

— Еще один, я не дозвонилась! — в отчаянии сообщила она следователю.

Тот нахмурился:

— Пробуйте... в течение минуты.

Она смотрела на телефон, перебирая в уме все известные ей номера; время уходило.

Она набрала номер долговязого профессора восточной литературы; занято. Короткие гудки...

Что за трагический балаган...

Она набрала телефон Карательницы — и почему-то сразу успокоилась. Происходящее внутри модели — не более чем игра, в реальной жизни она ни за что не додумалась бы до столь оригинального хода...

— Это госпожа Хмель,— сообщила она в ответ на равнодушное: «Алло». — Я звоню из полиции... меня подозревают в том, что я маньячка. Не могли бы вы объяснить этим людям, что я...

Она замнулась. И молчала секунд десять,— пока Карательница без единого слова не положила трубку на рычаг.

* * *

По счастью, в камере она была одна. И ей хватило времени для раздумий; она лежала на жесткой койке, натянув до подбородка серое казенное одеяло.

Анджей смоделировал все это... с целью, которая известна самому Анджею. Еще, возможно, господину Петеру, но Ирене почему-то слабо в это верилось. Анджей смоделировал... вот что означала открытка: «Ну, я пошел... Привет». Одна открытка — та, которую Ирена обнаружила в своем почтовом ящике. Другая...

Тоже открыточка. Напоминание.

«Внутрь модели ведет один лишь канал. По иронии судьбы... или по странному умыслу господина Анджея... или еще по какой причине,— но это ВАШ канал, Ирена. Никого, кроме вас, модель не впустит...»

Хорошо. Анджей оставил эту лазейку, зная, вероятно, что в критической ситуации господину Петеру ничего другого не останется, как запихнуть туда ничего не подозревающую Ирену... В то время как выход из ее персонального канала ведет прямиком в мышеловку. Дом, начиненный уликами, мир, начиненный правосудием... Это что, маленькая месть?!

Ирена села на койке.

Их с Анджеем расставание выглядело прилично и скромно. Без скандалов и без громких сцен; все, что говорится в таких случаях, было давно сказано. Она сама, первая, подала на развод; она понемногу освобождалась от ороговевших частичек бывшей любви — почти болезненно, обычная гигиеническая процедура...

Что до Анджея, то он был увлечен очередной идеей и, кажется, не сразу заметил, что жены рядом больше нет.

Впрочем, через месяц он явился к ней без спросу — напряженный и злой. Сунул ей в руки букет шипастых

рэз, повернулся и ушел, бросив через плечо, как проклятие: «Я буду тебя помнить»...

Лучше бы он забыл. Потому что если все, что случилось с ней, не ценность случайностей, а заранее спланированная расправа...

Вот ведь вопрос — неужели человек, с которым она прожила долгих семь лет, способен на такое?

Ответ — да, если этот человек Анджей Кромар.

Он на все способен.

Ирена устало закрыла глаза.

* * *

...На турбазу она ехала неохотно — но Анджею вдруг захотелось «настоящих гор». Ирена терпеть не могла гор, — может быть, поэтому они почти каждый день ругались, и исключительно по пустякам...

В то утро они повздорили особенно кренко. А уже через час оказалось, что маленький автобус, везущий туристскую группу к развалинам древней военной дороги, совсем не готов к тяготам горной трассы.

За перевалом отказали тормоза. А туристы, из которых половина была младше десяти, не сразу сообразили, в чем дело, — дорога летела навстречу все быстрее и быстрее, камни, стволы высоких деревьев, ухабы и кочки, и в большом зеркале — белые от ужаса глаза водителя...

Ирена не успела ничего понять толком — именно замедленная реакция сохранила ей нервы, удержав от мгновенной паники.

Они проскочили один за другим два улавливающих туника, — возможно, водитель просто не успел их заметить...

Крик. Дикий ор из двадцати глоток.

— Сидеть!!

Водитель вдруг оказался на полу в проходе,— Ирена запомнила его лицо. Резиновое, как у игрушечной рыбки.

Автобус несся, грохоча всеми своими железными, не созданными для гонок, потрохами; матери вцепились в детей, желая обволочь их живой броней, заключить в себя. Полет в никуда, полет, переходящий в падение...

Потом все кончилось. Автобус замедлил ход, задремал, остановился.

Ирена вцепилась в поручень. Место рядом с ней пустовало, и пустовало давно...

Анджей обернулся из водительского кресла.

Спинка кресла была разорвана, из прорехи свисал неопрятный клок ваты. Анджей молча захихикал его обратно, в оболочку из дерматина,— в то время как его левая рука все еще не решалась отпустить барабанку...

Последовали плач, истерический смех и всеобщее братание. Почти все сидения в салоне оказались мокрыми. Туристы целовались и плясали среди неописуемой красоты гор, в тишине, рядом с пойманным в тупик автобусом; два десятка людей водили хороводы вокруг своего спасителя, а двое сидели в стороне — водитель, по-прежнему серый лицом, и Ирена, до которой только сейчас ДОШЛО...

После этого происшествия они с Анжеем жили душа в душу — целую прекрасную неделю.

* * *

На другой день ей предъявили официальное обвинение.

— Я невиновна,— повторила она, как заклинание.
Ее не слушали.

Еще спустя полчаса она встретилась со следователем. Следователь был мрачен.

— Вы подумали об адвокате?

— Нет...

Молчание. Следователь перебирал бумаги — откровенно бессмысленно. Чего-то от нее ждал.

— Итак... госпожа Хмель. Когда вы в последний раз видели господина Анджея Кромара? Вашего бывшего мужа, который, по вашим словам, может подтвердить ваше алиби?

Вашего, вашим, ваше... Следователь делал на этих словах пеяное, двусмысленное ударение.

— Некоторое время назад,— сказал Ирена.— Я не помню точно...

Следователь уперся взглядом ей в лицо:

— Вынужден вас огорчить. Господин Анджей Кромар вот уже почти месяц как мертв — несчастный случай, автокатастрофа...

Она молчала.

За спиной следователя, в узком окне, голубел лоскуток осеннего неба.

— Госпожа Хмель, я предполагаю, что, апеллируя к господину Кромару как к свидетелю вашего алиби, вы знали о его смерти... Вы хотите запутать следствие таким бесхитростным приемом? Стоит ли?

— Этого не может быть,— сказала она медленно.

Следователь поморщился:

— Госпожа Хмель...

— Этого не может быть! Еще позавчера он был... я слышала...

Она прикусила язык. По здешнему времени это было с месяц назад... С месяц!

Размеренный пульс Анджея в динамиках.

— Автокатастрофа?!

Нет, надо подумать.

Она согнулась над столом. Скрючилась, пряча от следователя свое лицо.

— Госпожа Хмель, мне жаль, если вы действительно не знали... Возможно, я допустил бес tactность... Но, может быть, есть еще кто-нибудь, кто может подтвердить ваше алиби?

Она молчала.

На канцелярский стол капали, вопреки ее воле, тяжелые беспомощные слезы.

* * *

Вечером ее вызвали из камеры, но не на допрос. В маленькой комнатушке обнаружился долговязый профессор восточной литературы.

— Иrena, наконец-то!.. Вы плохо выглядите... Нет, не падайте духом. Это уж-жасное недоразумение будет разрешено в течение нескольких дней... Да, да. Воспринимайте все это как набор материала для новой повести...

Она криво улыбнулась.

— Вся кафедра... да что там, весь институт... убеждены в вашей невиновности. Решается вопрос об адвокате...

Он вдруг прервал свой жизнеутверждающий стрекот. Кашлянул, оглянулся на молчаливого следователя, подался вперед:

— Иrena... видите ли... Поскольку дело все-таки серьезное... Попробуем пригласить Упыря? Это дорого... но, в конце концов, если он возьмется... дело можно считать решенным. Я понимаю, предубеждения, возможно, суеверия... но лучшего адвоката на сегодня нет. Это было бы... понимаете?

— Спасибо,— сказала Иrena с тяжелым вздохом.— Приглашайте, кого хотите.

Возможно, профессор удивился,— но скрыл удивление за радостной ухмылкой:

— Вот и ладненько... За собаку не беспокойтесь — ее забрала Карательница. Вместе с черепахой.

Ирена помолчала. Почесала переносицу:

— «Я уже этой собаке ничем помочь не могу»...

— Нет, нет! — профессор заулыбался.— Видите ли... перед лицом несправедливости кафедра сплотилась, как никогда. А Карательница... она, оказывается, любит животных. И она уже вымыла вашего Сэнсэя шампунем от блох...

Профессор нахмурился. Вероятно, вспомнил, что во время десятимесячного предполагаемого вояжа Иренина собака была, практически, брошена на произвол соседей.

Стыдно...

Ирена опустила голову:

— Передавайте ей мою благодарность...

Посмотрела бы она на Карательницу, скребущую пыткой того, НАСТОЯЩЕГО Сэнсэя. Она хотела бы на это посмотреть.

* * *

...Может ли моделятор погибнуть внутри модели, будто червяк в яблоке? Вероятно, может. Но может ли в таком случае модель продолжать свое существование, как ни в чем не бывало?

Ирена лежала на койке, до подбородка натянув сирое одеяло. Перед сном ей пришло в голову перечитать бездарные строчки в собственной записной книжке — и, скорбно покачав головой, она уверилась, что новой повести не будет.

Прошло, по ее подсчетам, около шестидесяти часов со времени ее входа в модель. Значит, эксперты утомились и ужинают. Значит, господин Петер продумывает аварийные варианты...

Сворачивайте, господин Петер, думала она, ворочаясь на койке. Сворачивайте к черту эту аурацкую МОДЕЛЬ. Потому что, если Анджей действительно... если его нет,— то и моя миссия не имеет смысла. А если...

Она закусила губу. Зачем следователю вратить ей? Не-зачем... А зачем Анджею притворяться мертвым?

А зачем?..

Разве можно знать заранее, что взбредет на ум Анджею?

...Однажды — на пикнике, на пляже — он пронырнул под водой в заросли камыша и оттуда наблюдал, как вся компания во главе с Иреной ищет его, понемногу трезвея, а потом впадая в истерику, как они зовут, мечутся, прощупывают шестами дно...

Ирена помнила, как белый песок перед глазами становится черным. Что это такое — черный песок...

Вероятно, он хотел пошутить. Он хотел спрятаться всего лишь на минутку — но там, в камышах, его посетила очередная гениальная идея, и он немножко забыл и о времени, и о друзьях, и о жене...

Так чего можно ждать от такого человека?!

Ирена вздохнула сквозь зубы и натянула на голову казенное одеяло.

* * *

Следователь показал ей фотографии с места преступлений. Она глянула мельком — и в ужасе отвернулась:

— Нет... я не могу на такое смотреть.

Следователь скептически поджал губы:

— Вы действительно столь чувствительны?

— Вы меня не заставите смотреть на это, — повторила она, чувствуя, как немеют пальцы от отлива крови. — Это...

Она замолчала.

Что же ты сляпал, чудовище?! Не оправдывайся, что, мол, в нашем «внешнем», настоящем мире и не такое бывает... Ты слепил МОДЕЛЬ — ты отвечаешь за это... за эти фотографии тоже...

Ирена подняла глаза к белому потолку. Как будто ожидая встретить насмешливый взгляд бывшего мужа.

— Я невиновна,— повторила она через силу. В сотый, наверное, раз.

Следователь смотрел внимательно, и впервые за все время их знакомства его взгляд не был сосущим. Тяжелым — да, но на дне глаз появился... вопрос, что ли. Как будто он допустил вдруг в свое сознание крамольную мысль: а что, если она не врет?...

* * *

Ее ввели в маленькую комнатку, где вчера поджидал ее профессор восточной литературы; она обрадовалась, было, новой встрече,— но оказалось, что в кожаном кресле сидит теперь совсем другой человек.

Охранник проводил ее — и вышел. Ирена изумленно оглянулась — за прошедшие несколько дней она почти привыкла, что наедине ее оставляют только со следователем...

— Добрый день, госпожа Хмель... Присядьте, пожалуйста.

Она опустилась в кресло напротив. Человек молча разглядывал ее,— не считая нужным прятать изучающий взгляд за подобие вежливого разговора.

Ему было лет сорок. Очень гладкая кожа, очень жесткие блестящие волосы, очень чисто выбритые щеки. Свежий, отдохнувший господин. Как после лыжного курорта...

И в то же время в нем было что-то от Анджея. Любопытство исследователя. Бескорыстная любознатель-

ность, обаяние прозектора. Искренняя симпатия к препарируемому существу.

Они молчали минут пять.

— Меня зовут Ян Семироль. Возможно, вам приходилось слышать мою рабочую кличку — Упырь. Я адвокат... Ваши коллеги, среди которых есть известные иуважаемые люди, попросили меня взяться за вашу защиту.

Ирена молчала. Ухоженный и красивый господин Семироль внушал ей безотчетную тревогу. Понемногу переходящую в страх.

— Мои услуги дорого стоят,— адвокат усмехнулся.— Кроме того, прежде чем браться за дело, я должен ознакомиться и с материалами, и с обвиняемым... Ваши материалы я видел. Теперь хочу с вами поговорить.

Ирена опустила голову:

— Я невиновна.

— Должен вас огорчить. Огромное множество обвиняемых говорят то же самое... Итак. Вы отсутствовали десять месяцев. Почему вы не хотите сказать, где вы были?

Ирена помолчала.

За долгие часы, проведенные в камере, она успела придумать несколько вариантов ответа на этот вопрос. Самый простой был — сослаться на амнезию, потерю памяти, ведь, если верить телесериалам, около половины взрослого населения любой страны теряют память хоть раз в жизни...

Но, во-первых, какому-нибудь медику наверняка удастся поймать ее на вранье. А во вторых... эта версия как бы лишила Ирену права голоса. «Я никого не убивала» — «Откуда вы знаете? Вы ведь потеряли память!»

Она поежилась. Ей невыносима была сама мысль, что кто-то — пусть даже этот вот адвокат — считает ее способной на ТАКОЕ... Более того, реально ЭТО совершившей...

Время шло. Адвокат ждал ответа.

— Это моя личная... тайна,— сказала Ирена глухо.— Я... не могу ответить на этот вопрос.

Адвокат кивнул — как будто немотивированное упраимство подследственной доставило ему удовольствие:

— Ладно... Вы часто моете руки?

Она молчала, сбитая с толку.

— Ну, после того, как прикоснетесь, скажем, к дверной ручке... есть желание вымыть руки с мылом?

— Иногда есть. Иногда нет... Если ручка не грязная...

— Почему у вас нет детей?

Она содрогнулась. Адвокат смотрел ей прямо в глаза — ровно и безмятежно. И требовательно.

— У меня еще будут,— сказала она, отворачиваясь.— Мне только чуть за тридцать...

— А почему вы не обзавелись потомством раньше?

Ирена знала, что через полчаса после окончания разговора ей придет на ум остроумная отповедь наглецу. И знала, что сейчас нечего и пытаться — ничего путного она из себя не выдаст...

— Ладно,— адвокат снова кивнул, как будто ее молчание послужило для него ответом.— Расскажите мне теперь, как вы со своей стороны представляете случившееся с вами. Вы ведь не признаете вины — какое-то оправдание случившемуся у вас есть? Вас оговорили? Подстроили? Враги? Недоброжелатели?

— Я не знаю,— сказала Ирена устало.— В моем доме кто-то был... перед моим приходом... жег тряпки в камине... я думала, что это мой бывший муж...

— А соседский мальчик видел вас. Вернее, он видел тетю, похожую на вас...

— Пока вы со мной разговариваете,— сказала Ирена устало,— настоящая маньячка ходит вокруг этого дома... И каждую минуту может кого-то убить.

— Это было бы вам на руку,— серьезно сообщил адвокат.— Если бы убийство из этой же серии повторилось, пока вы за решеткой,— это был бы весомый аргумент в вашу пользу...

Ирене захотелось ударить его по лицу.

Потому что вспомнился вихрастый Валька — как он заглядывает за забор... опасливо косясь на Сэнсэя...

И эти фотографии — те, что показывал ей следователь...

Она молчала. Она ни разу в жизни так никого и не ударила. Разве что Анджея — после того случая на пляже...

— Скажите, госпожа Хмель... Вы испытывали сексуальное наслаждение при интимном общении с вашим супругом?

Ирена молчала, разглядывая свои ладони. Надо же — а так, на вид, вполне благопристойная линия судьбы...

— Мне надо подумать,— сказала она угрюмо.

Даже видавший виды адвокат, кажется, удивился:

— Да? А мне казалось, что эта информация давным-давно обработана... Впрочем, извините.

Он задал еще несколько вопросов,— Ирена отвечала односложно, всячески уверачиваясь от изучающего взгляда. Усталость пригибалась к земле. Невыносимая усталость.

Наконец Семироль замолчал. Странным движением коснулся рта,— как будто утирая с губ остатки кефира. Задумался, вперился в собеседницу раздумчивым взглядом,— словно пинголь, мучительно размышляющий, какой галстук надеть на сегодняшний раут. Нелегкий выбор...

В какую-то секунду Ирена опустила себя грузиком на чаше весов,— а что находится на другой чаше, знает только господин препаратор. И выжидает, пока плечики весов перестанут колебаться...

— Хорошо, госпожа Хмель... Вернее, хорошего, надо сказать, мало... Я не могу взяться за вашу защиту. Ваши друзья будут огорчены.

Она так удивилась, что даже заглянула ему прямо в глаза:

— Вы думаете... Вы не верите в мою невиновность?!

— Я профессионал,— господин Семироль ясно улыбнулся.— При чем тут «веришь — не веришь»... У меня совсем другие критерии.

— Но ведь...— начала Ирена шепотом.— Я действительно... я могу быть с вами откровеннее... Да, я испытывала сексуальное удовольствие... и хотела ребенка, но Анджея...

Семироль смотрел на нее, печально покачивая головой:

— Не надо. Я узнал все, что хотел. Ваша откровенность либо неоткровенность тут ни при чем... Увы. Прощайте.

* * *

Следователь не смотрел на нее. И говорил сухо, равнодушно; несмотря на ее запирательства, дело движется к развязке. Общественность требует наказания убийцы, все журналисты города — на ногах; к сожалению — из-за недобросовестности некоторых сотрудников — фотографии из материалов следствия стали достоянием прессы...

Она молчала. Вероятно, отказ господина Семироля от ее защиты равнозначен был обвиняющему персту: виновна! Ирена ничего не могла понять: она всю жизнь считала, что чем лучше адвокат, тем сложнее дела, за которые он берется...

Вероятно, профессор пасхальной литературы потрясен не меньше. А Карапасиница... что ж, всякий раз,

ставя миску перед приемышем-Сэнсеем, она будет говорить что-то вроде: «Собака за хозяйку не в ответе»...

— Поразительно,— сказала она вслух.— Неужели я так похожа на маньячку?

Следователь взглянул на нее мельком. Отвернулся:

— Вы неоткровенны со следствием. Вы сами отягочдаете свое положение...

— Мне дадут адвоката? — спросила она, еле слышно.

Следователь поморщился:

— Безусловно... Но, поскольку Упырь отказался вас защищать, а после его отказа ни один частный юрист за дело не возьмется... На суде вас будет защищать наш штатный адвокат, у которого нет другого выхода — это его работа... Послушайте, но почему же вам не сознаться?!

— Потому что я невиновна...

Он посмотрел на нее внимательнее. Она не отвела взгляда:

— Вот вы... верите? Что я сделала то, в чем меня обвиняют? Действительно верите?

Он пожевал губами. Симпатичный, в общем-то, веснушчатый парень. Мог бы встретиться сей на улице или в кафе — и тогда они весело раскланялись бы, поговорили о погоде, может быть, она подвезла бы его до угла...

— Вы не похожи на убийцу,— сказал он нехотя.— Хотя все факты против вас.

— Не похожа?

— Нет.

Ирена вздохнула.

Решение пришло к ней сегодня ночью. Она поднялась с койки — и больше уже не могла уснуть. Ходила по камере взад-вперед, — под утро в глазок заглянул удивленный сторож...

Единственно правильное решение. Но все равно — трудно выговорить.

— Я... сознаюсь,— сказала она через силу.— Я сознаюсь и хочу показать место, где лежит еще одна жертва...

Следователь поперхнулся. Несколько секунд она глядела в его стремительно стекленеющие глаза.

Ему трудно было сдерживать эмоции. Но он справился.

* * *

Уже через полчаса Ирена могла наслаждаться видом несущихся навстречу тополей.

Они ехали к ее дому. Окошко в машине было маленькое и зарешеченное, но Ирена все равно узнавала знакомые места — кофейню под красной крышей... Плавный изгиб трассы, пропасть, из которой утром поднимается туман...

Они остановились около ее ворот. Соседский забор едва не обваливался под грузом Вальки с братьями. И почему они не в школе?..

Она вдохнула ветер с запахом падых листьев. После долгого сидения в запертом помещении он казался райски свежим,— а ведь, если задуматься, всего лишь противный сырой сквозняк...

— Там,— она показала рукой,— на холме. Я поведу.

Они сопровождали ее плотной толпой. Думали, что она убежит?..

Время от времени она ловила взгляды. И ежилась сильнее, чем от ветра. Ничего... ничего... скоро все это кончится...

Наверное, им противна была ее бодрость. Она так радостно и энергично взбирается в гору,— чтобы поскорее показать безвестную могилу убитого ею ребенка?!

Она остановилась на вершине холма. Лихорадочно огляделась.

Вялая трава усеяна была коровыми лепешками. Вот! Из земли торчал прутик с тряпичкой, потемневшей от дождей. А рядом...

Рядом лежал другой. Переломанный. Вероятно, вислобрюхая буренка не больно-то считалась с условностями...

Она удержала себя. Если кинуться сразу — возникнут подозрения, ее схватят, шагу не дадут ступить...

Осторожненько, по маленькому шажочку, она приближалась к порушенным воротцам.

По миллиметру... Сейчас...

Господин Петер!! Вот я...

Она зажмурилась.

Ничего не произошло. Ветер по-прежнему пах листвой и навозом. И рядом стояли, курили, переглядывались ее мрачные сопровождающие.

Она заставила себя открыть глаза. Огляделась; все правильно. С этого самого места она впервые увидела две машины, ползущие навстречу друг другу...

«Канал открыт в любое время. Воспользоваться им можете только вы. При незначительном отклонении канал сам отыщет вас — отклонение не должно быть больше метра...»

Она потрогала уцелевший прутик.

— Это неправильно...

— Здесь? — холодно спросил следователь. — Здесь копать?

— Это неправильно, — сказал Ирена, глядя прямо в его сосущие глаза. — Это неправильный мир... Его нет. Это модель. Вы все — модель. Вас придумал Анджей!..

Соседские ребятишки с интересом смотрели, как ее, скованную наручниками, выкрикивающую бессмысленные фразы, ведут к машине.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

П

сихиатрическая экспертиза признала ее вменяемой. Медицинская комиссия признала ее здоровой.

Ирена приложила все усилия, чтобы поскорее забыть подробности и первой, и второй. Вы — МОДЕЛЬ, с улыбкой говорила она врачам и санитарам. Ничего не могу с этим поделать. Вам обидно, но это так: вы — лишь тени других людей. Вы — представление Анджея о том, какими должны быть люди... Не обескусьте.

Ее сочли симулянткой.

Назначен был день суда; Ирена наслаждалась временным покоем. Ее не тревожили ни врачи, ни адвокаты, ни следователь. Натянув до подбородка серое казенное одеяло, она перечитывала записи в записной книжке и даже сподобилась на новую: «Весь мир есть тень...»

Фраза поразила ее своей оригинальностью.

Думать о том, почему не сработал канал, скоро наснуило. Не сработал — и не сработал. Дело житейское. Возможно, нечто подобное случилось с Анджеем. Он попал под каток собственной выдумки — не смог остановить им же запущенный волчок...

Думать о том, мертв Анджея или имитировал собственную смерть, она избегала. Так или иначе скоро все разъяснится. То, что Ирену ждет смертный приговор, ни у кого не вызывало сомнений; она, в свою очередь, не сомневалась, что Анджея, если он жив, никогда не допустит такого расклада. Если моделятор жив,— то только затем, чтобы наблюдать за пойманной в ловушку Иреной. Если это изощренная месть — за что?! — то всего, что уже случилось с ней, достаточно для удовлетворения самого больного самолюбия. И до созерцания ее казни Анджея вряд ли дойдет. Хотя, опять же, кто его знает...

Вероятность того, что Анджея действительно мертв, Ирена в расчет не брала.

Зал суда хранил следы былого величия. С потолка слепо глядели облезлые барельефы. За длинным столом сидели люди в темных одеждах, за чьими-то затылками возвышались высокие спинки кресел,— Ирена подумала, что это по-своему красиво. Лет сто назад, наверное, бархат на подлокотниках выглядел совсем свежим...

В зале было полным-полно народу. Отдельно сидели родственники погибших детей,— в их сторону Ирена с самого начала решила не смотреть. Там была ее мертвая зона; очень скоро она начала ощущать ее, будто больной клочок собственного тела. Онемевший и воспаленный. Ее взгляд притягивался к этим неподвижным людям, но ужас посмотреть им в глаза был сильнее.

По всему залу рассыпались репортеры. Ирена болезненно щурилась от вспышек; репортеры представлялись ей иголками, снующими сквозь тишину и ропот, тянувшими за собой нитку предстоящих сенсационных материалов...

То ли в зале недоставало света, то ли перед глазами у Иrenы стоял полумрак,— но необыкновенно трудно было различать лица. А она высматривала, упорно высматривала, преодолевая резь в глазах,— высматривала...

Кого?

Анджея Кромара. Кого же еще?..

Среди свидетелей были как совсем незнакомые люди, так и собственные Иренины соседи. Мальчику Вальке пришлось подставить под ноги скамеечку — иначе его голова не поднималась над трибуной для свидетелей.

— Я видел тетю...

— Это была госпожа Хмель?

Мальчик застенчиво улыбнулся.

Иренин адвокат неохотно поднял руку:

— Вопрос... Свидетель Валентин Ельник УВЕРЕН, что в тот день на глаза ему попалась именно его соседка, а не другая женщина, проживавшая в том же доме?

А ведь вопрос с двойником мы так и не продумали, мысленно обеспокоилась Ирена. За время, проведенное в беседах с собой, она привыкла считать себя эдаким ходячим консилиумом. «Мы продумали», «мы решили»...

— Свидетелю Валентину Ельнику десять лет, — сухо заметил судья. — Его показания могут быть приняты к сведению, — однако полностью полагаться на них...

— А может, и другая тетя, — легко согласился Валька. — Темно было...

По залу пронесся ропот. Иренин адвокат вздохнул — ему понерек горла встал весь этот процесс. Как строить запиту, если подзапитная с идиотским упрямством отказывается давать простейшие сведения — о месте своей «командировки»?! Процесс был изначально проигран. Адвокат маялся: удар по карьере. На него сознательно сбросили бесперспективную, грязную работу, от которой отказался даже Унырь...

Ирена закусила губу.

Посреди наполненного зала имелось лысое пятно. В центре пятна сидел, закинув ногу на ногу, холеный господин Семироль.

И никто не садился рядом с ним. Два кресла справа были пусты, и два кресла слева были пусты, и перед ним, и за его спиной... В то время как в проходе скрипели приставными стульями, переминались с ноги ногу те, кому не хватило места...

Ирена жалостливо взглянула на своего адвоката.

Нельзя так демонстративно расписываться в собственном бессилии. Как ассенизатор, вздернувший подбородок среди кучи дерьма: вы хотели видеть, как я вспотею, занимаясь ЭТИМ?! Дудки, я даже и не попытаюсь!..

И все-таки. Почему оказаться рядом с Яном Семиролем не решаются даже ко всему привычные репортеры?..

В дальнем углу зала сидела ее кафедра в полном составе. Во главе с Карателницей. Ирена по-прежнему плохо видела лица, — но чувствовала взгляды...

Ближе к концу слушания ее коллеги стали по одному подниматься и уходить. И это поразило ее больше, чем ненавидящие лица осиротевших родственников. Чем равнодущие адвоката. Чем напор молодого, агрессивного прокурора.

Больше, чем напряженная пустота вокруг Семироля.

Они не настоящие, говорила она себе. Те, настоящие, остались во внешнем мире... И они никогда бы не поверили, что я...

Последним ушел профессор восточной литературы. Бледный, потерянный, — впрочем, Ирена с трудом различала его поверх множества голов...

Объявили перерыв до завтра.

Ирену увiedли из ее клетки в тесную комнатку с голыми стенами и плюшевым диваном, и рядом оказался потный и злой адвокат, и тогда она бесхитростно спросила у него: почему рядом с Семиролем никто не садится?..

Адвокат задумался. И кисло сказал, что подаст протест.

Ирене стало смешно. Что же, к чистенькому господину, по кличке Унырь, в судебном порядке будут подсаживать соседей?..

Ночь она провела, глядя в потолок.

А назавтра адвокат действительно начал с протеста:

— Защита требует удалить из зала господина Семироля, поскольку он присутствует здесь не из профессионального, а из совсем другого, корыстного и антигуманного интереса... Своим присутствием господин Семироль оказывает моральное давление на суд и угнетающе действует на обвиняемую!

— Он еще и не так подействует,— довольно громко сказала женщина в темном платке, возможно, мать одного из погибших мальчиков. В зале зароптали.

— Протест отклонен,— нервно сообщил судья.— Служение открытое, и нет такого закона, по которому господин Семироль не имеет права присутствовать на нем, подобно любому гражданину... В противном случае речь идет о дискриминации...

Судья осекся и пожевал губами, как бы сожалея о сказанном. Закончил тоном ниже:

— ...Дискриминации по... биологическому признаку.

В зале сделалось тихо.

— Богатый вампир упырем не считается,— насмешливо сказали в этой тишине. Свободное пространство вокруг господина Семироля увеличилось еще на несколько стульев,— он, впрочем, и ухом не повел.

«Богатый вампир упырем не считается»...

Иrena все еще переживала отступничество родной кафедры. Именно отступничество — потому что поверить в данном случае означает предать... «Богатый вампир упырем не считается». Что-то ей напомнила эта фраза... Что-то, давно читанное...

— И, наконец, признание самой обвиняемой, от которого она впоследствии отказалась...

Ропот в зале.

— Отказавшись признать собственную вину... отягчив тем самым...

Она перестала слушать.

Потому что все устали и хотят есть. Потому что, несмотря на всю сенсационность дела, откладывать слушание на завтра, скорее всего, не станут — слишком все ясно... Слишком хочется финала, результа...

Что ж. Теперь она со знанием дела сможет писать детективы. Издатель останется доволен...

Она криво улыбнулась. Забыла позвонить литагенту. Может быть, внутри МОДЕЛИ у издателей другие запросы?

Вряд ли...

Она встретилась со взглядом господина Семироля.

И невольно содрогнулась.

Он больше не походил на Анджея. Он... Почему он так смотрит?!

Будто бы ощутив ее внезапный страх, Семироль отвел глаза.

«Богатый вампир упырем не считается».

Преуспевающий адвокат по кличке Упырь.

«...присутствует здесь не из профессионального, а из совсем другого, корыстного и антигуманного интереса...»

Об этом надо подумать. Об этом определенно надо подумать...

— Подсудимая Хмель! Ваше последнее слово!

Она поднялась раньше, чем сообразила, чего от нее хотят. И с минутуостояла столбом в напряженной тишине.

Собственно, о чём ей говорить?

«Ваш мир — МОДЕЛЬ»?

«Все вы — плод фантазии моего сумасшедшего мужа»?

«Я человек из другого мира, как вы можете меня судить»?

Она глубоко вздохнула — и посмотрела в тот угол зала, где сидели родственники жертвы.

Ее передернуло, но она нашла в себе силы заговорить:

— Я...

Окаменевшие лица. Ненавидящие глаза. И как некстати — воспоминание о тех фотографиях, что подсовывал ей следователь, тех жутких фотографиях...

— Я невиновна... Это не я! Честное слово!..

Ее голос утонул в возмущенном гуле толпы.

Только родственники молчали и смотрели.

Поверят?

Нет.

* * *

Ее приговорили к смерти. В мире, смоделиированном правдолюбцем Анджеем, это оказалось в порядке вещей. Женщина? Ну и что? Убийца, серийная убийца, которую признали вменяемой...

Ее перевели в специальную камеру и выдали специальную одежду. Ей не было страшно — ее мучило только, удивленное отвращение.

Интересно, как далеко все это может зайти?

Никогда в жизни, ни за какие коврижки, она не согласилась бы писать тюремно-судебные хроники. Как бы ни усердствовал литагент...

Ей предложили просить о помиловании.

— Кого просить-то? — спросила она удивленно. — Вас нет... вы тени... вы МОДЕЛЬ, ясно вам?

Ее оставили в покое. Несколько дней она провела в тупом оцепенении, а потом спохватилась и потребовала правды о своей судьбе: когда?!

Ей ответили уклончиво.

Она попросила принести ей газет за последнюю неделю — и, получив целый ворох разнообразной прессы, ощутила новый шок.

Все газеты — от «Вечернего города» и до мельчайшей бульварной газетенки — посвятили ее делу хоть строчку, хоть врезку. Она узнавала себя на фотографиях — на одних — сразу же, на других — с трудом. То ли искусство фотографа имело значение, то ли момент, в который сработала камера, — но казалось, что в одной и той же клетке последовательно сидело несколько разных женщин: одна — демонически красивая, с оскаленными мелкими зубами, другая — с одутловатым лицом маньячки, третья — сонная, четвертая — заплаканная...

Ирена достала расческу — пластмассовую, с вялыми зубьями. Все, что имело твердые или острые грани — в том числе зеркальце, — у нее изъяли еще в ходе психиатрической экспертизы...

Она расчесалась, глядя на собственную тень. Помаскировала щеки. Аккуратно расправила брови. В конце концов, если Анджей наблюдает за ней...

Что за бред. Анджей не бесплотный дух, он не умеет перевоплощаться в других людей, он мертвый, в конце концов... Речь идет о МОДЕЛИ реального мира, а вовсе не о фантастическом романе... Блестящими перспективами которого соблазнял ее когда-то господин Петер...

Самые смелые газеты поместили рядом с ее фотографией украденные у следствия снимки с мест преступлений. Самые умные — прижизненные фотографии погибших мальчиков. В обоих случаях эффект получился убийственный.

Ирена взяла себя за волосы, разрушая свежесозданную прическу. Идиоты! Маньячка-то на свободе... Как там говорил господин Упырь — «вам было бы на руку, чтобы убийства возобновились»...

Маньячка, если у нее есть в голове хоть капля ума, дождется Ирениной казни. И только потом...

— Какая ты сволочь,— сказала Ирена, обращаясь к невидимому Анджею.

Среди газет не было единодушия. Кое-кто из репортеров усомнился, что женщина, сидевшая за решеткой в зале суда, действительно могла совершить все перечисленные преступления. Впрочем, даже сомнение это было сделанное, искусственное, призванное оттенить заметку и подчеркнуть индивидуальность ее автора...

А потом ее глаз остановился на небольшой, скромной врезке во все той же, когда-то любимой ею, «Вечерке»:

«Анонс!. По сведениям, полученным из достоверных источников, процедура казни Ирены Хмель будет перепоручена некоему частному гемоглобинозависимому лицу. Читайте завтра в «Вечернем городе»: вправе ли общество продавать своих смертников вампирам?..»

Ирена проглотила вязкую слону.

Анджей... Ты что?! Ты с ума сошел? Или это я рехнулась? Или это газеты бредят?..

Она легла на койку, привычно натянула одеяло и погрузилась в сон, как в спасательную шлюпку.

* * *

...Она не знала, с чем это можно сравнить. До знакомства с Анджеем у нее не было никакого чувственного опыта — поцелуй в темном кинотеатре не в счет, а духовой оркестр под окнами Ивоники тем более. Недо-

молвки в беседах с подругами, да любовные романы, да модные фильмы — вот, в общем-то, все Иренины на тот момент источники...

Сказать «он изобретателен» — значило не сказать ничего.

Будучи в экстазе, он моделировал то языческое жертвоприношение, то негритянский обряд инициации, то интимную жизнь глубоководных рыб; нельзя сказать, чтобы Ирене все это нравилось одинаково, однако и дискомфорта она никогда не ощущала. Он был как хороший актер в роли злодея — зал трепещет, а на теле жертвы — ни царапинки...

Будучи просто в хорошем расположении духа, он оборачивал ее своей нежностью, словно махровым полотенцем.

Будучи в задумчивости, он забывал о ней, даже лежа в постели бок о бок.

Однажды он любил ее под аккомпанемент симфонической поэмы, звучавшей из динамиков музыкального центра. Случилась богатая прелюдия, занавес поднялся, и действие обещало быть колоритным и пышным,— когда дирижер, возлежащий на своей жене, внезапно о чем-то задумался. Она восприняла его задумчивость как драматургическую паузу и некоторое время выжидала нового поворота сюжета,— однако Анджей уже сладко спал, забыв объявить антракт...

Она послушала его ровное дыхание, потом аккуратно высвободилась и отключила музыку. Он проспал до утра. Ирена сидела на кухне, пила чай и смотрела на свое отражение в темном окне — пока не рассвело...

Как-то, возвращаясь домой, она обнаружила поджигавшую ее дамочку. Молодую, но не молоденькую, одетую во все синее — синее короткое пальто, синие колготки, синие туфли, шляпка с ярко-синим пером...

— Вы Ирена? — у дамочки были синие глаза, подведенные светло-синим карандашом.

— Я Ирена...

— Я Люсия... Не удивляйтесь. Вы, конечно, можете меня прогнать... Но вам ведь не безразлична судьба Анджея?

Ирена молчала, разглядывая бело-розовое лицо в синем обрамлении.

— Анджей... Видите ли, Ирена. Вы его жена... Вам трудно, я понимаю. Трудно жить рядом с гениальным художником, композитором, писателем... Им нужны специальные жены. Женщины, которые могли бы понять их, пожертвовать, если хотите, своей индивидуальностью, стать отражением, тенью...

— Вы его любовница? — спросила Ирена.

Дамочка вздохнула:

— Я его друг... Чего, к сожалению, нельзя сказать о вас. Вы не смогли стать другом собственному мужу...

— Это он вам сказал?

— Нет, но это же видно... Ирена, поймите... Личность Анджея — слишком большая ценность, чтобы разменивать ее на банальную семейную жизнь. Вы будете с ним несчастливы... вы его не понимаете, не цените. Он будет несчастлив с вами... Вам лучше разойтись. Гению не нужна жена — ему нужен друг, соратник... нянька...

— Надо подумать, — сказала Ирена со вздохом.

И ушла, оставив дамочку с приоткрытым ртом. Очевидно, та еще не все успела высказать.

Вечером вернулся Анджей — рассеянный и мечтательный.

— Приходила твоя поклонница, — сказала Ирена после ужина, когда говорить было, в общем-то, уже не о чем.

— Которая? — отозвался Анджей задумчиво.

— Синяя...

— А-а-а... И что?

Ирена подумала.

— Она считает, что я недостаточно с тобой напишу...

— А ты считаешь, что достаточно?

Ирена вздохнула:

— Знаешь, у меня рассказ вышел... В сборнике...

— Покажешь?

— Да... Анджея, как ты думаешь, тебе нужна другая жена?

Теперь помолчал он. Что странно — у него-то, в отличие от Ирены, реакция была мгновенная, иногда опережающая события...

— Не знаю, нужна ли мне жена... Но ТЫ мне нужна, Ирена. Вот конкретно именно ты.

* * *

«Вправе ли общество про... сво... смертников вампира...?»

Газета была за позавчерашнее число. Ирена долго добивалась именно этой газеты, в какой-то момент ей подумалось, что охранники скрывают ее, не желая травмировать ее, Иренину, психику...

Как бы не так. Они, оказывается, просто заворачивали селедку. И когда Ирена получила наконец свою газету, половины страниц у нее не было, а оставшиеся воняли рыбой, и часть текста скрывалась под жирными пятнами...

Типографская краска вредна, особенно если глотать ее вместе с пиццей.... Охранники никакого понятия не имели о правилах гигиены.

Ирена перевела дыхание. Почему-то вспомнился Анджея, сидящий во главе импровизированного студенческого стола. «Кстати, а что вы думаете о смертной казни?»

Совсем не смешная шутка.

«По све..., добытым из достойных доверия исто... один преуспевающий юри... выложил за приговоренную Хмель кругленькую сумму в...»

Ирена протерла глаза. В такую сумму сложно поверить, вероятно, виновата жирная селедка...

«...городские... потирают ру.., потому что вопросы финансирования... традиционно остры... новые рабочие места... пособия... благоустро... Однако, помня о наказании за тяжкие преступле... забыва... если казнь виновного имеет смысл, то передача права на казнь в приватные руки...

«Передача права на казнь в приватные руки».

Анджей, ау! Ты меня слышишь?..

Господин Петер! Что же вы врали-то?!

«Вы войдете в мир... предположительно, он в точности соответствует нашему, разве что некоторое расхождение во времени...»

Да уж. Соответствует.

«Это был бы перелом вашей писательской карьеры. Не говоря уже о незабываемом впечатлении... Вообразите себе, что вам предложили бы слетать в космос. Нежели вы отказались бы?»

— Отказалась бы,— сказала Ирена вслух.

Огромный кусок столь важной для нее статьи был оборван вместе со всей газетной полосой. Ей так и не суждено узнать, какие именно аргументы приводит корреспондент в осуждение порочной практики — передачи смертников «в приватные руки»...

Она колотила в дверь сперва кулаками, потом ногой. Наконец, приоткрылось окошко.

— Скажите, пожалуйста,— попросила она, стараясь, чтобы голос ее звучал как можно более дружелюбно,— кого здесь называют вампирами?

— Я не имею права с вами разговаривать...

Окошко захлопнулось. Удаляющиеся шаги.

* * *

На следующее утро она объявила голодовку, требуя сведений о своей дальнейшей судьбе. Когда? Каким образом? По какому закону, черт побери?!

Уже днем она, проголодавшись, отменила акцию протеста и съела полагающийся сытный обед. Но какие-то чиновнички шестеренки завертелись: вечером к Ирене в камеру явилось некое официальное лицо и ознакомило ее с подшивкой документов.

Все они носили пометку «копия» и отсортированы были в хронологическом порядке. Вот Ирену арестовали... Вот идет следствие... Вот состоялся суд...

Последняя бумажка была самая маленькая, скромная и непрятливая. Ирене пришлось напрягать глаза, разбирая микроскопический шрифт: ордер... согласно законодательству, пункт такой-то... передачу прав... господину Яну Семиролю как приватному представителю правосудия... с обязательством исполнить приговор в течение трех месяцев...

Официальное лицо удалилось, а Иrena все стояла посреди камеры, сдвинув брови и шевеля губами.

Прошло полчаса, прежде чем ноги ее подкосились.

* * *

Пришли не на рассвете, как велит традиция, а после завтрака. Иrena непонимающе разглядывала хмурых конвоиров, тюремного врача и пару официальных лиц — одно уже знакомое, второе еще нет. Оба лица казались одинаково серыми — под цвет форменных пиджаков.

Врач измерил ей давление и заглянул в горло. Интересно, подумала Ирена отстраненно, а была бы у меня ангина?..

Врач расписался на серой бумажке.

Кто-то из официальных лиц — она не разобрала, кто — еще раз ознакомил ее с содержанием маленького неприглядного документа. При этом лице, разбирая микроскопические буквы, мучилось так же, как незадолго до того мучилась Ирена:

— «...И осуществить передачу прав, связанных с исполнением правосудия, господину Яну Семиролю как приватному представителю правосудия... Вместе с обязательством исполнить приговор в течение трех месяцев...»

Значит, не сегодня, отрешенно подумала Ирена.

После некоторого колебания ей накинули на плечи ватную поношенную фуфайку. Холодно. В конце ноября вести на смерть в одной тюремной робе — бесчеловечно...

Коридор был длинным, как шланг. В тюремном дворе ожидала машина-фургончик.

— И куда вы меня повезете? — спросила Ирена с истерическим смешком.

Ей не ответили.

Она шагнула внутрь железного ящика — двери за ее спиной захлопнулись. На полу, истончанном сотнями ног, лежал бледный квадратик света — все, что осталось от солнечного ноябрьского дня.

Машина тронулась.

Ирена коленями встала на скамейку — будто ребенок в метро. Приблизила лицо к окошку за частой решеткой.

За грязным кистчатым стеклом мелькали тени. Ирена не могла узнать ни одной знакомой приметы — как будто за время, проведенное ею в тюрьме, город окон-

чательно раздумал притворяться своим. Сбросил маску, предстал во всей своей враждебной отчужденности.

Она устала смотреть. Взобралась на скамейку с ногами — благо машина шла мягко, и ни ухабы, ни резкие остановки у辇цу не тревожили.

У вампиров — клыки. Вампиры сняты в гробах. Когда Ирене было лет четырнадцать, она пересмотрела все доступные фильмы про вампиров...

Окоченевшей рукой она полезла за пазуху. Тюремная роба не имела карманов, — но Иrena ухитрилась устроить в ее складках тайник. Не зря в последние дни она так упорно просила на обед остренького — вот они, три отвоеванные чесночные дольки...

Иrena прикрыла глаза — господин Семироль стоял перед ней, как живой. Улыбался ли он во время той их единственной встречи? И если улыбался, то открывал ли при этом зубы?..

У нее нет при себе ни одной серебряной безделушки. И осиновый кол, понятно, в камере смертников добыть негде...

Сейчас или потом?

Потом. Она аккуратно спрятала чесночные дольки обратно. Закусила губу.

Иногда вампирями называют — в переносном смысле — стяжателей, негодяев, бессовестных, к примеру, банкиров. Что, если Упырь — всего лишь прозвище корыстолюбца?..

«Приватный представитель правосудия». Частный плач, точнее говоря. Интересная практика... Одно дело, когда казнят на площади. Совсем другое дело, когда торгуют ордерами на казнь, будто охотничими лицензиями...

Анджей, это твоя задумка? Или все же ошибка, побочный эффект, кирпичик, выпавший из своего гнезда и

повлекший за собой легкий обвал? Изменивший тем самым всю структуру МОДЕЛИ?..

Машину тряхнуло. Ирена ухватилась за жесткий край скамейки; город остался позади. Они едут около получаса — интересно, где?

Она выглянула снова — и на этот раз видимость оказалась куда лучше. Она даже прищурилась от невысокого ноябрьского солнца, пробившегося сквозь слой пыли на тюремном стекле.

Горы. Машина ползла по горной дороге, — но не привычной, в изгибах зеленых холмов и туманом над узкими речками. Эти горы напоминали, скорее, давнюю поездку на турбазу — высокие и изломанные, лысые, лишенные растительности, холодные и недосыпаемые...

Она протерла глаза. Ну, не было скалистых хребтов в окрестностях города. Не должно быть... Это неправильные горы, вне МОДЕЛИ, здесь находится совсем другая местность!.. А интересно, существует ли граница, территориальный предел МОДЕЛИ?

Она живо вообразила себе, как машина пересекает невидимую черту и вываливается из сочиненного Анджеем мира — прямо в толпу уже отчаявшихся, похудевших в ожидании экспертов, в объятия этой безответственной сволочи — господина Петера...

Предполагал ли господин Петер, что события могут повернуться ТАК? Не предполагал — значит некомпетентен. Предполагал, но решил рискнуть? Мерзавец. Гад...

Машина замедлила ход. Остановилась.

Ирена почувствовала, как немеют руки. И ноги превращаются в два ватных бесчувственных мешка.

Уже?!

Голоса снаружи. Человеческая тень на секунду заслоняет солнце; Ирена прилипла к окну, сжимая в потном кулаке свое последнее оружие — чеснок...

Кто-то, кажется, водитель, странно семеня, проследовал к одинокому дереву на краю дороги. Встал в характерной позе, замер, будто тушканчик перед восходом солнца...

Ирена, мысленно плюнув, отвалилась от окна. «Техническая остановка».

А может быть?..

И она забарабанила в стенку кабинки:

— Эй! Эй! Выпустите меня ненадолго, мне надо...

Хмурые лица. Недовольное ворчание. Им тоже не по себе — неприятно, видишь ли, везти по назначению смертника, особенно если смертник — женщина...

Да. Вероятно, моделируя эти горы, Анджей сверялся с лучшими видовыми альбомами... Впрочем, что она знает о процессе моделирования? Домики, сложенные из спичечных коробков, давно уже остались в прошлом...

Прищурившись, она огляделась.

Так. Терять ей нечего. Справа стена, слева провал. Кругой, но не отвесный. Можно сломать шею... а можно и не сломать.

Охранников двое. Водитель — третий. У каждого на боку — тяжелая кобура.

Но не лучше ли пуля, чем чьи-то слюнявые клыки?!

— Быстро, — сказал сквозь зубы один из охранников.

Она сделала удивленные глаза:

— Здесь? Дайте хоть за кустик отойти...

— Я тебе отойду, — сказал другой, угрюмый и краснолицый. — Здесь, на дороге...

Она оскорбленно вскинула брови и шагнула по направлению к обрыву.

— Стоять!!

Она остановилась.

В принципе, следовало заголиться и присесть, надеясь, что охранники отвернутся хотя бы рефлекторно.

Ирена вообразила себе, как кидается в прорвал, подхватывая на ходу спадающие арестантские штаны...

Поморщилась, как от кислого. С отвращением оглянулась на охранников:

— Идите к черту... Поехали. Я передумала.

* * *

Спустя еще час машина остановилась снова. Ирена к тому времени впала в муторное оцепенение — дорога извивалась, как червь на рыболовном крючке, и приходилось бороться с подступающей дурнотой.

Еще одна «техническая остановка»?..

Голоса снаружи.

Она с трудом поднялась со скамейки. Потянулась было к окну, — но тут дверь распахнулась, выпуская в духоту фургончика ледянную струю изысканного горного воздуха.

Ирена прищурилась, хотя солнце стояло не так уж высоко и светило с другой стороны.

— Выходите...

Оттого, что охранник обратился к ней на «вы», по коже прорвал мороз. Она не успела оглянуться, как на запястьях у нее защелкнулись наручники.

Здесь уже лежал снег. И хлестал, как мокрое полотенце, ветер.

Тюремный фургончик нос к носу стоял с другой машиной. Высокой, с широкими рифлеными шинами, с прожектором на крыше — хорошая машина, сразу видно, вездеход...

— ...Распишитесь.

Ирена не сразу узнала господина адвоката Яна Семироля. Вместо элегантного костюма на нем были спортивная куртка и брезентовые камуфляжные штаны,

а на голове — лыжная шапочка с изображением желтой смеющейся мыши.

— ...Распишитесь здесь...

Господин адвокат положил на колено картонную папку, вытащил из кармана ручку, блеснувшую на солнце золотым пером, и подмахнул по очереди два комплекта желтоватых документов.

Ирена чувствовала на своем плече лапу краснолицего охранника. Скорее всего, тот имел опыт в подобных процедурах,— и перед лицом «приватного представителя правосудия» приговоренные обычно предпринимали отчаянные попытки побега...

Ирена осторожно поднесла к лицу обе руки сразу. Разжала пропахшую чесноком ладонь. Слизнула три теплые дольки. Стиснула зубы, не чувствуя усиливающегося жжения, осторожно принялась жевать.

Отвратительный запах...

Господин Ян Семироль аккуратно спрятал ручку — и только тогда впервые взглянул на Ирену.

Под этим взглядом охранник снял руку с Ирениного плеча. Долго не мог вытащить ключи, — кольцо зацепилось за дыру в кармане...

Наручники разомкнулись, высвобождая Иренины запястья.

Семироль улыбнулся, не разжимая губ.

Очень гладкая кожа. Очень чисто выбритые щеки. Здоровый, отдохнувший господин. И, по-видимому, сытый.

— Фуфайку нам бы тоже забрать,— сказал водитель, глядя в снег.

Ирена шевельнула плечами. Ватная ношеная фуфайка упала на дорогу. Вернее, собиралась упасть, — но кто-то из охранников ловко ее подхватил.

— Трусливые отморозки,— сказала Ирена, ни к кому конкретно не обращаясь. — Бабы.

— Поехали,— нервно сказал водитель.

Все трое, как по команде, ринулись в кабину. Как будто их подгоняли хлыстом.

Тюремный фургон сдал назад — слишком резко, едва не угодив колесом в провал. Развернулся, выкидывая из-под колес грязный снег и камушки; задымил по дороге, несколько раз подпрыгнул на рытвине, скрылся за поворотом...

— У меня в машине печка,— сказал Семироль.

Ирена не повернула головы.

Уж больно красивые горы. Открыточный антураж для фильма ужасов.

— Вы слышите? Холодно. Садитесь в машину.

А не кинуться ли с обрыва, вяло подумала Ирена.

— Садитесь же.

Она, наконец-то, увидела распахнутую дверцу. Не чуя ног, подошла. Забралась на сидение, подтянула колени к подбородку.

Семироль сел рядом. Включил приемник; из далекой дали тоненьким голоском задребезжала знакомая певичка.

Елки-палки... Ирена даже помнит ее имя. Имя ОТ-ТУДА, из настоящего, несмоделированного мира...

Семироль разворачивал машину.

Вот здорово, если бы вездеход не удержался на узкой дороге и загремел по камням вниз, размазался бы по живописному заснеженному склону...

Она вспомнила о чесноке.

От с трудом сохранных долек остался только липкий привкус во рту. Когда, когда, с какого перепугу она проглотила свое последнее оружие?!

— Пристегните ремень...

— Что?..

— Пристегните ремень, это же горы...

Ее руки действовали отдельно от разума. Щелк...

Теперь широкая лента ремня привязывала ее к креслу.

— Вам все еще холодно?

Она поняла, что дрожит. Лязгает зубами с угрозой откусить собственный язык.

— Печка греет вовсю,— Семироль усмехнулся.— Мне вот жарко...

На лбу у него действительно выступил пот. Жесткие волосы, освобожденные из-под лыжной шапочки, стояли дыбом.

— Нам ехать около получаса... Расслабьтесь. Посмотрите, какие красивые горы...

— Ненастоящие,— сказала Ирена равнодушно.— Модель.

— Но красивая модель, верно?

Она быстро взглянула на него. Машина в горах... Руки, легко лежащие на руле...

— Анджея? — спросила она шепотом, сама себе не веря.— Анджея?!

Как, черт возьми, на него похоже... Доводить ее до безумия — и потом появляться из ниоткуда, внезапно, невероятно... Выглядывать из чужой личины...

— Анджея, я ждала чего-то похожего... Но ЗАЧЕМ?!

По цекам у нее, оказывается, уже минуты две безо-становочно катились слезы.

Семироль притормозил. Машина дернулась и стала; Ирена прерывисто вздохнула под взглядом цепенящих коричневых глаз.

— Анджея... Ты с ума сошел?! Тюрьма... Ты знаешь?! Как это... экспертиза... что они со мной... и ведь все, как на самом деле. Слишком похоже... на действительность. Суд... Как ты мог додуматься?! Маньячка... почему маньячка? Ты сумасшедший... ты сволочь... Если мстить... за что?! У нас... все тогда случилось правильно... потому что с тобой невозможно жить, ты

сумасшедший... Анджеий!! Но было же хорошее... столько хорошего было, за что же ты так... почему... обещал, что будешь помнить... лучше бы забыл... Гад! Гад! Не-навижу!..

Семироль смотрел на нее, и взгляд его менялся. Все шире раскрывались глаза, из пристальных делаясь потрясенными; Ирене казалось, что холеное лицо господина адвоката вот-вот треснет, выпуская из-под маски насмешливую рожу ее бывшего мужа.

— Анджеий... Эта скотина Петер обещал мне... ПОЛЧАСА!! Только полчаса, и совершенную безопасность... Вы с ним вговоре? Или ты его надул? Анджеий... Хватит. Ты уже... ты поиздевался надо мной вволю. Ты нешел все возможные рамки... С меня хватит твоей живодерской модели, я хочу в наш нормальный мир!!

Она захлебывалась слезами. Семироль смотрел, и глаза его были уже угрюмыми:

— Вы меня с кем-то путаете, Ирена.

Она осеклась. Закусила губу, пытаясь остановить собственную истерику.

Солнце, красное, как раскаленная монета, опускалось все ниже. Под порывами ветра раскачивалась автомобильная радиоантенна, и казалось, что машина недовольно шевелит единственным усом.

Семироль молчал — тяжело и мрачно.

— Красивая МОДЕЛЬ,— пролепетала Ирена, будто оправдываясь.— Ты ведь признал это, верно?

Семироль молчал.

— Анджеий...

Его тонкие губы чуть дрогнули:

— Меня зовут Ян.

Последовала пауза. Такая долгая, что солнце на полкорпуса успело осесть к зубчатому горизонту.

Шелестел, обтекая машину, ветер. Сквозняком пробирался в цели.

— Ты притворяешься, Анджей,— шепотом сказала Ирена, уже осознавая свою ошибку, но все еще не желая расставаться с только что придуманной надеждой.

— Нет... Я не притворяюсь. Не знаю, что вам пришло в голову, — но я всего лишь Ян Семироль...

Некоторое время она разглядывала его холеное чубое лицо. Потом со страшной силой вломилась в дверь; дорога ей была одна — в пронасть, и Ирена рвалась, желая немедленно оказаться на далеком каменном дне.

Дверца не поддалась. Ирена зря издевалась над хромированной ручкой.

— Ну, госпожа Хмель... вы же так здорово держались... Потерпите еще немного — сейчас приедем...

Машина тронулась.

Она обмякла, позволяя ремню безопасности вернуть себя обратно в кресло.

— Сейчас приедем, успокоимся, поговорим... Вы любите чеснок? У меня в холодильнике припасено некоторое количество чесночного соуса...

Он замолчал, не отрывая глаз от дороги. Дорога была своеобразная. Для гонок на выживание, для испытаний на крепость нервов.

— Я их не убивала,— сказала Ирена хрипло.— Но я же их не убивала! Я же никого в жизни не убивала... Я бы своими руками... эту убийцу... убила...

— Я не могу говорить, когда за рулем...

— Вы ВЕРИТЕ, что я убийца?!

— Я не могу говорить за рулем...

— Вы же юрист! Вы адвокат, вы должны...

Машина покатилась вниз — уклон становился все круче.

За поворотом открылся лес. Деревья затопили собой небольшую низину — закрытый со всех сторон приют.

Гнездо.

Дорога сделалась ровнее и шире. Показалась вырубка.

— У меня здесь маленькая ферма,— сообщил Семироль, выезжая к широким железным воротам.— Вам понравится...

Гребни гор были освещены закатным солнцем.

Ирена подняла глаза — и вдруг узнала живописный пейзаж, когда-то украшавший стену их собственной с Анджеем спальни.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

П

ервое, о чем я вас попрошу,— мужество и спокойствие. Все мы смертны, а судьба время от времени оборачивается самыми неприглядными своими гранями... Никто не знает, что будет с ним завтра, а потому расслабьтесь и живите сегодняшним днем...

Ирена глубоко вздохнула.

Здесь пахло жильем. После тюрьмы, после суда, после камеры смертников — прямо-таки курорт...

Семироль ловко — видимо, привычно — растопил камин. Но в комнате и без того было тепло. Ирена сидела на краю дивана, свесив руки между колен, равнодушно разглядывая причудливые картины на обшитых деревом стенах.

— Вы увидите — здесь гораздо лучше, чем в тюрьме. У вас будет возможность помыться и отдохнуть...

— Я хочу переодеться, — сказала она шепотом.

Тюремная роба казалась прилипшей к телу коростой. К тому же, этот въевшийся чесночный запах...

Чеснок не зацелитит ее. Серебряная пуля?.. Осина-ый кол?..

А кстати, когда ближайшее полнолуние?

У нее был доступ к газетам, календарям... А она не выяснила такого простого, такого важного вопроса...

— Ирена, вода в котле согрелась. Можете принять ванну, можете хоть душ... Эти тряпки, что на вас, бросьте в мусорный бачок. Там на крючке найдете халат. Банные принадлежности — само собой... Я вам совершенно доверяю,— вы ведь не будете... тонуться?

Последний вопрос прозвучал шуткой. Ирена выдавила ответную улыбку; ей никуда не хотелось идти. Не хотелось подниматься с дивана...

Ванная комната не уступала размерами камере смертников. И дверь, к Ирениной радости, запиралась на крючок.

Она стянула с себя робу — рывком разорвав воротник. Странно, что в ней осталось столько силы... Или на одежду смертникам идут гнилые нитки?..

Ее мысли были, как донные рыбины,— тяжелые и плоские.

Она смыла с себя тюрьму и суд. Все обвинения скребла пемзой. Терла бока жесткой губкой, надеясь сбросить кожу и возродиться,— как змея...

Но кожа не пожелала сниматься, и Ирена потеряла к мытью интерес. Постояла под душем, меняя температуру воды; выбралась, оставляя мокрые следы на теплом резиновом половике.

Телу было хорошо. Тело хотело есть и спать. Тело не желало думать о...

Ирена невольно прижала ладони к сонной артерии. Перевела взгляд на крючок, запирающий дверь.

Не выдержит сильного удара...

Но мысль неплохая. Минут пять крючок продержится,— она успела бы...

«Я вам совершенно доверяю,— вы ведь не будете... тонуться?»

Посмотрим, подумала Ирена вяло.

Растерлась полотенцем. Плотно запахнула халат — ее неприятно поразило, что он пришелся виору, но однокая мрачная мысль утонула в удовлетворенном вздохе разомлевшего тела. Нетюремная одежда. Наконец-то...

Она поколебалась, прежде чем сбросить крючок. Сбросила, нарушила кратковременную иллюзию убежища, собственной крепости...

Слышно было, как далеко внизу потрескивает в камине огонь. И невидимый Семироль насвистывает сквозь зубы — нечто из классического репертуара...

Она огляделась.

Дом большой. Крепкие ставни. Следует озабочиться теплой одеждой и надежной обувью — горы, ноябрь...

У нее есть кое-какой опыт. Пусть давний, пусть туристский, — но со спичками и минимальным снаряжением она продержится в горах, наверное, с неделей... Даже в ноябре.

Она чуть заметно улыбнулась.

Двери, очевидно, запираются на семь замков, — но ведь это не тюрьма! Если у нее будет время — хоть несколько дней... Кухня, кладовая, веранда...

Она улыбнулась смелее.

«Живите сегодняшним днем».

Почти свобода... Во всяком случае, иллюзия свободы. Махровый халат вместо робы смертника — и вот уже человек безудержно счастлив...

Ноги стонали от удовольствия, утопая в меховых объемистых тапках. Она думала, что приближается беззвучно, — но Семироль обернулся, стоило ей показаться в дверях.

— Ага... Ну вот, другое дело. Сейчас будем ужинать... и стакан красного вина показан вам... для здоровья.

* * *

Она наелась до отвала и выпила бутылку вина.

После этого мыслям стало просторно, а телу комфортно и даже весело.

— Я прошу прощения за неуместное любопытство... Но вы когда собираетесь... меня жрать?!

— Я же упырь, а не людоед,— отозвался Семироль с нескрываемой укоризной.— Никто не собирается вас жрать, это негуманно и антиэстетично...

— Сумасшедший дом,— с чувством сказала она, откидываясь на подушки.— Анджей ненормальный.

Семироль взглянул на нее — серьезно, без улыбки.

— Могу я узнать, кто такой этот Анджей, которого вы все время поминаете?

— А это мой бывший супруг... Редкостная скотина. Моделятор всего это вашего чертового мира...

Семироль подождал продолжения, но Ирена молчала, блаженно пурясь на огонь камина, и тогда он осторожно поощрил ее откровенность:

— Да? Неужели уж такая скотина? Все бывшие жены так говорят...

— Не все,— Ирена обиделась.— Вы же сами можете судить... Это ком надо быть, чтобы смоделировать всю эту вашу... весь этот маразм?!

Семироль осторожно отхлебнул из своего бокала:

— Какой именно из маразмов?

Ирена обвела рукой вокруг себя, указывая одновременно на камина, Семироля, экзотические картины на стене и невидимые горы за окном:

— Да все это... Весь этот так называемый мир. Действительность, реальность... Которой нет и не было. Которую смоделировал Анджей... отталкиваясь от нашего нормального мира, но как же далеко он, идиот, оттолкнулся!..

Она с отвращением посмотрела на содержимое собственной тарелки. Там лежала гренка под чесночным соусом; господин Семироль, будто на что-то намекая, весь вечер предлагал ей чеснок и даже съел на ее глазах пару чесочных долек. А Ирену мучило от чесночного запаха, — вероятно, она возненавидит его до конца жизни...

Кстати, неизвестно, когда он наступит. Может, завтра...

— Ну, подумайте, Ян, — пробормотала она, устало прикрывая глаза. — Разве может считаться нормальным мир... Ну ладно, МОДЕЛЬ... Где невинного человека приговаривают к смерти за совершенно чудовищные преступления! Которых он в жизни не мог совершить — по целому ряду причин... Во-первых, потому, что он не ненавидит насилие. Во-вторых, потому, что его не было не то что в этой стране — в этом МИРЕ, потому что эти десять месяцев, о которых все вы мне уши прожужжали... Я была у себя! В нормальном, оригинальном мире! Вне МОДЕЛИ, поймите... Я не могла совершить всех этих ужасов, за которые вы меня собираетесь...

Она поставила бокал на край стола — так экспрессивно, что отвалилась тонкая стеклянная ножка.

— Вы не порезались?

Она посмотрела на одинокую красную каплю, ползущую по пальцу.

Быстро взглянула на Семироля. Спрятала палец под мышку:

— Не-е-ст... Это моя кровь. Нечего. Не отдам.

Семироль отвел взгляд:

— Да вы не беспокойтесь...

Ирена криво улыбнулась:

— Я не беспокоюсь... Это ВАМ надо беспокоиться. Потому что, когда у господина Петера кончится энергия — а она уже кончается — весь этот... вся МОДЕЛЬ

схлоняется, как чемодан. Вместе с красивенькими горами, придурковатым правосудием и вампирами... Кстати, вы в курсе, что вампиров в нормальном мире не бывает? Это выверты извращенной фантазии. Сколько я пересмотрела... про ваших собратьев... пересмотрела киношек, и некоторые весьма интересные... и чего там только... Но ТАКОГО! Нет, это только Анджея способен... Продавать смертников вампирам на съедение — это же... или он бездарный моделятор, или скотина. Или у него бред...

Семироль уже сидел рядом, на диване. Брови его болезненно сошлись над переносицей:

— Ирена... Вы знаете, мне кажется, это у вас бред. Раньше такое бывало? Нет?

— Нет,— сообщила Ирена, всхлипнув.— Я уравно... вешеный, спокойный человек... Какого пса я поддалась на эту провокацию?! Полезла в чертову МОДЕЛЬ, как лисица в омут, купилась... Дешевая авантюра... Из-за Анджея. Из-за него.

— Только не волнуйтесь. Ладно? Если это реактивный психоз... Это бывает. Не волнуйтесь. Спокойно. Да?

— Да,— сказала Ирена, закрывая глаза.— Я совершенно спокойна... И мне давно уже на все плевать.

* * *

Она проснулась в темноте.

Полежала, не меняя позы,— на спине, с вытянутыми вдоль тела руками.

С трудом согнула затекшие ноги. Одеяла не было.

Холод... Сырость...

Темень. Едва ощутимый запах плесени.

Провела ладонями по лицу, груди, животу. Попыталась раскинуть руки шире — и уперлась в деревянные стенки.

Дернулась. Покрылась холодным потом. Рывком села.

Она сидела в длинном ящике, суживающемся в ногах. В гробу; она не закричала только потому, что на время потеряла голос.

Рывок...

Гроб соскользнул с возвышения и загрохотал, ударившись о каменный пол. Ирена упала вместе с ним; шипя от боли, выползла из расколотой домовины, споткнувшись о подвернувшуюся крышку, упала опять...

Неподалеку сухо стукнуло дерево. Как будто распахнулась снабженная пружиной шкатулка.

Ирена метнулась. Помещение было крохотное, и ни одна из четырех стен, одинаково сырых и холодных, не содержала ни намека на дверь.

Ирена забилась в угол.

Ее гроб, разбитый, потерявший атласную подушечку, валялся теперь возле опустевшего постамента. Зато другой, на соседнем постаменте, медленно открывался...

Легла на полированный край белая рука с длинными холеными пальцами.

Крышка откинулась полностью, превратив гроб в подобие раскрытоого скрипичного футляра.

То, что находилось в его бархатных недрах, неспешно приподнялось.

— Перфое, о чём я фас попрошую,— мужестфо и фпокойстфие,— негромко сказал господин адвокат Семироль. Ему тяжело было говорить — белые клыки лежали на нижней губе, а острия их находились на уровне подбородка.

— Расслафьтефь и жифите фегоднфним днем...

Через бортик гроба перекинулась нога в сверкающем штиблете.

— А-а-а!!!

Ирена кричала, сбивая комом простыни.

За окном проступали, чуть обозначенные рассветом, силуэты гор.

Одеяло в чистом пододеяльнике валялось на полу. На Ирене была ночная сорочка до пят; с трудом заставив себя замолчать, она села на кровати, подобрала колени к подбородку.

Маленькая аккуратная комната. Открытые ставни. Теплый радиатор с красным глазком. Высокий графин на ночном столике. Вода...

Жажда; Ирена провела языком по сухим губам.

— Ой...

Капли падали ей на грудь и терялись в складках ночной сорочки.

Силуэты гор становились все более явными, обретали краски.

Совсем, как на той турбазе, где они с Анджесем...

— О-ой...

Она подобрала одеяло и укрылась с головой,— желая отгородиться и от кошмаров, и от воспоминаний, и от назойливых гор.

* * *

— Вчера вы слишком много выпили, Ирена...

Она тяжело вздохнула.

— ...но вчера вам необходимо было расслабиться. Да?

Она поморгала. Утро оказалось подернутым легкой дымкой дурноты.

— ...Глядя на вас, трудно предположить, что вы отличаетесь повышенной тягой к спиртному... Прежде, думаю, с вами такого не случалось. Я прав?

— Какая разница,— сказала она раздраженно.— Да будь я трижды алкоголичка... Вы расписались в том, что прикончите меня в течение трех месяцев. Ну так не

тяните удовольствие! Или это новое развлечение — пытать ни в чем не повинного человека ожиданием смерти?!

Семироль покал плечами:

— Если так рассуждать, Ирена... Вся наша жизнь есть ожидание смерти. Так что же, душить младенцев прежде, чем они это осознают?

Она не стала возражать. Осторожно пристроила на спинке кресла больную, тяжелую голову.

...Она не спала с рассвета. Из окна ее спальни открывался неплохой вид на дорогу за воротами, на какие-то постройки, которые она приняла за гаражи; в комнате нашлось, как минимум, два тяжелых предмета, годящихся для выбивания окна. А чтобы избежать шума, — можно предварительно приклейть к стеклу полосы из разорванной наволочки... Ирена часто дышала, борясь с головокружением, а в мозгу ворочалась тем временем первая фраза из нарождающейся повести: «...холодный воздух обжигал. По веревке из разорванных простыней она спустилась в снег... Сутробами, пригибаясь, подныривая под окнами... добралась до гаража, туда, где висел на скобах массивный разомкнутый замок. Дорога была свободна...»

Она мрачно улыбнулась; ее улыбка не укрылась от глаз Семироля.

— Ирена, я еще вчера хотел сказать... Бежать отсюда совершенно невозможно, отсюда еще никто никуда не убежал. Знаю, вы не поверите мне на слово, будете пытаться... И каждая такая попытка принесет вам новое разочарование и, возможно, травмы,увечья. Давайте договоримся, что вы не будете подвергать свое здоровье таким испытаниям. Ладно?

«Дорога была свободна...»

Ирена тупо смотрела в стену прямо перед собой. На стильной модернистской картине изображена была

женщина с иссиня-бледным, изломанным лицом. В темном проломе окна, за ее спиной, висела желтая жизнерадостная луна.

Интересно, какие эмоции должно вызывать ЭТО? В особенности у вампира?..

— У меня к вам еще один важный вопрос, Ирена... — Семироль вздохнул. Сейчас он казался не таким уж холеным: вокруг глаз легли явственно различимые темные тени. — Когда я читал в материалах вашего дела о попытке симуляции психического расстройства... это не особенно меня пугало. В конце концов, в вашем положении не симулирует только ленивый... или человек без фантазии...

Он выжидательно замолчал. Ирена молчала тоже — второй раз за десять минут господин Семироль болезненно уязвил ее.

Потому что ее приводило в истерику часто слышанное в тюрьме слово «симуляция».

— Ирена, скажите мне еще раз. Кто такой Анджея?

— Мой бывший муж, — проговорила она с отвращением.

— Где он сейчас?

— Говорят, он умер... но я не верю.

— У вас есть основания не верить?

Ирена смотрела в его настороженные глаза. Невозмутимый господин Упырь отчего-то беспокоился; Ирена интуитивно чувствовала, что может это беспокойство усугубить.

— Есть, — проговорила она, не пытаясь спрятать взгляда. — У меня есть основание предполагать, что, если бы Анджея умер, — весь ваш мир тотчас же накрылся бы медным тазом.

Семироль чуть нахмурился. В уголках его рта пролегли невидимые раньше складки:

— Выходит, ваш бывший муж — попросту Создатель? Ни много ни мало?

Она помолчала. Ее халат вдруг стал стеснять ее, — она сидит перед господином Упырем в совершенно интимном, неприличном виде...

— Я не думала об этом, — призналась она наконец. — Вряд ли уместно называть Анджея Создателем. Он создал не мир, а всего лишь... МОДЕЛЬ. Вот эту самую.

Повисла тишина. Семироль прошелся по комнате, остановился у окна, побарабанил пальцами по деревянному подоконнику:

— Но ведь экспертиза признала вас полностью вменяемой, Ирена. И у нес были на это свои основания...

— Как долго вы собираетесь меня тут держать? — спросила она устало.

Семироль подошел. Остановился напротив, так близко, что мог бы, протянув руку, коснуться Ирениного лба.

— Честно? Зависит от многих факторов. От вас в основном, не от меня...

В дверь гостиной постучали. С той стороны; звук был настолько неуместным и неожиданным, что Ирена вздрогнула.

— Заходи, — не повышая голоса, сказал Семироль. И добавил, обращаясь к Ирене: — Познакомьтесь. Это мой управляющий, Сит.

* * *

Ирене не понравилось общество управляющего.

Если, конечно, уместно называть «управляющим» здоровенного мужика с повадками профессионального телохранителя. Собственно, чего-то подобного следовало ожидать: кто-то ведь должен присматривать за

очередной жертвой, в то время как господин Семироль отбирает себе клиентов, изучает материалы уголовных дел, выступает в суде... Нагуливает, короче, потребность в теплой кровушке...

Ирену передернуло.

— Вы можете книжки пока почитать, — равнодушно-заботливо порекомендовал управляющий. Он сидел, развалившись в кресле, вытянув ноги, заложив сцепленные мосластые руки за коротко стриженный затылок. Под «книжками» подразумевался ворох карманных романчиков в мятых бумажных обложках; вероятно, с их помощью успокаивал разыгравшиеся нервы не один десяток вампирьих жертв...

Как часто, спрашивала себя Ирена. Как часто господин адвокат ощущает свою «гемоглобиновую зависимость»? Судя по тому, что Семироль не прокусил ей артерию при первой же возможности, — от жажды он не страдает. Подвернулась жертва, — выкупил, теперь дожидается здорового аппетита...

— Вам, наверное, запрещено говорить со мной? — спросила она, рассеянно перебирая яркие зачитанные томики.

— Это почему, — после некоторого раздумья отозвался управляющий. — Я просто... гм. Ну, если вам интересно со мной говорить...

Ирена посмотрела на него внимательнее. Свободные брюки, длинный вытянутый свитер с высоким, под горло, воротником. Уши, плотно прилегающие к круглой голове. Боксерская челюсть. Неопределенного цвета глаза.

— В жизни вы бы на меня и не глянули, — сказал управляющий с явственным оттенком горечи.

— В жизни?!

Целую минуту Ирена была в плена жуткой догадки: Семироль убил ее еще по дороге, и сейчас она прожива-

ет свою вечность в загробном мире, смоделиированном безумцем-Андреем...

— В нормальной жизни,— уточнил управляющий, и Ирена понадобилась еще минута, прежде чем она смогла принужденно рассмеяться:

— Честно говоря, я предпочла бы... чтобы мы встретились при других, менее романтических... обстоятельствах...

— Вы действительно угрожали этих троих пацанов?

Некоторое время Ирена молчала, и по мере ее молчания глаза управляющего делались все меньше и меньше. Булавочными головками заползали под брови. «Сука!»

— явственно читалось в этих глазах.

— Я никого не убивала,— выдавила наконец-то Ирена, с удивлением понимая, что голос ее звучит неубедительно.— Это не я...

— Типа, ложное обвинение?

Он не то чтобы не верил ей. Хуже — ему было совершенно все равно. По заслугам ее осудили или по ошибке — судьба одна. Вероятно, управляющий телохранитель без счету перевидал таких вот без пяти минут покойников, чей срок жизни определяется физиологическими потребностями господина Семироля...

— Именно ложное,— сказала она, отворачиваясь. Управляющий почмокал губами,— иронию это означало или сочувствие, Ирена так и не поняла.

Молчание длилось около получаса; телохранитель все так же смотрел в потолок, а Ирена перебирала никчемные книжки, не замечая, что по нескольку раз берет в руки один и тот же переплет.

— А... вы давно служите?

Управляющий поднял брови:

— Служу?

— Ну, работаете... у... здесь?

— Седьмой год,— отозвался мордоворот после некоторой паузы. И добавил с неожиданной задумчивостью:

— Да, вот седьмой годик-то... Как время-то... шпарит.

Ирена помолчала.

Управляющему можно было дать на вид не больше тридцати лет. Интересно, что заставило молодого мужчину лучшие годы посвятить столь щекотливой... работе. Вероятно, деньги. Семироль вряд ли скучится...

— Хозяйство большое... Вы ведь здесь не один? Кто-то еще тут работает, нет?

Управляющий вздохнул и взглянул на Ирену так, будто вопрос был ему невыносимо скучен.

— Говорят, отсюда нельзя сбежать? — небрежно спросила Ирена, когда стало ясно, что ответа на предыдущий вопрос не будет.

Управляющий наконец-то расцепил руки. Осторожно погладил массивное колено:

— Не-а. Нельзя. Верно говорят.

* * *

Общество мордоворота изрядно утомило Ирену, — однако появление Семироля тем более не принесло радости.

Господин адвокат вернулся не один. Вместе с ним явился маленький, щуплый человечек, который, судя по напряженному бегающему взгляду, чувствовал себя далеко не в своей тарелке. Появлению обоих предшествовал звук подъехавшей машины, — следовательно, щуплый гость прибыл из большого мира. Из-за перевала.

— Ирена, познакомьтесь... Это господин Столь.. Его имя вам ничего не говорит, но он эксперт региональной гуманитарной комиссии. Вы хотели побеседовать с кем-нибудь о вашей невиновности? Вот, у вас есть такая возможность... Пойдем, Сит.

Управляющий-телохранитель наконец-то выбрался из своего кресла. Неодобрительно покосился на рассыпанные карманные томики. Вышел, вежливо пропустив перед собой Семироля.

Дверь закрылась.

Господин Столь потер ладони — и сразу напомнил Ирене господина Петера. Только, если Петер был плотен и объемист, то Столь казался средних размеров пугалом, покинувшим родной огород в поисках приключений.

— Рад приветствовать вас, госпожа Ирена...

Она проглотила слону.

О региональной гуманитарной комиссии она слышала впервые. В доброту Семироля ей верилось с трудом, — однако вот стоит человек, ради нее прибывший из-за перевала, и, если хорошенъко прижаться лицом к стеклу, можно разглядеть его машину у ворот...

Она помолчала. Приезжий мялся, собираясь с мыслями.

— Так уж рады? — проговорила она медленно.

Столь близоруко захлопал воспаленными от ветра глазами. Вероятно, гуманитарная комиссия не пользуется особым влиянием. Эксперты из уважаемых организаций ведут ссобя иначе... Ирена вспомнила холеных экспертов, чьи подозрительные взгляды провожали ее, когда она уходила в МОДЕЛЬ.

— Госпожа Хмель, я знаком с решением суда... Со всеми материалами по вашему делу. С данными судебно-экспертизы... С вашими показаниями... Картина представляется, хм, странная... Я хотел бы еще раз подробно услышать от вас...

Она набрала в грудь воздуха.

Ей нужно подумать. Ей нужно хотя бы минут десять, чтобы собраться с мыслями...

Но времени не было, и потому она начала. Еще раз. Подробно.

На двадцатой минуте ее рассказа Столъ нахмурился. Лицо его, перед тем дряблое и растерянное, обнаружило вдруг признаки суровости:

— Госпожа Хмель... Не стоит уклоняться от ответа на один из важнейших вопросов: где вы были десять месяцев подряд? Пока творились все эти злодеяния? Господин Семироль говорил мне, что у вас есть своя версия, очень оригинальная...

Ирена поморщилась:

— Неприятно выглядеть сумасшедшей... тем не менее... мне некуда отступать. Да, все эти десять месяцев существования МОДЕЛИ... я находилась в другом мире. В мире, послужившем для МОДЕЛИ прообразом. Оригинальном мире. Я вышла на холм — с вашей точки зрения, из ниоткуда... спустилась к своему дому. Он был пуст, но следы чужого присутствия...

— Извините, госпожа Хмель. Вы существуете в двух мирах одновременно?

Она помолчала. Ее собеседник ерзal в кресле, собеседник на месте управляющего Сита; кресло, удобное для мордоворота, оказалось непомерно велико для тощего седалища господина Столя.

— Нет,— сказала она осторожно.— Сейчас — только здесь. А они, там, во внешнем мире... ждут не дождутся,— она изобразила кислую усмешку.

— Очень интересно,— Столъ кивнул.— Если можно, подробнее... О том, другом мире. Кем вы там были. Кто были ваши родственники и друзья... и кого из них вы можете встретить здесь.

Ирена вздохнула. Закинула ногу на ногу; с другой стороны, что ей терять?..

Она вздохнула еще раз — и заговорила.

* * *

Под конец второго часа беседы господин Столь, понимающие кивая, осторожно поинтересовался:

— А скажите, пожалуйста, госпожа Хмель... В каком возрасте у вас установился менструальный цикл?

Ирена замолчала.

То, что у гуманитарной комиссии разнообразные интересы, она поняла раньше. Но не до такой же степени разнообразные...

— Видите ли, это имеет значение для развернутого взгляда на проблему...

— На проблему моей виновности?

Собеседник часто замигал воспаленными веками без ресниц. У него стремительно развивалось нечто вроде конъюнктивита, и он все чаще прикладывал к глазам свой белый, сложенный вчетверо платочек.

— В том числе... Не удивляйтесь, мои интересы несколько специфичны...

Ирена молчала. Надежда, зародившаяся против ее воли, надежда, что ее, наконец, УСЛЫШАТ,— таяла все скорее.

— Гм... госпожа Хмель. В Ваших интересах быть как можно откровеннее... Хорошо. Поговорим об Анджее. Это ваш муж. И вы разошлись. Каковы причины вашего разрыва?

Ирена молчала.

— Гм... Возможно, корень ваших противоречий был в несовместимости... э-э-э... чисто физиологической? Как складывалась ваша интимная жизнь?

Ирена молчала.

Даже самая отчаянная истерика в ее исполнении оборачивалась тупым, неизрываемым молчанием.

* * *

А ночью, натянув одеяло до самого подбородка, она поняла наконец, чего хотел от нее этот тощий маленький Столь.

Потом, в кабинете Семироля, он скажет, опасливо отодвигаясь от кровососущего господина адвоката: «За то, что это не шизофрения, я вам ручаюсь. Реактивный психоз — может быть. Но это не ядерные... симптомы, я совершенно согласен с данными экспертизы. Нет, не шизофрения...»

Или нет. Скорее, он скажет что-то вроде «Ничего не могу понять. По всем признакам она здорова,— но этот устойчивый бред... С одного раза, без длительного наблюдения, без понимания динамики... Ничего не могу сказать».

Ирена вздохнула. Возможно, настоящие врачи выражаются по-другому, и ее скучные знания о психиатрах слабо соотносятся с действительностью...

«У вас есть совесть? — мысленно спросила она у щуплого господина Столя.— Совесть... хотя бы врачебная? Сколько вам заплатили за то, чтобы вы поинтересовались психическим здоровьем... человека, предназначеннего на убий?»

В огромном доме стояла тишина. Крепко заперты двери, за непробиваемыми стеклами царствует темень.

Ирена вспомнила беспокойство в глазах Семироля.

ЗАЧЕМ ему ее психическое здоровье? Или вампир не может потреблять сумасшедших?

Она села на кровати.

Вампир... Скорее. Что она читала? Серебряные пули... Омела... Чеснок... Чушь. Формула крови меняется в связи с психическим заболеванием... Да. Она читала. Давно. Что-то. Рассказ или статью — не важно...

Она засмеялась. Опроекнулась обратно в подушки.

Она СУМАСШЕДШАЯ. Она не годится в нишу... Ее кровь опасна для вампирьего здоровья. Она несъедобна...

Какая удача.

* * *

Утром она завтракала в обществе управляющего Сита; ерзала, мялась и, наконец, обратилась к мордовороту с просьбой:

— А нельзя ли... переселить меня в другую комнату? Сегодня опять открывался люк... ну, посреди комнаты. Приходил юноша с белым лицом, переселите меня, он не дает мне спать...

Управляющий-телохранитель долго и пристально ее изучал. Потом извинился, выбрался из-за стола и отправился в соседнюю комнату, и Ирена слышала, как он разговаривает с кем-то по телефону.

Как она и ожидала, разделить с ней трапезу вскорости явился сам «гуманитарный эксперт». Глаза господина Столя слезились пуще прежнего; интересно, сколько платит ему Семироль за поставленный Ирене диагноз?..

Она перевела дыхание. Спокойствие...

— Вы плохо спали, госпожа Хмель?

Она поморщилась. Провела по глазам тыльной стороной ладони:

— К сожалению. Открывался люк... в полу.

Психиатр мигнул.

— Он мешал мне спать! — выкрикнула Ирена. — Он пришел и стоял над кроватью... Молодой парень с белым лицом!

Глаза гуманитарного эксперта сделались, как две железные кнопки в обрамлении воспаленных век. Ирена ощутила давление,— но не отвела взгляда.

* * *

Он мучил ее вопросами еще почти час. Ирена отвечала. Врала и путала напропалую; временами ей казалось, что она переигрывает и говорит лишнее,— но она знала, что смутиться хоть на миг означает провалить всю игру.

Наконец, Столь скорбно поджал губы и удалился. Ирена осталась ждать в обществе управляющего-телохранителя — ждать, как она думала, приговора.

Спустя некоторое время машина гуманитарного эксперта выехала со двора и поползла в сторону единственной дороги, выводящей из горного тупика. Почти одновременно отворилась дверь,— и упырь-адвокат, которого Ирена не видела почти сутки, поприветствовал ее широкой отеческой улыбкой.

Господин Семироль снова выглядел здоровым, бодрым, отдохнувшим; от черных теней вокруг глаз не осталось и следа.

— Ирена, какой бес вас надоумил симулировать?

Она молчала.

— Вернее, какой бес надоумил вас симулировать через край? Если бы вы ограничились Анжеем с его МОДЕЛЬЮ,— кто знает, как сложилась бы ваша судьба... Но когда вы стали эксплуатировать свои скучные знания о психических болезнях...

Она перевела взгляд на управляющего-телохранителя.

Телохранитель сочувственно скрипел зубы.

* * *

...Она пришла в себя на цинковом столе. Руки, разведенные в стороны, удерживались ремнями. Такими же ремнями связаны были циколотки; се бритый затык

лок ощущал холод kleenки, и холод металла, и холод просторной комнаты, уставленной цинковыми столами в несколько ярусов...

Она лежала в центре. Прямо над ней стерильным солнцем нависал белый холодный прожектор.

— Я невиновна! Я невиновна! Я...

Ей только казалось, что она кричит. На самом деле губы ее едва шевелились, и голосовые связки не работали.

— Пощадите...

В поле ее зрения вплыла фигура в белом хирургическом костюме, в маске и шапочке — и в kleenчатом мясницеом переднике, надетом прямо поверх накрахмаленной униформы.

— Нет...

Человек наклонился над ней, стянул с лица маску, обнажая рот и подбородок.

Его губы полуоткрылись, выпуская на волю зубы. Ирена судорожно зажмурилась, не желая видеть нависших над горлом заостренных костяных ножей...

— А-а-а!!

...За окном стояла темень. Даже силуэты гор еще не обозначились.

У изголовья мерцал светильник, имитирующий свечку на ветру. По комнате прыгали тени — электрические, нестрашные.

Ирена положила трясущуюся руку на круглый пластмассовый абажур — будто на теплый черепаший панцирь.

* * *

— ...Это что такое?

Управляющий-телохранитель похож был на довольного пса, притаившего хозяину дохлую крысу. Ирена

не сомневалась, что именно он, обыскивая комнатау, обнаружил ее тайник; теперь, стоя за спиной Семироля, он с готовностью ожидал новых приказаний.

— Что это, Ирена? — удивленно повторил Семироль.

В руках у него была бывшая простыня, разорванная полосами и превращенная в веревку. Поначалу Ирена мастерила лестницу, — но на рассвете, отчаявшись, вывязала на конце ее крупную неумелую петлю. Другое дело, что дальше намерений дело не пошло; Ирена рассчитывала, что, по крайней мере, до следующей ночи тайник ее останется в неприкосновенности...

Зря надеялась.

— С бабами всегда много возни, — с сожалением заметил управляющий.

Она отвернулась. Оба были ей до невозможности противны — и упырь, и его пес.

Подошла к окну.

Горы, подсвеченные солнцем. Далекое блеклое небо. Дорога, до которой уже никогда не добраться.

Жаль Сэнсея, оставшегося ТАМ. Жаль безмозглую черепаху.

И, как ни странно, Анджея тоже жаль. Теперь она может в этом себе признаться...

Она стояла у окна, спиной к своим палачам, и смотрела, как кружится в блеклом небе хищная птица.

— Ирена...

— Оставьте меня в покое. Мне надоело ждать, когда вы меня убьете. Либо убивайте сейчас — либо идите в...

Она никогда не злоупотребляла такими словами. Может быть, поэтому они звучали в ее устах особенно убедительно.

Пауза.

— Хорошо, — раздумчиво сказал упырь. — Возможно, вы правы... Не следует дальше тянуть. Идемте.

Она помолчала, лихорадочно пытаясь отыскать глазами птицу; птица исчезла.

Тогда она медленно обернулась, все еще не желая верить собственным ушам:

— Сейчас?!

— Да. Именно... Идем.

— Прямо сейчас?

— Сама не знает, чего хочет,— сказал управляющий.

— Заткнись, Сит!!!

Мордоворот отшатнулся к противоположной стене. И замолчал, по-видимому, надолго.

— Ирена... руку.

Ее безвольные ватные пальцы легли в странно горячую, цепкую ладонь. Горы... Она в последний раз оглянулась.

«Анджей, спаси меня...»

Горы. Как на календаре. Открыточный пейзаж, когда-то украшавший стену спальни...

Покачивались стены. Резиновой лентой прогибался пол. Гармошкой топорщилась лестница.

«А потом я вылезу из гроба и тоже стану вампиршей...»

— Ирена, спокойно. Спокойно. Вот так... Тихо. Это мой кабинет... Садитесь. Вот, выпейте водички. И послушайте меня внимательно... Можете меня внимательно выслушать?

— Я невиновна,— сказала она и закашлялась.

— Это не имеет значения... В глазах закона вы виновны. Согласно приговору, вы должны быть мертвы. Это ясно?

Он все еще держал ее за руку. Мертвой хваткой.

— Ян, вы садист? — спросила она, удивляясь внезапной ясности ума. Как будто на смену обмороочному состоянию пришло полное спокойствие.

— Нет. Я спрашиваю не ради удовольствия, а для пользы дела... в конечном счете, для вашей же пользы, Ирена.

Она хранило рассмеялась.

— Не смейтесь... потому что я планирую оставить вас в живых. Вопреки приговору. Ясно?

Она молчала.

— Вы этого хотите, Ирена? Жить?

Слишком быстро все происходит. Значительно быстрее, чем она успевает воспринимать. Натянуть бы одяло, задуматься. Погладить теплую черепаху под настольной лампой...

— Жить?..

— Я знаю, что вы медленно соображаете, но не настолько же!

— Жить? Хочу.

— Уже хорошо... Тогда с вас маленькая услуга. Согласитесь?

Она помолчала еще. Какое это, оказывается, счастье

— положить руку на теплый черепахий панцирь...

— Скажите, какая.

— Торгуемся?

— Нет. Скажите, какая услуга.

— Родить мне ребенка. Моего ребенка. Желательно сына, но тут уж как получится...

Она молчала.

Ей только сейчас открылось, что она сидит в кресле. И комната, где она находится, действительно кабинет. Письменный стол, по краям которого небоскребами возываются стопки бумаг. Неустойчивыми башнями. Неудобно вывернув шею, смотрит через плечо суставчатая настольная лампа, а вдоль стен ровными рядами стоят корешки строгих архивных папок...

«Не сейчас,— говорил Анджей.— Через год. Или два. Время есть. Ты еще молода. Не сейчас, Ирена...»

— ...Ирена. Медленно соображать — не порок, главное — соображать хорошо... Я вас не тороплю. Подумайте. Когда загорится зеленая лампочка — скажете...

— Какая лампочка? — спросила она после паузы.

— Как в светофоре. Как в контролере-автомате — зеленая лампочка готовности... Самое обидное, что при вашей медлительности вы далеко не дура. С вами хорошо переписываться... по крайней мере, легче, чем вести беседу.

Всю свободную от стеллажей стену занимала карта. Великолепная, подробная, яркая карта, и кое-где живописно торчали булавки...

— Именно я? Почему?..

— Потом объясню.

— А...

— После родов вы оставите ребенка отцу, то есть мне. Получите новые документы, кучу денег, авиабилет в любой конец Земли... Свободу и независимость. И начнете, как говорится, жизнь заново. В чудном домике у моря. Или сделаете пластическую операцию и выкупите свой собственный дом. Как хотите. Единственное условие — ребенка не попытаетесь отыскать под угрозой разоблачения. Я понятно выражаясь?

Комната утопала в полумраке. Только круг света от суетившой лампы косым пятном лежал на стеллажах.

— Мне надо подумать, — сказала она шепотом. — Обязательно надо подумать.

* * *

К Анджею липли дети. Все и всяческие. Дети друзей и знакомых и просто случайно встреченные на улице. Даже подростки к нему липли — хотя бы те мальчики и девочки, с которыми он «моделировал» на кухне некое подобие «настоящей жизни»...

Однажды Ирена полчаса помогала ему снимать с дерева каранзу лист шести,— тот забрался высоко и не умел слезть. Сидел на верхушке и орал, как кот, а мать курицей носилась вокруг дерева, и Анджей, который под руку с Иреной шел на чай-то день рождения, скинул свой светлый пиджак и полез наверх, и снял малыша, как снимают котов, а Ирена стояла с пиджаком на плечах и «руководила», выкрикивая предостережения...

— Из тебя вышел бы неплохой отец,— сказала она небрежно, когда она искали на улице кран, чтобы Анджей мог вымыть руки.

— Из меня вышел бы старший брат,— отозвался он серьезно.— Отец из меня такой же, как и мать. Никакой.

— Ты безответственный? — осторожно спросила она через полчаса, когда они подходили к дверям именинника.

— Наоборот, я чрезмерно ответственный. Будь я чуть более легкомысленным,— и ты уже возилась бы с выводком мальчишек, похожих на меня...

— Нет,— сказала Ирена в ужасе.

И в тот день Анджей блестяще подтвердил ее правоту. Сначала вдохновенно руководил весельем. Потом выпил. Потом поспорил с именинником на бутылку коньяка, причем суть спора так и осталась для Ирены неясной. Анджей, однако, уединился — и, спустя полчаса, предстал перед гостями в облике высокой и плечистой, но вполне привлекательной проститутки (потом Ирена обнаружила разгром, учиненный среди ее косметики). Публика рукоплескала, а Ирена не знала, куда себя девать,— но развлечение на этом не закончилось. Анджей отправился на улицу и «снял» лысого толстяка на черной машине, и укатил с ним в неизвестном направлении. Долгий час его отсутствия стоил Ирене нескольких седых волос. Наиболее здравомыслящие из гостей уже

спрашивали друг друга, не слишком ли далеко зашел господин Анджея в своей склонности к мистификациям,— когда в дверь позвонили, и Анджея, все еще в плаще, но уже без парика, в обнимку с пьяным толстяком явился требовать выигранную бутылку коньяка...

У Иrenы волосы вставали дыбом, когда она вспоминала этот вечер. И мысль о «выводке мальчишек, из которых каждый был бы похож на отца», уже не казалась ей такой привлекательной...

Это не мешало ей провожать взглядом соседских карапузов в ярких комбинезончиках.

* * *

Остаток дня она провела в постели. Привычным движением натянув одеяло до подбородка, сцепив пальцы на груди. Думала.

Когда горы в окне окончательно померкли, протянула руку и включила светильник. По комнате запрыгали тени от электрической свечки на несуществующем ветру.

Слишком много вопросов.

И усталость. И мысли о смерти, как о старой приятельнице, с которой, однажды познакомившись, приходится раскланиваться всю жизнь...

Потом в дверь осторожно постучали, и, конвульсивно дернувшись, Иrena подскочила на кровати:

— Кто там?!

— Я,— сказал приглушенный голос Семироля.— Можно войти?

Дверь не занизилась изнутри. А ножка стула, которую Иrena приспособила под ненадежный засов, вываливалась от малейшего движения двери...

Стул с грохотом свалился на пол и, кажется, в его изящной конструкции что-то сломалось.

Семироль постоял в проеме. Потом переступил через рухлядь и прикрыл за собой дверь.

— Включить свет, Ирена?

— Да...

Она зажмурилась. Прикрыла глаза ладонью.

— Вы подумали?

— Да...

— Я мог бы дать вам время до завтра,— но, верите ли, мне самому не терпится услышать... что вы решили?

Ирена отвела от лица ладонь.

Семироль сидел на краю кровати. Очень гладкая кожа, очень блестящие волосы, очень чисто выбритые щеки. И он снова напомнил ей Анджея,— тот тоже умел вот так смотреть, взглядом выматывать душу...

— Вы ведь загнали меня в угол,— сказала она шепотом.— Не оставили... выхода. Если я скажу «нет», вы же меня прикончите...

— Обязательно,— сказал он без улыбки.

— Нормальные люди,— она усмехнулась, слишком уж нелепо прозвучало слово «нормальные»,— нормальные люди заводят себе семью... жену. И с женой плодят детей, сколько угодно и сколько получится...

— Да? И какой же вы видите МОЮ жену?

Семироль ловко сделал ударение на слове «мою».

Ирена молчала. В свое время у нее на курсе половина девчонок мечтала выйти замуж за преуспевающего адвоката. Кое-кто из них, Ирена уверена, не побрезгал бы и упырем.

— В роли моей жены,— Семироль кивнул, будто читая ее мысли,— я вижу либо дуру, либо циничную стерву... Но мы уклонились от темы. Ирена, что вы решили?

Она поежилась, глубже уходя под одеяло. Опустила глаза:

— Скажите мне... зачем вам нужен этот ребенок?

Он усмехнулся впервые с начала беседы:

— Я рад, что вы спросили. Нет, я действительно рад...

— Зачем он вам?

— Ответ повлияет на ваше решение?

Ирена оторвала взгляд от складок на одеяле. Подняла глаза,— это был очень трудный, очень мучительный для нее взгляд.

Семироль выждал паузу. Хмыкнул, рассеянно погладил бумажный сверток, лежащий у него на коленях. Ирена отчего-то верила, что он не станет врать. И если ребенок нужен ему как донор, к примеру, для трансплантации...

— Не смотрите так, Ирена. Когда вы так смотрите, ваши большие печальные глаза превращаются в зеркало. Ну и премерзкий, надо сказать, монстр в нем отражается... Неужели я такой?!

Она потупилась.

— Ребенок нужен мне, Ирена, чтобы быть ему отцом. Чтобы вырастить его и воспитать, а когда-нибудь оставить ему все это.— Семироль широким жестом обвел комнату, подразумевая, очевидно, всю ферму и даже горы за ее оградой.— И пусть меня разобьет паралич, если я солгал вам. Паралич на триста лет — представляете силу моей клятвы?

Она невольно улыбнулась. Возможно, это Анджей когда-то вбил в нее этот стереотип — когда мужчина не врет, он должен ерничать...

— Вы мне верите?

— Да.

— Еще вопросы?

— Почему именно я?

— Это сложнее,— он снова погладил сверток.— Но поставьте себя на мое место... Сам родить ребенка я по понятным причинам не могу. Эрзац-матери отпадают

сразу — вы себе представляете, как надо деградировать, чтобы торговать своим телом, как инкубатором? За деньги?

Ирена неуверенно пожала плечами.

— Идем дальше... Подруга? Преданная домработница? Но тут ведь парадокс — либо женщина отрекается от ребенка с легкостью, и значит, она стерва и не годится в матери. Прошу прощения, я слишком серьезно к этому отношусь. Гены... Наследственная предрасположенность... Я столько литературы по этому поводу прочитал, что мог бы сдать на бакалавра генетики.... Не важно. Другой случай — женщина не отрекается от ребенка... Куда девать ее?.. Ирена, извините. Я перехожу к самой циничной части своего рассказа. Потому что на вас у меня есть инструмент давления — ваш смертный приговор... Этой угрозы достаточно, чтобы человек даже с нормально развитым материнским инстинктом сумел преодолеть его. Я прав?

Ирена кивнула, так и не успев до конца осознать его слов. Обо всем этом она еще подумает — потом...

— ...И вот появляетесь вы. Я долго ждал... Потому что смертные приговоры выносятся часто, но женщин среди приговоренных не так уж много. И они сплошь и рядом больны, развратны, психически изуродованы... Я, честно говоря, испугался в какой-то момент, что и у вас... раздвоение личности, бред, а наша психиатрическая экспертиза на многие вещи смотрит сквозь пальцы... Короче говоря, ваш второй, смоделированный мир, Ирена, ваш «юноша с белым лицом» едва не стоил вам жизни.

Она подавила в себе желание спрятаться под одеяло. Как в детстве. Убежать от собственного запоздалого страха.

Все ее эмоции, как правило, запаздывают...

— ...А вы, Ирена, по всем параметрам... разве что возраст немножко портит дело. Будь вам лет двадцать... не обижайтесь. Было бы лучше.

— Я не обижаюсь,— сказала она механически.

Судмедэкспертиза... Она постаралась забыть ее, как дурной сон. Но сейчас, все глубже уходя под одеяло, вспомнила, что среди осматривающих ее был врач, маниакально озабоченный ее здоровьем и способностью к деторождению. Как будто не на смерть ее снаряжали — в далекий космос, где ей предстояло заселить своими отпрысками одну-две планеты...

— Я ответил на ваш вопрос, Ирена?

— Да...

— Будете спрашивать еще?

— Но ведь я маньячка,— сказала она, спиной вжимаясь в плоскую подушку.— А у маньяков... как вы думаете, сын вампира и маньячки, он...

Семироль поморщился. Лицо его, до того благодушное, на минуту сделалось усталым и нервным:

— Да. Я надеялся, что об этом вы не спросите. Напрасно, выходит, надеялся... Ну да все равно. Перед тем, как решаться на... следует проговорить и выяснить все. Дайте руку.

Она помедлила — и протянула из-под одеяла свою непривычно худую, темную, на белом фоне, ладонь. Семироль деловито, по-врачебному, потянулся щупать пульс,— а потом вдруг крепко сжал ее пальцы:

— Ирена, я знаю, что вы невиновны.

Она мигнула.

— Я знаю, что вы невиновны. Я не знал этого с самого начала. Но, будучи специалистом... а я специалист, Ирена, специалист высочайшего класса... Проведя собственное маленькое расследование, наведя о вас справки и пообщавшись с вами, готов отдать на отсечение любую часть

тела... что вы не совершали преступлений, за которые приговорены.

Она попыталась выдернуть руку; его пальцы не пустили:

— Вам скверно. Вы думаете, что я вас подставил. Изначально наметил себе в жертву, протащил через все эти круги ада... Это не совсем так. Я не всесилен, за стенами этой фермы я всего лишь адвокат. И даже я, Ирена, не смог бы... вряд ли доказал бы вашу невиновность на фоне вашего феноменального упрямства. Где вы были десять месяцев? Кому вы пообещали хранить эту тайну? Не так уж важно для меня. Безусловно интересно для суда. Нет, не отвечайте... Теперь не имеет значения. Я предпочел не рисковать... возможно, вы не знаете, но я не имею права выкупать смертников, если на процессе был их адвокатом. Если бы вас засудили, несмотря на мои усилия,— вы погибли бы, Ирена. А так вы будете жить.

Она, наконец-то, вырвалась. Села на кровати, запахнула на груди халат:

— Вы врете. Вы могли бы меня спасти...
— Не вру. Может быть, и мог бы.
— Но не стали даже пытаться... Вы даже виду не подали, что мне верите!

— Зато теперь я говорю: я вам верю, Ирена. Вы невиновны. Посмотрите-ка сюда...

Он развернул, наконец-то, сверток, лежащий у него на коленях. И она сразу узнала обложку и перестала сопротивляться. Серенькая невзрачная обложка ее первой авторской книжки...

— Эта вещь, Ирена, оказалась не последним аргументом... в пользу моего решения. И даже ваши параллельные миры не смогли его, этот аргумент, завалить. Я понимаю — нервы... шок... Вы — очень уязвимое существо... несмотря на вашу кажущуюся заторможенность. Вот она, эта книга... Перечитайте. Потом поговорим.

* * *

Ночь она провела, конечно же, без сна. Прягало пла-
мя искусственной свечки под полусферой теплого аба-
жура.

Она принималась читать — и, просмотрев две строчки,
всякий раз испуганно захлопывала книжку. Ей каза-
лось, что все это безнадежно слабо. Ее первые вещи,
собранные под одной обложкой; уже спустя год после
выхода этой книги она стала ее стесняться. По-шенячы
беспомощные рассказы... Молоденький, серенький, пе-
риферийный автор...

Она гладила книжку, как гладят уродца-котенка.
Страшненький, но все равно жалко...

А потом ей показалось, что обложка *немного* дру-
гая, чем это отпечаталось в ее памяти. Чуть более яркая,
и стилизованный цветок в правом верхнем углу должен
быть синий, а не зеленый. И — как обычно, когда обна-
руживалось отличие МОДЕЛИ от реального мира — ее
ожхватил иррациональный страх. Она спрятала книгу под
подушку и преодолела искушение извлечь ее снова.

Теперь она лежала на спине и заново прокручивала
разговор с Семиролем, — прошло уже часов восемь, и
она могла позволить себе роскошь мгновенной реакции.

Да, в этом ночном разговоре она реагировала мгно-
венно. Отвечала остро и соображала цепко, и монолог
Семироля то и дело прерывался ее бесстрашными ком-
ментариями...

А потом — горы уже серели — она осознала, что
признана невиновной и будет жить.

И заснула ровно и крепко, чтобы с первыми лучами
солнца подскочить от новой мысли, простой, естествен-
ной, невыносимой.

ГЛАВА ПЯТАЯ

A

где господин Семироль?

Управляющий-телохранитель, любовно стряхивающий пыль со станинного медного подсвечника, удивленно на нее взорвался. Вероятно, он не считал свою медлительную подопечную способной к

столь неожиданному появлению.

— А господин Семироль уехал... И не вернется, пожалуй, до завтра... Велел вас познакомить с господином Ником... А тот уж сам знает, что с вами делать,— управляющий усмехнулся, обнажая желтые от курения зубы.

— Что? — выдавила Ирена.

Ее школьная учительница терпеть не могла этого вопроса. «Хмель, если ты еще раз чокнешь»...

— Какой-такой господин Ник?!

Это еще один вампир, обреченно сказал пессимистичный внутренний голос. И они тебя поделили...

— Господин Ник — это я...

Она обернулась.

Человек стоял в дверях гостиной. Нет, не громила в мятом свитере; этот новый персонаж походил скорее на аккуратного отдыхающего в престижном санатории. Тщательно выглаженные черные брюки, плотная белая

рубашка навыпуск и романтический шелковый шарф вокруг шеи. Стильный мужик, сказали бы Иренины студентки.

— Господин Ник — это я. И господин Ян, которого вызвали срочные дела, действительно попросил меня... побывать с вами во время его отсутствия. Тем более, что у нас теперь будут общие, гм, интересы...

— Вы тут живете? — после паузы спросила Ирена.

— Здесь, — человек неопределенно махнул рукой. — На ферме...

— Вы кто?

— По своей первой профессии я врач... Но зачем нам стоять посреди комнаты? Идемте ко мне, спросите о чем захотите, а я с удовольствием отвечу...

Ирена вспомнила вопрос, оборвавший ее и без того короткий сон. Прерывисто вздохнула:

— Идемте...

Господин Ник галантно предложил ей руку.

* * *

Они миновали запертую дверь кабинета Семироля. Прошли дальше по коридору. Перед новой дверью Ник достал из кармана связку ключей, из чего Ирена заключила, что он пользуется здесь большей властью, нежели даже управляющий-телохранитель.

— Это библиотека...

Ирена и без него знала, как называется помещение для хранения книг. В круглом аквариуме играли хвостами рыбки, — Ирена поразилась, до чего они яркие и крупные.

И еще ее поразило, что в библиотеке пахнет медпунктом. Больницей. Едва ощутимый запах.

— Принюхиваетесь? Тут рядышком мое хозяйство, а когда ты единственный врач на много километров

вокруг, да еще в горах... Следует продумывать все возможные варианты. Я здесь однажды аппендицит оперировал, не говоря уже о...

— Господин Ник...

— Просто Ник, договорились? А я буду звать вас просто Ирена...

— Э-э-э... Ник.

— Да?

Она замолчала. Рыбки в аквариуме неутомимо поворачивались, иногда касались друг друга боками; полная гармония, мрачно подумала Ирена. Никто ни за кем не гонится, не отталкивает другого от кормушки...

Ее собеседник терпеливо ждал. Ирена не знала, как и о чем можно говорить с этим, внезапно возникшим, странным человеком.

— Ник, вы... тут работаете. Врачом. У господина Семироля. Да?

Он странно улыбнулся. Странно, но обаятельно. Кивнул.

У него было круглое скуластое лицо с широко поставленными глазами. И, в отличие от господина Семироля, кожа не казалась здоровой и гладкой. Выдубленная ветром, морщинистая смуглая кожа.

— У господина Семироля целое хозяйство,— сказала она задумчиво.

— Да... Его хозяйство гораздо больше, чем вы воображаете. И гораздо разнообразнее.

Ирена помолчала. Спросила на всякий случай, невольно прижимая руку к сонной артерии:

— Вы не вампир, случайно?

Ее собеседник прыснул, как от веселой шутки:

— Нет... К сожалению. И я не ученый, изучающий этих... гемоглобинозависимых. Черта с два Ян позволит себя изучать...

— Вы его... подручный?

Она тут же пожалела о своем вопросе, потому что приветливое лицо Ника помрачнело и вытянулось:

— А-а-а... Нет. Он управляется без медицинской помощи. У васников, извините за подробности, есть такие вот природные орудия вроде скальпеля... — для наглядности Ник показал пальцем себе в рот. — Только острее. И слюна с антисептическим, анальгезирующим действием... Интересно?

— Очень, — сказала Ирена, передернувшись. — Извините за дурное подозрение. Вы Семиролю не подручный. Вы его личный врач.

— Нам бы всем такое здоровье, — печально сказал Ник. — Единственная медицинская услуга, которую я могу оказать Яну, — это массаж... Ну, исключая травмы, естественно. Он регенерирует как... упырь, но должен же был кто-то правильно сложить ему кости, когда он в прошлом году сломал руку на лыжной трассе... Ирена, вы не видели эту трассу, вы много потеряли. Нормальный человек размазался бы по скалам в два счета...

«Нормальный человек»...

Ирена вспомнила о вечернем разговоре. И — в который раз — о злой мысли, пришедшей утром.

— Вы чем-то огорчены? — Ник аккуратно поправил свой романтический шарфик.

— «Нормальный человек», — пробормотала Ирена с горечью. — Ник, для вас действительно это нормально — вот вы беседуете со мной, приговоренной за три убийства... Вы ведь все про меня знаете. И что я невиновна — тоже, мне кажется, знаете. И зачем меня сюда привезли... И сколько приговоренных привозили до меня... Вы все это знаете. И болтаете, словно за чашечкой кофе?!

— Кстати, я хочу кофе, — сосредоточенно пробормотал Ник. — Не обижайтесь... Да, я немножко болтун. А вы немножко молчуны... У нас сбалансированная пара. Да, я все про вас знаю. Я, представьте себе, даже читал

когда-то ваши повести, и читал с удовольствием... Я знаю, почему Ян вас не убил. Знаю, для чего вы ему понадобились. Ведь я же его консультировал, когда он добыл результаты медэкспертизы! Я же ему первый давал «добро», невзирая на ваш возраст... Ирена, а вы хотите кофе? Я закажу Ситу две чашечки, покрепче, с шоколадом...

Ирена молча кивнула. Ник действительно выскочил, распорядился, вернулся; Ирена все пыталась вспомнить: кто это в последний раз угощал ее кофе? Тоже при каких-то странных обстоятельствах? Уж не господин ли недоброй памяти Петер?!

— Значит, у вас тут целое предприятие,— проговорила Ирена, когда Ник вернулся.— По отбору... и дальнейшему использованию... приговоренных к смерти потенциальных матерей.

— Ничего подобного,— горячо возмутился Ник.— Вы — первая... И, я надеюсь, единственная претендентка на эту нелегкую роль. Мы сделаем все возможное, чтобы уменьшить риск. Никаких осложнений, никаких неожиданностей... Копия заведенного на вас медицинского дела лежит у меня в столе. Да и сам я, между прочим, специалист вы-со-чай-шей квалификации...

Ирена вспомнила слова Семироля — почти слово в слово. Как сговорились... Только один адвокат, а другой, по-видимому, акушер-гинеколог...

— О чем вы задумались, Ирена?

Она смотрела на рыбок. Только сейчас до нее дошло, что они не настоящие. Пластмассовые игрушки с магнитной начинкой — магнитные рыбки, в точности имитирующие движения живых...

Она втянула в себя воздух:

— Ник... А что помешает вашему, гм, шефу,— на этом слове у нее получился некий саркастический акцент,— привести приговор в исполнение... ПОСЛЕ ро-

лов? Отпустить меня... на волю... совсем? Согласно решению суда?

Она выговорила злую мысль, и ей стало легче.

Ник перестал улыбаться. Помолчал. Задумчиво полез в аквариум, поворотил рыбок, вытащил руку, стряхнул на пол капельки воды:

— Ирена... Есть вещи, о которых Ян не врет. У нас с ним старая негласная договоренность... я не вру ему. Он не врет мне. Если бы он... ну, предположим... хотел бы... видите ли, я же не кричу: «это цинично» и «как вы могли подумать». У Яна это было бы возможно... с другой, к примеру, женщиной. Но если бы он планировал это сделать... или хотя бы задумывался об этом... Я бы знал. Я научился понимать его. И он мне доверяет.

Ник замолчал. Перевел дыхание:

— Если он обещал отпустить вас, Ирена,— он отпустит. Сделает так, чтобы вы могли спокойно и свободно жить дальше. Все, как обещал... Он не врет.

— А вы не врете?

В дверь постучали. Вошел громила-Сит, ни слова не говоря, поставил на журнальный столик поднос со всеми кофейными принадлежностями. Так же молча удалился.

Ирена вдохнула запах кофе. Беззвучно застонала от наслаждения, вдохнула еще, отхлебнула.

— И я не вру,— почему-то печально отозвался Ник.— Я не врал... даже обреченным пациентам. Вот...

Ирена молчала, пока не выпила все до дна. Осторожно поставила чашку на место; в аспидно-черном теле кофейника причудливо отражались яркие тени магнитных рыбок.

Злой вопрос не ушел. Но стал мельче и бледнее, и Ирена знала, что, возможно, скоро избавится от него совсем...

Она облизала с губ крупицы кофейной гущи:

— Спасибо... за кофе, я имею в виду. Ну и... вообще.

— На здоровье,— Ник деловито вытер руки салфеткой.— Значит, так... теоретические вопросы мы в основном выяснили. Теперь переходим к практическим... Сегодня я заступаю на пост в качестве вашего наблюдающего врача. Идемте...

К библиотеке примыкал маленький коридор с рядом мягких стульев у стены. Здесь Ник снова зазвенел своими ключами; Ирена принюхалась. Запах больницы не стал сильнее, но и не исчез.

— ...А вот и мое царство, кошмар детишек и девственниц!

Ирена остановилась на пороге. «Царство» было обширное, стерильно-чистое и укомплектованное всем необходимым.

На любые случаи жизни.

* * *

— Это ожог?

— Нет, это родимое пятно...

Она не могла сдержать нервной дрожи — как всегда, когда приходилось впускать в свое тело бесстрастные докторские инструменты.

— Не напрягайтесь. Ведь не больно?

— Больно...

— Расслабьтесь, Ирена.

Она смотрела в потолок. В белую круглую лампу. Одну из многих.

— Кто это вас так запугал?

Она подумала, говорить или нет.

— Послать на казнь... можно только здорового человека. А экспертиза по поводу моего здоровья...

— Черт... Чего еще ждать от этих коновалов?! Плюньте и навсегда забудьте.

Снова звякнул металл.

— Когда у меня была своя клиника, я выгнал одного дурака за полную профнепригодность... Вы знаете, куда он устроился на работу? В эту самую экспертизу!

— У вас была своя клиника? — спросила она механически.

— А разве в это трудно поверить? Я так несолидно выгляжу?

Она смолчала.

— Вам не холодно, Ирена?

— Нет...

— Еще чуть-чуть... Да. Вот и все. Слезайте.

За перегородкой зазвучала льющаяся вода. Ирена перевела дыхание. С трудом слезла, заковыляла к своей одежде.

— Вы вот браните коновалов,— она заступила боевой ногой за край половика и вздрогнула, ощущив холод бетонного пола.— А, между прочим, это для вас они добывали первые доказательства моей пригодности...

Ник не ответил. Лил воду, лязгал железом.

— А теперь вы гордо отчитаетесь перед Семиролем,— пробормотала она, нервно вздрагивая.— Все в порядке, самка исправна и готова к размножению...

— Вы оделись? — глухо спросил Ник.

Она натянула туфли и выбралась из-за ширмы.

Ник уже снял свой синий стерильный халат. В цинковой раковине горой лежали перчатки и инструменты, рядом тихонько помигивал лампочками автоклав.

— Что вы обо мне думаете, Ирена?

Она привычно промолчала.

— Догадываюсь... Я циник. Доктор-смерть на службе вампира. Да?

Он вдруг улыбнулся. Ирена удивилась — секунду назад ей показалось, что Ник напряжен и зол.

— Ирена... Хотите еще кофе?

* * *

— Вы спрашиваете себя... Что же, это чучело, хваляющееся своей вы-со-чай-шей квалификацией, не смогло найти другой работы, кроме как на этой комфортабельной фабрике-бойне?

Ник не шутил. Хотя и улыбался.

Магнитные рыбки рядом лежали на столе. Вне своего аквариума они казались просто аляповатыми игрушками.

— Вы будете живы и свободны... Живы и свободны, — повторил Ник, и в его словах ей послышалась вдруг странная безнадежность.

Она нервно стукнула зубами о край фарфоровой чашечки.

— И вы, с вашей вы-со-чай-шей квалификацией, не смогли найти другой работы, кроме как на этой комфортабельной фабрике-бойне? — передразнила слово в слово.

Он вздрогнул, — возможно, от настоящего отвращения, прозвучавшего в ее словах.

— Ирена... Видите ли. Спросите себя, как я здесь оказался?

Равнодушно прищурившись, Ирена допивала вторую чашку кофе. На нее снизошло сонное спокойствие. Она будет жить — и ладно...

— А почему я должна спрашивать себя? Спрошу лучше вас...

Ник грустно улыбнулся.

— А я вам не отвечу...

Он вытащил из кармана связку ключей. Поводил над обсыхающими магнитными рыбками; пластмассовые тельца задергались.

— Гальваника, — констатировал Ник мрачно. — Оживление трупа... Ирена. Я бы молчал... Но, рано или

поздно, вы все равно узнаете. А для меня лучше рано, ведь пациент должен доверять врачу... По крайней мере, не испытывать к нему отвращения... Спросите.

— Что?

— Как я сюда попал.

И этот тоже похож на Анджея, подумала Ирена сонно. Вечный театр, проигрывание ситуаций...

— Дорогой Ник. Скажите мне, пожалуйста, и как же вы сюда попали?

Он отозвался без улыбки:

— Так же, как и вы. В робе смертника. Без надежды выжить.

Ирена ногтем провела по краю чашки. Двумя пальцами взяла за плавник самую крупную рыбку. Опустила в аквариум; рыбка ожила. Заструилась в переплетении водорослей.

— Молчите, Ирена... Вы не любите говорить. Сюда... на ферму... раз в несколько месяцев привозят обреченного человека. Иногда чаще... В основном это подонки, Ирена, ах, какие отморозки... Я не могу... судить Яна. Ему нужна эта кровь, нужна для жизни, вот он и... Никто никогда не присутствует при этом. Я только приблизительно знаю, как это происходит... А потом Сит и Трош кремируют труп. Ян не садист, он никогда не издевается над жертвами, нет...

Ирена взяла за плавник следующую рыбку. Взвесила на ладони. Уронила в аквариум:

— Сит и...

— И Трош. Нас четверо — Я, Сит, Трош и Эльза... Все смертники. Сит — охранник и управляющий, я врач, Трош — инженер, Эльза возится с животными... Тут ведь куры, кролики, две коровы, натуральное, в общем, хозяйство... Работы хватает.

Ирена подняла за хвост третью рыбку, но хвост оторвался, и рыба упала в недонитый кофе.

— Видите ли, Ирена... Каждому из нас Ян дал шанс. Мы живем,— хотя по всем законам, по всем документам давно умерли... Ходим по этой земле. Смотрим на эти горы. Хохочем над глупыми шутками ведущего в телешоу. Озабочены тем, что весной вода размывает дорогу, что осенью ветер сносит антенну и ее надо чинить... Что коровы болеют. Что сараи давно пора перекрасить... Да мало ли забот. Из которых, в общем-то, и состоит это длинное развлече-
ние — жизнь...

— За что? — спросила Ирена, выуживая из чашки бесхвостую рыбку.— За что — их? За что — вас? Ошиб-
ка? Как я?

— Нет,— Ник горделиво покачал головой.— Я, например, убийца... Четырнадцать убийств. И во всех я признался.

Чашка в Ирениных руках опрокинулась на бок. Фарфоровая ручка легко отделилась от нее, и белый скол засиял, как обнажившаяся кость.

— У меня был свой госпиталь, Ирена... И свой боль-
шой участок. Я четырежды в жизни решился на крими-
нальный аборт... не буду сейчас вдаваться в подробнос-
ти. И десять раз... Ну, вы знаете, что такое эвтаназия?

Ирена молчала. Не сводила глаз с его спокойного лица.

— Эти старые несчастные люди... видите ли, очень тяжело умирать... от некоторых болезней. Они просили меня... и я им помогал. Десять человек. На протяжении двенадцати лет... Сейчас мне сорок пять. И шесть из них я живу здесь, у Яна, после приговора и собственной смерти... Вы молчите, Ирена. Молчите. У меня вырабо-
талаась скверная привычка,— я могу болтать часами... И даже без собеседника.

— Это пожизненное заключение? — спросила Ирена медленно.— Ему нужны рабы?

— Ему? Яну? Рабы? Нет... У нас здесь совершенно добровольное, достаточно гармоничное сообщество... Хотя таких, например, как Сит, я в той жизни на дух не переносил. Добрейшая Эльза, в прошлом проститутка, а теперь заботливая скотница... Искренне любит животных. И мужчин, надо сказать, любит всех без исключения... М-да. Неплохой парень Трош... Толку от него мало, зато здоровый, кровь с молоком... гм. Еще были двое на моей памяти... Видите, Ирена, как мало. За шесть лет — всего шестеро... с вами — семь... Да. Так вот те двое задумали и осуществили виртуозный побег...

Ник отхлебнул от своей чашки. Закашлялся.

— ...Виртуозный побег. Один был в прошлом десантник, здоровенный парень, водил все виды транспорта, голым на морозе по несколько часов выдерживал... А другой — стратег и идеолог, в прошлом журналист... Продумали все... Смылись.

Ник сгреб оставшихся рыбок обеими руками, так, пригоршней, кинул в аквариум. Взлетели брызги.

— Они бежали? — спросила Ирена, наблюдая, как по очереди ожидают рыбки.

— Да говорю же — смылись... А на другой день Ян приехал мрачный и оба тела привез в машине, — досуха высосанные, без капельки крови, желтенькие такие... — Ника передернуло. — Куда в него столько жидкости влезло... И как он их достал... Черт его знает. Упырь. Да и горы тут такие... Да. Спасибо Яну, что хоть показательной казни проводить не стал...

— Мой ребенок будет вампиrom? — спросила Ирена и не услышала собственного голоса.

Ник услышал. А может быть, догадался.

— Я не вру вам... вы помните? Так вот, с большой дозой вероятности — да. Но совсем не обязательно, Ирена. Не обязательно.

* * *

Несколько часов она честно пролежала с закрытыми глазами. Потом выудила из упаковки горошину полученного от Ника снотворного, проглотила ее — и погрузилась в скверное подобие сна.

Ей снились мышата, которых приходилось кормить из бутылочки с соской. Молоко проливалось, не попадая в зубастые ротики, Ирена маялась, меняя одну дырявую соску за другой...

Усилием воли она выкарабкалась из сна. Перевернулась на другой бок; экзамен, а она не знает ни единого вопроса. Водит ручкой по бумаге, записывая общие пустые фразы, и растет предчувствие позора, провала, а ведь она преподаватель... как стыдно...

Она застонала во сне. Села на кровати, включила свет. Сунула руку под подушку, вытащила свою первую книжку. Раскрыла на середине — текст был совершенно чужой. Уродливые фразы, сентиментальные глупые слова, патетические вскрики...

Открылась дверь, и вошел Семироль.

— Что?.. — она выронила книжку, порываясь повыше натянуть одеяло.

Ни слова не говоря, адвокат-упырь сел на край кровати. Усмехнулся, не разжимая губ. Взял за край Ирениного одеяла, рванул, сбрасывая на пол.

— Что вы...

— Вы ведь согласны, — с усмешкой сказал Семироль. — Вы согласились. Или ТАК, или смерть...

— Я не...

— Не согласны?

И он разжал губы, но Ирена успела зажмуриться на долю секунды раньше, чем в свете ночника блеснули острые, как бритвы, клыки.

— Я... да...

Его тело оказалось тяжелым, как земля. Как будто на Ирену вскарабкался, похотливо сучя гусеницами, средних размеров танк.

— А-а-а!

Под грузом вампира ее грудь сплющилась, не давая возможности вдохнуть. Ее ребра вот-вот треснут. Ее живот...

...Она закричала.

Одеяло валялось на полу.

Ирена чувствовала себя мокрым коконом, облеченным слоями ночной сорочки. Сгустком ужаса и отвращения.

Окно едва обозначилось серым прямоугольником рас- света.

— Ой нет...

Сон был все еще здесь. Тень сна.

* * *

— Ирена, хотите погулять?

Она оторвалась от созерцания гор за окном. Недоверчиво посмотрела на Ника:

— А что, прогулки позволены?

— Прогулки желательны... А с медицинской точки зрения прямо-таки необходимы. Прогулки способствуют нормальному сну, а со сном, как я погляжу, у нас все нарастающие проблемы...

Она вздохнула:

— А вы всерьез взялись за меня. За мое здоровье. За здоровье самки перед осеменением...

Ник сделал кислое лицо.

Ирена поймала себя на мысли, что ее раздражение вялое и во многом сделанное. Возможно, она ко всему на свете притерпелась, а может, осужденный врач обладает неким особенным обаянием,— но ей не противно

его общество. Несмотря на специфичность их взаимоотношений. Несмотря даже на неприятности вчерашнего осмотра.

— Ян еще привезет вам зимнюю одежду, а пока я могу одолжить вам свою собственную куртку... С удовольствием одолжу, Ирена.

...Горы подернуты были полосами тумана. В первую минуту у Ирены от свежего воздуха закружилась голова, она ухватилась за вовремя подставленную руку сопровождающего.

Так. Гаражи. Сараи. Ограда... Собак нет. Доктор прав — надо гулять, восстанавливать силы, они ей еще понадобятся. Интересно, вчерашний рассказ о неудачливых беглецах — случасен? Или Ник имел целью напугать ее, отбить охоту ко всяkim замыслам такого рода?

Она мрачно усмехнулась. Ник расценил ее усмешку по-своему:

— Красиво, правда, Ирена? Великолепное место...

Она прикусила язык. Она могла бы пошутить в том духе, что, мол, «великолепное место» попросту содрано моделью тором-Андреем с видового календаря. Но отчего-то ей казалось, что теперь подобные шутки неуместны.

— Ирена, я хотел бы... чтобы между нами было как можно меньше... мусора. Напряжения, домыслов, зла... Ян — циник? Да, конечно. И я циник? В какой-то степени... Вы — самка для осеменения? Да и... нет. Речь идет о... маленьком человеке, который без вашей помощи никогда не появится на свет. И о другом человеке, мужчине, который хотел бы иметь ребенка, но по многим причинам... ну, вы понимаете. Вся ситуация выглядит, конечно, ужасно, — но подумайте... в конце концов — это... гуманистическая миссия. Не смейтесь, я понимаю, что смешно и сентиментально выражаясь... Но разве я не прав, Ирена? А?

Она тщетно попыталась убрать с лица желчную усмешку:

— Вы меня уговариваете?

— Я? Нет... то есть да. Я уговариваю вас... увидеть во всем этом добрые стороны.

Они остановились перед запертой калиткой. Ник помедлил, вытащил из кармана свои ключи; Ирена изо всех сил попыталась скрыть нервную дрожь. Вот как, выбраться за пределы ограды так элементарно просто...

Они вышли на дорогу. Прошли сто метров в сторону перевала; Ирена оглянулась, чтобы окинуть взглядом всю ферму целиком.

Вдалеке, у приземистого длинного строения, которое Ирена определила как хлев, прошла женская фигурка в ярко-алом свитере. Глухо хлопнула дверь.

Над котельной — во всяком случае, Ирена решила, что это котельная — поднимался белый дымок. Над крышей дома имелся флюгер с жестяной вертушкой, огромная антенна смотрела в небо разинутым серым глазом. Флигель. Хозяйственные постройки. Дальше — глухая стена леса...

Она вспомнила свой собственный тихий двор. Свой НАСТОЯЩИЙ дом, а не тот, оскверненный неведомым гостем... Без горелого тряпья в камине. С серьезным Сэнсесем, ежечасно обегающим территорию по периметру...

А ведь Сэнсей никого к себе не подпустит, — подумала она, холода. Так и умрет с голоду на пороге доверенного ему дома... Там, в реальности. Там...

Прошло больше месяца. Почти пятьдесят дней...

А там, в большом мире, прошло пять. И Сэнсей все еще ждет ее. И господин Петер... неужели у него не предусмотрено никаких аварийных вариантов?!

Вынырнуть в реальность. Еще десять дней просятся каникулы... А там — явиться на заседание

кафедры, обнять Карательницу, поцеловать ее в напудренный нос, зарыдать на пронахшей парфюмерией груди...

Рванул ветер, заставив ее плотнее запахнуть слишком большую для нее мужскую куртку. На глаза навернулись слезы,— наверное, от ветра...

Ник тоже поежился — он вышел без шапки, а тонкий пиджольской шарфик вряд ли мог защитить от холода.

— Я знаю, о чем вы думаете, Ирена. Вы думаете смыться. Поверьте старожилу... Не стоит и пробовать.

— Да?

Помимо ее воли в этом слове послышалось нескрываемое презрение.

— Да... Вы думаете — здоровый мужик, а так легко примирился с пожизненным заключением... как и прощие. Как Сит, который — теоретически — может задушить Яна одной рукой. Как Трош, который... Гм. Трош из нас самый нервный. Потому я пока не буду вас знакомить.

— Не больно-то рвусь...

— Вам по горло хватает и одного болтуна? Меня?

Ирена мельком взглянула на собеседника. Ник улыбался.

Из-за далекого поворота вынырнула машина. Ирена вздрогнула; машина — вездеход — скрылась из глаз и появилась снова. Издали дорога казалась такой, что неясно было, почему букашка на колесах до сих пор не сорвалась с серпантине и не летит в пропасть...

— А вот и Ян,— сказал Ник, и Ирена не смогла определить чувства, с которым эти слова были произнесены.

* * *

Семироль вылез из машины — Ирена сразу увидела, что он весел, несмотря на осунувшееся, серое лицо с темными кругами под глазами.

— Вы гуляете? Отлично. Великолепно. Я рад, что вы нашли общий язык...

— Ну как? — осведомился Ник вместо приветствия. Семироль покал плечами:

— Отложили слушания... Но все напрасно. Дело, практически, сделано, процесс, считай, выигран, хотя с самого начала у меня были сомнения... Ирена, вы выглядите уставшей.

— Вы тоже,— отозвалась она после паузы.

— Я-то работал с утра до рассвета, и сделал, можно сказать, невозможное... И взялся еще за два дела. И привлек за клевету одного смелого газетчика... А вы? Плохо спите?

— Ирена тоже работает,— негромко сказал Ник за ее спиной.— Проделывает внутреннюю работу... Я убеждаю ее в гуманности ее миссии... надеюсь, что мои слова возымеют на нее... скорое действие.

Семироль цепко глянул Ирене в глаза, и ей стало не по себе от этого взгляда. Она потупилась.

— Ирена интересовалась,— все так же негромко продолжал Ник,— не убьешь ли ты ее ПОСЛЕ.

Ирена резко обернулась. Ник обезоруживающе улыбнулся:

— Да, у нас с Яном такие отношения... доверительные. Я хотел еще раз развеять ваши сомнения... что в этом бес tactного?

— Я сдержу слово,— спокойно подтвердил Семироль.— Слово, данное Ирене... а она сдержит свое. Да?

Ирена попыталась вспомнить, обещала ли она что-то адвокату-упырю,— и не смогла.

* * *

— ...Энергичная вдова задумала отсудить крупный кусок у фирмы, в которой служил ее погибший муж... Я очень редко работаю без аванса, но, во-первых, дело очень перспективное... А во-вторых, жалко женщину. Дети, долги, все такое... Ирена, что ж вы ничего не едите?

Ирена послушно положила в рот кусок ветчины.

— С таким выражением лица обычно едят картон,— сообщил Ник.— С ужасом предполагаю, что у нашей Ирены атрофировались вкусовые рецепторы... Ну-ка, покажите доктору язык!

— Я не ваша Ирена,— сказала она, с трудом проталкивая в горло полупережеванное мясо.— Оставьте меня в покое.

— Другой бы оскорбился,— с постным лицом прорубомотал Ник.— А я так даже извинюсь... Извините. Сфамильярничал.

Ирена смотрела в тарелку.

Она все ждала, что Семироль, насытившись, окинет ее оценивающим взглядом и скажет, вытирая губы салфеткой: «Ну что же... Вставайте, Ирена. Идем»..

Анджей... Анджей. Он пережил бы Иренину казнь. Но измену? Вернее, изнасилование? А ведь иначе как изнасилованием это не назовешь... Если Анджей существует внутри МОДЕЛИ,— хотя бы в виде бесплотной тени... Может ли он допустить?!

Странные мысли сумасшедшей женщины. Она опустила веки, будто желая спрятаться от наблюдающих за ней мужчин. Они не должны даже предположить, как далеко зашло ее безумие...

Семироль вытер губы салфеткой. Провел пятерней по волосам — теперь они не казались такими жесткими и блестящими, и не топорчились больше

— падали, и кое-где сквозь них просвечивала кожа. Поморчился, как от головной боли; встретился глазами с Ником, и Ирена увидела, как под этим взглядом балагур-доктор часто и напряженно замигал. Опустил голову.

— Ирена,— Семироль обернулся к ней.— В вашей комнате... подарки для вас. Буду рад, если вам понравится... До завтра, Ирена. А ты, Ник...

Врач устало улыбнулся. Поднялся вслед за Семиролем, поправил свой романтический шелковый шарф.

— Ник,— повторил Семироль, раздумывая.— Сиди, наверное... Развлекай Ирену.

Ник мигнул снова. Достаточно нервно:

— А... стоит ли? Перебор...

— Разберемся,— Семироль был уже в дверях.— Спокойной ночи, Ирена...

И исчез. Бесшумно соскользнул в полумрак.

— Он здоров? — спросила Ирена после паузы.

— Здоровее нас всех,— мрачно сказал Ник.— И услуги доктора ему еще долго не понадобятся...

— Сит! — послышалось с лестницы.— Иди сюда, ты мне нужен...

Ник почему-то нахохлился, как больной воробей.

Ирена смотрела на модернистскую картинку в раме. На женщину с иссиня-бледным лицом. На луну, за спиной у женщины.

— Мазня,— устало сказал Ник.— Знаете что, Ирена... Идите-ка к себе. Утешайтесь подарками.

* * *

Поверх горки фирменных пакетов лежал, повесив цветочные головки, маленький небрежный букет. Он лежал, в меру увядший, в меру помятый, и всем своим видом говорил: не нравится — не бери.

Я не навязываюсь. Можешь выбросить меня в мусор, мне будет обидно, но я переживу...

Ирена вздрогнула.

У ее дома, в углу перед забором, именно там, откуда чаще всего приходилось гонять соседских кур... Там сами по себе росли сиреневатые сорняки-беспризорники. Год за годом. Никто за ними не ухаживал, во всем жестоком мире они могли рассчитывать только на себя — и они в себя верили, и каждой весной организовывали маленькое цветочное государство, существовавшее поколение за поколением, вплоть до самого снега...

Не веря себе, она протянула руку и подняла вялый букетик.

Или они, или точно такие же. Вероятно, такого добра везде хватает... В городе еще осень, еще не выпал снег, и в каждом палисаднике полным-полно сиреневатых беспризорников...

Она вообразила себе адвоката, набирающего букет на обильно уновоженной собаками клумбе. Как он морщится, поддергивает брюки, с опаской оглядывается — не глядит ли полицейский...

А потом закрыла глаза и ясно увидела — вот к опечатанным воротам ее дома подъезжает машина. Лошадиный господин Семироль оглядывается, подзывает вездесущего маленького Вальку... Парнишка, сбросив теплую куртку, привычно сигает через забор. И через пять минут появляется, несет в грязном обрывке полиэтилена охапку сиреневых цветов пополам с рыжей травой, землей и пальми листьями...

Она поднесла букет к носу.

Сейчас на ее дворе пахнет именно так. Землей и осенью...

Зато ТАМ, в реальности, пахнет весной. И не прошло еще недели, как Ирена ела жареное мясо в компании господина Петера и его красноречивой сотрудницы...

— У меня раздвоение личности,— сказала она вслух.
И тут же зажала себе рот рукой.

* * *

Она проснулась на рассвете. Включила лампу — дневного света было еще мало,— окинула равнодушным взглядом гору подарков, сваленных на стуле и под столом, извлекла из-под подушки свою первую книгу.

Сегодня ей снилось, что она сидит за компьютером. И неспешно набирает, пощелкивая клавишами, собственную странную историю.

И она не вскочила, как обычно, в холодном поту. Она проснулась спокойная, слегка равнодушная, отчасти умиротворенная. Сиреневые цветы в стакане пахли осенью,— вчера она не решилась уморить их до смерти, бросила все-таки в воду...

Она раскрыла книгу и принялась неторопливо, медитично перечитывать.

...Сперва ей показалось, что она просто не помнит собственного текста. Слишком давно все это было... Свидетелем ее первых публикаций был еще Анджей, а в день выхода дебютной книги они на время позабыли распри и отправились вместе в какой-то открытый ресторчик, и Анджей...

Нет. Не то.

Ирена читала; текст, безусловно, принадлежал ей. Этот текст иногда являлся ей в самый неподходящий момент — за рулем, например, или на лекциях; помнится, ей ни разу не удалось перенести его на бумагу без потерь. Все время что-то мешало...

Ирена читала, и волосы поднимались дыбом у нее на голове.

Ее первые рассказы... ее РЕАЛЬНЫЕ первые рассказы и рядом не лежали с этим текстом — живым,

упругим, многослойным, куда более НАСТОЯЩИМ, чем все ее попытки, и ученические, и более поздние...

Вот маленькая новеллка о встрече двух влюбленных. Ирена помнила, как тяжело она ей давалась, как вяло шел диалог, он и на бумаге остался таким же вялым — бесконечная болтовня двух картонных персонажей, во лею автора усаженных на парковую скамейку...

Ирена помнила эту болтовню. И теперь, содрогаясь, раз за разом перечитывала все тот же рассказ, в котором диалога не было почти совсем. А была одна только эта скамейка. Старый ствол с приколоченной спинкой. Лежачее дерево с трафаретами прошлогодних листьев, похожих на отпечатки пальцев, с замысловатыми дорожками древоточцев, с ярким фантиком в щели; вместо ожидаемых слов о любви пришло ощущение, яркое, как этот фантик. Юные Иренины персонажи молчали, — и она, почти с ужасом, узнала в них своих однокурсников, влюбленную парочку, когда-то вдохновившую ее на этот рассказ, но потом потерявшуюся за ненадобностью, за банальностью фраз...

А теперь она вспомнила их. И увидела — молча сидящих на скамейке-стволе, глядящих в разные стороны.

Она заплакала. Потом перестала, жестко вытерла слезы, закусила губу:

— Это — бред... Это — МОДЕЛЬ!

Вероятно, Анджей был высокого мнения о ее литературном даре.

А может быть, это всего лишь побочный эффект?.. Что она знает о законах моделирования... вытащивших из глубин небытия адвоката-упыря Яна Семироля?!

Вот, значит, что имел в виду вампир, говоря об аргументе. Да, эта невзрачная книжка — действительно аргумент, даже ее, Ирену, убедит, в чем угодно...

Сиреневые цветы, воскресшие за ночь, наполняли комнату запахом травы.

* * *

Ее удивило, что кресло, в котором обычно скучал громила-Сит, сегодня угром оказалось пустым. Столик в гостиной, на котором обычно дожидался Иренин завтрак, тоже пустовал; обнаружив это, Ирена поняла, что проголодалась.

Дом казался покинутым. Ирена потихоньку спустилась к входной двери. Подергала за ручку — заперто, а ключи, вероятно, у Ника. Но ведь должны быть и другие двери...

— Доброе утро, Ирена.

Ей удалось не выдать замешательства. Семироль стоял на лестнице, этажом выше.

— Завтрак у меня в кабинете... Идемте.

В молчании они прошли по памятному Ирене коридору — ей, наверное, никогда не забыть, как Семироль вел ее, шатающуюся, вел, как она думала, на верную смерть...

— Вам понравились вещи?

Стараниями Семироля она оделась сегодня во все новое. И неправдой было бы утверждать, что она не отдала должное его вкусу. Что, подкрасив губы и взглянув на себя в зеркало, она не испытала мгновенного острого удовольствия...

— Все впору? Подходит? Одежда? Косметика? Белье?

— Да,— она нервно одернула свой новый светлый пиджачок.— Спасибо. Я вот хотела спросить...

Она хотела спросить, на какой клумбе Семироль оборвал неприхотливые осенние сорняки сиреневого цвета. Но в последний момент прикусила язык. Она уже нафантазировала визит Семироля в ее покинутый опечатанный двор,— и ей будет неприятно

узнать, что букетик куплен случайно, у запоздалой старушки-цветочницы...

— Что вы хотели спросить, Ирена?

Она попыталась придумать некий нейтральный вопрос — и не придумала.

— О чем вы хотели спросить?

— А куда Сит-то подевался? — ляпнула она первое, что пришло в голову.

— Отдыхает, — отозвался Семироль после коротенькой паузы. — У него сегодня выходной.

В кабинете Семироля было на этот раз светло. Окна выходили на восток, — и прозрачные полотнища занавесок не могли удержать мощного солнечного потока.

А говорят еще, что вампиры боятся солнца, ворчливо подумала Ирена. Сколько я видела фильмов, где вампир изыхал в finale, причем именно от солнечных лучей... И от осиновых кольев. И от серебряных пуль. И от чего только они не изыхали, оставляя мелкое потомство на расплод, на следующую серию...

— Ирена, солнце в глаза? Опустить черные шторы?

— Я не боюсь солнца, — проговорила она, потирая слезящиеся глаза. — Я просто не выпала...

— Опять?

Ирена обернулась. В кабинете обнаружился Ник, меланхолично нарезающий хлеб на освобожденном от бумаг углу письменного стола.

— Опять, Ирена? — осведомился он заботливо. — Расстройство сна? Будем пить на ночь молоко с медом? Травки, ванны, свежий воздух?

— Рехнулся? — бросил Семироль, но возмутили его не травки и не ванны. — Убери крошки, отойди от стола и не приближайся к бумагам! Ты бы еще масло завернул в какую-нибудь справку...

— Сегодня я работаю официантом, — Ник, как ни в чем не бывало, усмехнулся Ирене. — Будьте добры,

взьмите на себя роль хозяйки. Все готово, все на маленьком столе, кипяток — в кофейнике, сливки свои, домашние, колбаска экологически чистая... Ирена, сегодня вы потрясающе выглядите. Просто потрясающе...

Она смущенно улыбнулась. Интересно, понимает ли Ник, что, кроме приличного костюма и помады на губах, хорошего самочувствия пациентке добавила прочитанная ночью книга...

— Ирена, вы улыбаетесь, я рад,— Семироль уселся за наспех сервированный журнальный столик, закинул ногу на ногу.— Думаю, постепенно справимся и с вашей бессонницей, и с нервами, и прочими неприятностями... Я хочу, чтобы вы были совершенно счастливы. Если придется для этого выписать слона из цирка,— что ж, мы с Ником подсуетимся... Да, доктор?

Ник охотно закивал; Ирена переводила взгляд с одного на другого. Приговоренный к смерти гинеколог резал хлеб с врожденной элегантностью; белую рубашку он сменил на светло-бежевую, на брюках по-прежнему не было ни одной морщинки, а шелковый шарф сделал его похожим на актера из оперетты.

Семироль наблюдал за Иреной, откинувшись на спинку кресла. Встретившись с ним глазами, она тут же отвернулась — и мысленно поразилась произошедшей со вчерашнего вечера перемене. На ярком солнце, заливающем кабинет, Семироль прямо-таки лоснился здоровьем. Куда и девались круги под глазами,— кожа, упругая, как у младенца; волосы, блестящие, будто на рекламной открытке; ясные, ироничные, довольные жизнью глаза.

— Ирена, мы еще вместе посмеемся над вашими печальными приключениями... Как бы вас отвлечь-развлечь? Хотите телевизор? Бассейн? Спортзал?

Она подумала. Над чашечкой чая вился пар, покачивался, как круглый плот, прозрачный лимонный ломтик.

— Мне бы компьютер,— сказала Ирена неуверенно.— У меня возникли... ну, некоторые мысли... которые неплохо было бы облачить в слова.

Семироль засмеялся, утвердительно кивнул и протянул над столом руку. После секундного колебания Ирена решилась на рукопожатие.

— Исторический момент,— негромко прокомментировал Ник.

Ирена принужденно рассмеялась, и почти одновременно послышался стук в дверь.

— Заходи! — разрешил Семироль.

Ирена обернулась, ожидая увидеть Сита; вошедший оказался примерно такого же роста, но, если к Ситу применимо было слово «мордоворот», — этого нового следовало называть скорее «атлетом». Тонкий и тесный свитер — с высоким воротником до подбородка — облегал рельефные мышцы, крутые плечи, сильные руки; несмотря на бронированную красоту этого тела, лицо вошедшего было напряженным и неуверенным. Как будто к туловищу киношного супергероя насмешки ради приставили голову отстающего, затравленного одноклассниками, школьника.

— Это Трош,— сказал Семироль, приветливо кивая пришельцу.— А это Ирена... Познакомьтесь. Еще один член нашей маленькой, затерянной в горах компании...

Парень переступил с ноги на ногу:

— Рад... познакомиться...

Ирене, невесть почему, сделалось его жаль.

* * *

После завтрака Семироль извинился и, сославшись на дела, перепоручил Ирену Нику. Трош остался убирать в кабинете; Ник заставил Ирену переодеться в новый лыжный костюм, надеть подаренную

Семиролем куртку и проследовать наружу — на свежий воздух.

Во дворе сидел, привалившись спиной к дереву, Сит. Сидел, глубоко засунув руки в карманы, опустив голову на грудь; появление Ирены и Ника не произвело на мордоворота никакого впечатления,— он даже глаз не поднял.

— Погодите, Иренка...

С расстояния в десять шагов она наблюдала, как помрачневший Ник склоняется над неподвижным телохранителем. Вытаскивает из кармана его безвольную руку, ищет пульс.

Сит что-то сказал, но так тихо, что Ирена не рассыпалась.

— Ты бы лежал,— негромко отозвался Ник.— Лежал бы и не поднимался... ладно. Сейчас, подожди...

Сит снова что-то сказал, Ирене показалось, что он попросту пьян, но, секунду спустя, телохранитель с усилием поднял голову — и она поразилась цвету его лица. «Как мел», — слабо сказано. Говорят еще «как бумага», «как снег»...

— Ирена,— Ник бегом возвращался к ней,— прогуляйтесь за калитку, я сейчас отопру... Я минут через десять догоню вас.

— Что с ним? — спросила она испуганно.

— Голова закружилась,— Ник успокаивающе улыбнулся.— Не волнуйтесь, медицина не дремлет, сейчас я помогу страждущему товарищу и присоединюсь к вам...

Минуту спустя она осталась одна.

Поднимался над крышами белесый дымок. Висело над горами солнце — и, похоже, сегодня оно не поднимется выше...

Ирена смотрела на дорогу. Если идти по ней пешком,— за сутки, пожалуй, дойдешь... Или нет? Сколько

времени потребуется пешеходу, чтобы добраться до ближайшего населенного пункта?

Она оглянулась на ферму. Бежать по дороге решится только безумец. Куда разумнее углубиться в лес... и попытаться перейти через горы вон там, к примеру, на востоке, там, вроде, имеется видимость перевала... хотя для начала неплохо раздобыть карту. И выяснить, что там, за хребтом...

Горы молчали. Открыточно-красивые, заснеженные, придуманные Анджеем горы. В реальном мире на этом месте всего лишь холмы, мелкие соленые озера, тихий, обжитый старичками курорт...

Дурак вы, господин Петер.

«Ваша задача предельно проста,— вы войдете в мир... предположительно, он в точности соответствует нашему, разве что некоторое расхождение во времени...»

Идиот вы, господин Петер. Кретин.

«Мы примем все меры к тому, чтобы ваше... путешествие было как можно более безопасным. Почти таким же безопасным, как катание на лыжах с гор...»

Иренаsarкастически взглянула на невысокое солнце. Кажется, впервые за все это страшное время к ней вернулась способность спокойно и трезво соображать.

«...ЭТО, созданное господином Анджеем... с каждым мгновением становится все более... как бы это объяснить... автономным. И когда оно станет совсем автономным... Видите ли. Это — раковая опухоль на вероятностной структуре реальности...»

— У меня раздвоение личности,— сказала она вслух.— Я понимаю, что нахожусь внутри ложной, сконструированной реальности... Которая перерасходит энергию, срывает бюджет господину Петеру и угрожает некой «вероятностной структуре». И в то же время меня совершиенно реально приговорили к смерти и чуть не прикончили, и теперь некий чадолюбивый вампир со-

бирается оплодотворить меня не «вероятностно», а совершенно определенно... Анджея, где ты слышал большую чушь?!

Горы молчали.

— Анджея,— Ирена сардонически усмехнулась,— Анджея... Услыши меня. Кончай свои забавы, мерзавец, иначе Петер склоннет твою игрушку вместе со мной, вместе с тобой... Вместе с ними, со всеми, которые верят, что они настоящие... Услыши меня, чертов моделятор, или все это плохо кончится!..

В поле ее зрения попала неподвижно стоящая тень. Ирена вздрогнула, обернулась, едва не свернув себе шею. При мысли, что Ник или даже сам Семироль уличили ее в сумасшествии, сделалось дурно.

Поодаль стоял, скромно потупившись, Трош. Его легкая куртка едва не трескалась, распираемая широкими плечами.

— В чем дело? — спросила она резко. Может быть, излишне резко.

Трош вздохнул:

— Господин Ник велел мне... побывать с вами. Немного. Я не хотел мешать...

— Я не люблю, когда ко мне подкрадываются.

— Простите... Я не подкрадывался. Я хотел подойти, но... я увидел, что вы молитесь, и просто стоял и ждал...

Ирена промолчала; Трош неверно истолковал ее взгляд и добавил, отводя глаза:

— Я никому не скажу... что вы молились. Это ведь ваше личнос дело... Вот господин Ян... насмехается, когда я молюсь. Но ведь это МОЕ дело, верно?

— Да,— отозвалась она автоматически.— Конечно.

Трош вздохнул снова:

— Еще раз извините...

— Ник занят? — спросила она медленно.— Несприятности... Кто-то болен?

Парень кивнул, не поднимая головы. Некоторое время Ирена молчала, глядя, как он переминается с ноги на ногу.

— Вы давно здесь, Трош?

— А? — ее собеседник часто замигал.— А... Два года. Два.

— Прогуляемся? Поговорим?

— Да... В общем-то, с удовольствием... Господин Ник меня затем и... попросил.

— Боится, что я убегу? — Ирена прищурилась.

— Боится, что вы заскучаете,— сказал Трош серьезно.

— Как далеко мы можем уходить?

Трош покал плечами:

— Да как получится... Хотите — в лес...

Ирена окинула взглядом далекую стену хвои. Кивнула.

Шли молча; Трош напряженно сопел, и, где-то на полпути, Ирена с удивлением поняла, что он стесняется предложить ей руку. Боится обидеть. Боится показаться смешным.

Она взяла его за локоть; ей в жизни не приходилось опираться на такую гору мускулов. Анджей был худой и жилистый. О прочих — профессорах восточной литературы, студентах и литераторах и говорить не приходится...

— Ник сказал мне, что вы инженер?

— Был бы,— Трош сосредоточенно глядел себе под ноги, мышцы согнутой руки были твердыми, как дерево.— Я заканчивал... политехнический институт... да, в общем-то... я не очень хорошо учился, честно. Все спорт... ну... жизнь, она такая...

Ирена вздохнула. Ей хотелось знать, за какое преступление стеснительный атлет получил свой смертный приговор, но она знала, что спрашивать не станет. Ни в коем случае.

— Но здесь вам приходится иметь дело с техникой?
— поинтересовалась она небрежно.

— Да... Хотя я лучше бы... помогал Эльзе в коровнике. Я ведь вырос в деревне...

Вблизи лес не производил того величественного впечатления, которое складывалось при взгляде с дороги. Просто сосенки. Просто корявые елки. Внизу — густое переплетение сухих веток, и неясно, можно ли пройти...

— Куда вы привели меня, Трош,— сказала она в шутливом негодовании.— Я думала, через этот лес сбежать можно... А вы...

Парень побледнел. Втянул голову в могучие плечи:

— Нет... Что вы...

— Я пощупила,— сказала она примирительно.— Хотя... Вы никогда не думали о побеге, Трош? Вы, такой сильный, такой могучий, такой здоровый с виду...

— Это искупление,— пробормотал парень, глядя в снег под своими ногами. Голос его сорвался.

От порыва ветра закачались верхушки сосен. Где-то тяжело упала шишка.

— Это искупление,— Трош тоскливо сощурил слезящиеся глаза.— Это... за грех. Я...

Он с трудом взял себя в руки. Посмотрел на Ирену почти враждебно:

— Мы должны уже... обратно...

— Я не хотела вас обидеть,— сказала она, когда, возвращаясь по своим следам, они прошли большую часть дороги.

— Я не обиделся... просто...

Трош остановился. Судорожно сцепил пальцы, поднял голову, посмотрел на ослепительно синее небо:

— Все мы... на искуплении. Все мы... согрешили. Мы отдаем нашу кровь... капля за каплей... и когда этой крови достанет, чтобы наполнить Его чашу... мы уйдем

на свободу. Уйдем к Создателю. Я каждый день молюсь, чтобы... ТОТ взял мою кровь. И всякий раз боюсь, когда действительно... до этого доходит дело...

Ирена потихоньку отошла. На шажок. Еще на шажок.

«Трош из нас самый нервный»... Да он просто сумасшедший, ваш Трош. Правда, ему не вынашивать в своем чреве ребенка Семироля, его гены никого, вероятно, не заинтересуют...

Парень опомнился. Посмотрел на Ирену, лицо его, лицо затравленного подростка, виновато сморгнулось:

— Я... Извините. Я не знаю... О чем вам можно говорить... а о чем нельзя...

— Мне можно рассказывать все,— она покровительственно улыбнулась.— Доктор Ник уже посвятил меня... во все подробности нашего маленького общежития. И не бойтесь меня, Трош, я ни в коем случае не хочу вас обидеть...

— У вас хорошее лицо,— парень опустил голову.— Непонятно... что именно искупаете вы.

Ирена почувствовала холод. И, скорее всего, это ощущение никак не было связано с порывом ветра, налетевшим спустя несколько секунд.

— Я сама не знаю, что я искупаю,— отозвалась она с нервным смешком.— Я — жертва судебной ошибки...

Трош посмотрел недоверчиво. Отвернулся, провел по снегу носком сапога:

— Вы... не беспокойтесь. Это не больно.

— Да? — спросила Ирена, зачем-то отступая на шаг.

Трош печально кивнул:

— Да... Но это... скверно. Я боюсь... Вчера была очередь доктора Ника. Но ОН... перерешил. Взял Сита. Он часто... не трогает Ника, говорит, что он врач, он поле-

зен и потому... А я теперь думаю, моя очередь после Сита — в следующий раз он возьмет Ника... или меня?
— Пойдемте в дом,— устало предложила Ирена.

* * *

Ник встретил их во дворе. Широко улыбаясь, перевел взгляд с одного лица на другое:

— Нагулялись? Трош, за работу. Ступай, помоги Эльзе... Котельная. Уголь. Прачечная... И посмотришь машину. Ян говорит, что слишком быстро садится аккумулятор...

Ирена проводила атлета задумчивым взглядом.

— Он утомил вас?

Ирена молчала. Думала.

— Извините, мне пришлось вас оставить... Когда ты один врач на всю округу — приходится иногда...

— Не думала, что у вас так много пациентов,— Ирена смотрела невинно, но Ник сразу же глянул в сторону сараев, куда ушел печальный силач.

— Что, он производит впечатление помешанного? Это — всего лишь иллюзия. Он вполне здоров, просто сломался. У них была любовь до гроба с какой-то темпераментной девушкой, и, застав ее в постели с приятелем, он сгоряча прикончил обоих... Потом, правда, ужасно переживал. Ну, а наш суд скор,— аффект или не аффект, а дали парню высшую меру, а тут и Ян подвернулся со своими денежками...

Ирена молчала, сдвинув брови.

— Вы чем-то озабочены?

Он помог ей снять куртку. Ирена остановилась перед зеркалом, минуты две гляделась в собственное порозовевшее, но хмурое и сосредоточенное лицо.

— Ник... а что случилось с Ситом?

— Уже ничего,— Ник заулыбался.— Ему уже лучше. Завтра он приступит к обычным обязанностям, а уж послезавтра...

— Ник... а правда, что вчера была ваша очередь?

Он все еще улыбался, но улыбка была уже не совсем искренняя.

— Ник...

Он обеими руками провел по лицу, будто стирая с него фальшивую веселость:

— Ирена... только не волнуйтесь. Дело житейское... Ян очень не хочет, чтобы вы волновались. Он мечтает, чтобы жизнь на ферме вам понравилась...

— Ник... снимите, пожалуйста, шарф.

— Ирена... нет причин для волнения. Вам нечего бояться, уверяю вас...

— Снимите.

— Да сколько угодно... — врач снова усмехнулся. Шелковый шарфик змеей соскользнул с его шеи, задержался в нервных пальцах,— потому что, несмотря на кажущееся спокойствие, Ник все-таки нервничал.

Его шея оказалась белой до синевы. С обеих сторон тянулись едва заметные тонкие шрамы — старые и свежие. Ниточки-шрамы. Шрамы-значки. Шрамы-отметки.

* * *

...Ей снился Анджей. Как будто они вместе идут по кладбищу, и муж, увлекшись, рассказывает ей какую-то важную, безумно интересную историю. Рассказывает, и жестикулирует, и говорит все громче, а рядом идет похоронная процессия, и Ирена пытается уговорить Анджея снизить голос,— но он не слышит ее, говорит, смеется, размахивает руками... Люди в трауре, слезы, гроб. Анджей ничего не видит вокруг — «Это метод! — вык-

рикивает он, не слушая уговоров Ирены.— Метод, орудие, а не цель, понимаешь? Не основной процесс!..» И смеется, довольный собственной сообразительностью, и убитые горем люди оглядываются, и под их взглядами Ирена бросает Анджея и бежит прочь...

Бежит по кладбищу. Заходит в самый дальний его уголок. Среди множества заброшенных могил черной землей выделяется свежий холмик, Ирена спотыкается, под ногами камни, глина...

На блеклой фотографии не разобрать лица. И сколько она ни пытается прочесть имя, выбравированное на медной табличке,— не может прочитать...

Она проснулась — уже привычно — на рассвете. Привычно — от страшной мысли. Привычно — в поту.

Что станет с ней, если ребенок... не будет зачат? Кто сказал, что так просто, по одному лишь повелению господина вампира, произойдет... то, чего многие пары добиваются годами? А бесплодие? А...

Она заплакала.

Что будет с ней?

Истинное значение слова «ферма» открылось только теперь. Ферма. Ирена станет одной из ЭТИХ, вечным донором адвоката-упыря, станет раз за разом подставлять свое горло... Если уж не удалось однажды подставить... другой орган...

За окном проявлялись, будто на фотобумаге, очертания гор.

объясните мне, Ирена, почему, если донорство повсеместно считается благородным делом, наивысшим видом человеческой взаимопомощи... Объясните мне, почему в нашем случае то же самое, по сути, донорство должно расцениваться как нечто бесчеловечное, ужасное, циничное... Да, вы этого не говорили. Но достаточно взглянуть на выражение вашего лица, Ирена!

Ник вышагивал из угла в угол; Семироль безучастно сидел перед горящим камином и слушал магнитолу. Всем своим видом вампир-адвокат как бы говорил: «Меня здесь нет», — хотя уж его-то присутствие Ирена ощущала каждой клеточкой кожи.

Из двух фасеточных ртов магнитолы еле слышно доносилась меланхолическая мелодия. Когда-то Ирена знала эту музыку и любила, и всякий раз, заслышав знакомые аккорды, подкручивала ручку громкости...

— Я не прав? — патетически вопрошал Ник. — Ну так скажите мне об этом, объясните, в чем именно я не прав! Ваш взгляд... красноречивее любой ругани. Но я не могу понять... ладно, я могу понять. Я понимаю. Но ведь, в конце концов, Ян-то не ограничивается тем, что

пьет из людей кровь, он еще много хорошего делает — и собственно этим людям, и другим, затасканным по судам, отчаявшимся найти правду...

— Спиши слова,— пробормотал Семироль, не обрачиваясь.— Вставлю себе в речь. Пусть присяжные заплачут.

Мелодия сменилась сперва развязным голосом ведущего, потом, не менее развязной, песенкой,— певичка радовалась жизни, призывая всех, кто не лопух, радоваться вместе с ней.

— Ирена...— Ник перестал выхаживать, склонился над сидящей в кресле собеседницей, заглянул в глаза.— Мы должны были сказать вам раньше. Да, это наш просчет. Но вы заметили,— мы всячески стараемся уберечь вас от неприятных эмоций? От любых?

Семироль иронически хмыкнул.

— Я что-то не то сказал? — удивился Ник.

Семироль хмыкнул громче:

— Не ты... Эта баба, которая поет. Один из самых ярких, самых длинных и самых муторных бракоразводных процессов.

Ирене стало жаль певичку. Она давно научилась не вздрагивать при слове «развод», но полностью забыть это слово у нее не получится никогда.

Семироль обернулся. Глянул на Ирену через плечо; сама того не замечая, она коснулась собственной шеи. Того самого места, где билась под кожей сонная артерия.

Семироль усмехнулся. Ирена поняла, что выглядит глупо,— но поделать уже ничего не могла.

— И в чью же пользу завершился процесс? — с интересом осведомился Ник.

Семироль переключил станцию. Голос разведенной певички сменился чувственным баритоном, поющим, по счастью, без слов.

— В мою пользу... Потому что мне заплатили тройную ставку. А так... и она, и муж проиграли. Вот, Ирена понимает, о чем я говорю... Вы ведь разошлись в свое время с Анджеем, Ирена?

Она притворилась равнодушной. Другое дело, что перед Семиролем притворяться бесполезно...

— Ян,— услышала она собственный голос,— вы предпочитаете гражданские дела или уголовные?

— Я специалист широкого диапазона,— серьезно отозвался Семироль.

— А вам случалось... уберечь от приговора настоящего преступника? Убийцу? Про которого вы знали, что он виновен?

— Да,— сказал Семироль после паузы.— Случалось.

Ник шумно вздохнул:

— Ян, я изо всех сил пытаюсь создать романтический образ благородного адвоката... Откровенность прекрасна, но ведь Ирена может неправильно понять...

— Ирена правильно поймет,— Семироль встал.— Я профессиональный лгун, но с Иреной стараюсь быть откровенным. Верите вы или нет, но я не привык видеть в людях только лишь ходячие резервуары красной жидкости... И оставьте в покое свою артерию. Вашей шее ничего не угрожает.

Зато угрожает кое-чему другому, хотела сказать Ирена.

Но, покуда эта фраза пришла ей в голову, Семироль уже ушел,— оставив догорающий камин, поющую магнитолу и укоризненно вздыхающего Ника.

* * *

...В то лето у нее все получалось.

Недоумевающие переглядывались экзаменаторы; студентка Хмель, прежде успевающая, теперь не знала тол-

ком ни одного билета, — и это не мешало ей отвечать так легко и убедительно, что в зачетку падали одна за другой полновесные четверки. Завистливо вздыхали подруги; даже расхожая шуточка: «А что вы думаете о смертной казни?» — уже не задевала Ирену и не заставляла краснеть. Ее непредсказуемый мужчина, лучший из мужчин, теперь принадлежал ей безраздельно.

То лето, уж если хорошоенько вспомнить, было холодным, сереньким и слякотным. Спасаясь от мира и стремясь уединиться, новобрачные поставили палатку на берегу безлюдного озера; почему же в Ирениной памяти то лето навсегда осталось солнечным? Исступленно верещали кузнечики, покачивались белые метелки трав; что за экзотика была в головастиках на отмели, в мельчайших карасях, которых Анджей таскал «на рекорд», по хронометру?

Однажды вечером на их палатку набрели местные любители приключений — охотники за влюбленными парочками. То был воплощенный кошмар туристов, предпочитающих селиться шумными лагерями, лишь бы не подвергаться опасности вот так, среди ночи, обнаружить у своего костра десяток ухмыляющихся харь... Каким внезапным и холодным был ее страх, и как Анджей, не переставая улыбаться, не меняя даже позы, вытащил из-под мышки маленький черный пистолет и сразу же, без предупреждения, пальнул в воздух, и как трещали ветки на пути разбегающихся парней... И как сразу же после этого он властно потащил ее в палатку, а она, все еще вздрагивая, умоляла подождать, переждать, перебраться подальше к людям...

И как она перестала бояться. Сразу и навсегда. И что за празднество они устроили на рассвете — с купанием в теплой, подернутой паром воде, с первобытным визгом и брызгами, и опять же с любовью — в песке, на отмели, то-то удивлялись головастики...

Много позже она сообразила, что, оказывается, каждый вечер у костра и каждую ночь в палатке Анджея держал под боком заряженный пистолет. Ловко скрывая эту бытовую подробность от юной счастливой жены.

А ведь если она не была счастлива тем летом,— то что же такое счастье?..

* * *

— ...Нравится, да? Вот так — нравится? Любишь?
Иди сюда, моя хорошая... Вот так. Во-о-от...

Ирена осторожно заглянула в приоткрытую дверь. Невысокая женщина в черной брезентовой куртке любезничала с большой упитанной коровой — чесала за ухом, оглаживала странно чистые коровы бока, чуть не целовалась; потом, ногой пододвинув пустой подойник, села на скамеечку и, бормоча что-то неопределенно-ласковое, принялась доить. В глубине хлева двигала челюстями еще одна корова, поменьше, черная. Из клеток смотрели красными глазами кролики. В загородке возилась еще какая-то живность,— для того чтобы разглядеть ее, Ирене требовалось подойти поближе, а она не решалась прервать священный процесс доики.

— Да чего там, заходите, что ж в дверях-то стоять...
И прикройте за собой, а то ветром тянет...

Женщина приветливо улыбалась. Ирена поняла, что ошиблась, определяя ее возраст,— скотнице было не за тридцать, а чуть больше двадцати. Брезентовая куртка странно контрастировала с умело подведенными глазами и губами; горло женщины закрывал теплый шарф.

— Я Эльза,— она улыбнулась снова.— Это Снежка, это Рыжка... Все спрашивают,— почему Рыжка, она же черная? А я говорю — так и у Яна не семь ролей, а только две...

Доярка рассмеялась, локтем поправила выбившуюся из-под платка светлую прядь; до Ирене не сразу дошел ее каламбур. «Семироль — семь ролей»...

«Добрейшая Эльза, в прошлом проститутка, а теперь заботливая скотница... Искренне любит животных. И мужчин, надо сказать, любит всех без исключения»...

Ирена вспомнила Ника — с раздражением. Почему-то именно здесь, в обществе Снежки и Рыжки, его цинизм показался особенно скверным.

— Никто не знает, сколько ролей на самом деле у Яна, — сказала она медленно. — Не одна — это точно... Меня зовут Ирена Хмель, я...

— Знаю, — Эльза охотно закивала. — Вас неправильно засудили, Трош рассказывал... А я — это чтобы никаких сплетен не было — клиента прирезала за одну венец. Не знала, как убивать-то, просто сдуру ножницами в живот... Но это давно было, так что вы так не глядите. Скотина он был, покойник, хотя, если вдуматься, если бы не он, — до сих пор бы в... этом самом сидела. Под сутенеров бесплатно, прочих — по десять за ночь... Это я все сразу рассказываю, потому что Ник наверняка проболтается. У него язык, что флюгер, — туда-сюда, и не скрипит...

Ирена удивилась Эльзиной манере выражаться. Каламбур соседствовал с просторечием, а вульгарные обороты — со странной деликатностью. Могла бы, кажется, выругаться — ан нет, постеснялась...

Ей отчего-то привиделся Ник, сидящий вот тут же, в сарас, и развлекающий скотницу анекдотами из светской жизни гинекологов.

Эльза тем временем улыбнулась, и Ирене показалось теперь, что ей не больше девятнадцати. Девчонка...

— И сколько... вы здесь?

— В смысле, сколько времени? Да вроде лет пять... Точно, почти пять лет. Рыжке вот три года, а Снежке —

четыре... Тихо, Снежечка, тихо, привыкай, эта тетя теперь своя... Да. А еще были Синька и Барсик, и пришлось по старости прирезать, так я всякий раз неделю рыдая рыдала, Ян даже злился, вот успокою, говорит, тебя, чтобы водички на слезы не осталось... Бычка купить обещал... Тихо, Рыжечка, сейчас за тебя возьмемся, потерпи...

Руки Эльзы работали привычно, механически, легко. Наполнялся подойник, позывали ведра, коровы переступали ногами, косились на Ирену, нервно подергивали ушами; тупо смотрели из-за сетки красноглазые кролики.

Некоторое время Иrena раздумывала, спросить или не спросить. Вот он, вопрос, на языке вертится, такой дикий и одновременно такой естественный...

— Вам здесь нравится, Эльза?

Женщина вытерла руки о чистую тряпичку. Лукаво хмыкнула, снова поправила прядь:

— Понимаю... С непривычки странно... Идемте. Девочки — это коровам,— я сейчас еще вернусь...

Хозяйственная пристройка напомнила Ирене лабораторию господина Петера. Полно приборов непонятного назначения, и среди них какие-то маслобойки, ходильники, котлы...

— С непривычки странно,— задумчиво повторила Эльза.— Только вам за всю свою жизнь столько дерьямица не увидеть, сколько я его сожрала за один год... Да. Есть мужики, так те хуже любого упыря. Ян хоть по-честному кровь сосет... Все по-честному... Да. Я здесь человек, понятно? Трош хоть и тронутый, но мухи не обидит, даром что курву свою вместе с хахалем прикончил. Сит... он злой бывает, но он меня любит. Если обругает сгоряча,— так потом неделю прощения просит... А Ник...

— Что, Ник тоже? — вырвалось у Иrenы.

Эльза улыбнулась, обнажив красивые белые зубы:

— Ник... Он вам понравился, да? Образованные, они друг друга находят... Только Ник ведь доктор, вам нельзя... — и улыбка Эльзы сделалась совсем уж лукавой.

Ирене стало неприятно. Захотелось уйти; уже на пороге она, помявшись, обернулась:

— А Ян? Тоже?

Эльза серьезно, без усмешки, покачала головой:

— Ян... Он для меня вроде как Создатель. Что я ему? Хорошо уже, если по загривку погладит... как телку вроде...

— Хорошенький Создатель,— еле слышно пробормотала Ирена.

— Зато не бросает,— по-философски заметила Эльза.— Не бросает под забором, не оставляет на произвол... как это... На произвол судьбы. А кровь свою я ему и сама отдам. Что мне, жалко?..

* * *

До вечера она просидела в собственной спальне, за столом, перед даренным компьютером. Она хотела взяться за дело еще вчера, но мысль не шла,— зато сегодня, после встречи в Эльзой, нашлись, как ей показалось, единственно необходимые слова...

Она опомнилась, когда в комнате сделалось совсем темно и пальцы стали промахиваться по клавиатуре. Сит вежливо стукнул в дверь и сообщил, что господин Ян зовет Ирену поужинать; у нее возникло сильнейшее искушение сказаться болыной,— но ведь тогда придется доктор Ник, и придется либо симулировать до конца, либо сознаться в обыкновенной трусости...

Она поспешно переоделась,— новое платье сидело отлично, и это хоть немного приподняло ей настроение. Ирена пригладила волосы, придала лицу равнодушно-скучающий вид и спустилась в гостиную.

Семироль был один. Ирена ожидала увидеть тут же вездесущего Ника — и сперва обрадовалась, обнаружив его отсутствие.

А потом испугалась.

Проникновенно пела магнитола; натянуто улыбаясь, Ирена села за стол прямо напротив адвоката-вампира, и тот, благожелательно кивнув, наполнил ее бокал не вином, как она ждала, а ярко-апельсиновым соком.

Она сразу же все поняла, — но, как обычно, «сразу же» растянулось для нее минут на пять. Она глядела на сок, пробовала его на язык, выпила, наконец, половину бокала...

Закашлялась. Поставила обратно. Быстро взглянула на Семироля — и потупилась.

— Я циник, — медленно сообщил вампир. — Но, когда речь заходит о моем ребенке... я хотел бы, чтобы между нами было как можно меньше цинизма. Совсем избежать этого не удастся, — но давайте изживать цинизм, где только можем...

Ирена кивнула, не поднимая головы.

— Я вам противен?

Она помотала головой, — опять же не глядя.

— Ирена... Давайте поговорим о ваших рассказах. Я помню все до единого — особенно тот, где скамейка...

Ирена вздохнула. Снова отхлебнула из бокала:

— Я... сама не знаю, как это получилось.

Вероятно, Семироль не понимал, насколько искренне она говорит. Как ее саму поразили ее собственные рассказы, которых она никогда не писала в реальности...

Она усилием воли оборвала свою мысль. Нельзя думать о реальности и МОДЕЛИ — малейшая оговорка может выдать ее, и тогда...

— Наш ребенок вырастет, — Семироль плеснул себе лимонада, — и я расскажу ему о матери. И дам прощество... а ведь к тому времени выйдет не одна ваша книж-

ка. Вы будете работать и издаваться, вы ведь талантливый человек...

— Правда? — вырвалось у нее.

— Вы сами знаете, — он усмехнулся. — Ешьте... Ешьте, пейте, ни о чем не думайте. Все будет хорошо.

Она смотрела на его лицо. Пытаясь разглядеть зубы, которыми он аккуратно откусывал от пирога, изучала ногти на холеных руках, блестящие жесткие волосы...

Он мужчина, мужчина, мужчина. Он мне нравится, нравится, нравится...

Губы ее сами собой сложились в ироническую усмешку. Надо же, до чего нехитрая психологическая подготовка...

Почему ей казалось, что он похож на Анджея? Если бы он был хоть капельку на него похож... было бы легче. Но вот незадача...

А кто сказал, что в ее жизни должен быть только один мужчина, а прочие — тени?! Кто сказал, что всякий, кому она позволит обнять себя, должен быть похож на этого мерзавца Кромара?!

— Ирена, не терзайте себя дурацкими мыслями... Расслабьтесь. Хотите, потанцуем?

Она кивнула, не глядя и не колеблясь. Это ей нужно сейчас — ощутить его прикосновение...

Она боялась, что ей будет противно.

Магнитола тихо пела двумя черными разинутыми ртами; оказавшись так близко к Семиролю, Ирена неизвестно задержала дыхание. Испугалась, что от него пахнет застарелой кровью.

От него пахло хорошим одеколоном. Руки легли ей на талию — целомудренно и легко.

Последний раз она танцевала на какой-то институтской вечеринке — сперва с профессором восточной литературы, тощим и нескладным... А потом с сопливым студентом, который потел, смущался и исходил

лихорадочным подростковым желанием, у него дрожали руки, Ирене было его жаль...

Кажется, в тот вечер она возвращалась в задумчивости. По дороге подобрала попутчика — тот молчал-молчал, да и брякнул комплимент, такой двусмысленный, что Ирена гневно высадила его посреди безлюдной трассы... И, вернувшись домой, долго не могла уснуть, ворочалась с боку на бок, лупоглазое одиночество смотрело изо всех углов, тогда она встала, сняла с ночного поста удивленного Сэнсэя — и заснула в обнимку с псом, уткнувшись лицом в жесткую собачью холку...

— Ни о чем не думайте. Все будет само собой... Вы редкостная женщина. Странная... Танцуете вы плохо. Музыку слушайте, не спешите... Совершенных людей не бывает. Это было бы противоестественно, если бы вы еще и танцевать умели... Хотя нет. Сейчас вполне пристойно... Ирена, да не бойтесь вы. Все плохое позади...

Он привлек ее к себе. Она не сопротивлялась.

Не грят под окнами духовой оркестр. Анджей не видит; Анджей, наверное, взаимно умер. Когда-то они клялись забыть друг друга,— но уже через месяц после развода один из ее потенциальных ухажеров был жестокобит в своей же подворотне...

Если Анджей допустит ЭТО — а уже почти допустил,— то Анджей мертв.

Или мертв ДЛЯ НЕЕ; она ведь сама когда-то кричала ему в лицо — забудь меня, ты мертвец, для меня умер!..

Мысль о том, что Анджей ЗНАЕТ о происходящем, но позволяет себе ухмыляться и наблюдать, снова выбила ее из музыкального ритма,— Семироль недовольно заворчал, сильнее скимая руки на ее талии.

Она закусила губу. Так... если так, если судьба и Анджей хотят ТАК... Что ж, она... она женщина, а не синий чулок. И не вечная вдова. И не игрушка в руках

господина моделятора, она не боится, она сильная, она молодая, она красивая, в конце концов...

Лицо Семироля было совсем рядом.

— Идем,— быстро сказала Ирена, опасаясь, что запал ее погаснет так же неожиданно, как возник.— Идемте...

В ее комнате пахло расплавленным воском. Горела свеча — не электрическая, настоящая; ароматизированная постель пребывала в полной боевой готовности.

Она нервно задула свечку. Ей хотелось полной темноты. Чтобы не видеть никого и ничего.

— Ян, я сама... Я сама сниму, не надо...

Платье, так порадовавшее ее вечером, казалось теперь глупой и громоздкой вещью. Ее волосы запутаются во всех этих крючках и молниях...

Анджей придумал бы какую-нибудь шутку, от которой она спустя три минуты — в самый неожиданный момент — рассмеялась бы до визга. Семироль молчал.

Она рванула платье — выдрав при этом из прически клок волос. От боли на глаза навернулись слезы; по счастью, было темно, даже окно оставалось наглухо зашторенным.

— Ян, я...

— Погодите.

Он ловко освободил ее волосы. Расстегнул застежку, которой она не заметила; Ирена высвободилась. Стянула через голову платье, наступила в темноте на каблук сброшенной туфли, зашипела от боли.

— Погодите, Ирена...

Семироль подобрал ее вещи с пола, унес в темноту и там, вероятно, бросил на стул вместе со своей одеждой. Вернулся, сел рядом, положил ей руку на плечо:

— Не грызите губы...

— Вы видите в темноте? — спросила она безнадежно.

— Мог бы сократить, что не вижу. Хотите, завяжу себе глаза, чтобы мы оказались в равном положении?

— Не смотрите на меня,— попросила она жалобно.— Я... уже старая. Я...

— Будь я романтичным юношей, сказал бы, что вы прекрасны... Романтизма во мне ни на грош, но вы очень хороши, Ирена. Верите?

— Нет...

— Напрасно. Множество мужчин с удовольствием поменялись бы со мной местами...

«Анджей, ты слышишь?»

Ирена готова была к тому, что ставень на окне вдруг сорвется, продавленный снаружи, и сквозь разбитое стекло явится в блеске молний местный Создатель, желчный и злой, помахивающий телефонной трубкой на обрванном проводе: «Хватит, поиграли! Последний сеанс закончен, МОДЕЛЬ исчерпала себя, всем очистить экспериментальное пространство!..»

Но никто не явился в блеске молний. Руки Семироля неторопливо и мягко готовили Ирену к тому, что ей предстояло, хотя она бы предпочла, чтобы адвокат-упырь справился поскорее и без всякой подготовки...

Из памяти ее явился черный ящик в фотолаборатории, а внутри него — девственная тьма для перезарядки пленки. Чужие руки в нарукавниках из плотной ткани, черный ящик равнодушно позволяет пользоваться своей темнотой...

А потом она перестала думать, потому что вампир-адвокат, привыкший получать власть над умами и душами, подобрал ключ и к ее телу. И тело предало. Тело вспомнило, что принадлежит женщине. И сразу же дало знать об этом не только Ирене, но и Семиролю.

Ты этого хотел, Анджей.

Ирена стиснула зубы и обняла адвоката за шею. Прикосновение оказалось странно приятным — кожа у вам-

пира была гладкая, прохладная, будто тонко отшлифованное дерево.

— Ян... не тяните.

— Ирена...

Теперь он играл на ней, как на инструменте. Пусть чуть расстроенном, хрипловатом, все еще непокорном, — но играл умело и вдохновенно, и, возможно, с минуты на минуту, ждал настоящего, чистого, «концертного» звучания...

— Ирена... сейчас. Вы чудо... Вы еще напишете о любви... Будьте со мной, не надо прятать душу...

— Ян, пожалуйста!..

Ее решимость таяла.

— Не надо прятать душу, я ведь не прячу свою...
Будьте со мной — искренне, с радостью, это так много зна...

Боль от спазма была внезапной и всеразрушающей.

Ирена едва сдерживалась, чтобы не взвыть.

— Тихо, тихо... Ирена!!

Ей показалось, что все ее тело сейчас вывернется наизнанку, будто чулок. Онемели, потеряли чувствительность руки. Судорожно растопырились пальцы; в следующую секунду в бок воткнулась игла, она поняла это мгновение спустя, когда судорога уже отпустила...

И все-таки предусмотрительные ей попадаются мужчины. Один ложился в постель с пистолетом, другой — с булавкой на случай снаряда у чрезмерно нервной партнерши...

— Ирена, ничего страшного, — вампир тяжело дышал.

— Извините, Ян.

— Не за что извиняться... Дать воды?

— Извините, Ян...

— Я сам виноват. Возможно, я захотел слишком многоного...

В голосе его не было ни раздражения, ни упрека. Просто усталое сожаление.

* * *

Однажды летом — Ирена уже не помнила толком, в каком году — они оказались на пышном и модном курорте, из тех, которых Анджей обычно терпеть не мог, а она тайком любила. Впрочем, именно тем летом ее любовь к «ривьере» будто ножом отрезало. Навсегда.

В соседнем коттедже обретался известный кинорежиссер — стареющий, неотразимо обаятельный, спортсмен и эрудит; Ирена с удовольствием болтала с ним обо всем на свете — и в основном о том, что принято считать искусством. Режиссер был оригинален в суждениях, умен, да просто талантлив. Кроме того, он великолепно плавал, ловил крабов и с удовольствием пугал отдыхающих, время от времени подныривая под лодки и понтоны...

Ирена любила заплывать далеко за буйки. Оттуда открывался великолепный вид на бухту, а кроме того, именно за буйками начиналось настоящее море, безлюдное и свободное. В одиночку заплывать она боялась, а муж далеко не всегда соглашался составить ей компанию; в тот знаменательный день Анджей отказался снова. Он был страшно занят в тот день: сидел на песке, накинув на плечи клетчатую рубашку, и возводил домики из ракушек. Малышня со всего пляжа вертелась рядом, завороженная зодческим искусством взрослого дяди; дядя, впрочем, не видел ни любопытных детишек, ни их заинтригованных мам, ни, между прочим, собственной жены...

Потому Ирена так обрадовалась, когда режиссер предложил ей вместе сплавать далеко в море.

Вслед увязалась целая компания — две пожилые дамы, интеллигентная семейная пара да еще юная почитательница; всех их, разумеется, интересовало не море и не Ирена, а исключительно общество известного режиссера. К сожалению, почитателям заплыv оказался не под силу: попутчики отставали один за другим, испуганно поворачивали к берегу; вскоре Ирена и режиссер остались вдвоем.

Они плыли и беседовали. Разумеется, об искусстве. О богемных сплетнях, о новостях кино и театра, о красотах бухты и моря; режиссер восхищался Ирениным стилем плавания, стилем жизни и вообще — стилем...

А потом, рассуждая о совершенно отстраненных материалах, подплыл к ней вплотную. И жилистыми загорелыми ногами обхватил ее бедра, и она поняла вдруг, что всей одежды на ней — две полоски мокрого эластика...

Ей очень не хотелось обижать режиссера. Ей не хотелось ставить его в глупое положение, — но он плавал быстрее, чем она, а попытки высвободиться принимал за кокетство. Непонятно, что случилось с чутьем умного, в общем-то, человека, — возможно, одуряющее воздействовало море, или солнце, или слава к тому времени совсем размягчила ему мозги...

Ирена принялась вырываться всерьез. До берега было километра два, и ветер, поднявшийся с утра, все усиливался. Режиссер почувствовал себя оскорбленным — и лез теперь уже напролом...

— Да перестаньте же!..

Волна, ударившая ее в лицо, загнала слова обратно — вместе с глотком соленой воды. Она закашлялась; режиссер кинул ее теперь уже на помощь, — но она с отвращением оттолкнула его, захлебнулась снова...

Неизвестно, чем бы кончился заплыv, — но в этот самый момент ей почудилось, что от берега мчится, разрезая волну, глиссер на подводных крыльях. Во всяком

случае, зрелище было феерическое; спустя полминуты выяснилось, что это всего лишь Анджея Кромар, плывущий кролем.

Анджей кинулся на режиссера и взялся топтить его — сосредоточенно, страшно, со знанием дела. Режиссер булькал, лупил конечностями по воде, выныривал и снова погружался, не в силах сбросить с горла воротник из щепких пальцев Анджея; свидетелями казни были грязные желтолапые чайки, да еще Ирена, в меру сил сражающаяся с волной.

Потом она захлебнулась окончательно — и вскоре увидела, высоко над головой, отдаляющуюся водную поверхность...

Она пришла в себя на берегу. Под животом у нее было твердое колено Анджея — он вытряхивал из нее воду, будто из бутылки. Вокруг толпились возбужденные курортники, и на многих лицах было написано осуждение: вот что значит плавать за буйки!..

Коттедж по соседству опустел. Целых два дня Ирена дрожала и плакала, в полной уверенности, что волна вот-вот выбросит на берег мокрый режиссерский труп.

А потом мельком увидела «утопленника» в каком-то кафе,— тот поспешно ретировался, сделав вид, что не знает ее. И вскоре после этого покинул курорт...

Они с Анджеем не говорили о том случае. Ни сразу же, ни потом; согласно молчаливой договоренности принято было считать, что того случая не было вовсе...

Но модные курорты Ирена с тех пор разлюбила.

* * *

Утром она не стала подниматься с постели. Ей мешались участливые взгляды управляющего Сита: «Типа, ничего не вышло? Ай-ай.» И несмелый, вечно удрученный Трош: «И это тоже искупление». А Ник... Ник.

«Современная медицина легко преодолевает подобные проблемы... Следующую попытку проведем под наблюдением лечащего врача...»

В дверь постучали. Ирена судорожно натянула одеяло — свой единственный щит.

«Современная медицина» явилась в сопровождении столика на колесах. В комнате запахло завтраком; ни слова не говоря, Ник подкатил свою тележку к Ирениной постели и уселся рядом на табуретку.

— Это посещение родственниками в госпитале? — спросила она угрюмо. — Или докторский обход?

— И то и другое, — Ник наполнил ее чашку. — Хотите молока? Сметаны? Уж не знаю, как Эльза добивается таких потрясающих, гм, надоев. По-моему, коровы просто делают ей приятное...

— Ник, — сказала Ирена, с отвращением глядя в тарелку. — Вы не могли бы... что-то сделать? Пробирка... Удобно, надежно, вполне современно... Или искусственное осеменение практикуют одни только ветеринары?

Воистину, сегодняшняя ночь отбила у нее всякую потребность в деликатности.

— Вы будете смеяться, — Ник и бровью не повел, хотя она надеялась, что он, по крайней мере, смутится. — Я мог бы придумать что-нибудь, но не стану врать, скажу правду, и смейтесь на здоровье... Ян не хочет. Он считает, что подобный метод циничен, что его ребенок должен быть зачат в обстановке, максимально приближенной к семейной... Представляете, каков бред? И как вам подобные рассуждения в устах нашего кровопивца?

Ирена невольно взглянула на дверь.

— Не бойтесь, — Ник рассмеялся. — Я могу себе позволить некоторые вольности в отношении Яна, хотя это, конечно, не значит, что кто-то другой может поступать так же... Даже вы. Это я на всякий случай говорю, чтобы

предотвратить возможные неловкости... Ешьте. Не думайте о плохом. Все течет, все будет в порядке, меньше чем через год вы забудете обо всем, обо мне, о Яне...

И о ребенке, подумала Ирена.

Но вслух ничего не сказала.

* * *

Семироль уехал в город — на несколько дней, как уверял Ник. Ирена почувствовала себя свободнее. Эльза любезничала с Ситом на заднем дворе. Трош вытащил откуда-то старое охотничье ружье, перебрал его, почистил и пристрелял, изрешетив пулями толстый лист фанеры и расколотив вдребезги штук двадцать бутылок.

Ирена издали наблюдала за упражнениями Троша. День стоял солнечный, но очень холодный. Мысли Ирены текли параллельно по трем дорожкам: она думала о судьбе, о побеге и об охотничьем ружье.

Возможно ли, что именно судьба оборвала их с вампиrom брачную ночь? Кто сказал, что Создатель непременно должен являться в молниях,— куда скромнее и эффективнее мгновенный, болезненный спазм определенных мышц. Любопытно, что уготовит судьба на случай второй Семироловой попытки,— а в том, что такая попытка будет, Ирена не сомневаласьисколько...

— Анджея,— вопрошала она, глядя в небо,— мне долго еще ждать? Сотрудники Петера, небось, уже зарплату не получают...

Небо молчало. Трош хладнокровно дырявил бутылки.

Накануне Ирена, проведя приятный час в библиотеке с магнитными рыбками, ознакомилась с подробной картой местности. Мотивы Семироля, когда-то выкупившего бесплодный участок среди гор, теперь были ей намного понятнее: удирать с фермы через хребты

было возможно только в случае поддержки с воздуха. Грубо говоря, если беглеца поджидает вертолет с опытным пилотом, да еще для верности — полевая кухня и рота автоматчиков...

Возможно, какой-нибудь аскет, всю жизнь ходивший босиком и питавшийся кузнецами, смог бы пробиться через эти горы. Туристский опыт Ирене для этого не годился.

— Погнался за красотой, — с горечью бормотала Иrena, наблюдая, как посверкивают под солнцем дивные открыточные горы. — Хорошая моделька, чер-рт...

Карты города и окрестностей были великолепно проработаны — Иrena отыскала даже собственный дом у дороги. И тем более ее насторожило, что территория по ту сторону гор оказалась при этом обозначена всего несколькими штрихами, двумя-тремя названиями. Конец МОДЕЛИ? А ведь должен где-то быть край, рубеж, Анджей ведь не Бог, чтобы лепить весь мир целиком...

Она разглядывала антенну-тарелку на крыше. Спутниковая антенна предполагает наличие спутника. Что, Анджей и кусок Вселенной успел сюда привесить?!

Вилась по горам дорога. Иrena неплохо водила машину, — но, чтобы сесть за руль здесь, лучше быть все-таки мужчиной... И желательно вампиrom.

Она ухмыльнулась собственным мыслям. Заглянула в приоткрытую дверь гаражка — вездеход Семиrolia отсутствовал вместе с хозяином, зато белая легковушка с полустершимся красным крестом скучала в одиночестве.

Машина — Иrena знала — на ходу. И даже догадывалась, у кого ключи. У Ника...

В гараже пахло своеобразно и остро — но не противно. Иrena шагнула вперед; вместе с ней в гараж вошел ветер, качнулись голые лампочки под потолком.

Из-за не по росту огромных ребристых колес белая машина походила на балерину в десантных ботинках. «Руль лег в ладони доверчиво и просто. Мотор завелся с полуоборота... Медленно, еще не веря себе, она вывела машину за ворота — и поняла, что свободна, что теперь не догонят, даже на самом крутом повороте...»

— Гуляете?

Ирена резко обернулась. Трош, за спиной которого болталось ружье, виновато пожал широченными плечами: извините, мол, не хотел напугать...

— А вы собирались на охоту? — ответила она вопросом на вопрос.

Трош вздохнул:

— Я хотел... зимой сюда приходят дикие козы. Я в прошлом году подстрелил одну...

— А серебряные пули у вас есть?

— Что? — удивился Трош.

Некоторое время Ирена смотрела на него в упор. Правда, Трош стоял спиной к свету — она плохо видела его лицо.

— Трош, а вы машину водите? — спросила она, когда молчание стало совсем уж неловким.

— Нет... Даже за руль не садился никогда... Я только механик.

— Но почему? Если вам дают здесь стрелять из ружья, то почему не научили водить машину?

— Это упражнение, — сказал неслышно подошедший Ник. — Хорошо бы еще практикум «Езда по пересеченной местности». С ориентацией по карте. Хотя в принципе легче нанять микроавтобус, чтобы он отвез всех желающих туда, куда они укажут... Трош, Эльза жалуется, что котел течет. Иди и проверь.

Трош вздохнул. Поставил ружье в угол гаража и безропотно удалился.

— Мне не нравится ход ваших мыслей, Ирена,— сказал Ник, провожая его глазами.

Она промолчала.

— Вы видите рабов и хозяина... Вы видите заключенных и тюремщика. И у вас возникает естественное возмущение: почему они не бегут?

— Почему они не бегут? — пробормотала Ирена, глядя на ружье.

— Потому что каждый из нас заключил с Яном соглашение. Договор. У каждого из нас в какой-то момент был выбор... Да, и не надо саркастически улыбаться. И потом, куда нам бежать? Куда бежать Эльзе, вы думаете, на свободе ее ждет что-нибудь — кроме все той же панели? Что ждет Троша, Сита? Вечный страх. Вечный бег. Новый приговор — или пуля милосердных подельников.

— А что ждет вас? — спросила Ирена неожиданно для себя.

Ник улыбнулся краешком рта. Ничего не ответил, подобрал ружье, вышел из гаража; Ирена догнала его на полпути к дому:

— Я что-то не то сказала? Вы меня извините.

— Что вы, Ирена, какие обиды... За эти шесть лет у меня не осталось друзей... впрочем, их не стало гораздо раньше, в зале суда, вам это, наверное, знакомо...

— Да,— она помрачнела.

— Ну вот... Жена снова вышла замуж. Сыновья уверены, что я мертв... Куда мне бежать, Ирена?! Единственный человек, как-то меня понимавший и поддерживающий все это время — Ян... Вам это кажется неестественным. Да, я не люблю, когда из меня сосут кровь... Но это, поверьте, еще не самое страшное, что человек может сделать человеку. Верите?

Ирена помедлила — и молча кивнула.

* * *

Это — МОДЕЛЬ, говорила она себе, читая газеты недельной давности. Это — МОДЕЛЬ, думала она, прошматривая уголовную хронику по трем телепрограммам одновременно. Это только внешне похоже на привычную жизнь. Это — МОДЕЛЬ, и каков был замысел моделятора, — черт его знает...

— Ник, как вы думаете, — почему в этом... мире так много разнообразных убийц? Несмотря на все эти приговоры... И вам не кажется, что мир свихнулся на правосудии? На жестоком правосудии?

Ирена старалась, чтобы голос ее звучал как можно легкомысленнее.

Осужденный гинеколог пожал плечами:

— Это — к Яну... Это его жизнь и его профессия.

— А когда вернется Ян? — спросила она после паузы.

— В зависимости от того, как пойдет дело... Он сейчас тянет два процесса одновременно. Гражданский и уголовный.

— Устает, бедняга, — пробормотала Ирена со странной интонацией. Ник оторвался от экрана и с удивлением на нее взорился:

— Что?

— Ничего...

— ...Необычный магазин! — радостно сообщила дикторша. — Возможно, наиболее старомодные из нас будут шокированы... наверняка, понравится детям. Минувшее воскресенье...

На экране появилась городская улица. Ирена напряглась — красивая улица, воскресное столпотворение, как это далеко и невозможно, как хочется окунуться во все это — хоть на минуту...

— ...На горе строгим учителям. Надеясь, что чувство юмора восторжествует и ассортимент магазина вызовет восторг или возмущение, но уж равнодушными, наверняка...

Яркая витрина. Ярко-желтый пластиковый скелет в натуральную величину, десяток отрубленных рук, очень похожих на настоящие, какие-то дохлые мухи, дохлые мыши, пауки на резинках...

В оригинальном, ВНЕШНЕМ, мире подобный магазинчик существовал уже давно. Кажется. Во всяком случае, все это Иrena где-то уже видела...

— Розыгрыши и сюрпризы! Внимание! Учимся шутить и учимся не обижаться на шутки!.. Обнаружив в камине труп любимого кота, не спешите падать в обморок,— скорее всего, это муляж, вас разыгрывает ваш собственный сынишка...

Иrena поморщилась.

— ...Приходите к нам! Здесь открывается дверь в новый мир — мир страшных сказок и легенд!

Вывеска над входом: «Праздничные шутки и сюрпризы». Прилавок, покупатели, дети с разинутыми ртами... Жанровые сценки с участисм клыкастых масок...

Иrena приглушила звук. Обернулась к Нику:

— А вот вас, к примеру, заслуженно осудили на смерть?

Врач пожал плечами:

— Как посмотреть...

— Одно из двух: или вас осудили неправильно, или Ян поступил несправедливо, оставив вас в живых... Во всяком случае...

— Иrena. Я сказал — к Яну. Со всеми подобными проблемами — к профессиональному, а я, как вы знаете, авторитет совсем в другой области... Хотите кофе?

Она мотнула головой, собираясь отказаться, — и вдруг застыла с открытым ртом.

С экрана смотрел мальчик. Беленький, тощий, лет девяти.

— Внимание... Полицией северо-восточного пригородного сектора обнаружен Илья Ворохт, десяти лет, пропавший пять дней назад при загадочных обстоятельствах... Мальчик физически здоров, но находится в состоянии сильнейшего стресса; из кругов, близких к следствию, стало известно, что ребенок, по всей видимости, избежал верной смерти, чудом выскользнув из рук убийцы-маньяка...

— Сколько можно,— сказала Ирена шепотом.— Мир маньяков и палачей... Зачем, ради какого эксперимента тебе понадобилось конструировать ЭТО?

Она не сразу поняла, что говорит вслух. И что Ник смотрит на нее — пристально, тяжело.

— Не один только Трош умеет молиться Создателю,— сказала она, преодолевая замешательство.

Но оказалось, что спасительная выдумка не достигла ушей Ника. Он уже поднялся и вышел — последняя Иренина фраза прозвучала в пустоту.

* * *

Семироль вернулся спустя три дня. Ирене, наблюдавшей из окна, показалось, что он устал и огорчен; впрочем, она не настолько хорошо знала его, чтобы утверждать это наверняка. Внешне, во всяком случае, Семироль оставался вполне корректным.

— Какие новости, Ян?

— Разные... Как обычно. Один процесс выиграли, второй грозит затянутся...

Вампир-адвокат держался, как ни в чем не бывало, — как будто и не стояло между ними воспоминание о позорной и болезненной «первой попытке». Ирене же постоянно приходилось делать над собой усилие.

— Ян... У меня к вам разговор.

Ей непросто дались эти слова, но и отступать она не желала.

Некоторое время Семироль смотрел на нее испытующе. Потом улыбнулся:

— Неприятный?

— Да.

— Идемте...

По дороге в кабинет им встретился Ник. Поздоровался, озабоченно проводил взглядом, — но спросить ни о чем не решился.

За окнами сгузился вечер. Семироль включил настольную лампу, привычно обернул ее лучом от себя; на большую карту легло круглое световое пятно. Ирена мельком подумала, что жители бумажного географического мира сейчас принимают солнечные ванны и благодарят своего Создателя за хорошую погоду...

— Прежде всего, Ирена, никаких комплексов. Никаких извинений... Я надеюсь, что между нами очень скоро возникнет необходимое взаимопонимание. Но, мне кажется, вы все-таки хотели говорить не об этом?

Ирена не стала садиться. Подошла к столу, взяла настольную лампу за теплый пластиковый абажур, проводила туда-сюда, создавая для жителей бумажного географического мира иллюзию закатов-восходов...

Потом резко обернула лампу лучом вниз. Так пронившихся щенков тычут в содрогающую ими же непотребность: эт-то, мол, что такое?..

— Вы совершили преступление, Ян. Вы, адвокат... Вы допустили, чтобы осудили невиновного человека, но это полбеды; вы допустили, чтобы виновный остался на свободе. Вы принесли свою профессиональную... честь... обязательства... да просто порядочность... в жертву корысти. Ради того, чтобы завладеть... моим детородным органом, вы пошли против правды... А ведь она... эта

женщина... обязательно продолжит убивать! И кровь ее новых жертв будет в том числе и на вас!

Ирена осеклась. В последних ее словах обнаружилась вдруг двусмысленность — и неуместная театральная патетика.

— Вы же адвокат, Ян,— повторила она, как заклинание.— Все равно что врач... В первую очередь — адвокат, а потом уже — упырь...

Семироль усмехнулся:

— Ирена, если бы я не знал вас как преподавателя литературы,— счел бы, ей-богу, что вы читали на юрфаке лекции по профессиональной этике...

— Ян, если обнаружится, что женщина, за преступления которой меня осудили... если обнаружится, что эта женщина все еще на свободе и продолжает убивать,— суд признает свою ошибку?

Семироль усмехнулся:

— Эге, Ирена... А я думал, что вас действительно волнует возможность новых жертв...

Она сжала зубы. Укол был болезненный и точный.

— Я спрашиваю, СУД признает? Это возможно?

— Нет. Суд просто вынесет еще один приговор... Если, конечно, эту суку, простите, Ирена, если ее удастся поймать...

Она только сейчас обнаружила, что по-прежнему держит руку на абажуре лампы и пластик нагрелся настолько, что жжет пальцы.

— Ян... Я не понимаю. Ну должна же быть элементарная логика... Хоть и в вашем вывихнутом мире, неужели маньяки здесь рождаются чаще, чем суд признает свои явные ошибки?

Семироль все еще улыбался, но улыбка едва заметно изменилась, и, спустя минуту напряженного молчания, Ирена поняла, что проговорилась. И должна выкручи-

ваться немедленно, просто обязана найти отговорку — вопреки обычной медлительности...

— В НАШЕМ мире, Ирена?

Она сделала над собой героическое усилие:

— В вашем... мире... прокуроров и судей... адвокатов... правосудия, которое на поверку не так уж право... во всем этом ВЫВИХНУТОМ МИРЕ...

По крайней мере, на словах вышло достаточно естественно; Ирена перевела дух.

Семироль саркастически хмыкнул. Выждал паузу, позволяя оценить многозначительность ситуации. Прошелся по комнате, выудил из стопки видеокассет одну, в темной слепой обложке.

— Собственно, я не собирался показывать вам... Но, если для вас это так важно...

Загорелся экран маленького телевизора. Цифры, знаки — служебная информация...

— Прошу прощения, Ирена, но я пущу материал не с начала... Сейчас перемотаю... Да. Примерно отсюда.

Общий план — люди, один за другим входящие в дверь деревенского дома...

Много мужчин. Одна женщина в длинном пальто. Камера дернулась; чьи-то ноги, неровный свет, комната...

Крупным планом — лицо женщины.

Лет сорок на вид. Блеклые прозрачные глаза, не приукрашенные никаким макияжем, сухая кожа с сеточкой морщинок, мятое пальто-балахон, украшенное черным облезлым хвостом неведомой зверюшки...

Ирена сжала губы. Белый свет был незнакомой женщине в лицо — в таком освещении было что-то неестественное, грубое, принуждающее...

— Кто это, Ян?

Семироль кивнул на экран — смотрите, мол, узнаете...

Та, что на экране, нервно хихикинула.

— Продолжаем, — сказал мужской голос. — Снимите с нее нальто...

Кто-то, навивший в кадр спиной и плечом, помог женщине раздеться.

— Госпожа Крок, ваш муж знал о цели ваших поездок? — сухо спросил голос, в котором Ирена с удивлением узнала голос Семироля.

— Не-ет...

— И не догадывался? И никогда не связывал сообщения о новых жертвах с вашими поездками?

— Не-ет... Он очень хороший... челове-ек...

У Ирены когда-то была студентка с такой вот тягучей манерой разговаривать. На студенческой конференции ее доклад вместо трех минут занимал тридцать, публика то смеялась, то зевала, то разбредалась по буфетам...

— А ваши дети, госпожа Крок?

— Они... в частной школе... хорошей... хорошей... закрытой...

— Поездки бывали неудачными?

— Да... каждая вторая... или третья...

— Сколько всего было РЕЗУЛЬТАТИВНЫХ поездок?

Женщина на экране слотнула.

Ирене вспомнился гофрированный шланг, до смерти напугавший ее в далеком детстве. Шланг лежал по-перек садовой дорожки и подергивался в такт пепрепадам давления; шланг был толстый и черный, неживой и живой одновременно, лоснящийся и жирный; маленькой Ирене показалось, что он хуже любой змеи, страшнее паука, что лучше умереть, чем переступить через него, и она с плачем кинулась обратно и несколько раз просыпалась ночью оттого, что шланг, упругий и ребристый, приходил к ней во сне...

Немолодая темноглазая женщина с медленной, как болото, речью. Шланг. Девочка, с плачем убегающая по садовой дорожке...

Ирене сделалось противно; она подняла голову, ища взгляд Семироля, молча испрашивая у него разрешения прервать неприятный просмотр...

— ...Госпожа Крок, вы помните дом у дороги, Большое Шоссе сто сорок семь?

Прошла целая секунда, прежде чем Ирена вздрогнула.
Номер ЕЕ дома...

Женщина недоуменно молчала.

— Это был период, когда вы встретили третьего, того, кого вы называли «червячком»...

Женщина забегала глазами. Стиснула пальцы.

— Вспоминайте — дом у дороги... Там собака и машина в гараже... Вы пользовались машиной. Вы прикормили собаку...

Женщина улыбнулась. Стянула с головы серый вязаный берет, высвобождая очень длинные, с проседью волосы:

— Там и, это, и вправду никто не жил... собаку я прикормила... могла бы отравить, но это жалко...

— Вы вспомнили?

— Да-а...

— Сколько времени вы там прожили? В отсутствие хозяйки?

— Летом неделю... И в октябре... Неделю...

— Муж по-прежнему думал, что вы в командировке?

— Да-а...

— Что вы жгли в камине?

Женщина молчала. Ее лиловый свитер был весь покрыт катышками свалившейся шерсти; свитер когда-то был теплым и элегантным; Ирена вдруг подалась вперед, разглядывая стилизованный виноградный лист на тоцнем дамочкином плече...

Когда-то, может, полгода назад, а может, в другой реальности, свитер принадлежал Ирене. Виноградные усики складывались в ее инициалы, то была работа на заказ, институтские дамы отмечали обновку и целкали языками...

Бедный свитер.

«Тетя Ирена, а разве это были не вы?..»

Тогда, в доме, у нее не было времени — да и надобности — перетряхивать шкафы в поисках пропавших вещей...

— Его вещи жгла, — неохотно проговорила женщина. — Сперва взяла — хотелось... А потом... ненужные тряпки.

Надо подумать. Надо лечь на кровать, укрыться одеялом, и пусть все они катятся в тартарары...

— Ян!! Выключите...

Подергивался на земле черный резиновый шланг.

Синее мельтешение экрана. Темнота...

— Извините, Ирена. Но вы сами...

Она проглотила горькую слюну:

— Что это?!

— Оперативная съемка... Неофициальное, приватное расследование. У меня есть такие возможности.

— Ее... это ОНА? Она под судом?

— Ирена. Обратите внимание на дату... Прошел почти месяц.

— Суд закончился?!

— Суда не было.

Ирена молчала. Мучила свои пальцы.

— Ирена... Она больше никого не убьет. Вам этого мало?

— Почему... меня... судили? А се нет?!

Семироль снова прошелся по комнате. Перемотал кассету, вытащил ее из магнитофона, аккуратно водворил на место.

— Потому что уже спустя час после съемки эта женщина... — Ирене показалось, что Семироль замялся — покончила с собой.

Они встретились глазами.

— Ирена... Поезд ушел. Ваша реабилитация невозможна. Но и маньячки больше нет. Все.

Она молчала. Разглядывала свои ногти, и каждый из них казался ей равнодушным розовым лицом.

* * *

Однажды утром Анджей выбрался из постели, сияющий, как елочная игрушка:

— Мне приснился сюжет! Для тебя! Отхватишь «Вулкан», не глядя, и всего-то за час работы, сюжет-то какой!

— Какой? — спросила она.

В халате, накинутом на голое тело, со следом от подушки на щеке, с вдохновенным огнем в глазах, Анджей источал запах солнного мужчины, колоритный, подернутый свежестью и одеколоном натуральный запах...

— Слушай... Представь — толстая рыбина глядит из глубины, со дна, как на тонком льду занимаются любовью двое... А лед совсем тонкий. Лед — как нежная кожа... Он прогибается, согласно каждому движению. Рыба глядит изнутри — и ничего не может понять, хотя лед почти прозрачный.... Колеблется. Живое зеркало... Как подвижные стенки бокала. Как мягкая стеклянная простыня... Влюбленные доходят до экстаза,— и он лопается, он же слишком тонкий, и оба проваливаются в воду, но не перестают любить друг друга...

Анджей сделал эффектную паузу.

— А где сюжет? — спросила она, помолчав.

Он демонстративно посмотрел на часы:

— Десяти минут тебе хватит? Чтобы сообразить?

Она помолчала еще. Вздохнула:

— Хорошенькие сны тебе снятся... Приготовлю на ужин рыбу. И, знаешь, давай ляжем спать пораньше...
Анджей ушел на работу, оскорбленный.

* * *

Она не могла собрать разбегающиеся мысли. Она ждала ночи, чтобы методично все обдумать,— но спокойно дожить до вечера ей не дали.

После ужина Семироль снова зазвал ее в кабинет; она интуитивно ощутила неприятность — и не ошиблась.

— Скажите мне, Ирена... А где вы все-таки были все эти десять месяцев?

Она не выдержала и села. Опустилась на край кресла; Семироль с удовольствием уселся тоже:

— Видите ли, Ирена... Я навел справки, а у меня достаточно разветвленная сеть осведомителей... Так вот, вас ДЕЙСТВИТЕЛЬНО никто не засек. Нигде. Вот странное обстоятельство, и вы так настойчиво скрывали эту информацию от суда... МНЕ вы можете сказать?

Надо подумать, в панике соображала Ирена. Надо поразмыслить... Время...

— Это очень важно, Ирена. И никто, кроме меня, не узнает вашей тайны... Говорите.

Рука ее автоматически коснулась сонной артерии:

— Сейчас?

— А вам нужно время, чтобы вспомнить?

— Мне?

Нужно подумать, нужно подумать, нужно...

Семироль болезненно поморщился:

— Ирена... Придется сказать.

— Вы не поверите,— выдавила она, глядя в его недавно холеное, а теперь хилуное и обветренное лицо.—

Ян... Я... писатель... но, если я расскажу вам правду... вы же не поверите. Вы скажете, что я плохая... плохой... выдумщик...

Нужно подумать. Одеяло до подбородка... Нет. Вампир не даст такой возможности. Она слишком расслабилась, забыла, как борются за жизнь, сама того не подозревая, вылетела на край ледяного обрыва и теперь скользит, пытаясь удержаться...

— Вы не поверите,— повторила она с жалобной улыбкой.

— И все же? Десять месяцев — не день, не два...

— Ян, вы меня не убьете? Это было бы обидно... теперь... очень досадно...

— Где вы были все это время, Ирена?

— Это... постыдно. Это... история любви.

Она сказала — и растерялась. В голове не было больше ни одного слова. Ни одного.

Нужно подумать, нужно...

— Ну и?.. Говорите, Ирена. Не стесняйтесь. Сказанное вами умрет в этих стенах... Ну?

Сумасшедший дом...

— Ему было шестнадцать лет!! Мы...

Она запнулась. Вполне естественно; щеки ее стыдливо покраснели, в основном потому, что она не знала, что за историю придумать для столь юного персонажа.

— Мне очень трудно об этом говорить...

Чистая правда. Медленные шестеренки Ирениного воображения вертелись втрое быстрее обычного, переваливались, стачивались, грозили слететь с оси...

— Эта история...

Да, история оказалась и впрямь пикантной.

— Ему шестнадцать лет. Это было... мы уехали на какую-то турбазу в горах... даже не турбаза, так, сарай... И прожили там десять месяцев. Ян, не заставляйте меня говорить, это стыдно...

И она закрыла лицо руками,— на семинаре молодых авторов, где она в свое время появлялась два или три раза, за такой сюжет подвергали не просто осмеянию — публичной порке...

Чем абсурднее,— тем проще поверить. Теперь ее можно обвинить в распутстве,— зато диагноз «шизофрения», лишающий шансов на жизнь, отступает на задний план...

— Его имя Онош... фамилию никогда не знала. Он хороший мальчик, из пристойной семьи... Элитная школа... Это стыдно, Ян. Мы спрятались от людей... Специально. Ото всех... Он обещал построить для меня... мир... мир любви... А потом... я... утром... когда я посмотрела в зеркало... и увидела себя, которой тридцать... рядом с пацаном, который...

Она заплакала. Совершенно искренне. Семироль молчал; Ирена бормотала, исступленно взваливая на себя чувство вины, демонстрируя все беды и комплексы ненужной женщины, погружаясь все глубже, веря все искреннее...

— А почему вы сказали на следствии, что подтвердить ваше алиби может ваш бывший супруг Анджей Кромар?

— Он нас нашел,— проговорила она, не глядя Семироля в глаза.— Он приехал... Он видел нас вместе. И...

— И умер от потрясения,— с сожалением пробормотал Семироль.

Ирена не выдержала и посмотрела на него.

Упырь-адвокат издевательски улыбался. Открыто. Во все зубы.

* * *

— Это что?! — спросила она, приподнимаясь на локте.— Это почему рассвет такой?!

— А каким он должен быть? — сонно поинтересовался Семироль.

— Он синий,— сказала она с ужасом.— Почему он такой синий?!

— Он всегда такой... Тихо, Ирена. Вам приснилась какая-то гадость...

Она потрогала шею. И послушно легла на место — бок о бок с его белым и жестким, как сахар, расслабленным обнаженным телом.

— Все будет в порядке, Ирена.

— Вы уверены?

— Да. Интуиция подсказывает мне, что ваши уловки и ваше вранье никак не скажутся на нашем потомстве... Никак.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Г

орел, искрился снег. Горы горели огромными белыми факелами; белый солнечный диск горел над горизонтом, как будто кто-то водил над МОДЕЛЬЮ направленным лучом исполинской настольной лампы. Ирена стояла, привалившись спиной к стволу корявой сосенки. И ощущала свою голову Луной,— вероятно, Луна испытывает похожее блаженство, когда ловит солнечный свет своими бледными, в кратерах, щеками...

Ирена чувствовала себя странно.

То, о чем она думала, что этого никогда не может быть,— случилось. Персидена черта, вампир Семи-роль, фактически, стал ее мужем. Моделятор Анджея не отреагировал никак,— может быть, МОДЕЛЬ стала настолько самостоятельной, что больше не подчиняется ему...

А может, перестала подчиняться в первый же миг своего существования. Что Ирена знает о МОДЕЛЯХ?

Она слабо улыбнулась солнцу. Откуда она знает, что это именно солнце, а не чья-то настольная лампа?..

Возможно, именно в это утро мир МОДЕЛИ сделался настоящим миром. Ирениным миром, в котором даже

ранние ее рассказы несут на себе отпечаток таланта. Возможно, именно в этом мире она могла бы...

Холодный ветер рванул полы куртки, заставил задержать дыхание.

А КТО написал за нее эти рассказы? Тексты, которые никогда не принадлежали ей, но могли принадлежать, должны были принадлежать, она считает их своими...

Кто написал их? Анджея? Создатель? Или она сама — та, которой не было, которая существовала в прошлом этой МОДЕЛИ, непостижимой конструкции, чья вечность — десять с лишним месяцев...

Она подумала о Семироле — без страха или отвращения. Как о свершившемся. Со вздохом облегчения. Ну вот, все не так страшно...

— Ты в дураках, Анджея, — сказала она синему небу. Небо молчало.

Она с трудом отслонила свое тело от корявой сосны. Весь мир — клубок моделей. Анджея смоделировал вселенную, Ирена смоделировала двух человечков, переживающих свою первую любовь на изрытом древоточцами стволе... У обоих неплохо получилось. А Семироль обустроил ферму в горах — тоже своего рода модель... Сейчас Ирена вернется в дом и смоделирует свою историю. От того самого момента, как она взяла телефонную трубку и в трубке обнаружился господин Петер...

Она спускалась по крутым склону. Летели камушки из-под тяжелых ботинок.

В стороне от фермы, на дороге, ведущей к лесу, друг против друга стояли двое. Даже издали их ни с кем невозможно было спутать — из всех мужчин на ферме только у Троша такие широченные плечи. И, уж конечно, фигурка в ярком теплом платке — Эльза...

Ирена невольно замедлила шаг.

Женщина что-то говорила — быстро и горячо. Потом обняла Троша за шею, тут же оттолкнула и

почти бегом устремилась к клитке, к своему коровнику...

Трош постоял — и побрел в другую сторону, к воротам.

На полути увидел спускающуюся Ирену.

Помедлил. Изменил направление; молча предложил Ирене руку — весьма кстати, она как раз обдумывала, как бы половчее спрыгнуть с валуна.

— Сегодня хороший день, чтобы гулять,— сказал Трош, привычно отводя глаза.

— Спасибо,— сказала она, выпуская его руку.— Да, слава Создателю, сегодня хороший день...

Он быстро взглянул на нее — не издевается ли?

— Я обдумывала новую повесть,— сказала Иrena, глядя на сверкающие шапки гор.— Это будет лучшее из всего, что я написала.

Трош оживился:

— Я давно хотел спросить... Вы как, из головы выдумываете? Или вспоминаете, что было с вами, или со знакомыми, или в других книжках...

— Я моделирую,— серьезно сказала Иrena.— Я немножко моделирую новый мир... С людьми. Не обращая внимания на то, нравится это им или нет...

Трош удивленно молчал. Вероятно, он ожидал другого ответа.

— И знаете, Трош, если кто-то из моих персонажей обратится ко мне с просьбой изменить его скверную судьбу... Я, пожалуй, пропущу его просьбу мимо ушей. В книге все должно быть естественно, читатель не любит богов из машины; если исполнять все желания этих маленьких искусственных людышек, так ведь издательской площади не хватит... Верно?

Трош молчал.

— Вы молились, Трош? Помолитесь еще. Попросите нашего Создателя быть добре...

— Разве он недостаточно добр? — после паузы спросил Трош.

— А разве достаточно?

Трош остановился:

— Грех так думать...

— Милый Трош...

Ирена остановилась тоже, положила юноше руки на плечи — для этого пришлось привстать на цыпочки.

— Дражайший Трош... Пусть вы проводите в молитвах большую часть времени, — но, поверьте, я знаю Создателя лучше вас.

Вечно опущенные глаза несчастного убийцы, наконец-то, раскрылись. Округлились, как фары.

— Предавая вас в руки упырю, Создатель вовсе не хотел наказать вас, Трош... И испытать вас он не хотел тоже. Он вообще о вас не думал, смею заверить. Он понятия не имеет о вашем существовании... Возможно, он тренировался, создавая МОДЕЛЬ-черновик. А может быть, прослеживал одну-единственную закономерность, которую мы не можем уловить, потому что смотрим изнутри... А уж достиг цели его эксперимент или нет — мы не знаем и подавно. Потому что, возможно, сам Создатель погиб в автокатастрофе несколько месяцев назад. Он был очень силен вождении — но, порой, не чувствовал габаритов машины, увлекался, рисковал понапрасну... Он был не от мира сего, наш Создатель, и не от мира того, и вообще не от мира... А теперь наша МОДЕЛЬ катится своим ходом, без руля и без ветрил, и без Создателя, предоставленная самой себе... Вы когда-нибудь видели, как катится под уклон машина без водителя?

Трош слушал, и глаза его становились все больше и больше. Казалось, вот-вот он скажет: «Неправда», или «Не может быть», или «Что за чушь»...

Но одна за другой проходили минуты, а Трош молчал.

— Извините,— сказала Ирена устало.— У меня сегодня особое настроение. Все мне видится в особом свете... Сейчас я пойду и сяду за компьютер. И не встану из-за клавиатуры до поздней ночи... И буду счастлива. Вот так.

И, улыбнувшись боязливому атлету, она повернулась и прошествовала в дом — ей казалось, что ноги ее не касаются земли.

* * *

Через неделю стало ясно, что первая брачная ночь Ирены и Семироля не дала ожидаемого результата.

— Дело житейское,— весело сказал Ник.— Будем настойчивы и оптимистичны — и все у нас получится, правда, Ян?

— Помолчи,— отозвался Семироль с явным раздражением, Ирена впервые слышала, чтобы он разговаривал с врачом в таком тоне.— Хочешь балагурить — отправляйся в коровник к Эльзе.

— Ну извини,— тут же ретировался Ник.

Ирена молчала. Семироль присел рядом, поколебался и обнял ее за плечи; она не сопротивлялась. Игра так игра; она не свиноматка, в конце концов, и не корова из известного анекдота, корова, печально укоряющая ветеринара: «А поцеловать?»

— Как новость? Когда можно будет почитать?

— Еще не скоро,— она вздохнула. А про себя добавила: а ты, скорее всего, не прочтешь никогда.

— Я снова уеду... На несколько дней.

— Я буду ждать,— выдавила она сакраментальную фразу.

Семироль усмехнулся. Сильнее сдавил ее плечи:

— Все больше убеждаюсь, что я сделал правильный выбор... Ни о чем не беспокойтесь, Ирена. Все будет хорошо.

* * *

Спустя день после отъезда Семироля Ирена случайно стала свидетелем жестокой свары.

Сперва она услышала громкие голоса во дворе. Говорил в основном Сит, Ирена узнала своеобразный стиль и стандартный набор слов,— вероятно, именно так говорят вышибалы с распоясавшимися клиентами, и, наверное, именно так мордатый кредитор станет разбираться с должником. У Ирены никогда не было ни одного знакомого бандита,— но телекран в свое время заботливо посвятил ее во все эти тонкости.

Она поколебалась,— а потом, услышав голос Ника, все-таки спустилась в прихожую, накинула куртку и вышла.

Трош медленно вытирал с лица кровь. Глаза его, вечно опущенные, казались теперь совершенно стеклянными; Сит шипел протяжно и зло, рука его, длинная обезьяня лапа, держала Троша за грудки и время от времени встряхивала. Ник стоял в стороне, сузив глаза, переводя ледяной взгляд с одного противника на другого; у ворот рыдала, упав на мерзлую землю, Эльза. Платок сбился с ее головы, обнажив коротко стриженную голову и маленько красное ухо среди спутанных прядей.

— Я т-тя... С-с-с... Жить надоело, с-с-с...

Сит ударили снова. Ник увидел Ирену, стоящую на пороге в дверях, резко махнул рукой — закрой, мол, дверь, прочь отсюда...

Ирена не послушалась. Просто потому, что подстунила вдруг слабость и тошнота.

Ей не так часто приходилось видеть, как бывают. Возможно, жизнь вне МОДЕЛИ слишком изнежила ее.

Сит совсем озверел от вида крови. Эльза заверещала, подхватилась с земли, кинулась на громилу,— тот отшвырнул ее одним движением плеча. Трош со всхлипом втянул в себя алую жижу, и целую секунду Ирена верила, что он так и будет болтаться окровавленной куклой в руках мордоворота, не даст сдаки...

А потом Сит отлетел вслед за Эльзой, спиной врезался в угол дома, захрапел,— а Трош слепо шагнул вперед, ударил трижды — кулаком, коленом, снова кулаком, и Сит сполз по стенке, шипя и оседая, как проколотый пляжный мячик...

Эльза завыла и повисла уже на плечах Троша. Хорошие были плечи — хоть выводок Эльз на них вешай, а будет им просторно, будто тлям на кленовом листе...

Ирена только сейчас заметила, что идет снег. Мелкий, мокрый, сиротский.

Ник подошел к Трошу сзади и что есть силы ударил ботинком под колено. А когда Трош оставил Сита и удивленно обернулся, взял его за ворот и подтянул к своему лицу, и сказал что-то еле слышно, но от этого слова Трош опомнился. Непонимающе оглянулся на хрипящего Сита, механически вытер губы; подскочила Эльза, в ее руках был комок белого снега, и вот этим снежком она стала оттирать окровавленное лицо того, который «и мухи не обидит»...

— В дом,— сухо сказал Ирене подошедший Ник.— Здесь нет ничего интересного.

На этот раз она послушалась. Просто потому, что снова обрела способность двигаться.

* * *

Ник сам пришел в ее комнату. Постучал, дождался приглашения, вошел, снова дождался приглашения, опустился на стул:

— Извините... От имени Яна приношу вам извинения. Всякое бывает... Мне очень жаль, что вы оказались свидетелем ЭТОГО.

— И как часто бывает это всякос? — осведомилась Ирена после паузы.

— Редко,— Ник не улыбался.— И, к сожалению... К сожалению, Ян потребует объяснений. От меня.

— От вас? Почему не от Сита?

Ирена была неприятно удивлена. Сит был единственным жителем фермы, к которому она не испытывала ни доли симпатии. Наоборот.

— Сит... Ирена, видите ли, я не обязан все это вам объяснять, но раз уж вы спросили... Виноват как раз не Сит. Это Трош...

— Да? — она не стала скрывать сарказма.

— К сожалению... Трош нервничает в последнее время. Это очень опасно, он становится нестабилен... Из-за него начинает волноваться Эльза. И Сит... тоже не отличается терпимостью. Вряд ли Ян допустит, чтобы накануне... гм... важного события на ферме нарушилась стабильность... Ничего, что я все это вам рассказываю?

Горы за окном угасали. Комната неторопливо погружалась в темноту.

— А скажите,— пробормотала Ирена,— вы как врачи... психолог... знаете, ОТЧЕГО нервничает Трош?

Ник пожал плечом:

— Кабы знать...

* * *

Она нашла Троша в коровнике, «зверинце», как она сама для себя его окрестила; Эльза тут же вышла, и показалось Ирене или нет, но исподтишка бросила на пришельцу хмурый взгляд. Впрочем, чего ей радоваться — после всего, что случилось...

Трош остался. Кивнул, помялся, развел руками, будто призывая в свидетели кроликов и прочую живность:

— Зачем вы здесь... Воняет... и вообиже...

— Идемте ко мне? — предложила Ирена.

Трош покачал опущенной головой.

— Почему? Моя комната, кого хочу, того зову в гости... Или Эльза,— она сделала попытку пошутить,— приревнует?

Трош снова покачал головой — на этот раз испуганно.

— Тогда прогуляемся? У меня к вам разговор, Трош, я хотела бы...

— Да,— Трош слегкотнул, мускулистая шея содрогнулась.— Да, конечно...

В молчании они дошли до калитки, но выходить не стали. Ветер к ночи утих, фонари над домом и пристройками почти не качались, на снегу лежали желтые пятна света. Гор не было видно,— они просто молча присутствовали в темноте.

— А откуда здесь вода берется? — неожиданно для себя самой спросила Ирена.

Трош оживился:

— О, тут очень хорошая вода... Минеральный источник...

— Понятно. Трош, я чем-то вас огорчила?

Больше всего ей хотелось, чтобы он непонимающе замигал. И тогда со спокойным сердцем можно будет сказать себе, что предположение, которое ее мучит,— ложно...

Он потупился. Втянул голову в плечи.

— Я огорчила вас? — переспросила Ирена так мягко, как только могла.

Он отступил на полшага.

— Я говорила всякие глупости, про Создателя, про модели миров... Но я же писательница, вы знаете. Сейчас я пишу про модели — вот и болтаю что ни попадя... Неужели вас это огорчило, Трош?!

Он молчал.

— Извините... Если бы я знала, что для вас это так важно... Но ПОЧЕМУ несколько глупых слов так вас задели? Наверняка, вам их говорили в избытке, смеялись над вашей верой, и вообще... Верно?

— Да, — выдавил Трош.

Теперь он поднял голову, и свет фонаря упал ему на лицо. При этом свете кровоподтеки казались темными очками, надетыми под глаза, прямо на череп.

— Трош, — у нее вдруг горло перехватило от жалости, — я врала вам. Забудьте все, что я говорила...

Он вздохнул:

— Нет... это теперь вы... врете. А тогда вы говорили правду.

— С чего вы взяли?!

— Видно...

— Трош, да вы с ума сошли! По-вашему, я действительно... лично знаю Создателя?!

Она попробовала засмеяться, и отчасти это ей удалось.

Трош не улыбнулся:

— Может быть... Я ведь не знаю, кто вы. Может быть, вы сами пришлицица. Со звезд... Из других миров...

— Читайте классику и не смотрите сериалов, — наиздательно сказала Ирена, в то время как ее медлительная смекалка из кожи лезла вон, чтобы что-нибудь придумать. Нет, такой поворот дел не входит в ее планы. Ни за что...

— Трош... Что бы там ни было, дайте мне слово, что вы все забудете... успокоитесь... возьмете себя в руки...

Он покачал головой:

— Поздно. Ян теперь убьет меня.

Ирена не нашлась, что ответить. У нее язык прилип к зубам.

Трош шумно вздохнул:

— Ник давно уже... что я нестабилен. Он скажет Яну... И это к лучшему. Только поначалу страшно... Поэтому что я видел этих... которых он привозил живыми, а потом мы их сжигали. То, что от них оставалось... Но я не боюсь. Я предстану перед Создателем... пусть я и не до конца искупил... но крови я отдал больше, чем вылилось из ее тела... и его тела. Обоих, вместе взятых... И Ян возьмет всю кровь, которая у меня в жилах. До капельки... И я, наконец, узнаю...

Он замолчал, но Ирена и без того прекрасно понимала, что именно хочет узнать бедный парень. И против своей воли вообразила Анджея Кромара, развалившегося в офисном кресле с кружкой пива, и этого вот Троша, застывшего в ожидании собственной посмертной участии...

Интересно. Их души Анджея смоделировал тоже?

— Троня,— позвала из темноты Эльза, голос был усталый и злой.— Иди...

— Я скажу Нику, чтобы он не рассказывал Яну,— быстро проговорила Ирена.

Трош, отступая, покачал головой:

— Не надо...

* * *

— Это не ваше дело... Елки-палки, если Ян узнает, что вы посвящены и вмешиваетесь,— он меня прикончит.

— Это правда, что Трошу́ угрожает...

— Нам всем угрожает! Кирпич на голову, пневмония с отеком легких, инфаркт... Нам с самого рождения угрожает смерть, но это не повод впадать в истерику...

— Не мелите чепухи, Ник. Вы понимаете, о чем я...

Ник прошелся по комнате. Зачем-то потрогал пальцем женщину на картине, опрокинулся в кресло, закинул ногу на ногу:

— Мы все здесь смертники, Ирена. Для вас это новость? Спокойствие, хорошее питание, общение с природой... Все это благотворно влияет на продолжительность жизни. А стрессы, нервотрепка, неуверенность в завтрашнем дне — сокращают жизнь вообще и НАШУ жизнь, в частности, это же азбучная истинна...

— Хорошо,— Ирена внезапно успокоилась.— Будьте спокойны и общайтесь с природой. С Семиролем я поговорю сама.

Уже в дверях она заметила, как Ник нервно поправил шелковый шарфик на шее. И впервые усомнилась в правильности своего решения.

* * *

На следующее утро Ирена только мельком видела Троша — тот совершил обычную пробежку, размеренно, сосредоточенно, бодро; издали ей показалось, что он спокоен, даже спокойнее обычного. И, возможно, разговор с ней, а потом еще и сочувствие Эльзы помогли ему вернуть душевное равновесие,— если, конечно, вечно угнетенное состояние Трошевой души может считаться таковым...

Утро она провела за работой,— то и дело выглядывая в окно, не покажется ли автомобиль.

Вездеход обнаружился внезапно, совсем рядом; Ирена успела удивиться, почему Сит не спешит открывать ворота...

А потом вспомнила, что Сит лежит с сотрясением мозга и Ник не позволяет ему вставать.

В дверях она едва не столкнулась с Ником. Избежала его взгляда, гордо прошествовала вперед, туда, где разворачивается вездеход, где Семироль, спрыгнув на утоптаный снег, сам идет закрывать ворота, и на лице его, на первый взгляд бесстрастном, уже ясно читается вопрос...

— Что случилось, Ник? Ирена, рад видеть... Ник, судя по выражению твоего лица, я...

Семироль замолчал. И смотрел уже не на Ирену и не на врача — за их спины смотрел, и лицо его изменилось так, что Ирена сосчитала до трех, прежде чем обернуться.

В дверях гаража стоял Трош. В руках у него было охотничье ружье, и дуло смотрело не в землю, а в глаза — Нику, Ирене, Семиролю... Руки стрелка дрожали, и оружие ходило ходуном.

Ник дернул Ирену в сторону. Она навсегда запомнила это прикосновение — жесткое и болезненное, и как в следующее мгновение между ней и черным стволом оказалось жилистое тело осужденного гинеколога...

— Уйди, доктор, — сказал Трош еле слышно. — Отойди...

По-прежнему прикрывая собой Ирену, увлекая ее за собой, Ник сделал шаг в сторону. Еще шаг.

Семироль не двигался. Теперь ствол смотрел ему в живот. С расстояния в каких-нибудь десять шагов.

Это только в кино между убийцей и жертвой заявляются длинные диалоги. Трош молчал. Молчал и — Ирена видела — пытался справиться с дрожью в руках. Удержать ружье так, чтобы убить наверняка.

Наверное, надо было что-то сказать. «Нет», или «Не надо», или «Стой»...

Ирена прекрасно понимала, что сразу, вслед за подобным выкриком, раздастся выстрел. И это будет естественно, куда естественнее, чем покой и гармония на этой странной ферме...

— Дурачок,— устало сказал Семироль.— Ну, стреляй.

И сделал шаг вперед.

Наверное, такое лицо бывает у многократнобитого подростка, когда, прижатый к школьной ограде, он решается наконец дать сдачи...

Лицо Троша исказилось. Выстрел показался очень громким, громовым, зачихали, откликаясь эхом, горы...

Ирена, чье лицо впечаталось в жесткую шею Ника, видела, как покачнулся, будто от удара, Семироль. И как в куртке его образовалась, разметав рваные края, черная дырочка. На уровне плеча.

Трош смотрел. Глаза его сделались совсем уж огромными, поглотив собой, кажется, даже очки-кровоподтеки...

— Теперь из второго ствола,— тихо сказал вампир.
И сделал еще один шаг.

Трош выстрелил снова, но ружье дернулось в его руках, Ирена видела, что он не попадет...

Пуля ударила о борт вездехода. Взорвалось стекло — со звуком рассыпающегося гороха.

— Все?

Семироль стоял. Крови не было — оттуда, из черной дыры в его куртке, неторопливо выползала черная и густая, как битум, жидкость.

— Это все, Трош?

Парень бросил ружье.

— Создатель мертв,— скорее прочла по губам, не зжали услышала Ирена.

Трош побежал. Кинулся прочь от своей смерти,— благо ворота были еще не закрыты. Трош бежал, и это было естественно,— а ведь Ирена боялась, что, проиграв, он улыбнется и подставит горло...

— Где Сит? — глухо спросил Семироль.

— Нет,— невпопад отозвался Ник, все еще прижимая к себе обомлевшую Ирену.

Семироль посмотрел вслед бегущему Трошу. Перевел взгляд на ружье, страдальчески поморщился:

— Ч-черт...

Пошатнулся. Оглянулся на крыльцо, где столбом стояла бледная, простоволосая Эльза.

— Ч-черт с ним... Идем, Ник. Достанешь пулью.

* * *

В коровнике мычали недоеные Снежка и Рыжка. Браняясь сквозь зубы, Ник взял ведро и отправился в хлев, как на каторгу.

Коровы боялись его. Коровы нервничали, не желали стоять смирно, норовили опрокинуть подойник, выкрикивали в два голоса проклятия на Никову голову и горестно призывали свою добрую хозяйку; Снежке и Рыжке невдомек было, что Эльза, бледная до синевы, лежит сейчас в постели, потягивает из стакана красное вино и закусывает яблоками с гематогеном. Эльза, может быть, и пренебрегла бы законным отдыхом, и явилась бы обслужить любимую скотинку,— но кружится голова и не держат ноги, поскольку господин Семироль вынужден превысил норму кровозабора...

— Ирена, елки-палки... Что вы смотрите?! Помогите...

— Вы думаете, я когда-нибудь доила коров? — спросила она, проталкивая сквозь прутья кроличьей клетки брикет прессованного корма.

— А я?!

— А у вас должен быть опыт... Кто-то ведь доил коров в дни Эльзиных «выходных»?

— Трош,— глухо отозвался Ник.— Обычно это делал Трош. Он деревенский...

Горячее молоко брызгало, текло мимо подойника, стекало у Ника по рукам, капало с обнаженных локтей. Животное мучилось, но осужденный гинеколог мучился не меньше.

— А мы тут балагурим,— сказала Ирена глухо и зло.

— А что нам делать? Плакать?

Корова дернулась,— вероятно, Ник причинил ей боль.

— Стоять, Снежка!!

Корова возопила.

— Снежечка, лапочка, успокойся, расслабься... Ирена, да придержите ей зад, что ли... Чтобы она стояла, зараза, это же невозможно...

— Это вам не женщин смотреть,— мстительно сказала Ирена.— Как я ее придержу — за хвост?

Ник выдохся. Опустил красные распухшие руки, толкнул крутой коровий бок:

— Пошла, Снежка... Рыжка, на кресло!

Ирена нервно хихикнула. Черная Рыжка вытянула морду, заголосила до звона в ушах:

— Му-у-у-а!

Ник смотрел на свои руки:

— Видите ли, Ирена... Трош очень долго балансировал на узком, но кренком карнизе. Его своеобразные отношения с Создателем... как он его себе представлял... помогали ему удержаться. После того, как он убил двоих,— опять же в состоянии аффекта... После смертного приговора... После многих ведер крови, отданной Яну,— не вполне добровольно... ему все труднее

становилось балансировать. А потом что-то случилось,— возможно, вышел срок... Я, честно говоря, все время этого боялся. И вот...

— Довели парня,— сказала Ирена шепотом.

— Да,— Ник печально кивнул.— Не хочу вас огорчать, но Троша, скорее всего, мы больше не увидим... Рыжечка, красавица, давай-ка сюда, спокойно, расслабься...

Ирена прикрыла глаза.

Прыгающее дуло... Дыра в Семироловой куртке...

— А Яна надо стрелять серебряными, да?

Ник помедлил. Не оборачиваясь, покачал головой:

— Во-первых, это бред. Во-вторых, неужели вы желае...
ласте Яну смерти?.. Тихо, Рыжечка.

Дойка пошла веселее. Не то Ник приоровился, не то Рыжка оказалась покладистее.

Ирена присела на другую скамейку — в углу. Обн...
ла руками колени:

— Ник... Что теперь будет?

— Теперь Яну потребуется много гемоглобина... И всем нам придется жрать гематоген. А я ненавижу эту дрянь с самого детства... Мне его подсовывали под видом шоколада, это было так обидно...

Ирена смотрела в его согбенную спину. Она слишком хорошо помнила, как эта спина возникла между ней — и возможной пулей...

Вряд ли Трош стал бы стрелять в нее.

С другой стороны, у него так дрожали руки... Та пуля, вторая, что досталась на долю вездехода, вполне могла бы пойти по другой траектории...

— Ник... Яна НЕЛЬЗЯ убить обычновенной пулей?

Струйки молока били в ведро, как новобранец в мишень,— то и дело промазывая. Но не «в молоко», а на пол, на солому, дояру на штаны.

-- Тихо-тихо, Рыжечка, расслабься... Можно, Ирена. Можно.

— То есть Трош мог...

— Конечно. Запросто. Ему бы немножко хладнокровия... Хотя калибр, конечно, мелковат. Надо попасть точно в глаза... Тихо, Рыжка. Тихо.

Ирену передернуло.

— Ник... А почему Ян допускает... допустил... чтобы Трош так спокойно... возился с этим ружьем?

Ник поерзal на табуретке:

— Ч-черт, пальцы болят... И脊на... Лучше было угодить на химический стул шесть лет назад, чем доить сейчас эту проклятую корову...

Стукнула, прикрываясь, дверь. Ирена, вздрогнув, обернулась.

— ...Купить доильный аппарат?

Семироль стоял прямо, пострадавшая левая рука покосилась в кармане широкой куртки.

— Как скажешь, Ян,— смиленно отозвался Ник.— Лежать бы тебе и не вставать еще хотя бы до завтра...

Ирена поняла вдруг, что вампир вполне мог слышать не только последнюю реплику, но значительную часть разговора.

— Как плечо? — поинтересовалась она заботливо. Слишком заботливо, пожалуй. Суетливо.

— Спасибо, Ирена... Ничего. Ничего страшного... Где здесь можно присесть?

Ирена помедлила — и подвинулась, давая адвокату возможность усесться рядом.

— Ну и воняет в этом вашем хлеву... — Семироль сел и привалился к стене. — Ирена, чем вы тут дышите?

— Хочешь молочка? — кротко осведомился Ник.

— Кровушки хочу, — в тон ему отозвался Семироль. Покосился на Ирену, чуть заметно усмехнулся: — Не бойтесь, это милая шутка... Трош нашелся.

Ирена вздрогнула. Ник оставил корову, свесил опухшие руки между колен, замер, сгорбившись, не оборачиваясь.

— На опушке висит... на сосне. Эльзе не говори пока. Пусть оклемается... Ирена, ничего, что я все это — в вашем присутствии? Просто оградить вас, сами понимаете, теперь нет никакой возможности...

— Да,— сказала Ирена шепотом.

Создатель мертв, Создатель мертв... Зачем жить, если Создатель...

— Ирена,— Семироль осторожно положил здоровую руку ей на колено.— А вы говорили с Трошем в последнее время?

— Да,— отозвалась она, потому что отрицать очевидное не было смысла.

— И как он вам показался? Откуда странная мысль, что... ну, вы слышали, что он сказал напоследок?

— Напоследок?

— После обоих выстрелов. У меня, признаться, в ушах шумело, я не уверен, что правильно расслышал... что он сказал?

— Он был в состоянии аффекта,— тихонько подсказал Ник.— Несчастный парень...

Ирена молчала.

Потому что стоит ей открыть рот,— и ее уличат во лжи.

* * *

Троша не хоронили. Очевидно, он ушел с фермы также, как уходили прочие смертники,— пеплом, чистым огнем...

Спустя неделю Семироль был совершенно здоров.

Еще спустя два дня он вернулся из города не один,— Ирену, несмотря на ее протесты, заперли в комнате, и

она лишь мельком увидела в окно, как упырь-адвокат выгружает из вездехода маленького человечка в наручниках — лысого, полного, с белесой бородкой и безумными глазами...

Больше она никогда не видела этого человечка. И запретила себе думать о его судьбе,— благо, работа отнимала у нее все силы и позволяла высвободить память.

Семироль приходил по ночам,— она научилась не вздрагивать при звуке его шагов. Более того, между ними сложились как бы партнерские отношения,— он делал вид, что не слышал разговора о серебряной пуле. Она притворялась, что судьба Троша, равно как и судьба безвестного бородача, ни капельки ее не занимает.

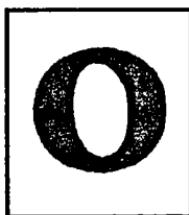
Семироль был с ней нежен. И он был умен, и его комплименты Ирене льстили,— хотя иногда ей что угодно хотелось отдать ради того, чтобы вампир-адвокат был хоть чуточку глупее...

Иногда она просыпалась от кошмара. Ей снилась разбитая в лепешку желтая машина, и рядом на дороге — окровавленное тело Анджея Кромара...

Она сжимала зубы. Семиролю вовсе незачем слышать, как она бормочет во сне: Создатель мертв... Модератор мертв...

Зима была в самом разгаре, когда тест на беременность показал, наконец, положительный результат.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

на прислушивалась к себе — и ничего не ощущала.

Она бродила по комнате, садилась за работу и снова вставала, брела во двор, где верзила-Сит перебирал какой-то механический хлам, выходила за ворота, глядела на низкое солнце...

Она не была одна. Внутри нее поселился — на радость ли, на горе — некто, не бывший частью ее тела. Иной. НЕ ОНА.

Ник ходил за ней, как тень. Опасался лишний раз попасться на глаза, — но сильнее боялся не успеть подать руку, когда Ирена оступится, и не пододвинуть стул, когда она захочет сесть...

Поначалу его опека раздражала ее. Но потом оказалось, что поддержка Ника бывает весьма кстати — особенно в часы, когда одиноко и тошно, когда нет сил надеяться, как прежде, только на себя...

Семироль много работал и, к Ирениной радости, часто и подолгу отсутствовал. Управляющий Сит получил, по-видимому, приказ не тревожить Ирену своим присутствием; Эльза окончательно переселилась в хозяйственные пристройки — похоже, что там, с коровами, и ночевала...

На опушке, в стороне от других деревьев, скрипела на ветру корявая сосна. На ветке-перекладине болталаась черная траурная ленточка.

Сит вылетел в гостиную, и был он зол до красноты, и Ирена не испугалась только благодаря своей медлительности. Не успела.

— Доктор... ты ей, сучке, скажи. Она, типа, обалдела совсем. Ты ей скажи. Ты ее успокой, а то Ян ее успокоит...

Ник оглянулся на Ирену. Привычно, успокаивающе коснулся ее плеча. Обернулся к Ситу, холодно осведомился:

— В чем дело?

Сит открыл было рот,— но в последний момент тоже посмотрел на Ирену. Поморщился:

— Пошли, доктор, я тебе объясню... И ей, сучке, объясню заодно. Кто она такая и что должна делать...

— Ни черта я тебе не должна.

Эльза редко появлялась в гостиной. Сейчас на ней не было привычного платка, короткие волосы торчали, как придется, шарф на шее был вызывающе распахнут, открывая целое поле шрамов — старых, свежих, тонких и не очень...

— Ни черта я не должна тебе, кобель. Сам себя радуй. Или пусть тебе Ян резиновую бабу купит...

— Ах ты...

На пути разъяренного Сита обнаружился Ник. Ирена думала, что громила снесет тощего доктора без особых усилий,— но вышло не так. Ник чудом ухитрился отбросить Сита, изменить траекторию его броска и направить управляющего мимо цели, в стену. Эльза, бледная, со стиснутыми в ниточку губами, даже не отшатнулась:

— Я думала... не будет уже... этого. Нет... здесь... — Эльза добавила несколько непонятных слов, и Ирена не

сразу сообразила, что она попросту перешла на профессиональную лексику. Вероятно, не услышав этого хоть однажды, невозможно было бы представить, где, как и с кем доводилось «работать» теперешней скотнице...

— Пусти-и... — теперь Сит отбросил Ника со своего пути. Правда, кидаться на Эльзу во второй раз не стал, — зато одним его взглядом можно было разделать старую говяжью тушу.

— Так, значит... Значит, типа, так. Ладно, Ян вернется...

Эльза замолчала. Три шнурка, казалось, лежали на ее лице — шнурочки-глаза, очень тонкий шнурочек — рот...

Ник обернулся к Ирене. Подошел, крепко взял под локоть:

— Ирена... пожалуйста. Вам нельзя волноваться. Согласен. Идите к себе...

— На мясо пойдешь, — сообщил Сит Эльзе. — Своими руками кину в печь шкурку твою пустую, вот Ян вернется...

— Жить надоело?! — рявкнул Ник. — А ну пошли вон, оба!..

Сит ощерился и вышел, грохнув дверью. Эльза стояла; шнурочек-рот, кажется, улыбался.

— Уйди, — сказал Ник тоном ниже. — Разберемся... Но неужели так трудно не нарываться?!

Эльза сползла по стене. Рыдала почти беззвучно, зато с обилием слез, — ладони, которыми она прикрывала лицо, сразу сделались мокрыми.

— Ну елки-палки... Ирена, уйдите. Мы разберемся, все будет в порядке, только, Ирена, вам не надо...

Она подошла к Эльзе и присела рядом. Помолчала. Тронула трясущееся плечо:

— Ну... он же... не обращайте внимания, все будет...

— Из-за тебя, дрянь,— сказала Эльза сквозь рыдания.— Троня из-за тебя... сорвался... Создатель... ты ему наплела про Создателя. Про МОДЕЛЮ... Он и поверили...

Ирена затылком ощущала враз отвердевший взгляд Ника.

Поднялась. Молча прошла к себе, в одежде легла на кровать и натянула одеяло до самого подбородка.

* * *

Она не слышала, о чем говорили на другой день Семироль, Ник и управляющий. По выходе из кабинета адвокат казался спокойным, Ник — неестественно молчаливым, а на лице Сита обнаружилось некое мрачное удовлетворение.

Ирену никто не побеспокоил. Ник, против обыкновения, не напомнил о ежедневной прогулке, Сит даже не взглянул на нее, а Семироль, рассеянно кивнув, проклал в библиотеку. В общество книг и магнитных рыбок.

Она вернулась к себе, села за компьютер и перечитала написанное накануне.

«Старый тополь рос не справа от ворот, а слева. Сообразив это, я некоторое время стояла, не в силах сдвинуться с места...

Петер говорил, что пребывание в ткани модели совершенно безопасно для здоровья.

Ветер пах осенью. Калитка скрипела уютно и привично; я провела рукой по доскам, убеждаясь, что это не голограмма и не иллюзия. Ткань модели?..

Нет, я обдумаю все это потом... Когда сяду за компьютер и выведу белым по синему: глава первая...

— Сэнсей?

Движение в будке. Показалась одна лапа, другая...

Он ПРОСПАЛ мое появление?!

Радостный визг. Пес прыгнул мне навстречу — заспанный, странно маленький, со свалявшейся шерстью, неухоженный...

— Сэнсей, это ты?!

Ирена оторвала от экрана. Прикрыла глаза.

Все это было много слабее, чем *пресловутые «первые рассказы»*, те самые, никогда никем не написанные, но все же существующие. Она ЗНАЛА, что рассказы принадлежат ЕЙ, что со временем она превзойдет их; день за днем тянулось соревнование, гонка за лидером, — Ирена будто состязалась в мастерстве со своей тенью, с талантливейшей своей половиной, состязалась — и часто проигрывала...

Сегодня работа не клеилась вовсе. Одиночество, обычно желанное, теперь угнетало.

Семироль избегает ее. Если раньше у нее возникали на этот счет сомнения, — то теперь им не осталось места; сделав свое дело, Семироль целиком и полностью отдал ее на попечение врачу. Оплодотворенную самку...

Она закусила губу.

И Семироль о чем-то подозревает. Неизвестно, что наговорила ему Эльза, неизвестно, что Трош наговорил Эльзе перед смертью, — возможно, версия об Ирениной шизофрении теперь получила новое подтверждение. Психическая болезнь, и болезнь, как ни смешно, заразная, — первой жертвой стал Трош. Эльза на очереди...

...В библиотеку Ирена вошла по инерции, — надеясь, что Семироль давно оттуда убрался. Магнитные рыбки вертелись и покачивались, вампир-адвокат сидел, склонившись над журнальным столом, и перелистывал желтые подшивки старых газет.

— Ян.

— Да?

— Я вам не помешаю?

Он прервал свое занятие. Поднялся, подошел к Ирене, она механически отметила, что он в хорошей форме. Великолепный цвет лица. Короткие блестящие волосы стоят дыбом, как щетина на щетке. И при всем этом — красные, воспаленные глаза.

— Ян... я должна вам сказать.

Он помолчал. Неожиданно взял ее за руку; прикосновение не было противным, и она не стала высвобождаться.

— Вам нельзя нервничать, Ирена... В том, что случилось с Трошем, нет вашей вины. Так получилось. Просто последняя соломинка на спине верблюда...

Она молчала.

Семироль обнял ее за плечи. Привлек к себе. Она ощутила, как бьется его сердце — раза в два медленнее, чем у нормального человека, и в полтора раза медленнее, чем у Анджея Кромара...

— Ирена... если мы поговорим с вами о вашем бывшем муже,— это не очень вас огорчит?

* * *

— ...Странная, очень странная личность. Я навел кое-какие справки... Да, существуют все документы, подтверждающие гибель Анджея Кромара в автомобильной катастрофе. И в то же время нет ни одного свидетеля, никто как бы не присутствовал во время похорон... У него не было близких друзей. Родственник был один — вы... Бывший родственник. В день аварии, как и в день похорон, вас не было в городе... Вы были неизвестно где. У меня разветвленная агентура... я нашел квартиру, которую Кромар снял незадолго до смерти.

Ирена сидела, крепко взявшись за подлокотники. В кабинете стоял полумрак, настольная лампа отсутствующе смотрела в потолок.

— Как вы себя чувствуете? Я вас не очень... нагружаю?

Она молча покачала головой.

— Вот... Милая женщина, квартирная хозяйка, узнала о гибели Кромара случайно, из газет. Очень переживала. Составила описание его вещей, дала объявление, честно ждала наследников... Не дождалась. Наследство, впрочем, было скромным — кое-какие вещи, велосипед, старый компьютер в нерабочем состоянии...

Ирена не выдержала:

— У Анджея — старый компьютер?!

— Вот-вот... Квартирная хозяйка помнит, что компьютер вроде бы был другой. Но ОСТАЛСЯ — этот... Да. И картонный ящик из-под телевизора, набитый бумагами. Хозяйка собиралась его выбросить,— но я на всякий случай решил взять его себе... Ирена. Вы можете без ущерба для настроения рассказать мне немного об этом господине Кромаре?

Ирена поколебалась:

— А почему Анджея... вас заинтересовал?

У нее хватило мужества выдержать пристальный взгляд Семироля.

— Потому что, Ирена, именно этот человек неким образом связан с вашей... гм... назовем это странностью. Я продолжаю считать, что для потомства подобный психоз не опасен... Но я должен знать. В конце концов, может быть, я помогу вам?

— Я не сумасшедшая,— сказала она спешно.— Нет никакого психоза...

Семироль недоверчиво покачал головой:

— Есть, Ирена. Что-то такое есть... Возможно, на почве развода. Уж поверьте, через мои руки прошло столько бракоразводных процессов... Всякое бывает, Ирена. Вы ведь меня не стесняетесь?

— Поздновато стесняться-то,— отозвалась она с нервной веселостью.

— Будете мне помогать?

Она нервно проглотила слюну.

— Ладно... пойдем дальше. Вот, имеем гору бумажного хлама, вырезки из газет, чистые листы, черновики, в которых нельзя понять ни слова... Ваш бывший муж не увлекался шифрами, анаграммами, чем-нибудь подобным?

Ирена уверенно помотала головой.

— Хорошо... Вот, это меня заинтересовало. Вырезка из газеты «Секреты следствия»... Желтая, между прочим, газетенка. И статья странная — откровения о некоем шумном процессе... Я такого процесса не помню. Несмотря на то, что помнить должен... Вот, в углу листочка видны номер газеты и дата... У меня есть этот номер в подшивке. Но такой статьи там нет. Любопытно, правда?

Она потянулась к желтому листку. Поднесла к глазам, тут же испуганно отшатнулась — на фотографии в центре запечатлен был полуторый труп...

— Не хватайте всякую гадость! Дайте сюда... Самое интересное, Ирена, что это не единственный подобный казус. Тут таких вырезок полно, и на большинстве видны число выхода и номер газеты, да не от руки написанные, а типографские, оригинальные... И ни одной — НИ ОДНОЙ! — я не нашел в подшивках. Возможно, господин Кромар занимался подделкой газетных заметок,— ума не приложу, зачем это может быть нужно...

— Ян,— Ирена нервно потерла руки, сама себе напомнив муху на праздничной скатерти,— а фотографий... или чего-нибудь... не было?

Семироль потянулся к столу. Вытащил из груды бумаг стандартную фотокарточку-открытку.

Да, и время, и место она узнала с первого взгляда.

Парк. Крылью деревянного коттеджа, увитое, кажется, плющом... Вот виднеется коттедж их соседа, известного режиссера. Снимок сделан за пару дней до памятного заплыва — режиссер еще не знает, что его ждет...

Кажется, именно режиссера они попросили запечатлеть их. Снимок сделан рукой киномастера — Ирена и Анджея в обнимку, оба молодые и обаятельные, оба довольные жизнью...

Ирена молча вернула фотографию.

Сегодня ночью ее ждет бессонница. Зато сейчас лицо ее вполне равнодушно; порой не так-то плохо иметь замедленную реакцию...

— Что еще? — услышала она собственный спокойный голос.

Семироль покал плечами:

— Все те же неразборчивые записи, в которых даже профессиональные шифровальщики никак не могут разобраться... И настенный календарь шестилетней давности. Или семилетней...

— Можно посмотреть?

Календарь пахнул пылью. Когда-то глянцевые листы теперь потускнели, кое-где проступали следы от чашки, жирные пятна, вроде как от подсолнечного масла...

— Ян... Скажите по правде. Вы думаете, что я сумасшедшая?

— Я думаю, что вы генетически благополучный человек с небольшой навязчивой идеейкой...

— Подарите мне вот этот календарь, — Ирена прижимала старый хлам к груди и при этом улыбалась так счастливо, что можно было и впрямь принять ее за безумицу.

— Я рад, что вам нравится...

Семироль подошел, сел на подоконник и внезапно и крепко обнял ее. Она испуганно затихла.

— Ирена... Я соскучился. Но в первые месяцы беременности... понимаете? Доктор не рекомендует... — и он улыбнулся.

Уши, вспыхнув, выдали ее смятение.

* * *

Ее комната была захламлена географическими картами, вырезками и атласами. Она почти сразу нашла то, что искала; волнение первых секунд, волнение, от которого кружилась голова и немели пальцы — это волнение скоро выветрилось, как дешевые духи, оставив Ирене холодный pragmatism исследователя.

Она чувствовала себя опытным препаратором. Спокойным, как боа-конструктор. Или даже как боа-конструкторский труп...

Она подобрала карты, точно соответствующие по масштабу. Она работала вдохновенно и тщательно; для того, чтобы довести задумку до конца, ей понадобилось каких-нибудь несколько часов.

И уже потом, посмотрев на дело рук своих, она испугалась.

И кому это можно показать? Нику? Яну?

Облокотилась о подоконник. Подняла глаза к темнеющему зимнему небу:

— Халтурщик! Я поймала тебя, слышишь?

Небо молчало.

* * *

Вероятно, упырь-адвокат действительно обладал феноменальным даром убеждения. Вероятно, и аргументов для Эльзы и Сита у него оказалось предостаточно; во всяком случае, на ферме установился относительный мир.

Ирена избегала как Эльзу, так и Сита. Семироль сидел на ферме безвыездно,— вероятно, считал своим долгом лично восстановить благополучие в хозяйстве.

Ирена смотрела на горы — и думала.

В то, что Анджей умер, ей не верилось с самого начала. Версия о его смерти пылилась в самом дальнем уголке ее подсознания; вероятно ли, что, инсценировав смерть, Анджей ушел из МОДЕЛИ в реальность?

Не очень-то вероятно. Хотя...

Возможно ли, что Анджея не устроила роль рядового обитателя МОДЕЛИ? Что, совершив как бы ритуальное самоубийство, он одновременно приобрел и постась настоящего Создателя, того, чье место за облаками?!

Бред...

Повесть продвигалась к концу. Что будет в finale, Ирена не знала.

* * *

— ...Вся жизнь у меня такая... разбитая... прогоняете меня, потому что противно, да?

Эльза говорила вполголоса, но с бешеным темпераментом. Ирена придержала шаг, не желая быть свидетельницей ничьих интимных разборок.

— Почему так всегда бывает... всякая скотина, ко-белье вонючее лезет и лезет, а для настоящего человека... я вроде как грязная... Ну я люблю вас, ну люблю, почему ни одна сволочь не верит?!

Ирена остановилась. Дверь в кладовку была приоткрыта, — Ирена живо вообразила себе Эльзу, на коленях стоящую перед Ником. И в следующую секунду — как они оборачиваются, заслышив ее шаги, как Ник смущенно улыбается, а Эльза краснеет до слез и выскакивает прочь...

Интересно, а как Эльза ведет себя на осмотрах?!

Сама того не желая, Ирена сделала еще полшага.

Тесная комнатушка кладовой заставлена была стопками чистого белья. Эльза сидела на полу; кроме нее, в комнатушке никого не оказалось.

Молящий взгляд бывшей шлюхи устремлен был на пестрый, оклеенный фотографиями простенок. Кому из белозубых лощенных киноактеров предназначались ее признания?

Ирена скользнула мимо. Оглянулась только у дверей собственной комнаты. Остановилась, задыхаясь, но не от бега, а от стыда. Кажется, застань она Эльзу в объятиях Ника, да еще в экстазе, — не было бы так стыдно...

Прозрачная крышка, которой она обычно прикрывала клавиатуру, лежала рядом на столе, — в то время как Ирена точно помнила, что оставила клавиатуру закрытой.

Она удивленно оглядела комнату. Ключ лежал у нее в кармане; сюда давно никто не входил — по ее просьбе, даже пыль не вытирал — все сама, только сама...

Она покачала плечами. Подумала. Подошла к монитору, положила на него ладонь.

Монитор был теплый.

* * *

— ...Что за дрянь вы смотрите, Ирена?

Она оторвала взгляд от ведущего телешоу, вопящего и кривляющегося на маленьком экране. Изобразила улыбку:

— Отчего же, очень смешно...

— Не притворяйтесь... Вас что-то огорчает?

Она помолчала.

— Ян, меня огорчает, что вы без спросу залезли в мой компьютер и... переписали повесть? Да?

Семироль усился рядом. Подобрал с пола пульт,

заставил жизнерадостного крикуну резко убавить громкость.

— Ирена...

— Ничего,— она пожала плечами.— Раз уж мое тело не принадлежит мне, что уж говорить о тексте... о каком-то там компьютере...

— Ирена, у вас повадки великого сыщика...

— А у вас — неумелого взломщика... Ну зачем?!

— Мне очень нужно было это прочесть. А вы бы мне не позволили. Ведь не позволили бы, точно?

Она молчала.

— Ирена, поймите... То, что вы в итоге остались живы,— во многом заслуга этих ваших... рассказов. Как бы странно это ни звучало... А интересно было посмотреть на себя со стороны! — он неожиданно улыбнулся.

Она еле удержалась, чтобы не сплюнуть, как матрос в трактире:

— Да это же... это другое, это не... и она же не закончена!

Семироль вздохнул:

— Ирена... где вы провели эти злосчастные десять месяцев?

На экране взмахивали стройными ногами лихие смуглые танцовщицы. Их движения почему-то напомнили Ирене вязальную машину... или прядильную? Ритмичные взмахи бесконечной очереди палочек и крючков...

— А вы уже прочитали? — спросила она безнадежно.

— Да. Но, я надеюсь, вы все-таки отделяете... вымысел от реальности? Или нет?

Вот и все, устало подумала Ирена.

— Ян... я не сумасшедшая. Верите?

Он молчал.

— Ну так идемте со мной! — сказала она, резко поднимаясь.— Идемте, я вам покажу!..

* * *

Она включила весь имеющийся в комнате свет. Люстру, настольную лампу, торшер. Смела со стола хлам, оставшийся после ее исследовательской работы, взялась было отодвинуть компьютер...

— Куда? — Семироль с негодованием оттеснил ее. — Тяжести?!

Она закатила глаза к потоку.

— Смотрите сюда, Ян... Вот. Это календарь, тот, из бумаг Кромара, видите?

— Спокойнее, Ирена...

— Нет, это вы — спокойнее... Вот эти горы, видите, узнаете?

Семироль взял календарь в руки. Чуть улыбнулся:

— Да... Смотрите-ка.

— А почему тут написано «Каньон Пас, Южные Монтаньеры»? Мы-то в другом месте живем!

Адвокат присмотрелся. Пожал плечами:

— Ну и что? Кромар подделывал статьи в газетах, а теперь еще, выходит, и календари...

— ...Подделывал календари семилетней давности.

Ладно, его дело... Но вот карта...

Ирена волновалась. Путалась в страницах атласа; Семироль как бы невзначай положил ей руку на плечо:

— Не спешите...

— Смотрите сюда... Вот. Это Южные Монтаньеры. То место, что на всех картах мира называется Каньоном Пас... Вот этот участочек, обведенный карандашом, пятиугольник, видно?

— Ну и что? — медленно повторил Семироль.

Ирена развернула карту:

— Вот мы... Вот город... Здесь еще горы как горы. Здесь еще тоже... совсем старые. Полуразрушенные. Лес,

луга, средняя высота не превышает... не помню сколько метров, но не так уж много. И вдруг — пики! Вечные снега! Все эти сумасшедшие хребты, из-за которых с фермы нельзя сбежать... Но ладно. Игра природы... Вот! Посмотрите же сюда! Вот этот пятиугольник, точка в точку! Кусок Монтанье, пересаженный совершенно в другое место! Сдублированный! Вот я из карты его вырезала, тут масштабы совпадают... Если даже учесть обаятельные искажения, погрешности... но совпадает же! Накладывается!

Семироль молчал.

Иренино доказательство, похожее на детскую игру-головоломку, выскользнуло из ее нервных рук, полетело на ковер — отдельно атлас с загнутым уголком, отдельно карта с вырезанным пятиугольным окошком, отдельно сам этот пятиугольник, желто-коричневый из-за обилия высоких гор... И еще одна карта, целая, с нарисованым контуром, с местом, куда без ущерба для карты легко можно вклеить кусочек Южных Монтанье...

Семироль наклонился. Аккуратно подобрал все части головоломки. Выпрямился, усмехнулся:

— Ну и что?

— А ничего,— Ирена опустилась на кровать.— Я, конечно, отличаю вымысел от реальности... Хорошо бы послать эти мои изыскания в какой-нибудь географический журнал... Хотя нет, географический не напечатает. В какой-нибудь темный журнальчик, с хиромантией, чревовещанием, с пособиями по столоворчению, «удивительное — рядом»... Вот там напечатают с радостью, еще и гонорар пришлют...

Семироль молчал.

— Что вы со мной сделаете? — спросила она беззадежно.— Если я все-таки шизофреничка... Вы ошиблись во мне, Ян. А вернее всего — вам надо было набрать сразу несколько женщин, оплодотворить их всех и из

многочисленного потомства выбрать самую удачную особь... А прочих...

Он закрыл ей рот ладонью. Ладонь была узкая и твердая; Ирена щекой вдавилась в пуговицу на его рубашке и снова ощутила биение его сердца,— но теперь, как ни странно, пульс Семироля был чаще, чем у Андрея Кромара, почти такой же, как у нормального человека...

— Ирена... Не надо. Он может услышать...

Его рука легла теперь уже ей на живот. Ирена замерла — прикосновение было приятным.

Проходили минуты.

Она не сопротивлялась. Опустилась на подушки, позволяя делать с собой все, что угодно...

Бесстыдно горели люстры, настольная лампа и торшер.

— Улыбаетесь, Ирена?

— Неприлично же... При ребенке...

Он коснулся ее губ. Впервые.

— Вы смеетесь, Ирена?

— Обычно начинают с поцелуев, а мы... заканчива-
ем...

— Ну, до завершения нам еще далеко...

Так что же, он понял? Все-таки ПОВЕРИЛ ей? Или...

Она закрыла глаза.

Пусть так. Не имеет значения.

* * *

По утрам она боролась с тошнотой. Ничего не хотелось делать, повесть так и осталась — без конца...

Ник возился с ней, как нянька. Делал комплименты. Развлекал. Вытащил откуда-то подробный медицинский фильм о внутриутробной жизни плода; сперва Ирена морщилась,— но любопытство

победило, тем более что фильм оказался в чем-то даже эстетским.

Дни. Недели. Месяцы. Страшноватое с виду, непропорциональное существо плавало вниз головой внутри собственного красного космоса, росло, обзаводилось отпечатками пальцев, ресницами, мочками ушей, ногтями...

Ирена смотрела, время от времени недоверчиво касаясь собственного живота.

* * *

Дни стояли солнечные, на ежедневную прогулку она выходила в темных очках на пол-лица.

Траурная ленточка на корявой сосне выцвела и стала бурой. Иногда к сосне, будто к могиле, приходила Эльза. Вот как сегодня.

Ирена сидела на стволе поваленного дерева, на четырех слоях пушистого пледа. Дальше идти было некуда — пришлось бы карабкаться по камням, против чего Ник категорически возражал...

Зато здесь, на каменной площадке, защищенной от ветра с двух сторон, было комфортно, как в парке.

Или как в прогулочном дворике хорошей тюрьмы...

Далеко внизу, у корявой сосны, стояла, задумавшись, Эльза.

— Ник...

— Да, я понимаю, о чем вы думаете... Да, бедняга. Самое печальное... Я скажу циничную вещь, но, если бы нечто подобное случилось с Ситом,— Эльза точно так же хранила бы его память. Ненавидела бы Троша... Да, Ирена. Она ужасно романтична, наша Эльза, хотя в жизни, наверное, не прочитала ни одного любовного романа... А главное, она все время пытается доказать себе, что умеет любить не хуже прочих,— верно и преданно...

Ирена помолчала. Доктор привычно болтал, развлекая ее и провоцируя, но за словами его стояло невысказанное, просто стояло, не считая нужным даже спрятаться, в полной уверенности, что Ирена, увлеченная историей Эльзы, не обратит на него ни малейшего внимания...

— А вы как доктор вынесли вердикт: Эльза любить не умеет?

Вопрос получился по-идиотски серьезным. Ник вздохнул:

— Коров, зверят... очень любит. По-настоящему.

Ирена вспомнила Эльзин монолог в кладовой. Беседы о любви с киноактерами — занятие для десятилетней девочки, а не для...

— Ник... а у вас с ней что-то было?

Эльза шествовала к калитке. В последнее время она перестала по-старушечки горбиться, держалась прямо и даже порой улыбалась, как раньше...

— Конечно,— отозвался врач после паузы.— Когда она только появилась здесь... я ее успокаивал, адаптировал и лечил. И она вообразила, что любит меня даже больше, чем своих телят. Нет, не извиняйтесь, Ирена... Вы ничего не спросили бестактного. В том, что Эльза нашла на ферме свое счастье,— во многом моя заслуга. И не беспокойтесь, с Эльзой все будет в порядке... она придет в норму. Все перемелется... Время, Ирена. Идемте обедать...

Она смотрела, как он отряхивает плед. Сворачивает, прячет в сумку. Солнце склоняется за зубцы гор,— возможно, где-то в Южных Монтаньерах кто-то точно так же смотрит на этот пейзаж, только там, наверное, куда теплее...

— Ник, а вы читали Эльзе стихи?

Он удивленно обернулся:

— Что?

Ирена усмехнулась:

— Интимная близость как-то ведь должна отличаться от рутинного приема пациентки? Вот я и подумала, что, наверное, стихи...

Некоторое время Ник смотрел на нее, разинув рот. Потом свирепо ухмыльнулся:

— Знаете, другой на моем месте обиделся бы... Что же, рассказать вам в подробностях, как я возвращал Эльзу к жизни?

— Не надо,— сказала Ирена поспешно.— Верю...

— Давайте руку, тут склон...

Она послушно положила ладонь на сгиб его локтя.

Прогулки с Ником дисциплинировали ее. Не давали опуститься. Не давали забыть о внешности, расслабиться, поглупеть...

— Я вас точно не обидела, Ник?

Он хохотнул:

— Отому... Хотите, почитаю вам стихи во время осмотра?

Она почему-то смущилась.

— Кстати, Ирена... чем вы озадачили Яна? Я вижу, вы чем-то его серьезно озадачили...

Она таинственно улыбнулась:

— Это сюрприз...

— Вы сообщили ему, что в вашей семье существует традиция рожать тройню? — радостно осведомился Ник.

Рванул ветер. Ник свободной рукой накрыл Иренину ладонь:

— Холодно? Идемте скорей...

Его рука была теплая, она ощущала это тепло сквозь тонкую перчатку.

— Ник, я давно хотела спросить...

Что это? Он насторожился?

— Ник... А кто будет ухаживать за... новорожденным? Что, Ян привезет приговоренного к смерти педи-

атра? Кормилицу? Няньку? Или... поручит ребенка Эльзе?!

Он укоризненно пожал плечами:

— Неужели вы думаете, что... мы не справимся? Да Ян что угодно сделает, вся ферма будет работать на этого ребенка... У меня будут справочники, учебные фильмы, любые лекарства, любое оборудование... Если понадобится, даже инкубатор...

— Да,— сказала Ирена, глядя в снег.— И первое его слово будет, наверное, не «мама», а «инкубатор»...

— Ирена?! — Ник взял ее за плечи и развернул к себе.— Что же вы?..

Она высвободилась.

— Ирена,— он снова взял ее за руку.— Я вас умоляю, не надо ЭТОГО... Обо всем договорились, все решено... Вы будете свободны, уедете... Мы будем вспоминать о вас — по-доброму... И у вас еще будут дети. Девочки, мальчики, сколько угодно, у вас очень благоприятное... строение...

— Специалист,— сказала она горько.

* * *

Они с Семиролем старательно избегали разговоров об Анджее Кромаре, о его странностях, газетных вырезках и календаре. Иногда Ирене казалось, что Семироль мрачен,— но причиной тому могли быть и обычные текущие дела. Вряд ли уравновешенный вампир подхватил бациллу безумия и теперь, подобно Трошу, теряет веру в непоколебимость мироздания...

Точно так же не принято было говорить о незаконченной повести. Ирена уверилась было, что Семироль благополучно вытеснил повесть из сознания,— когда однажды он спросил ее, как бы между прочим:

— Это место, где ваша героиня вошла в ткань МОДЕЛИ... Вершина холма? Какого?

Перед удивленной Иреной легла на стол топографическая карта; она узнала свой дом, дома соседей, дорогу...

— Здесь, — она показала пальцем. — Именно здесь... Отсюда дорога видна как бы подковой... Там...

— И шли навстречу две машины, желтая и белая, — снова как бы невзначай проронил Семироль. — Именно туда вы приводили следственную группу, чтобы якобы показать тело еще одной жертвы... Зачем?

— Нервный срыв, — сказала она еле слышно.

— Хорошо... А ваша героиня, приведи она следователей на холм, на что бы она рассчитывала?

Ирена проглотила слону:

— Она хотела ВЫЙТИ. Здесь воротца, два пругтика с тряпками... Но коридор оказался закрыт.

— Специально? Случайно? Кем? Для чего?

Ирена покала плечами.

— Вы, автор, не знаете?!

— Автор вовсе не обязан все знать, — сообщила она гордо. — Автор имеет право предполагать... задавать вопросы...

Некоторое время Семироль пристально смотрел на нее. Потом отвернулся:

— Ладно... И что, вы видели дым из трубы? Пустого дома? И вы, как автор, не знаете, кто был у вас в гостях?

— Да какая теперь разница, — сказала она угрюмо. — Наверное, та маньячка. Ведь Анджей Кромар, по официальной версии, к тому времени был уже месяц как мертв...

— По официальной версии, — раздумчиво пробормотал Семироль.

* * *

Незадолго до ужина Ник с профессионально мягкой улыбочкой пригласил ее на осмотр. Слабые попытки отвертеться не имели успеха; Ник позвенел ключами перед дверью медблока — и пропустил ее вперед. Ирена вошла, зажимая нос; у нее, вероятно, здорово обострился нюх. Во всяком случае на определенные запахи.

Ник пропустил ее за марлевую ширму. Мыл руки, облачался в стерильный халат, готовил инструменты; Ирена аккуратно складывала свои вещи на kleенчатой кушетке и вспоминала кадры из романтично-медицинского фильма. Конечно, тот, что живет внутри нее, пока похож скорее на ящерицу, чем на человека...

Возможно, она задумалась. Возможно, из задумчивости ее вывела тишина за ширмой...

Она обернулась, как на выстрел.

Ник смотрел на нее. Секунда, полсекунды — он тут же отвернулся, но ей хватило и этого мига.

Его взгляд не был взглядом врача. В такой степени не был, что Ирене сделалось жарко; взгляд коснулся ее, будто языком,— и, секунду простояв столбом, она с плачем кинулась одеваться...

Ник сидел за ширмой на кушетке. В халате, с маской, болтающейся на груди, положив на колени красивые от горячей воды руки. Он сидел на пути к выходу — Ирена остановилась, закусив губу.

— Извините...

Она молчала.

— Извините, Ирена. Я скотина. Безоговорочно... Не знаю, что сказать.

Она прошла мимо него. Не оглядываясь, выскочила в коридор; запах больницы преследовал ее желтоватым навязчивым маревом.

* * *

Возможно, инцидент удалось бы скрыть от Семироля. Даже наверняка удалось бы,— если бы, выбежав из медбюлоха, Ирена не налетела прямиком на упыря-адвоката.

— Ирена, погодите...

Она понимала, что необходимо немедленно взять себя в руки — иначе неприятность будет иметь продолжение.

— Что случилось?

— Ничего,— она старалась не смотреть ему в глаза.

— Вас кто-то обидел? Ник?!

— Нет! — ей мучительно трудно было соображать без пауз и отсрочек.— Нет... все в порядке... Ян, мне надо с вами поговорить...

Так птица, обнаружив хищника неподалеку от гнезда, срочно симулирует травму и, припадая на крыло, уводит от кладки опасного гостя.

— Ян, я хотела сказать вам... Где удобнее? Может быть, пойдем к вам?

Семироль помолчал. Неуклюжий Иренин прием не произвел на него впечатления,— но, в конце концов, он решил, видимо, что разбирательство с Ником никуда не уйдет...

В полумраке кабинета Ирена почувствовала себя увереннее,— пока не вспомнила, что Семироль видит в темноте.

Она перевела дыхание. Собственно, этот разговор все равно произошел бы. Другое дело, что Ирена не скоро бы на него решилась,— но вот, обстоятельства подстегнули...

— Я вас слушаю,— да, именно с этим выражением лица Семироль обращается к потенциальным клиентам.

— Ян,— пробормотала она, будто оправдываясь,— между нами, в общем-то, все оговорено... Вы не удивляйтесь, но...

Она вздохнула, глубоко и тяжко, как лошадь на водопое.

— Я согласна... стать вашей женой.

Маска профессионального спокойствия чуть дрогнула:

— Что?!

— Я согласна стать вашей женой,— она обезоруживающе улыбнулась.— Ну не все ли равно, где мне жить с фальшивыми документами? Вы мне,— тут она слегка поперхнулась,— нравитесь, симпатичны, и...

Она замолчала.

Холст, масло. «Ирена Хмель предлагает вампиру Семиролю сделаться ее мужем»... До чего же рады будут родственники. Выберем самый модный салон и закажем свадебное платье... Приглашать ли на свадьбу прокурора?..

— Я говорю серьезно, Ян... С вашей стороны не требуется никаких обязательств. Я буду жить здесь и... ребенку нужна мать, разве это нужно доказывать?

Семироль молчал. Теперь полутьма была врагом Ирены — она не видела лица собеседника, в то время как он никаких неудобств не испытывал...

Она набрала в грудь новую порцию воздуха и начала как бы заново:

— Я буду работать по хозяйству... Эльзе трудно однажды. Я буду... любить вас... как положено жене. Ребенка надо кормить грудью... Ребенок, он... Вы же сами говорили! «В обстановке, максимально приближенной к семейной»... Так создайте ему эту семейную обстановку, я же согласна, более того — я хочу этого...

Настольная лампа привычно смотрела через плечо. Она была похожа на птичий скелет, который прыгал-прыгал по краю письменного стола, а потом его окликнули,— и он обернулся, бросив луч света к Ирениным ногам...

— Не молчите, Ян...

Она с ужасом обнаружила вдруг, что юбка надета на ней задом наперед. В смятении убегая из медблока, она и не подумала заглянуть в зеркало...

— Не молчите, Ян! Это молчание... в конце концов, оскорбительно...

Семироль усмехнулся:

— Увы... Ведь не каждый день делают подобные предложения, надо же осознать, обдумать, черт возьми...

Она перевела дыхание:

— И долго... как долго вы будете обдумывать?

Семироль задумчиво потер подбородок:

— Собственно говоря... Ирена. А что, если бы я предложил вам остаться на ферме... на общих основаниях?

За окном проплыла тусклая тень фонаря. Кто-то прошел вдоль забора, увязая в сугробах, спотыкаясь...

— На общих основаниях, Ирена,— это значит просто остаться. Без обещанных фальшивых документов. Без прав... Ухаживать за ребенком, помогать Эльзе по хозяйству и так далее. И раз в несколько месяцев поддерживать меня гемоглобином. Потому как Троша нет, я должен искать ему замену, чтобы не злоупотреблять здоровьем Сита, Ника и Эльзы... Я не слишком цинично выражаюсь?

— В самый раз,— сказала она медленно.

Щеки онемели. Плохо, что Семироль видит ее отвращение и страх. Ясно ведь, что ее внезапная бледность — не от нечаянной радости...

— Ирена... как вы себя чувствуете?

Семироль оказался рядом. Присел на подлокотник, положил руку ей на плечо:

— Ирена... Вы же прекрасно знаете, кто я. Зачем вы обманываете себя, говоря мне о любви?

— О любви к ребенку,— сказала она механически.

— Штами, Ирена. Мать не любит ребенка, пока не увидит его, пока не намучается с ним, пока не привыкнет. Но в обществе так принято — мать должна любить свое дитя прямо-таки с момента зачатия... Это правильно. Это вызывает полезные для ребенка эмоции. Но не мучьте себя — после родов вам будет глубоко на него наплевать... Спросите у Ника. Он этих рожениц видел-перевидел...

— Я согласна, Ян.

— Что?

— Я согласна, если вы меня оставите «на общих основаниях»...

Он заглянул ей в лицо. Осторожно убрал руку; поднялся, прошелся по комнате; Ирене показалось, что он разочарован.

— По рукам, Ян?

Он покосился на нее почти с жалостью.

— По рукам?..

Семироль остановился напротив. Некоторое время смотрел на нее, и она, не видя в полумраке его глаз, ощущала этот взгляд, как упершийся в лицо бильярдный кий.

— Нет, Ирена. Меня огорчает... хотя одновременно и радует ваша готовность к самопожертвованию, но ребенок будет МОЙ. Я ни с кем не могу его делить, вы уж извините...

Ирена смотрела на стеллаж с книгами. Корешки темные, светлые, в суперобложках, с позолотой; ей показалось, на нее глядит из темноты переполненный, затаивший дыхание партер, а она на сцене — и забыла все слова...

— ...И он будет гемоглобинозависимый, Ирена. Одного этого... должно хватить, чтобы ваша материнская привязанность не переродилась в патологию, ведь так?..

Семироль провел долгую беседу с Ником; о чем они говорили, Ирена не знала.

Ник теперь избегал ее. То есть внешне все оставалось по-прежнему — ежедневная прогулка под присмотром врача, разговор ни о чем, а чаще — тягостное молчание...

Семироль отсутствовал часто и подолгу. Сит с Эльзой переживали, по-видимому, подобие медового месяца; Ирена перестала менять прическу и забросила макияж. Чем уродливее она предстанет перед Ником, — тем лучше...

Дни тянулись, одинаковые; тот, что жил внутри нее, еще не знал, что ему предстоит.

Он был заложник. Она оставляла его вместо себя — на попечение вампира, осужденного врача, еще двух убийц — мужчины и женщины...

— Тут тебе будет хорошо, — говорила она, глядя на красивые, приторно-красивые, опостылевшие горы. — Тут воздух... Совершенно чистое место... Целебное. Здесь о тебе будут заботиться... наверное, будут любить. Как принца... или принцессу. Дядя Ник... ты будешь для него вместо тех мальчишек, которые, наверное, уже большие и которые думают, что их отец давно умер... Дядя Ян... то есть папа... ты ему дорог, ты ему нужен... тебе будет хорошо, маленький...

Она вздрогнула. В ужасе подумала, что будет, если еще до ЕГО рождения господин Петер, рвущий на себе волосы где-то там, во внешнем мире, решит свернуть к чертям собачим весь свой перспективный проект...

Ник несколько раз приглашал ее на осмотр, — она отказывалась под разными предлогами.

— ...Ирена, вечно так продолжаться не может, вам рано или поздно придется... а других специалистов в доступности, как понимаете, нет...

Прогулка была как ежедневная пилюля. Теперь они бродили по дороге — вперед-назад; след от колес уехавшего вездехода занесло ветром, но дорога оставалась безопасной для пеших прогулок — до самого поворота...

— Как он тут ездит, — подумала Ирена вслух. — Каскадер...

— Ирена...

— Ник, сделайте одолжение, помолчите.

Она и без него понимала, что вечно так продолжаться не будет. Семироль слишком дорожит неродившимся чадом, чтобы оставлять его без бдительного присмотра... И неизвестно, чем обернется для Ника его новая профессиональная несостоятельность...

— Вовсе не обязательно докладывать Яну обо всех тонкостях наших взаимоотношений, — сказала она, зачерпывая неглубокий снег носком сапожка.

Он молчал. Вероятно, исполняя ее недавнюю просьбу.

На минуту она почувствовала себя виноватой. Но только на минуту.

— Вы никогда не рассказывали о своей работе, — она принужденно улыбнулась. — Наверняка, есть что вспомнить... клиника и...

Она запнулась, потому что против ее воли фраза получилась двусмысленной.

— Есть что вспомнить, — без улыбки отозвался Ник. — Я мог бы рассказать вам, что за путь привел меня... как я решился на свое первое убийство. На эвтаназию... Но беременным женщинам такого не рассказывают. Вы уж извините.

Некоторое время они шли молча. На один шаг Ника приходилось два Ирениных; он шел слева от нее, между женщиной и обрывом.

Потом она обогнала его.

— Осторожно, Ирена... Не стоит бегать, тем более здесь. Не подходите к краю, там...

Он замолчал, вернее, внезапно заткнулся.

Ирена смотрела вниз. Пропасть, яма, срез; одиночные деревца на почти вертикальном склоне. Слоеный пирог из спекшегося камня. И куда хватает глаз — свирепая каменная красота, стены и пропасти, живое небо с потоком облаков, снег в щелях, безжизненный бурый мох... Ирене примерещился симфонический оркестр в момент экстаза. Анджей любил музыку, мрачную и мощную, его любимый концерт, воплощенный в базальте, выглядел бы именно так...

Анджей мог встать посреди концерта — любимую музыку он слушал стоя. Равнодушный к шиканью из задних рядов, он внимал коде, скрестив руки на груди, в то время как Ирена ерзала, оглядывалась и краснела; порой, не выдержав, она пыталась дернуть его за рукав, — и всякий раз бывала наказана испепеляюще-разраженным взглядом.

Кончилось тем, что они перестали ходить на концерты, по крайней мере вместе...

На дне пропасти стоял туман. Плотный и одновременно струйчатый; края туманного облака закручивались колышами, как караокуль. В детстве она верила, что, если в безлюдном месте долго смотреть в плотный туман, — можно увидеть Создателя. Он ходит в тумане, как в облаке...

Создатель Анджей.

Она очнулась оттого, что из-под ноги сорвался камушек и запрыгал вниз, и скоро пропал из виду, зато следом сорвался второй.

Она обернулась.

Ник стоял в двух шагах за ее спиной. Лицо его казалось белым даже в сравнении со снегом, забившимся в расщелину скалы.

— Что случилось? — спросила она недовольно.

Ник молчал. На лбу его липкой пеленой лежал пот.

Она отошла от края. Некоторое время недоверчиво смотрела Нику в глаза, потом оглянулась на собственные следы, ведущие к краю обрыва. Нахмурилась.

Она медленно соображает. Все беды оттого, что она медленно соображает; эта скала прямо-таки приглашает к самоубийству, если, конечно, человек предрасположен...

Ник плотнее сжал губы. Лицо его, цвета ноздреватого льда, казалось не вполне знакомым — будто черно-белая фотография на официальном документе...

— Вы же сказали, что ничего больше не боитесь,— сказала она негромко.

Ник молчал. Ирена сунула руки глубоко в карманы куртки:

— Значит, вы сами помышляли... Вы оставляли эту скалу СЕБЕ на крайний случай? Иначе мне не понять, почему естественный поступок человека, который не боится высоты, вызвал у вас такую...

Он крепко, если не грубо, взял ее за руку и потащил обратно.

— Ник!!

Он обернулся. Глаза его оказались рядом с ее лицом; он по-прежнему ничего не сказал, но она обмякла в его руках:

— Я не хотела... напугать вас... или обидеть.

Он поморщился. В какой-то момент казалось, что он все-таки не выдержит и заговорит...

Они брали обратно. Ник больше не тянул за собой Ирену,— но и не выпускал ее руки. Мертвой хваткой.

* * *

...Придумать игру было для Анджея так же легко, как выпить чашечку кофе.

Однажды они собирались на экскурсию в далекий старинный город, огромный, многоликий и переменчивый;

куплены были билеты и заказана гостиница,— в день отъезда Анджея торжественно вручил Ирене конверт с глянцевой открыткой.

Она не выдержала и сразу же посмотрела — на открытке изображены были улица, играющие дети, старый дом с бородатой химерой, вход в какой-то магазинчик, по-видимому книжный...

Анджея таинственно улыбался.

Неделя пребывания в городе Ирениной мечты оказалась короткой и длинной одновременно — короткой, потому что забивало дух от впечатлений, а длинной, потому что отваливались натруженные ноги и не хватало времени на сон... Бродя по старинным улочкам или задирая голову у подножия чудо-башен, Ирена не забывала об открытке — искала, искала среди множества неизвестных домов один маленький домик и, вычислив, наконец, перекресток с бородатой химерой, ощутила себя по-настоящему счастливой, счастливее, чем в первый день каникул...

В магазинчике торговали редкими книгами. Увидев Ирену, продавец ожидал — он видел ее на фотографии, на ее имя, оказывается, лежит упакованная и оплаченная покупка, вот, второй месяц дожидается...

Анджея таинственно улыбался.

В свертке был томик любовной лирики, изданный лет двести назад, причем ценные были не столько стихи, сколько сам томик: в телячьей коже, с замочком, с гравюрами, едва ли не с автографом — волшебная игрушка. ... Ирена даже смеяться не могла — просто стояла у прилавка, поглаживая свежеобретенный подарок, и чувствовала, как улыбается, улыбается за плечом Анджея...

Потом, много позже, волшебный томик потеряется. Будет безжалостно где-то забыт или кому-то подарен, — Ирена многое забыла о тех днях, забыла потому, что не желала помнить...

И вот теперь сидела среди ночи, прижав ладонь к внезапно разболевшемуся сердцу.

Ночью. Почему все мысли приходят к ней ночью и не дают спать?!

Почему, почему она не догадалась СРАЗУ?!

«Ну, я пошел. Привет»...

Надпись на обратной стороне открытки.

А на лицевой ее стороне не было ничего особенного — просто красивый городской пейзаж. Какой-то магазин с яркой витриной. Вывеска над входом... Улица, прохожие, дети...

МАГАЗИН.

Давняя передача, увиденная в числе прочих по телевизору.

«...необычный магазин! Возможно, наиболее старомодные из нас будут шокированы... наверняка понравится детям. Минувшее воскресенье...

Она яростно потерла лицо.

«Здесь открывается дверь в новый мир — мир страшных сказок и легенд»

«Я пошел. Привет».

«Праздничные шутки и сюрпризы...»

«Я пошел. Привет».

«Здесь открывается дверь в новый мир!..»

Она обнаружила, что стоит перед окном, методично выламывая собственные пальцы.

Идиотка. Тугодумка. Да просто дура...

Вот он, манок. Возможно, Анджей не желал ей зла — он думал, что уж МЕСЯЦА ей точно хватит. Что она успеет сообразить...

— Что же ты делаешь, Анджей?!

Собственно, а как действовал бы Петер, желая указать Ирене на возможный выход из МОДЕЛИ? Пустил бы по массовым информационным сетям какое-то невинное сообщение, «дверь в новый мир»,

прием старый, многократно описанный и дающий, если верить книжкам, неплохие результаты...

Анджей — или Петер?! Или они теперь действуют заодно?

Она закрыла глаза. Так. Анджей вышел из модели... Путем своей инсценированной смерти. Встретился с Петером и благодушно сказал, что лавочку можно закрывать... Как так, сказал Петер. А ваша бывшая жена?! Ее склонывать вместе с МОДЕЛЬЮ?!

«Ян, сделайте мне свадебный подарок... Я хочу посетить магазин «Праздничные шутки и сюрпризы». Куплю себе маску вампира, устроим маскарад...»

Неужели?!

Так просто.

Она выйдет — и все это, весь этот неправильный мир с вампирами-адвокатами — кончится?!

А триместр в институте, между прочим, уже начался...

Она засмеялась и заплакала. Одновременно.

* * *

— ...Ирена, что случилось?!

Она прижимала ладони к низу живота. Сгибалась все сильнее и сильнее, втягивая воздух сквозь сжатые зубы.

— Ирена, что?!

Семироль чуть не на руках отнес ее на диван.

— Больно... — выдавила она.

— Спокойно... Спокойно, ничего страшного... Ник!!

Они отвели ее в медблок — под руки, поддерживая с двух сторон. Ирена удерживала стон.

— Ян, выйди...

За Семиролем закрылась дверь.

— Ирена, как болит? Сейчас, погодите, сеи...

Он осекся. Ирена смотрела прямо и холодно, и во взгляде ее не было ни боли, ни страха:

— Ник, вы сейчас скажете ему, что я должна... что меня надо везти в клинику. Иначе... ребенка не будет.

Ник отшатнулся:

— Ирена...

— Я знаю, как меня зовут... У вас нет нужной... аппаратуры. Придумайте, чего у вас нет... Меня надо сию секунду везти в город. Дадите ему адрес клиники.

Она увидела, как у Ника начинают дрожать губы. Сперва чуть-чуть, потом сильнее; а ведь Ник-то, надо полагать, навидался и наслышался в жизни всякого...

— Это невозможно...

— Это ВОЗМОЖНО. Это БУДЕТ.

Лилась в раковину вода. Журчала серая воронка, текло время, отмеряемое бьющей из крана струей, звенящая горячая клепсидра — водяные часы...

— Почему вы решили... что я сделаю это, Ирена?

— Разве я ошиблась?

Звучала вода. Покачивалась белоснежная крахмальная занавеска.

— Разве я ошиблась, Ник?!

На какое-то мгновение ей сделалось страшно до головокружения. Потому что ЕСЛИ ее отчаянный риск окажется ошибкой...

— Вам ведь ничего не грозит,— сказала она мягко.— Ян не узнает, что я симулировала...

— Это ЯН-то не узнает?!

Звучала вода.

— Вы боитесь, Ник?

— Дорога... — он смотрел в сторону.— По такой дороге... не доехать...

— Не ваша забота.

Он взял ее за запястья:

— Ребенок, Ирена, ребенок!..

Она кивнула:

— Во имя ребенка. Во имя ваших собственных мальчишек... Вы мужчина, Ник.

— Ирена...

— Вы сделаете или нет?!

Он отвел глаза:

— Нет. Извините. Не могу...

* * *

Поддерживая под обе руки, ее вели к машине. Руки Ника крупно дрожали, Семироль был бледен лицом и очень сосредоточен.

— Все будет в порядке, Ирена...

Как назло, повалил снег. Крупный и мокрый; она видела, как мается Ник. Смотрит то на Ирену, то на небо, то на Семироля:

— Ян... Ты уверен... что в такую погоду ты проедешь?..

— У меня есть другой выход? — раздраженно отозвался Семироль, и Ирена поняла, что он волнуется. Что, если понадобится, он на спине понесет Ирену до города — через заносы...

Ему действительно так дорог будущий ребенок?..

Возможно, она еще испытает угрызения совести. Потом. Когда доберется до магазина «Праздничные сюрпризы»...

Впрочем, к тому времени не о чем будет сожалеть. МОДЕЛЬ схлопнется — вместе с вампиром-адвокатом, с его чадолюбивыми помыслами, вместе с открыточно-красивыми горами, суровым правосудием, передовой гинекологией, вместе с Ником, который впервые в жизни солгал своему великодушному патрону...

Она застонала — от почти взаправдашней боли. Семироль сжал ее руку — отчаянно и крепко; а что, если

благополучный упырь переживает не только за ребенка?!

Потом. Обо всем этом она подумает потом.

Снег валил и валил. Ник боялся все больше; Ирене помогли забраться в машину, и через занесенное снегом стекло она видела, как Ник, сцепив пальцы, открывает рот, обращается к Семиролю, слов не разобрат...

Он раскололся. Он предал, он покаялся; от одной этой мысли у Ирены потемнело в глазах.

— ...снег... такой дороге...

Ник маялся. Не решаясь признаться в подлоге, он все-таки желал удержать Семироля,— потому что погода, будто сочувствуя Нику, делала все возможное, чтобы помешать поездке...

Но слово было сказано. Решение принято, ложь произнесена, и произнесена столь убедительно, что даже змей-Семироль до сих пор не догадывается об обмане...

Потому что слишком многое для него поставлено на карту. Он слишком доверяет старому другу-рабу.

— ...заткнуться. Я не первый раз за рулем и немножко знаю дорогу... Ты дал ей лекарство? Анальгетик?.. Тогда все, пожелай нам удачи...

Дверца захлопнулась. Семироль ободряюще улыбнулся Ирене, помог ей пристегнуть ремень, завел мотор, нажал на газ...

Ферма поплыла назад. Горы сдвинулись с места и тоже поплыли; ворота стояли распахнутыми. Иrena сидела, скрючившись, всем своим видом изображая крайнее страдание.

Неужели?!

Сколько времени минуло с тех пор, как он привез ее сюда, приговоренную, подавленную, в черной робе?..

Снег валил и валил. Плохо. Ой, как плохо; в такую погоду даже адский водитель Семироль может счесть,

что выкидыши все же лучше смерти на дне ущелья, и повернуть назад...

Вот поворот. Крайняя дозволенная точка для их с Ником прогулок. Добравшись до поворота, они всегда поворачивали назад...

Миновали поворот. Ирена судорожно вздохнула; Семироль мельком взглянул на нее, во взгляде было сочувствие.

Еще поворот. Бешено работают снегоочистители на ветровом стекле. Вездеход едва ползет...

Потом машину повело.

Ирена инстинктивно вцепилась в сидение; машина поплыла, потеряв связь с дорогой, вильнула, будто корыто, на котором катаются с горки деревенские дети...

Семироль ругнулся сквозь зубы. Ирена не рассыпала ругательства.

Очень обидно. Невыносимо обидно — сорваться со скалы и разбиться, когда цель так близка.

И жалко Семироля, который, в общем-то, не ради себя рискует.

И безумно жаль ЕГО, нерожденного, плывущего в своем красном космосе и ощущающего ее страх.

Она скала зубы, заставляя себя успокоиться. Нечего пугать ребенка раньше времени...

Машина выровнялась. Семироль, вместо того чтобы притормозить, поддал газу.

— Ян...

— Молчите, Ирена. Расслабьтесь. Все будет...

Машина вильнула. Ударилась боком о полосатый столбик дорожной разметки, выровнялась. Поворот...

Она зажмурилась. Не было сил смотреть.

Ей действительно надо расслабиться. Собраться с мыслями и решить, как быть дальше. В машине центральный замок — выскочить на дорогу неожиданно для Семироля ей не удастся. Да и бессмысленно это —

выскакивать на дорогу... Разве что в городе, перед светофором... там легко нырнуть в подворотню, в подземный переход, вскочить в автобус... Хорошо бы толпа. Побольше людей; но в такую погоду, да еще вечером, вряд ли найдутся охочие до прогулок...

...Значит, остается больница. Она, разумеется, поклялась Семиролю, что ни слова, ни пол слова о том, кто она такая... Семироль все уладит... иначе, Ирена, вы ведь понимаете... иначе...

Машина вильнула. Поплыла, бессмысленно вращая колесами, пытаясь сквозь снежную кашу дотянуться до тверди; Ирена зажмурилась сильнее.

Сейчас вездеход опрокинется на бок, они с Семиролем вместе полетят вниз — и там, на дне, будут долго и мучительно умирать в искореженной железной коробке...

— Спокойно, Ирена. Не бойтесь...

Он хорошо едет. Как Анджей. Даже лучше Анджея; Ирена вспомнила, как муж учил ее водить машину. «Есть вещи, которые ты зазубришь, как попугай. Есть вещи, которым ты выучишься, как обезьяна... А есть интуиция, без которой и первое, и второе бессмысленно...»

Кажется, вот на этой развилочке тюремщики передали ее в руки Семироля. На смерть, как она полагала...

Миновали развилочку.

— Скоро... Сейчас будет шоссе... Больно?

Ирена уже забыла. Забыла, что должна симулировать, что Семироль, оказывается, не забывает о ее боли даже на самой трудной, самой опасной дороге...

— Больно, — сказала она и почти не соврала.

— Скоро... На шоссе поднажмем...

Больница. Семироль передаст ее санитарам — из рук в руки... Ее положат на каталку, повезут по коридору... В операционную? Да нет, кто-то ведь должен поставить хотя бы диагноз...

Ее куда-то повезут. И по дороге...

Удача. Анджей, как нужна сейчас удача. Помоги...

— Вот и шоссе...

Ирена увидела огни. Да, огни, потому что в снежные дни рано смеркается...

Вдалеке прошел автобус. Настоящий рейсовый автобус, с людьми...

Машина завалилась на бок. Ирена вскрикнула.

— Че-ерг... Ирена, не бойтесь. Это всего лишь промоина... Сейчас.

Взревел мотор. Где-то там, сзади, взвилась из-под колес жидкая снежная грязь...

Ни с места. Ирена перевела дыхание. Как хорошо, что у нее замедленная реакция; только сейчас ей по настояющему страшно. Только сейчас...

Семироль снова выругался. Провернул руль.

Газ, газ, газ. Машина дергается, беспомощно месит снежную грязь. Хорошенькая промоина, поглотившая Семиролов вездеход, будто слабосильную легковушку...

— Прорвемся... Черт. Ирена, сейчас...

Из открытой двери потянуло холодом.

Рукой подать до шоссе...

...Больница — не тюрьма. Она найдет дверь. Найдет окно. Найдет какой-нибудь люк, в конце концов... Найдет выход...

Успеть бы до закрытия магазина. В котором часу могут закрываться такие вот «Праздничные сюрпризы»?

Елки-палки, а какой сегодня день?! Будний? Выходной? Она потеряла счет неделям...

Быстро темнело. Снег все валил и валил.

Она расстегнула ремень. Привстала на сидении и заглянула в зеркало.

Семироль возился у задних колес. Черт, какая огромная яма... Машина, практически, лежит на брюхе...

У Семироля должны быть какие-то фирменные штучки
— шипы, цепи...

Машина дрогнула. Еще; ох и здоровый, однако, этот вампир. Что он, думает вручную развернуть вездеход?!

Семироль хлопнул багажником. Заглянув в открытую дверь:

— Ирена, вы... как?

— Лучше...

— Сможете газануть? Осторожно?

...У нее нет денег, вот что плохо. Но, если постараться... Можно взять машину,— а потом обмануть водителя. Выскочить, не заплатив... Вряд ли погонится...

Главное — выбраться из больницы... И чтобы Семироль не сразу об этом узнал...

Она осторожно переместилась на водительское кресло.

Как давно не приходилось сидеть за рулем... А за рулем такой машины — вообще никогда...

— Давайте, Ирена... Понемножку...

Выжать сцепление оказалось непросто. У Семироля ноги длиннее...

Что сказать врачам? Что придумать? Какие симптомы?..

Рука привычно, самостоятельно включила первую передачу.

Машина плавно, легко, как по асфальту, двинулась вперед... Видимо, у Семироля действительно имеются фирменные приемчики.

Твердь под колесами...

Еще.

Вторая передача.

Еще...

Газ. Газ. Газ.

Брызнули во все стороны лужи. Если Семироль и закричал,— она не слышала его крика...

Перед шоссе был знак «стоп», руки-ноги сработали автоматически — и правильно, потому что там, за снегопадом, пост дорожной инспекции...

Догонит!..

Ей показалось, что в зеркале заднего обзора она видит стремительно приближающуюся фигуру... Перекошенное лицо...

Газ!!

Машина неслась по шоссе. Сквозь снегопад, сквозь видимость ноль, то и дело рискуя вылететь на встречную полосу, врезаться в столб, кого-нибудь сбить...

Ничто не имеет значения. МОДЕЛЬ все равно скоро склонится...

Вперед. Вперед.

* * *

— Госпожа, к сожалению, сегодня магазин закрывается на час раньше... Приходите, пожалуйста, завтра...

Она слишком много времени потратила на блуждания по улицам. Однажды постовой велел ей остановиться,— но она не послушалась, удрала, и хотела уже бросить машину,— как вдруг сквозь вечер, сквозь все тот же снег волшебным образом проступила знакомая витрина...

— Госпожа, я сожалею, но...

Диковатый, наверное, у нее был вид. Не одежда — одежда вполне приличная,— но выражение лица, взгляд... Наверное, в такие вот «Сюрпризы» нередко наведываются разного рода извращенцы...

Охранник был на две головы выше ее. Так просто с дороги не отодвинешь.

— Я на минуточку,— она заискивающе улыбнулась.

— Приходите завтра...

— Но ведь я только чуть-чуть опоздала... Я сделаю дорогую покупку, очень крупную.

— Уже сдали кассу...

— Я вас очень прошу...

Охранник колебался. Ирена вспомнила самые-самые лучшие дни — как она тогда улыбалась, как от ее улыбки таяли старые строгие профессора...

Собраться с силами. Все зависит от одной-единственной улыбки...

За ее спиной с визгом затормозила машина. Не вздрогнуть... Мало ли кто куда торопится, мало ли кто так громко тормозит...

Она улыбалась. В этой улыбке был институт, первые рассказы, молодой Анджей, море, солнце, щенок-Сэнсей...

— Ну, войдите на минутку, — сказал охранник.

И чуть-чуть отодвинулся с дороги.

Пустое помещение, залитое светом. Товары — довольно противные с виду — под стеклом, на прилавках, а чучело крокодила даже привешено к потолку...

Недовольная дамочка за кассой:

— Мы уже не работаем...

— Я только взгляну...

— Вы натопчете, здесь помыли пол...

Она автоматически вытерла ноги. Сделала шаг — осторожно, будто в самом деле боясь наследить...

Господи.

Картонные воротца, занавешенные черным бархатом. Клыкастые маски по обе стороны входа — «здесь открывается новый мир»...

Взгляд ударили ее в спину, будто нож. Она обернулась.

Семироль, без шапки, в распахнутой куртке, стоял в дверях. Тяжело дышал. В углу поднимался на ноги ошарашенный охранник...

Семироль смотрел.

Вырываюсь из-под гипноза его манящего пальца, она сделала шаг к бутафорским воротцам.

— Ко мне Ирена.

— Вы модель... Вы всего лишь модель... Вы...

Семироль скзал губы. Неторопливо пошел вдоль стеллажа.

— Стойте, вы модель, вы ничего не можете мне сделать...

Он кинулся.

Она поняла, что не успеет. Что, неправдоподобно быстрый, он перехватит ее в полу шаге от ворот...

А если она ошиблась, если за черным бархатом окажется стена, просто стена, и поздно будет молотить в нее кулаками....

Его руки сомкнулись у нее на запястьях.

И одновременно она с криком ввалилась в воротца — спиной, в бархатную занавеску...

Темнота.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

П

о широкому изгибу трассы...

Нет, называть трассой эту узкую, с продавленными колеями, дорогу не станет даже возница не телеге...

Кстати, именно телега и ползет сейчас по широкому изгибу дороги. Вернее, не телега даже, а...

Ирена обхватила плечи руками.

Это карета. Именно так, во всяком случае, принято изображать кареты. Короб на больших колесах, с дверцей в боку, с возницей в качестве шофера...

Ветер был теплым.

В стороне, под холмом, отрешенно бродили десятка два вислобрюхих коров. Ирена перевела взгляда; рожь зеленела сочно и густо, листва еще не загрубела под пылью и солнцем, праздник жизни какой-то...

Слева и внизу темнели крыши. Полуголые ребятишки вели на лужайке некую шумную, темпераментную игру...

Она вздрогнула. Тряхнула головой.

Слева и справа лежали на земле два высоких замшелых камня. Еще один камень, плоский, гигантской мэдузой распластался чуть ниже по склону; на камне спиной к Ирене сидел человек.

Она огляделась снова. Закусила губу, пытаясь справиться с разочарованием.

Вот ее дом. Непривычно маленький, зато с огромным подворьем, с хозяйственными пристройками, которых отродясь не было; тем не менее, это ее дом, и тополь растет не слева от ворот, как это было внутри МОДЕЛИ, а справа, как положено...

Что это, Анджей. Что это за новая чушь?!

Она шагнула вперед. Оглянулась на камни; они лежали здесь лет сто, а то и больше, и лежали с умыслом. Ворота...

Задержав дыхание, она снова вошла в замшелый проем.

Никакого эффекта.

Что и требовалось доказать...

Постояв еще некоторое время, она медленно, шаг за шагом, пошла к сидящему человеку.

Подошла. Села рядом.

— Не сидите на земле, — Семироль не глядел на нее.

— Это трава...

Семироль на мгновение обернулся. Глаза у него были стеклянные.

Коровье стадо прошло совсем рядом. Тускло позванивал огромный колокольчик на шее у быка.

— Ян, я прошу прощения... Но неужели вы думали, что принуждением можно добиться...

Она замолчала, не зная, как закончить фразу.

— Где мы? — сухо спросил Семироль.

Она пожала плечами:

— Вариантов несколько... Самый простой — мы упали со скалы и теперь ловим предсмертные видения...

— Хорошо. Другие варианты?

Ирена вздохнула:

— Это снова — МОДЕЛЬ, Ян. Это снова — МОДЕЛЬ.

* * *

Они спускались все медленнее и медленнее, когда, наконец, Ирена споткнулась, и Семироль автоматически подхватил ее под руку.

Играющие ребяташки были неимоверно, неописуемо грязны. На ком-то была одна лишь грубая рубашка до пупа, на ком-то — только драные холщовые штаны. Все без исключения были босы; все озабочены были тем, как бы половчее сбить коровьей костью мишень — рогатый желтый череп.

Ирена слегка сглотнула, узнав Вальку. Пацаненок был года на три старше, чем в тот вечер, когда по просьбе Ирены принес ей спортивную газету. Грязный и полуголый, как все, с длинными нечесанными волосами, он явно предводительствовал в игре — отвещивал подзатыльники всем, кто, по его мнению, пытался обойти правила...

И, тем не менее, это был Валька. Ирена почему-то была в этом уверена.

- Нравы,— пробормотал Семироль.
- Ян,— сказала она еле слышно.— Я боюсь.
- Правда? — желчно осведомился Семироль.
- Посмотрите туда...

Дом, сложенный из цельных бревен, казался экспонатом музея под открытым небом. Резные завитушки на воротах, старинный замок на огромных петлях, покатая крыша, покрытая, кажется, неким подобием коричневой черепицы... Глухо закрытые деревянные ставни...

Целая улица музейных, причудливо-этнографических построек. Соседский дом... Колодец с «журавлем», с деревянной бадьей на краю сруба...

- Как же мы войдем?..

Самым печальным ей показалось, что ворота заперты, а у нее нет ключа...

— Отойдите,— раздраженно бросил Семироль. Отстранил ее, осмотрел круглый замок размером с детскую голову; вздохнул. Легко — с кажущейся легкостью — выворотил из дерева ржавую петлю вместе с огромным гвоздем:

— Система... на грани фантастики...

Ворота душераздирающие заскрипели. Над соседским забором показались головы — но Семироль не позволил Ирене оглянуться, прямо-таки втолкнул во двор.

— Сэнсей?!

Аспидно-черный, размером с теленка, пес прикрыл обнаженные было зубы. Вильнул хвостом.

— Предупреждать надо,— глухо сказал Семироль за ее спиной.

— Сэнсеюшка... Это ты?!

Пес заскулил. Кинулся, едва не сбивая с ног, бросил Ирене на плечи заскорузлые от грязи передние лапы, огромным, как розовая простыня, языком лизнул в лицо...

Шибанул в нос острый запах псины.

* * *

— ...Продолжаем теоретическую часть... Вариант первый — предсмертные видения. Чрезмерно затянутые, надо сказать, и к тому же парные, согласованные, что маловероятно... Второй вариант?

Ирена молчала. Смотрела на танец огня в камине.

— Ирена, вы организовали всю эту пикантную ситуацию, вы в ней разбираетесь больше меня, вы — эксперт... Второй вариант? Третий?

— Подлец,— сказала Ирена устало.— Нет, это я не вам, Ян... Это Анджею.

Вампир вздохнул:

— Понимаю... Перед моими глазами прошло столько бракоразводных процессов, что немудрено понять...

Завозился на полу перед камином Сэнсей. Новый вариант Сэнсая — гипертрофированный. Чудовище, а не пес.

Дом был ЕЕ. Причудливо измененный, чужой, — но ЕЕ; она признала его, как ее саму признала злобная собака...

— Ничего вы не понимаете, Ян... Это — новая МОДЕЛЬ. МОДЕЛЬ в МОДЕЛИ. Вместо того, чтобы выйти во внешний мир, мы провалились... куда-то. В тартарары.

Семироль улыбнулся — впервые за весь день:

— Да? А что, если эта так называемая реальность, прияя во взаимодействие с так называемой моделью, переродилась, дала вот этот уродец-гибрид? Вас, кажется, пугал чем-то подобным ваш злодей-профессор... Петер, кажется? «Раковая опухоль на вероятностной структуре реальности», это я цитирую по памяти вашу незабвенную повесть...

Ирене заплакала. Ее повесть, ее почти завершенная повесть теперь утеряна безвозвратно. Ее гениальные рассказы... которые она никогда не писала... а теперь уже и не напишет никогда...

— Зачем я это сделала, Ян...

— Вот именно. Зачем вы это сделали?!

— ...отнять у меня ребенка...

— Да? Какая печальная история! Кстати, как вы теперь собираетесь рожать? На соломе, под присмотром грязной повитухи?

Ирене остро захотелось домой. И даже не ДОМОЙ, в общество Сэнсая и черепахи, — а на ферму, в привычную уже комнату, с видом на горы. Натянуть одеяло на голову и сладко дремать — в полной уверенности, что никто не побеспокоит до самого позднего утра...

Она плакала.

* * *

Осмотр дома дал пищу для размышлений, и просто пищу дал тоже. В погребе обнаружилось колыцо остро пахнущей колбасы, а на полках в кабинете — мелко исписанные листы желтой, непривычной на ощупь, бумаги. Семироль принес воды из колодца; Ирена, обмывая ногти, почистила тяжелый казан и развела огонь в печи.

В полном молчании они съели колбасу и запили ее кипятком. Бумаги дожидались своего часа; написанные каллиграфическим почерком, но по неведомым грамматическим законам, они внушали Ирене почти суеверный ужас.

— Это, вероятно, ваши собственные рассказы... — Семироль разбирал бумаги, подсвечивая себе факелом.

— Я догадалась.

— Историческая ценность несомненна, но вот художественная... Гм. Много пышных повторяющихся эпитетов. Много глаголов... «История о том, как голубка принесла мертвому юноше алую розу...», «История о рыцаре, который совершил зло, чтобы быть бескорыстным», «История о скучце, который раздавал, чтобы привобрести»...

— Последнее, по крайней мере, парадоксально,— пробормотала Ирена.

Семироль отложил рукопись. Потянулся, сообщил безо всякого перехода:

— Если в течение месяца не подвезти на ферму угля и солярки, — случится энергетический кризис... Продовольственный случится раньше — через неделю, когда закончится хлеб... Правда, есть еще мука, можно печь лепешки...

Ирена поморщилась — ее мутило от острой колбасы. Пожала плечами:

— Временной режим — один к десяти... Вполне вероятно, что там, в нашем мире, прошел всего лишь час, и Ник еще не догадывается...

Глаза Семироля сузились:

— Ах да, Ник...

— Он не виноват, — сказала Ирена поспешно. Слишком поспешно; и добавила после паузы, с нервным смешком:

— Да к тому же... я уже не верю, что мы вернемся обратно. В ту МОДЕЛЬ, из которой мы...

Семироль встал. Ирена замолчала.

— Нет, мы ВЕРНЕМСЯ, Ирена... Ваши с господином моделятором игры — это только игры, в то время как моя жизнь — это моя жизнь. Мы вернемся, я дождусь появления на свет своего ребенка, а после этого — идите, куда хотите, пишите, сочиняйте свою судьбу...

— Ян, — вкрадчиво осведомилась Ирена. — А КАК вы собираетесь вернуться, а?

Вампир покровительственно улыбнулся:

— Мы отправимся в город... И найдем либо аналог магазина «Праздничные сюрпризы», либо... либо господина моделятора, Ирена. И если в этом мире существует господин Анджей Кромар, — я подниму его хоть из под земли.

* * *

В сундуках отыскалась одежда. Ирена долго разглядывала ее, брезгливо приподнимая двумя пальцами края пышных, многослойных юбок. Вид корсета вызвал у нее приступ истерического смеха.

— ...На кого я похожа, Ян?

Семироль приидрчиво осмотрел ее наряд. Хмыкнул:

— Вы похожи на ряженую, Ирена. Не то принцесса, переодевшаяся в среднего достатка матрону, не то нищенка, стянувшая где-то чужое платье...

— «Если дама в кринолине,— неожиданно для себя процитировала Ирена,— а мужики в кольчугах и с мечами — хочется сказки... Иного, так сказать, мира... мироустройства...» Не удивляйтесь, Ян. Так говорил один мой почитатель — профессор восточной литературы...

Семироль поморщился:

— Кстати, о так называемых мужиках, мечах и кольчугах... Элементарные штаны в этом доме найдутся, или мне придется нарядиться старухой-гадалкой?

— Рваный истлевший саван,— сказала Ирена, подхихикавая.— Рваный саван и крылья нетопыря — вот что светит вам в этом мире, господин Упырь...

Семироль приподнял одну бровь, и Ирена подумала, что ее шутка, возможно, не так уж смешна...

А смешное поджидало их в гараже. Вернее, в пристройке, прототипом которой послужил гараж.

Кобыла. С выпирающими ребрами, с обрывком ветвеки на шее; животное, вероятно, долго находилось на самообслуживании и от Ирены попросту шарахнулось,— зато увидев Семироля, дико закричало, побелело глазами и забилось в угол...

Адвокат, оскаливвшись, подошел к ослабевшей от ужаса лошади. Положил руку ей на шею; кобыла задрожала крупной дрожью, Ирене сделалось ее жалко.

— Ян...

— Тихо...

Кобыла тяжко вздохнула — и смирилась. Ирене отчего-то вспомнился Ник.

* * *

За забором напротив все утром караулила любопытствующая соседка.

— Здравствуйте-здравствуйте, госпожа Хмель! Созвращеныцем!

Ирена натянуто улыбнулась. Подумала и отвесила что-то вроде реверанса — подметая юбкой дорожную пыль...

— Сойдет,— сказал Семироль за ее спиной.— Очень изящно.

Соседка, навострившаяся было поболтать, при виде Семироля сочла нужным скрыться. Вероятно, с точки зрения соседки, вампир и вправду выглядел устраивающей; Ирене же казалось, что рядом идет статист из дешевого фильма, статист, которому в целях экономии бюджета выдали один только побитый молью плащ, и он накинул его поверх привычного костюма...

Было по-летнему тепло и неподобающе красиво. Дорога изгибалась подковой, уходила в город, на живописных холмах живописно паслись коровы, живописно зеленела роща, живописно синела речушка...

Лубок, подумала Ирена с отвращением. Лубочная картинка. Странно, со вкусом у Анджея было вроде бы все в порядке...

— Как вы себя чувствуете? — кротко осведомился Семироль.

— Нормально,— Ирена пожала плечами.

Теперь она сидела на костлявой лошадиной спине. Седло было сдобрено подушкой, Семироль вел кобылу под уздцы, лошадь шагала устало и безропотно.

Впереди поднимались горы. Не те, белые и сверкающие, что украшали окрестности Семироловой фермы, — привычные, зеленые, домашние горы, где одинаково

клубится туман над рекой и дымок над чашечкой кофе. Кофейня под красной черепицей...

Ирена вздохнула. Лошадь повела ушами.

— Ирена,— голос Семироля изменился. Невозмутимый вампир, кажется, был потрясен.— Посмотрите, Ирена... Это все — реально?

По лугу вышагивала черно-белая голенастая птица. Плотной шеренгой стояли можнатые елки, на полях зеленели всходы, все выше поднималось солнце; Ирена прищурилась.

— Это реально, Ирена? Не картинка, не голограмма?

Она вздохнула:

— А теперь вообразите. Вы стоите посреди мира, развесив уши, все решаете, не галлюцинация ли все это, не голограмма ли... А вас хватают под руки, везут в тюрьму и обвиняют в серии убийств... А потом приходит добрый адвокат...

Семироль молчал.

— Анджея Кромар,— горько сказала Ирена.— «Невиданно удачный эксперимент... когда работаешь на грани дозволенного... дозволенного не обществом — дозволенного природой... Тогда и успех может обернуться трагедией. Вот как в нашем случае...»

— Ну, ничего особо трагичного пока не случилось,— заметил вампир.

— Правда? Вы мужественный человек, Ян... А вот господин Петер, засовывая меня во все это... гм. Так вот, господин Петер считал, что Анджея просто рехнулся... Мы находимся в мире, созданном сумасшедшим творцом. Трагично?

— Пока что — нет... Если верить вам, я родился и живу точно в таком же мире. И неплохо живу, надо сказать...

Ирена вздохнула:

— Думаю, вы и в этом устроитесь... Вы всюду устрояитесь, Ян.

Впереди показался колодец. Поилка для лошадей; у края дороги стояла приземистая широкая телега. Мужчина, такой же приземистый и широкий, возился с упряжью, женщина в высоком головном уборе доставала воду, на телеге пихалось локтями неопределенное количество малолетних чумазых детей.

Ирена напряглась. Семироль, напротив, зашагал бодрее.

С ними поздоровались. И мужчина, и женщина, и все дети, способные внятно говорить. На Ирену глядели с любопытством, на Семироля — со страхом.

— Здорово, люди добрые... Нам вот тоже бы водички, значитца, испить... Потому как путь далекий, значитца, с госпожой моей, и самое время водицы-то и похлебать...

Семироль откровенно забавлялся; как ни странно, его болтовня возымела действие. Настороженные взгляды сменились благожелательными, приземистый мужчина, почесывая в бороде, протянул Семиролю деревянный колодезный ковш.

— Негигиенично,— одними губами сказала Ирена.

— Негигиенично, люди добрые,— возвестил Семироль.— Значитца, негигиенично, а без водицы еще хуже, сухо без водицы, братцы...

Ирена судорожно сцепила пальцы.

Семироль тонкой струйкой влил в себя воду — не касаясь ковша губами. С шутовским поклоном вернулся посудину мужчине; тот глядел удивленно, но не зло.

Дети тем временем — та их часть, что умела ходить — один за другим слезли с телеги и, одинаковым движением погрузив пальцы в маленькие носы, подобрались поближе — посмотреть на диво.

Семироль помог Ирене слезть с лошади; ей давно хотелось размять ноги, но она предпочла бы сделать это в менее людном месте.

— Ирена, хотите пить? Не беспокойтесь, они сейчас уедут...

Она вымыла руки. Семейство никуда не думало ехать — взрослые были не менее любопытны, чем дети.

Она напилась из ладоней, сложенных горстью. Вода была... нет, она не знала таких слов. Никогда в жизни ей не приходилось пробовать такой воды. Она ждала ломоты в зубах,— но вода была не очень холодная, мягкая, и пахла почему-то хвоей...

Колодезный сруб пугал ее. Будто пасть уснувшего чудовища. Будто все колодцы, виденные ею в жизни, были ненастоящими, мертвыми, вроде как мумия ископаемого зверя... А ЭТОГДА был живой. Живое ископаемое...

«Чтобы были лесные духи, гномы там разные, кровавые войны, жестокие законы... любовь... А не бытовые, простите, разборки с печальным исходом...»

Она бледно улыбнулась, снова — и к месту — вспомнив профессора восточной литературы.

Тем временем на край сруба взобрался карапуз лет шести. Ирена невольно оглянулась,— куда смотрит мать, неровен час, ребенок свалится...

Мать смотрела на Семироля. Вампир-адвокат был вполне адекватен — нес чушь о тучных урожаях и, значит, добрых знамениях, а заодно интересовался, не доводилось ли добрым перехожим слыхать об опять-таки добром господине по имени...

Мальчишка уже падал вовнутрь. Видимо, от испуга у него отобразо речь,— во всяком случае, карабкался он молча. Пальцы скользили по мокрому краю сруба...

Человек с нормальной реакцией раз десять успел бы кинуться и подхватить малыша. Ирене надо было сперва разинуть рот, потом хлопнуть глазами, потом...

— А-а-а!..

Все они кинулись к колодцу одновременно. За мгновение до того, как мальчишкины руки окончательно скользнули, и за половину мгновения до того, как рука отца ухватила сына за шиворот,— Иrena дотянулась таки, поймала тонкое запястье, ощутила, что весу в панце не так-то много...

— Доброе дело сделали, госпожа,— сказала женщина со странным выражением.

В сторонке отец охаживал спасенного сына вожжами. Иrena вздрагивала, то и дело оборачивалась на мальчишечий визг.

— Разве это я? — спросила она нервно.— Я только схватить успела...

Женщина сдвинула брови,— как ни странно, с явной неприязнью:

— Доброе дело на вас... Зачтется.

После этого не было сказано ни слова. Дети, включая спасенного-выпоротого, погрузились на телегу, мужчина поощрил широкогрудого жеребца, и вскоре процессия — лошадь, телега, мужчина и женщина, идущие по обе ее стороны — удалилась туда, откуда явились Иrena с Семиролем.

— Ловко вы его схватили...— пробормотал вампир-адвокат.— С вашей-то реакцией, просто удивительно...

Иrena отмахнулась.

Потом, уже въезжая в горы, она не утерпела и поинтересовалась со вздохом:

— Ян, зачем вы это делаете?

— Что?

— Вы провоцируете их... Скоро по округе пойдут сплетни, скажут, что я, к примеру, ведьма, а вы, к примеру, упырь... Явится какая-нибудь стражка и бросит нас в подвал с цепями, в какое-нибудь пыточное подземелье...

— Вы очень оптимистичны...

— В мирах, подобных ЭТОМУ, нет ни здравого смысла, ни закона. Во всяком случае, такими их принято описывать...

— Ирена. Мы ведь не имеем возможности сделать сообщение по телевидению: «Срочно разыскивается Анджей Кромар, модельятор»... Предоставьте это дело мне,— я умею работать языком...

— Оно и видно,— печально согласилась Ирена.

После полудня сделали привал. Доели остатки прихваченной из дома снеди. Запили колодезной водой, которая потеряла для Ирены все свое очарование. Она предпочла бы апельсиновый сок...

А потом, отправившись на интимную прогулку в кусты, она ногой угодила в кротовью нору. Земля подалась и осела,— будто не безобидный зверек ее вырыл, а рабочие метростроя; среди глины темнели железные петли кольчуги, Ирене с перепугу показалось, что она потревожила чью-то могилу...

Семироль явился на ее крик.

В кротовьей норе действительно хранилась кольчуга, свернутая узлом. Внутри оказались серебряные и медные монеты — не так чтобы очень много, но само зрелище впечатляло...

— Ой как кстати,— сказал Семироль.— Новичкам везет...

— По-глупому везет,— добавила Ирена.

* * *

Путь до города, обычно занимавший у Ирены минут сорок-пятьдесят, отобрал теперь чуть ли не весь день.

Она ждала, что на месте кофейни под красной крышей окажется что-то вроде трактира,— но ошиблась. Кофейни не было вообще. Наверное, невыгодно откры-

вать трактир в безлюдном месте,— не так много охотников ездить туда-сюда...

Дорога кое-где совсем обвалилась — кобыла ступала, как по пиршественному столу, тщательно выбирая место, куда поставить ногу. Ирене вспоминалась их с Семиролем последняя рискованная поездка; вероятно, машина-вездеход так и осталась на улице, перед входом в «Праздничные сюрпризы»...

Семироль думал о своем. То хмурил брови, то с любопытством глядел вокруг, изредка даже улыбался своим мыслям; Семироль был как саламандра, которую из печи пересадили в камин. Невелика, в общем, разница...

— Ирена...

— Да?

— А скажите, пожалуйста, место, откуда вы явились, которое вы не считаете МОДЕЛЬЮ... Наверное, высокотехничная цивилизация? Космические колонии, внешняя экспансия, звездолеты?

— Нет,— ей почему-то сделалось неловко.— А почему?..

— Ну, если МОДЕЛИ создаются по нисходящей... Войдем, например, в какую-нибудь местную лавку «Фитили и свечи»... И окажемся на холме. По дороге будет топать племя в шкурах, чуть ниже и слева будет ваша пещера с высеченными на камне... или нарисованными на стенах... первыми рассказами Ирены Хмель...

— Нет,— сказала она зло.— Анджей Кромарставил другую цель... Не насмеяться над моими писательскими претензиями, и не проиллюстрировать школьный учебник...

— Эге, Ирена. Вы все-таки не верите, что он сумасшедший.

— Он всегда был сумасшедший,— отзвалась она раздраженно.

— Как же вы решились...

— А вам-то что?

— Ничего... Не волнуйтесь.

Около часа они ехали молча; потом у Ирены совсем уж разболелась спина, и пришлось сделать новый привал. Ирена очень хотела есть, но признаться в этом считала ниже своего достоинства.

— А какую он все-таки ставил цель? Как Вы думаете, Ирена?

Она устала. Она смертельно устала, не надо было ложиться, теперь она не сможет встать, и Семироль увидит ее слабость...

— Эк...спериментальная социология.

— Что?

Ирена поморщилась, вспоминая:

— «В любой момент времени у человечества был, так сказать, потаенный запретный уголок. Исследования, которые считались неприличными, неэтичными, не-гуманными... И, тем не менее, неслыханно перспективными...»

— Ну и память у вас,— сказал Семироль после паузы.

Ирена вспомнила известный анекдот и кисло улыбнулась.

* * *

Там, где Ирена ожидала увидеть предместья, по-прежнему тянулись поля и пустыри.

Сам город оказался втрое меньше, чем ожидалось; издали разглядев стену, ворота и башни, Семироль замедлил шаг.

— Красиво,— равнодушно сказала Ирена. И добавила невпопад: — Ян, как насчет полежать в гробу?

— А наши дела так плохи? — после паузы спросил адвокат.

— Нет,— Ирена хихикнула.— Просто в подобных декорациях... вампирам не свойственно бродить по улицам. Они должны бояться солнца, днем спать в гробах, а ночью...

— Это смотря какие вампиры,— Семироль не обиделся и не удивился.

• Они миновали подъемный мост и вошли в город.

* * *

По улицам шли молча. Ирена спешилась и шагала рядом с адвокатом; время от времени, будучи не в силах удержаться, они подталкивали друг друга локтями и указывали взглядом на все новые и новые подробности: жанровая сценка у источника, любовно оформленного в виде коровьей головы... Хозяйки в чепцах, беседующие через узкую улицу... Какие-то козы, собаки, водостоки для помоев, медные колыца, широкие лавки, вооруженные всадники — Ирене стоило труда сдержать себя, не шарахнуться...

Планировка города изменилась совершенно. Дважды или трижды узкие улочки выводили путников на площадь,— Ирена всякий раз напрягалась, ожидая увидеть виселицу с несвежим трупом в петле. Почему-то картина города казалась неполной без запаха навоза, стражников с копьями и использованных эшафотов...

Запах был — несильный и неявный, зато стражника не встретилось ни одного. На площадях помещались в основном лавки и постоянные дворы — виселиц, по счастью, не было.

На них поглядывали — с любопытством, иногда настороженным любопытством, но и только. Ирена боялась, что будет хуже, что за парочкой странных путников увяжется толпа зевак...

Вечерело. Ирену все еще не оставила надежда на чудо — вот, мол, сейчас, сию секунду, из-за поворота покажется лавка с каким-то особенным, знакомым фасадом, здание-метка, скрывающее в себе ПЕРЕХОД...

— Господин модельятор имеет весьма приблизительное представление о средневековом городе... Это лубок, Иrena.

— А кто вам сказал, что он моделирует средневековье?

— А что он моделирует?

— Вы уже спрашивали...

Долговязые фонарщики зажигали свои фонари. Очень красиво — цветные стеклышики, толстые свечи, город в сумерках, в цветных огнях...

В какой-то момент Ирене почудилось, что она стоит посреди широкой оживленной трассы. Справа и слева от нее текут два потока — убегающих красных огней и набегающих белых... Фары, огни, всепонимающие глаза светофоров...

— Вы устали, Иrena.

— Нет, не особенно...

— Вы еле на ногах держитесь... Пешие прогулки, конечно, в вашем положении показаны, но не в такой же степени...

Иrena не запомнила, как называется гостиница.. Ей было уже все равно.

— ...Комната? Ужин? Горячей воды для господ путников?

Скрипучие ступеньки.

Иrena обнаружила себя лежащей на кровати — полог с золочеными кистями кое-где проходился, сквозь прорехи тепло просвечивал огонек свечи...

— Ян, включите же свет...

— Сейчас, только найду выключатель, — в голосе Семироля была насмешка.

Он тоже устал.

* * *

После завтрака — овощи оказались вкусными, мясо невозможно было есть — Семироль отправился в город. Один; Ирена снова превозмогла себя и не напросилась в попутчицы.

Ей было страшно оставаться одной. С другой стороны, спина после вчерашнего болела немилосердно. С третьей стороны, появилась возможность наконец-то натянуть одеяло до подбородка и все хорошенько обдумать...

Что до новых впечатлений, то ей вполне хватило жанровых сценок под окном. Стук деревянных башмаков, плеск выливаемых помоев, фырканье лошадей, крики уличных разносчиков — прав Семироль, все это здорово смахивает на лубок, и, что интересно, не ослабевает впечатление давно виденного -- где-то, когда-то, в кино ли, в книге...

В лавке напротив происходил громкий «прием товара». Здоровенные крестьяне вчетвером, с натугой, сни- мали с подводы огромную бочку; непонятно, какому сумасшедшему пришло в голову использовать этот сосуд для перевозки чего-либо. А бочка, по-видимому, была полна; ремни, перекинутые через плечи носильщиков, трещали, улица полнилась сопением, руганью и зеваками...

Ирена невольно подалась вперед, локтями легла на подоконник. Уж больно колоритной показалась сцена...

В следующую секунду один из ремней, удерживающих бочку на весу, лопнул. Носильщик чудом успел отскочить; вероятно, он готов был к такому повороту событий и потому отреагировал мгновенно. Бочка — так показалась Ирене — некоторое время повисела, накренившись, в воздухе, грузно опрокинулась на бок, но не

треснула — хороший бондарь руку приложил! — а медленно и почти беззвучно покатилась под уклон, покачиваясь и вихляясь, будто бедра бесстыжей танцовщицы...

Зеваки кинулись врассыпную. Даже Ирена инстинктивно подалась назад; не поспевая за происходящим, она видела только бочку, набирающую ход, тяжелую и неотвратимую, как паровой каток, пересекающую улицу по диагонали, стремящуюся навстречу забору или стене...

Потом ее ушёй достиг вопль. Полный такого ужаса и отчаяния, что Ирена покрылась холодным потом еще до того, как успела увидеть кричащую женщину; там, на пути бочки, оказалось что-то, отлично видимое зевакам, над толпой пронесся сдавленный вздох...

Старушка в цветастом платке, присевшая передохнуть под стеночкой — да так и не сумевшая встать, потому что от ужаса у нее отнялись ноги.

Ирена поняла, что надо зажмуриться. А лучше отскочить от окна; к несчастью, она успеет зажмуриться и отскочить секундой позже, и ей суждено все это увидеть и запомнить — хруст костей, окровавленный платок...

Бочка подпрыгнула на камне.

Неуловимое движение. Темно-красный плащ на чихото плечах, туча пыли, вскрик... Ирена разглядела только плащ и руки. Белые руки, подхватившие старую женщину, будто куклу.

Долю секунды казалось, что бочка раздавит сразу двоих. Глупую старуху и человека, попытавшегося спасти ее, — еще большего дурака...

Ирена так и не смогла зажмуриться.

Бочка грянулась о стену.

Содрогнулся трактир. От удара бочка лопнула наконец и пустила под себя лужу густого вина. Но никто в этот момент не обратил на катастрофу внимания. Та женщина, что кричала из толпы, протолкалась, нако-

нец, вперед. Схватила в объятия живую, совершенно невредимую старуху, ткнулась лицом в цветастый платок...

Высокий светловолосый мужчина на мгновение обернулся. Ирена успела увидеть сосредоточенное, аристократически бледное, совершенно молодое лицо.

Минута — и в возбужденной толпе не осталось никаких аристократов. Лавочник причитал над разбитой бочкой, шальная собака жадно хлебала дармовое вино, кое-кто из людей присоединялся к ней тоже. Цветастый платок плыл, выбираясь из толпы, — старушка шла, опираясь на руку рыдающей в голос дочери, и, кажется, еще и бормотала ей что-то в утешение...

Ирёне вспомнился мальчик, которого она сама удержала от падения в колодец.

Правда, выхватить человека с пути несущейся бочки куда сложнее, чем просто вовремя протянуть руку. Белобрысого аристократа, который в нужное время оказался в нужном месте, запросто могло придавить за компанию...

Ирена вздохнула. Легла на кровать и укрылась до подбородка — хватит. Достаточно на сегодня жанровых сцен. И без того всякая чушь лезет в голову.

* * *

Семироль вернулся после полудня — молчаливый и озадаченный. Свою элегантную рубашку, потерявшую свежесть еще позавчера, он сменил на другую — романтическую, из грубого белого полотна. Кроме того, Семироля явно раздражали короткие бархатные штаны и туфли с пряжками на босую ногу.

— Под эти штанишки еще чулки полагаются... — сообщила Ирена.

Семироль поморщился:

— Вы-то корсет не затягивали, я надеюсь? Надели?
Ирена погладила живот:
— Как можно...
Талия ее явно стала шире. В последние дни это не вызывало никаких сомнений.
Семироль промолчал.

Обедали внизу, в харчевне; суп с потрохами Ирена есть не стала, зато тщательно обгладала куриную ногу. Семироль заказал себе вина и один выпил почти целый кувшин.

— Спиваемся, Ян?
— Ирена, надо поговорить...
В молчании они вернулись в свою комнату; Ирена ловила любопытствующие взгляды хозяина и постояльцев. Семироль задвинул засов, распахнул окно, впуская шум с улицы, уселся на козетку с двумя причудливыми подлокотниками:

— Ирена... Вы были правы. В этой так называемой МОДЕЛИ что-то очень не так.

Она прилегла на кровать. Вытянулась, поудобнее устраивая ноющую спину. Начало неплохое...

— Я прошелся по всему городу... первое впечатление... гм. Во-первых, здесь нет, похоже, ни полиции, ни суда.

Ирена облегченно вздохнула. Фонари, бьющие лучами в лицо, слепящие, сбивающие с толку... Не сопротивляйтесь... Это полиция. Поднимите руки...

Тюремные мытарства не прошли даром. С самого начала ее не оставляло подсознательное чувство опасности: ввалятся с копьями наперевес, обвинят в несуществующих грехах, бросят в объятия палача... .

— Это прекрасно, Ян. Нет суда — значит нет судебных ошибок... Или вы собирались сделать новую карьеру в качестве адвоката?

Семироль как-то странно на нее посмотрел. Отвел глаза.

— Ян,— она забеспокоилась,— я надеюсь, чего-то вроде... инквизиции здесь нет тоже? Нас не обвинят в ереси, в ведовстве, еще в чем-нибудь... таком?

— Что вы всего боитесь? — спросил Семироль устало.— Ни в чем нас не обвинят... Нравы, на первый взгляд, либеральные. Люди не агрессивные... Во главе города стоит герцог, так называемая «Высокая Крыша». Много говорят о неких Толкователях...

— Толкователях снов? Видений? Это оракул? Религия? Секта?

Семироль пожал плечами:

— Толкователях Провидения... По-видимому, действительно религия. Другое дело, почему в такой странной форме... Гм. Ирена. Только вы можете сказать, ЗАЧЕМ Анджею Кромару понадобилась эта... МОДЕЛЬ.

— Я не знаю,— сказала она честно.

— Знаете... Можете догадаться, если хорошенъко подумаете. Вот, например, тот... та... реальность, где мы с вами встретились. Чем она отличается от вашего родного... исходной... реальности?

Семироль запинался, придумывая нейтральные формулировки. Ирена вспомнила, как заикался в подобной ситуации господин Петер...

— Ваша МОДЕЛЬ помешана на законности,— отозвалась она, не раздумывая.— Это сразу бросается в глаза, это ясно, как день... Гипертрофированная судебно-следственная машина. Сверхжестокие приговоры... И вместе с тем — дикая преступность. Иррациональная, маниакальная...

Семироль смотрел недоуменно. Как будто Ирена на его глазах вынула кролика из корсета.

— Разве нет? Разве все эти маньяки...

Семироль моргнул:

— Ирена... Где вы видели сверхжестокие наказания?

Она поперхнулась:

— Когда столько смертных приговоров?! И, по-вашему, отдавать смертников упырям... очень милосердно?!

Семироль помолчал. Внизу, под окном, вразнобой прогрохотали деревянные колеса.

— Видите ли, Ирена... Существуют работы выдающихся криминологов... Жаль, что мы не имеем к ним доступа. Вы получили бы ответы... комментарии насчет иррациональных преступлений, жестоких приговоров, способов приведения в исполнение... В конце концов, наказания за особо тяжкие преступления... должны быть дифференцированными. Чтобы ублюдку, простите, Ирена, чтобы преступнику, уже заработавшему смертную казнь, все-таки было что терять... и чтобы наказание обязательно было неотвратимым.

Ирена вздохнула:

— А чтобы не упустить виновного, можно за компанию осудить пару случайных жертв?

— Я понимаю вашу иронию... Но это уже следующий аспект... проблемы.

Она опустила глаза:

— Все это уже не столь интересно, Ян. Для каких-то своих целей... Анджей Кромар смоделировал мир с упырями-адвокатами на главных ролях. Но теперь-то...

Она осеклась. Семироль глядел в окно.

— Ян, если я вас обидела...

— Нет, ничего особенного. Продолжайте...

Она подавленно молчала. Семироль вздохнул:

— Ирена, я вот о чём думал... Если моя... реальность существует, как вы говорите, чуть больше года... Почему

я отлично помню свое детство, имевшее место почти сорок лет назад? Почему все люди, как правило, имеют прошлое, а страны — историю?

— Вы не верите мне, Ян?

— Нет, я просто хочу разобраться...

Она пожевала губами, подбирая слова.

— Возможно, ваши воспоминания наростили... как новая кожа нарастает вокруг лоскутка старой кожи и закрывает рану. Возможно, и ваша информация о прошлом — большой многоступенчатый фантом...

— Похоже на дрянную лекцию по эрзац-философии, Ирена.

— Я не виновата, Ян. Я же не философию преподавала. Так, домыслы, предположения...

* * *

Она уже дремала, когда Семироль собрался уходить.

— Ян, вы куда?! Поздно...

— Не беспокойтесь... Я скоро.

За ним закрылась дверь, но только несколько минут спустя Ирена догадалась, куда и зачем он отправился.

Ни о каком сне, разумеется, речи уже не было.

В щели ставен заглядывала полная луна; кому-то бедолаге сегодня не повезет.

Слух об упыре разлетится мгновенно...

Если, конечно, жертва останется в живых. Или, если Семиролю не удастся спрятать труп с характерной ранкой на шее...

Проснуться бы. Проснуться бы дома, или на худой конец на ферме, где пропадают за окном очертания гор...

Она лежала, натянув до подбородка одеяло. Кровать скрипела при каждом движении. Свечка воняла.

* * *

Наутро Семироль не вернулся.

Она прождала до обеда, потом, преодолевая страх, спустилась вниз и поговорила со служанкой.

Нет, никаких особых слухов. Никаких леденящих кровь новостей... Разве что... Госпожа слышала? В городе объявился «бескорыстный», от этого можно ждать, остерегайтесь, госпожа... Вы ведь сегодня не съедете? Нет?..

По счастью, Семироль, уходя, оставил большую часть денег. Значит, еще некоторое время Ирена была в состоянии платить за жилье...

Служанка понизила голос:

— Господин уехал? Совсем? Госпожа нуждается в помощи?

Ирена через силу помотала головой.

* * *

К вечеру Семироль не пришел, и на другое утро не объявился тоже. Ирена собралась с мужеством и отправилась в город.

Осадала пыль. Охрипли к вечеру зазывалы и бродячие торговцы; тускло отсвечивали под солнцем флюгера. Ирена боялась заблудиться — и потому все времяозвращалась к гостинице, носившей, как выяснилось, гордое имя «Три козы»...

Семироль умел заговаривать с каждым встречным. У Ирены не хватало смелости даже на то, чтобы спросить дорогу. На перекрестке, прямо на мостовой, расположился небольшой базарчик; торговки, мимо которых Ирена проходила уже пятый раз, с неприкрытым любопытством разглядывали ее.

Она упала духом. И совсем уж решилась вернуться в гостиницу, лечь в кровать и полежать без мыслей, когда на перекресток вылетел всадник на высокой ухоженной лошади.

Ирена успела разглядеть высокие сапоги со шпорами, темно-красный плащ и сосредоточенное, очень сосредоточенное молодое лицо. Как будто всадник множил в уме шестизначные числа...

Лошадь секунду поплясала на месте,— а затем, направляемая коротким приказом и движением шпор, ринулась прямо на торговок.

Женщины кинулись врассыпную. Иренины уши заложило от визга.

Подкованные копыта прошлились по глиняной посуде, обращая ее в груду черепков, по разложенным на земле овощам, по снульй рыбе; в секунду разорив рынок, всадник развернул лошадь и ускакал в одну из боковых улочек, сопровождаемый криками, руганью, градом проклятий...

Бранящиеся женщины уже собирали черепки и подсчитывали убыток,— а Ирена все еще стояла, держась за сердце, прислоняясь к чьему-то забору. Среди причудливых ругательств, оседавших над площадью вместе с пылью, рефреном повторялось слово «бескорыстный». Вплеталось в самые грязные сочетания, приобретало необычный смысл, само перерождалось в брань: «У-у-у, сука бескорыстная...»

Ирена встала прямо. Забор, о который она опиралась, оказался весь разрисован углем, Ирена выпачкала рукав, да и длинный подол, так мешающий при ходьбе, не мешало бы вычистить...

«Бескорыстная сука» была тем самым героем, который два дня назад с риском для собственной жизни спас старуху. На Ирениных глазах. На глазах толпы.

* * *

Ночь прошла в полуబреду: несколько раз ей снилось, что вернулся Семироль. Она вскакивала ему навстречу, радуясь, как маленькая девочка,— и всякий раз просыпалась. И засыпала опять, и снова тихо открывалась дверь, входил упырь-адвокат...

Утром она упаковала оставшиеся деньги в мешочек-кошелек и отправилась в город, справедливо решив, что надо что-то делать. Сперва она запоминала дорогу к гостинице, а потом перестала.

Потом ей встретилось смутно знакомое здание; она ускорила шаг. Неужели?!

Гарпии перед входом... Институт.

Молодые люди в темной униформе, вроде как монахи... нет, студенты. Иrena остановилась, наступив на собственный подол.

Сейчас на крыльце выйдет госпожа Карательница... хотя нет. Вряд ли в этом учебном заведении преподают женщины; по крайней мере, среди студиозусов девушек не наблюдается... А вот долговязый профессор восточной литературы может встретиться вполне...

Она набрала в грудь побольше воздуха и прошла между каменными гарпиями. Если на секунду поверить, если сейчас наступит пропахшая кошками темнота, а спустя мгновение ее встретит господин Петер, облысевший, с чашечкой кофе в руке...

— Госпожа, вы куда?..

Студенты глядели на нее с недоумением. Иrena извинилась и побрела прочь.

«Госпожа Хмель, здравствуйте... Госпожа Хмель, мы читали вашу последнюю повесть... Госпожа Хмель...»

Бывший преподаватель. Бывшая писательница. Бывшая жена. Кто она теперь?..

Проклятая оборка на юбке оторвалась и то и дело подворачивалась под ноги. И хотелось кофе. Немилосердно.

Что, если Семироль нашел ВЫХОД? И теперь, вернувшись на ферму, расправляетесь с Ником?

Она замедлила шаг, пропуская карету с гербами.

Нет, маловероятно. Семироль слишком дорожит будущим ребенком, он никогда бы не оставил Ирену одну...

По доброй воле не оставил бы. Значит, его либо убили, либо поймали на горячем, схватили как упыря, кропотийцу...

С трудом пробираясь между торговыми рядами, она миновала большой базар. Вспомнила вчерашнее происшествие, черепки под копытами и сосредоточенное лицо молодого всадника. Светлые ниточки бровей, изогнутых, будто значок «тильда» на клавиатуре компьютера. Губы, прямые и тонкие, как тире. Бледное и плоское, как бумага, лицо.

Рыдающая дочь, обнимающая старушку в цветастом платке...

А как ответственно он топтал кувшины — как будто из-за семи морей прибыл на этот перекресток, чтобы прицельно нанести убыток нескольким бедным торговкам...

Вероятно, она добралась до центра. Улицы стали шире, из-за покатых крыш показались острые шпили не то храма, не то ратуши, не то дворца...

Слабо шевельнулось старое воспоминание. Спичечный город, площадь, на которой сидит, подобрав ноги, сам владыка и модельтор...

Площадь была залита солнцем. Ирена прищурилась.

Да, подросла моделька. Ратуша — или храм, или дворец — упиралась шпилями в небо, и если модельтор уселился бы на этой площади, — немало народу погибло бы под

его седалищем, а голова его, наверное, затмила бы солнце...

Перед пышными воротами храма — или ратуши, или дворца — толпился народ. Богатые горожане, не очень богатые горожане, оборванные бродяги, усталые путешественники, мужчины и женщины с детьми — все они образовывали подобие живой очереди. Вернее, нескольких очередей.

Со слов Семироля Ирена знала, что местный правитель называется герцогом. Вероятно, все эти люди явились на прием?

Она подняла голову; здание одновременно поражало и подавляло. Готические формы, причудливые витражи, оскаленные каменные морды, здорово...

А ведь модельятуру вовсе не обязательно сидеть на площади, подирая головой высокое небо. Он вполне может расположиться внутри такого вот архитектурного шедевра, карать и миловать, приказывать и принимать просителей...

Она тряхнула головой. Первая мысль Семироля была — искать Анджея в герцогском дворце, и тогда Ирена, помнится, саркастически усмехнулась. Нет, не так прост господин Кромар, его не отыщешь ни на троне, ни у его подножия...

— К Толкователям? Кто последний к Толкователям?

Сельского вида мужичок робко плелся вдоль тугой, как червяк, очереди; ему снисходительно разъясняли относительно правил, предварительной записи, глашатаев, законов...

Стало быть, тут, на площади, у них основной очаг мракобесия...

Ирена всегда избегала сборищ и очередей. Обилие народа пугало ее.

* * *

Она заблудилась.

Изнутри город казался не таким уж маленьким; улица сменялась улицей, перекресток — перекрестком, а спросить у кого-нибудь, как пройти к гостинице «Три козы», она пока еще не решалась...

В «Трех козах» осталась цивильная Иренина одежда, та самая, в которой заботливый Семироль вез ее в больницу. В «Трех козах» остались свернутые в трубочку бумаги — те, что в этой МОДЕЛИ соответствовали ее, Ирениным, первым рассказам. Она не решилась оставить их в покинутом доме,— но и прочитать до сих пор не осмелилась...

А главное — в «Трех козах» осталась надежда на возвращение Семироля. Призрачная, но надежда.

— ...Госпожа нуждается в помощи?

Ирена обернулась.

Вероятно, он был преуспевающий лавочник. Добротный кафтан, или как это у них называется, шляпа с маленькими полями, полосатые чулки из-под коротких штанов — Ирена смутилась. Неприлично так вот, в упор, разглядывать человека...

Впрочем, лавочник тоже ее разглядывал. В глазах у него жила та самая сосредоточенность, с которой белобрысый всадник разорял импровизированный рынок на перекрестке...

— Госпожа кого-то ищет?

Ирена вымучено улыбнулась:

— Я ищу гостиницу «Три козы»... Господин не мог бы...

Лавочник сдвинул брови. Кивнул, как бы раздумывая:

— Мог бы... А как же. Госпожа, как видно, приезжая?

Ирена превозмогла противный холодок в груди. Прав был Семироль — «Ну что вы всего боитесь?»

— Да,— сказала она как можно беспечнее.— У нас с мужем домик в предгорьях... Мы приехали посмотреть город... А тут муж отлучился по делам,— слова лились из нее неудержимо, будто смазанные мылом.— Ну, и я отправилась погулять... И заблудилась, не могу найти гостиницу... Если бы господин указал мне дорогу,— я была бы очень, очень благодарна...

— Я бы проводил вас,— раздумчиво сказал лавочник.— Но вы, как видно, устали, проголодались, извелись... А что, муженек бросил вас али запил?

Ирена, оторопев, покачала головой.

— Не отпирайтесь, госпожа, и мужнюю жену, которая гуляет городом, совсем по-другому видать... И бродяжку видать, даже если по-благородному одета... А подол-то рваный...

Ирена отступила на шаг.

— Уж простите, какие обиды, я человек третий, многое видал... А вы, часом, не...— и он вопросительно указал взглядом на Иренин живот.

Она почувствовала, как приливает кровь к щекам и ушам. Отступила еще на шаг, собираясь уйти.

— Я, госпожа моя, перед Прорицанием должник,— серьезно сказал лавочник.— Так и быть, принял бы вас на постой... Задаром почти, так, за отработку... Прорицание учит отчаявшихся — утешать, бездомных — привечать, беременных — оберегать... Байстрюка вашего в хороший приют отдадим. Ну, пошли,— и он взял Ирену за запястье.

Возможно, его руки вовсе не были липкими. Возможно, Ирене показалось.

— Отпустите! — она рванулась.

— Ну-ну, милая... Правду ведь я сказал? Видно, что правду... Прорицание учит — ежели кто добра своего не

понимает, так наставлять деликатно либо в тайне добро делать... А в тайне не получается. Идем, глупая, накормлю хоть тебя, а то щеки, гляди, втянулись, брюхатым жрать-то за двоих полагается...

Она рванулась, чуть не сдирая с запястья кожу. Рука лавочника сжалась сильнее, причиняя уже нешуточную боль:

— Не дергайся, кому говорят? Спасибо потом скажешь... А то гляди, спросит с тебя Провидение — за неблагодарность...

От боли Ирена ослабела. Хотела крикнуть — «Андрей», но голоса не было. Ноги уже покорно волочились вслед за деловитым лавочником, а что, а ничего страшного, не стражка, не палач и не тюрьма, может быть, стоит задуматься о...

— Отпусти ее.

Сказано было негромко, тускло, без выражения, но пальцы лавочника мгновенно разжались.

Ирена всхлипнула.

Рядом, в двух шагах, топтались в пыли мохнатые конские копыта.

Она подняла голову.

Молодой аристократ стоял, удерживая лошадь под уздцы. Лицо его больше не было сосредоточенным — злым оно было, холодным и яростным, и лавочник попятился под тяжелым взглядом.

— Чего ты прицепился к женщине?

— Добра желал, — неприязненно отозвался лавочник. — Добра... хотя, по мне — пусть пропадает вместе с байстрюком своим!

Красноречиво плонул в пыль. Резко повернулся и пошел прочь.

— МОДЕЛЬ, — пробормотала Ирена, сдерживая слезы.

Юноша нахмурился:

— Что?

Ирена посмотрела ему в глаза.

Белые ниточки бровей, изогнутых, как значок «тильда» на клавиатуре компьютера. Рот прямой, как тире...

— Зачем вы растоптали... там, на перекрестке, зачем вы растоптали товар? ЗАЧЕМ?

Юноша болезненно поморщился.

Вокруг ворочался сочиненный Анджеем город. Стучал колесами и башмаками, банился и пел, звенел молотками, толкался, торговал...

— Я БЕСКОРЫСТНЫЙ, госпожа. Обет давал... Не обессудьте.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Eго имя было Ректоноор, что в переводе с ныне забытого языка означает «внезапное счастье». Внезапное, потому что родителям его на момент зачатия было лет по четырнадцать. Тем не менее, они уже были законными мужем и женой, и старший сын некоторое время был гордостью и предметом похвалы...

Рек стоял у гостиничного окна, и вечерний свет, проникая сквозь цветные стекла, причудливо ложился на его бледные щеки. Ирена расположилась на козетке, той самой, которая так нравилось без вести пропавшему Семиролю. Сидела и слушала.

...Когда ему, в свою очередь, исполнилось четырнадцать лет, он сообщил родителям о своем намерении воспротивиться Пророчеству. За что был сперва бит плетьми, а потом проклят, а потом прощен, а потом снова проклят, лишен наследства и изгнан. Говорят, спустя несколько лет отец одумался и даже посыпал гонцов на поиски странствующего сына,— но куда там...

Собор Бескорыстных инициировал Река и положил ему имя Ос, что на том же забытом наречии означает Шиповник. С тех пор он, как бы ни было

трудно, старается следовать обету Равновесия. То есть совершать добрые дела ради добра, а не ради вознаграждения. Отказываться от милости Провидения, вызывая его гнев и неся наказание...

Ирена слушала и ощущала, как понемногу пухнет голова.

Ох, как бралились те торговки на перекрестке... «Бескорыстный, сука бескорыстная...»

— Рек, а вам их не жалко? Тех теток?

Он сжал губы так, что они почти совсем пропали с лица. Резко проступили складки в уголках рта; Ирена сообразила вдруг, что он вовсе не такой уж молоденький мальчик. Просто тип лица такой — юношеский, легкий, такие мужчины до пятидесяти кажутся подростками, а потом — сразу же стариками...

А Рек, пожалуй, ровесник ей. Как ни странно...

— Провидение невозможно обмануть, госпожа Ирена. ЗЛО должно быть именно злом. Дабы наказание за него было настоящим, способным пересилить... награду за ДОБРО.

Катящаяся бочка... Лепешка осталась бы от старухи, и разлитое вино перемешалось бы с кровью...

Ирена бездумно потрогала свой собственный живот.

— Очень хорошо, — сказала она механически.

Солнце последний раз отразилось в окнах напротив — и ушло, по-видимому, за крыши, за флюгера. В полутораке лицо Река-Шиповника белело, будто посыпанное мукой.

— Рек, я похожа на сумасшедшую?

Он помолчал.

— Нет, госпожа Ирена. Вы похожи на человека, который...

Он запнулся.

— «Нуждается в помощи»? — голос ее насмешливо дрогнул. Она вспомнила давшего лавочника.

— Торговцы, — пробормотал ее собеседник с непередаваемой интонацией. Вероятно, то была крайняя степень презрения.

Ирена вздохнула. Думала ли она, что потеря вампира-адвоката окажется такой тяжелой, такой невосполнимой?! Пока Семироль был рядом, оставалась хотя бы ниточка... к нормальности... Знак того, что происходящее не снится ей, что она не лежит, напичканная наркотиками, на каком-нибудь операционном столе...

Упырь как мостик к нормальной жизни. Бывают же выверты судьбы...

Рек смотрел на нее вопросительно. Я не назойлив, говорил его взгляд, я не лезу с расспросами... Но неужели вы думаете, что вы хоть капельку похожи на ту, за кого себя выдаете?!

— Рек, вот если бы я была чужестранкой... Из далеких земель, из-за моря...

Он помрачнел.

— Я что-то не то сказала?

— Увы, госпожа Ирена. Чужих земель не бывает. Это сказки.

Ей потребовалось время, чтобы обрести дар речи, и бескорыстный рыцарь терпеливо ждал.

— То есть...

— О чужих землях много болтают. А я прошел по всей земле, из конца в конец... На западе и севере стоят горы, через которые не переходил ни один человек. На востоке — пустыня, за ней нет ничего. На юге — море... Моряки, напившись, часто хващаются о своих якобы походах к дальнему берегу. Но стоит чуть-чуть разобраться — и оказывается, что все они врут. И никто никогда не видел живого чужеземца, не видел и мертвого, все это легенды, иногда от скуки, иногда из хвастовства, но вам-то зачем?!

Ирена молчала.

Хватит ли у Река терпения дождаться, пока она усвоит эту чудовищную информацию?

Или он врет?! Нет. Скорее всего, нет...

Замкнутый мир. Ну да. Там, в МОДЕЛИ торжествующего правосудия, МОДЕЛИ адвокатов-упырей, границы действующего мира определить было трудно... Спутниковая антенна на крыше,— а был ли сам спутник?!

Есть такая игрушка для взрослых — диорама. И не всегда легко определить, где заканчиваются настоящий песок и настоящие камни, где начинается пустыня, нарисованная на огромном холсте...

Город — есть. Но уже горы на горизонте — иллюзия. Каждая следующая модель меньше предыдущей — что, у Моделятора пороху не хватает?!

А может быть...

Мир таков, каким его видят. Для какого-нибудь крестьянина, дни напролет не разгибающего спину и по праздникам выезжающего на ярмарку, достаточно было бы смоделировать его дом и поле, да кусочек леса, да соседнее село с ярмаркой и ухабистой дорогой туда-обратно... Да соседей, которые слышали, что на свете есть еще какой-то город, но вот самим бывать не доводилось...

Ирена перевела дыхание. Ее собеседник терпеливо ждал.

— Помогите мне... бескорыстный Рек. Кого же мне еще просить о помощи?!

Повисла пауза.

— Я не спрашиваю, кто вы, — пробормотал рыцарь. Одновременно кротко и укоризненно.

* * *

...Анджей Кромар никогда не был равнодушен к футболу, но только однажды увлечение его переросло в бо-

лезненную страсть. Шел «Открытый чемпионат чего-то там», Анджея две недели провел, не слезая с трибуны, простудился и сорвал голос. Ирена — а отношения между супружами были на тот момент весьма прохладными — презрительно смолчала.

Чемпионат закончился; теперь Анджея, натянув бутсы, каждый вечер спускался в соседний двор, где ждала его компания ребятишек со всей округи.

«Стратегия», «тактика», «модель победного матча», «режиссура боя»...

В «футбольную команду» выводками ходили как маменькины сынки, так и отпетые малолетние бандиты. Дядя Анджея ухитрялся задурить голову и тем и другим; однажды к Ирене подошла на улице незнакомая женщина, как выяснилось, мама юного «футболиста»:

— Простите, пожалуйста... Вы не могли бы уговорить мужа... поменьше влиять на детишек? Он ведь затягивает, будто, гм, как в какую-то секту, сын на него, м-м-м, молится, а муж как бы ревнует...

Ирена сделала большие глаза.

«Воспитанники» и в самом деле не столько гоняли мяч, сколько слушали, разинув рты, рассуждения «тренера». О чем он с ними говорил, — для Иrenы осталось тайной; спустя несколько недель команда дяди Анджея вызвала на товарищеский матч детскую команду городской спортивной школы — и продула со счетом шестнадцать-два.

— О какой модели может идти речь, — если эти лбы в три раза быстрее бегают! — возмущался Анджея.

«Тренировки», как ножом, отрезало. Окрестные мальчишки несколько дней находились в глубоком трауре.

Ирена знала, что сразу после того разгромного матча руководство спортшколы пригласило Анджея

на должность старшего тренера. Более того — однажды ей позвонили по телефону и попросили повлиять на мужа — «Какая задумка! Какая стратегия! Будущее детского спорта... А за ним и спорта юношеского... А за ним и... Господин Кромар уже сейчас мог бы претендовать на высокий оклад, а в будущем...»

Она уныло повздыхала в трубку.

Анджей давно потерял интерес к слабосильным воспитанникам, — а заодно к футболу; днями напролет просиживая за компьютером, он вдохновенно манипулировал переменчивыми и мертвыми, бессмысленными для Иrenы символами...

* * *

— ...Никто не видел, госпожа. Во всяком случае, люди, которых я расспросил... не видели. Ни плотного и черноволосого по имени Ян, ни худого шатена по имени Анджей...

Вероятно, источники бескорыстного рыцаря заслуживали доверия.

Вероятно, найти человека в городе и окрестностях достаточно трудно... или, наоборот, легко?..

Рек замялся, будто желая о чем-то спросить — и не решаясь.

— Говорите, Рек...

— Госпожа, вам следует сменить гостиницу. Вы привлекли внимание.

Последовала пауза; рыцарь Рек не знал, что его слова отложены на полочку, что Ирене необходимо время, чтобы осознать их.

— Чье внимание я привлекла, Рек?

Он посмотрел удивленно. Вероятно, это само собой разумеется; вероятно, Ирена сморозила глупость...

Под окном буднично бралились хозяйки. Где-то стучал топор, журчали, сливааясь по водостокам, моча и помои.

— Госпожа...

— Извините, Рек, вы не могли бы звать меня просто Иреной, без «госпожи»?

Он нахмурился:

— Госпожа... гм. Ирена... Поклянитесь, что вы и сочинительница Хмель — не одно и то же лицо.

Так.

Она сочла нужным присесть на кровать. По спине, по затылку прошелся противный нервный холод, — так, начинается... Зря, зря Семироль смеялся над ней — «почему вы всего боитесь?»

МОДЕЛИ не любят ее. МОДЕЛИ выживают ее, отторгают, почему-то скромная женщина навлекает на себя всевозможные неприятности, гонения, беды...

Она с трудом взяла себя в руки. Нельзя волноваться — будущему ребенку вредно...

— Рек, а... откуда такая мысль? Почему именно сочинительница Хмель?

Рыцарь смотрел испытывающе. Ее небрежный тон не обманул его. Он по-прежнему ждал ответа.

— Хорошо, я сменю гостиницу, — сказала она спешно. — Только...

Смена гостиницы не поможет. Бежать, бежать из города, вернуться домой... То есть в развалюху, которая может считаться ее домом... Найти в окрестностях по-вивальную бабку — и родить, как предсказывал Семироль, на соломе, и будь что будет...

Будь что будет. А если ребенок умрет?! А если умрет она, а ребенок останется один в этом мире, сиротой, подкидышем?!

— Я и есть сочинительница Хмель, — сказала она хрипло. — Только... что я такого сочинила, чтобы меня

преследовать?!

Рек молчал.

Некоторое время Ирена изучала его побледневшее лицо. Потом наклонилась, ища под кроватью дорожный мешок. Нащупывая среди собственной привычной одежды — куртка, брюки, ботинки — жесткие, свернутые трубочкой листы...

Она прихватила свои рассказы с собой. Она не могла их оставить...

Но и прочесть их она не решилась. Смешно или нет — она боялась разочарования.

«История о том, как голубка принесла мертвому юноше алою розу...», «История о рыцаре, который совершал зло, чтобы быть бескорыстным»... «История о скупце, который раздавал, чтобы»...

Что хорошего можно написать под таким названием?!

Рука ее шарила в темноте все более нервно. Свитков не было.

Шаги на лестнице — или это ей кажется?..

Забыв о конспирации, она вытащила мешок на свет. Рек может увидеть ее куртку и штаны — но, может быть, он не догадается, что это женская одежда, и не подумает об Ирене плохо...

Бумаг не было. В то время как Ирена отлично помнила, что...

Стук в дверь. Она невольно содрогнулась.

— Госпожа... Откройте.

— Кто там? — спросила она автоматически.

— Открывайте, именем герцога!..

Рек шагнул к двери. Лицо его было столь же сосредоточенным, как тогда, на перекрестке, перед разорением рынка... Но не это поразило Ирену. А поразило то, что рука рыцаря в кожаной перчатке лежала на рукояти меча.

Удары в дверь слились в непрерывный грохот. Гости больше не стучали — они ломились.

А что ж Семироль говорил, — что в этом мире нет ни стражи, ни инквизиции?!

Она метнулась к окну. Второй этаж; руки невольно легли на чуть округлившийся живот. Нет, прыгать никак нельзя...

— Рек... Ради создателя... объясните мне — что происходит?!

Долгих несколько секунд они смотрели друг на друга. Светлые брови рыцаря изгибались двумя значками «тильда», а плотно сжатый рот казался не минусом даже — тире...

— Рек, — сказала она шепотом. — Защитите меня...

Дверь слетела с петель. Следом за ней в комнату ввалились двое, — Ирена успела разглядеть только плюмажи на шляпах да огромные шпоры на сапогах, когда Рек коротко шагнул вперед и хватил ближайшего гостя мечом, плашмя, по голове. Гость рухнул, не успев поздороваться.

Второй развернулся, отводя клинок для удара; мечи встретились, и звук был такой, как будто кто-то позвонил в рельсу. Отпрыгнув, рыцарь наступил на край занавески, затрещала, расползаясь, ткань, рухнул умывальник, заливая ковер водой и устилая пол фарфоровыми черепками, разорванный гобелен повис на одном гвозде. Зависжала на лестнице служанка, произошло множество мелких событий, воспринять которые Ирена была не в состоянии, потому что случались они куда быстрее, чем она могла соображать...

Тот, кто вломился, стоял теперь спиной к стене, тяжело дышал, буравил рыцаря глазами:

— Я... при исполнении... Провидение... не простит.

— Я бескорыстный, — сказал Рек сквозь зубы. — Мне все равно.

Протянул руку в перчатке, схватил за локоть обомлевшую Ирену:

— Идемте... Скорей.

* * *

Из города удалось выехать беспрепятственно, но почти сразу же за воротами рыцарский конь на ровной дороге угодил копытом в яму, и Ирена узнала, что бывает, если «лошадь охромела». Дальше продвигались пешком, без дороги, в сопровождении тучи ненасытных комаров; рыцарь молчал, и Ирена молчала тоже.

Это обязанность рыцаря — защищать попавших в беду дам? Традиция — или все-таки добровольная инициатива бескорыстного Река-Шиповника?..

— Куда мы идем, Рек?

Он наконец-то разжал губы:

— В надежное место...

До «места» добрались уже в сумерках; отсвет пожара был виден издалека, но, пока Ирена и Рек, спотыкаясь, добрали до него, от строения на опушке осталось пепелище.

Лениво рушились прогоревшие балки, падали печально и обреченно, как осенние листья. Вылизанные огнем доски казались не сизыми даже — серебряными. Черной ямой зиял открытый погреб — вероятно, неизвестные грабители набрели на укрытие, освободили от съестных припасов и, чтобы замести следы, пустили красного петуха...

— Это мне за тот удар, — глухо сказал Рек. — Слугу Высокой Крыши... Да лезвием плашмя по голове... Я так и думал.

И неожиданно улыбнулся:

— Зато теперь не придется... топтать кувшины. Я и так провинился перед Провидением. Очень удачно.

* * *

«Ирена, вы были правы... В этой так называемой МОДЕЛИ что-то не так».

Где теперь Семироль?! В какую ловушку угодил?.. И, если захочет отыскать Ирену,— где, как он ее отыщет?!

— ...Неужели вы не знаете?! Указ уже месяц как объявлен...

Ирена молчала. И трава, и деревья, и даже ручей провоняли дымом. Пепелище «надежного места» неохотно остыпало.

— А я не спросил вас, кто вы,— удрученno проборомтал Рек.

— А знали бы? Не стали связываться? — Ирена улыбнулась через силу.

Он серьезно покачал головой. То ли «нет, не стал бы», то ли «нет, как вы могли подумать»...

Над головой висели звезды. Уж про них-то Ирена точно знала, что они — декорация. Белые фонарики, прикрепленные к бархатной тверди... Не станет же Анджеj Кромар всерьез моделировать все эти миллионы световых лет, облака раскаленного газа, прочую астрономическую машинерию?!

— Какой указ, Рек?

Он смотрел недоверчиво.

— КАКОЙ указ? — повторила она с наjимом.

Он прикрыл глаза:

— «Ирена Хмель, сказительница и сочинительница... повинна во вредных рассказнях и подлежит взятию и допросу под Высокой Крышой для установления меры ее вины... За подписью герцога, за одобрением верховного Толкователя — печать...»

Тихо, нежно пели цикады.

Что там было, в этих свитках?!

А вот надо было прочитать. Отбросить страх, стеснение, комплексы... Ведь если выходит, что она это написала, черт возьми, почему не додумалась сразу же прочитать?!

— Их выкрали из гостиничного номера,— пожаловалась она в темноту.

Рыцарь хмыкнул.

— Рек... Объясните мне, ЧТО там такого предосудительного? Какие-那样的 вредные рассказы?

— Верховному Толкователю видней...

— Так это верховный Толкователь желает меня допросить... для установления... меры моей вины?

— Я всего лишь рыцарь, Ирена,— Рек устало опустил веки.

— Вы знаете,— сказала она упрямо.— Вы ведь... читали эти... рассказы? То есть рассказы?

Он открыл глаза. Сел прямо:

— Как вы... догадались?

Лицо его снова было по-школьарски сосредоточенным. Волнистые светлые брови, щеки, плоские и белые, как бумага...

Она отвернулась. Проговорила, боясь ошибки, боясь, что он удивится либо поднимет ее на смех:

— Если бы вы не читали, вы бы меня... ну... не стали бы из-за меня связываться... со слугами Высокой Крыши. Будь вы хоть трижды рыцарь...

Ошибка не было. Рек молчал.

— А, кстати,— голос ее внезапно охрип.— Гм... это самое... вам ПОНРАВИЛОСЬ?

Долгая пауза под пение цикад.

— Я стал, кем я стал... потому что прочел «Историю о рыцаре».

Ирена нахмурилась. Опять путаница со временем, сколько же ему лет, и как давно написан был...

Мысли ее заинтриговали.

— Рек... вы, наверное, погорячились. Видите ли... влияние книг на людей сильно преувеличено. Так не бывает, Рек...

Он взглянул на нее коротко и укоризненно.

С неба сорвалась звезда. Ирена невольно подняла голову; надо же, какая точная имитация...

— Хорошо,— она вздохнула.— Но почему тогда указ вышел только месяц назад?!

Рек коротко вздохнул:

— Указ вышел... вы же знаете. В основном из-за «Раскаявшегося».

Голос рыцаря странно изменился, как будто он произносил запретное слово.

— Он стал доступен в копиях... а месяц назад его изъяли изо всех библиотек. И тогда же вышел указ...

«Дорогой Рек, а вы не подскажете, что же такого я там написала?»

— Что же теперь делать, Рек? — она запнулась.— Вы знаете, мне ведь через некоторое время надо будет...

Он мельком взглянул на ее живот. В этом платье с корсетом попробуй что-то скрыть...

— Я помогу вам... надо найти убежище. Семью в селе, которая приняла бы вас... возможно... — он замялся, потом решительно свел брови.— Возможно, вам понадобится... муж. Замужней женщине легче... и скрываться, и вообще...

Она простила ему его рыцарскую бес tactность.

— Я не могу скрываться, Рек. Я должна найти Анджея Кромара...

Рек нахмурился сильнее. Вероятно, он думает, что Анджей — отец ребенка...

— ...и найти Яна Семироля,— завершила она, окончательно сбивая рыцаря с толку.— Я должна вернуться в город...

— Вас тут же схватят,— сказал он безнадежно.

* * *

Миновали подъемный мост. Ирене на долю секунды показалось, что время сделало петлю, что это Семироль ведет лошадь под уздцы, что они входят в этот город впервые...

Рек, сменивший свой рыцарский плащ на крестьянскую куртку, шагал размеренно и твердо, как и полагается путнику, наконец-то добравшемуся до цели.. Ирена, неловко пристроившаяся в седле, ниже надвигала платок и старалась не глядеть по сторонам, и напрасно — ведь приезжие, миновав ворота, первым делом начинают вертеть головой...

Рек шагал, вручив их судьбы нависшему над этим миром Провидению. Если их узнают,— что ж, авантюра закончится, не начавшись; Рек был горд и привык к лишениям, а у Иrenы никак не поворачивался язык сообщить ему, что он — всего лишь кукла в руках Создателя, частичка МОДЕЛИ, призванная подтвердить или опровергнуть теоретические измышления господина Кромара...

Рыцарь и женщина, прибегнувшая к его защите, проговорили без малого сутки. Рек то хмурился, то удивлялся, то надолго замолкал, один раз даже не удержался: вы что, с неба свалились?! Да, радостно подтвердила Ирена, вообразите, что я действительно свалилась в неба, что я сто лет проспала волшебным сном, но только расскажите мне, ради Создателя, о Толкователях, я должна знать как можно больше... Рассказать вам, отшатнулся Рек, вам, автору «Раскаявшегося»?! Странное дело, я мог бы не поверить вам, может, вы вовсе не Ирена Хмель, а просто странная женщина, мечтающая о славе, но я ведь чувствую, я вижу, что вы — это вы!. Или вы испытываете меня, хотите знать, не случайно ли я пришел к бескорыстным?.. Не случайно, успокоила его ус-

тавшая к тому времени Ирена, я ни на секунду не сомневаюсь... Рек, сказала она, я должна добыть копию «Раскаившегося». У меня выкрали мои рассказы,— но, может быть, есть люди, у которых сохранились копии?..

И вот они въехали в город, где Ирену ждет преследование, а Река... Да, Провидение само заботится о том, чтобы провинившийся против людей был наказан, оно уже позаботилось... Но Рек провинился не только против людей, но и против Высокой Крыши, вероятно, его захотят покарать дополнительно...

Проехали мимо института (или теперь университета?). Ирена ждала, что Рек остановится,— но он только скзал губы и проследовал дальше. Ирена с сожалением взглянула на гарпий — каменные уродины были точно такие же, как во внешнем, настоящем мире; если что-то и вошло в эту МОДЕЛЬ без изменений, так это гарпии...

Хорошо бы заехать в «Три козы»... Это, конечно, невозможно, но хорошо бы... И оставить весточку для Семироля. Потому что преуспевающий вампир-адвокат просто НЕ МОЖЕТ пропасть без вести, не может не вернуться за своим нерожденным ребенком...

А разве не от него она бежала, ворвавшись в «Праздничные сюрпризы», ворвавшись затем в этот идиотский мир, полигон для фантазий сумасшедшего Создателя?!

Рек остановился посреди ремесленного квартала. Вшел куда-то через черный ход, а Ирена осталась ждать, слушать перезвон молотков и вонь дубленых шкур, и ждала так долго, что, казалось, все конечно, она снова одна, новый ее спутник отдался от нее легко и без угрозений...

Будто желая устыдить ее, Рек появился из подворотни, по-прежнему сосредоточенный и мрачный. Покачал головой:

— Нет... Сожгли они. Боятся...

Ирена не стала переспрашивать.

* * *

Ночевали в харчевне — тесной и грязной; Ирена не привыкла спать на кишащей паразитами соломе. Уже почти задремав, она подскочила на своем ложе, но не из-за укуса блохи, а потому что ей почудился голос Семироля; долгую минуту она вслушивалась, приподнявшись на локте, но только храп нарушил тишину ночных заведения, только удовлетворенный храп усталых кучеров, погонщиков, заезжих крестьян и прочего странствующего люда...

Потом ей показалось, что тот, кто живет внутри нее, шевельнулся.

Это была иллюзия,— она прекрасно знала, что движение его ощутит еще не скоро. Но, возможно, ребенок Семироля таким образом ответил на острую мысль о его отце?

Она снова легла и устроилась поудобнее, заранее зная, что до утра заснуть не придется.

Ночь — самое неторопливое время. Благоприятное для Ирены время. Время, когда ее посещают мысли...

Возможно, она больше не увидит Семироля. Долго не хотелось об этом думать,— однако вот, приближается черта, за которой прятаться от очевидного уже бесполезно...

Он вернулся в свою МОДЕЛЬ. Либо погиб таинственным образом на улицах ночного города, и тело его было спущено в заброшенный колодец. Либо... либо ткань вероятности треснула, не выдержав присутствия вампира-адвоката. Он не должен был здесь находиться. Это невероятно. Канал, темный коридор, по которому они оба вошли сюда, был предназначен только для Ирены; если это не так, то почему господин Петер...

Мысль прервалась. Ирена вздохнула.

Итак, Семироль не вернется. Стало быть, на ребенка, на существо, ради которого она рисковала свободой и жизнью, никто больше не предъявит своих прав. Стало быть, она достигла того, чего желала...

Она машинально хотела натянуть плед до подбородка,— но рогожка, заменяющая одеяло, вызвала у нее неожиданное отвращение.

Она достигла того, чего желала. Новорожденный вампиреныш...

Под окном послышались крадущиеся шаги. Приглушенные голоса; Ирена напряглась.

— Кто бродит ночью? — рявкнул заспанный бас.— По домам, живо!

Голоса стихли. Ирена некоторое время вслушивалась, потом расслабилась.

Новорожденный вампиреныш останется на руках Ирены. И будет маяться первыми зубками, а она станет мазать ему десны какими-нибудь знахарскими травками, успокаивающими боль... А потом зубки прорастут, и дитя надкусит грудь, чтобы пополам с молоком отводить еще и гемоглобину...

Хорошо бы остановиться и не думать дальше, но ее неповоротливые мысли никак не могут притормозить, прут, как тяжелый танк... Этот ребенок предназначался Семиролю. Теперь Семироля нет; наверняка, даже в этом мире, диком и странном, имеются бабки-абортмахерши. Или соответствующие снадобья...

Она свернулась клубком. Крепко прижала руки к животу, глубоко задышала, борясь с тошнотой.

Я отдам тебе этого ребенка, Ян. Отдам безропотно, только появись...

Тишина и храп. Мышиная возня, запах пота и далекий лай сонной собаки.

* * *

Провидение то и дело давало промашку. Во всяком случае, так казалось на первый взгляд.

Очередь перед дворцом Толкователей не иссякала. Кто-то был наказан Провидением совершенно нежданно и невинно; очередь на третью состояла из таких людей, все они были либо больны, либо подавлены горем, все они явились к Толкователю с единственным вопросом: за что?! Ну за что же?..

Еще почти две трети ожидающих перед дворцом были осторожны. Известно ведь, что любое мало-мальски значительное деяние влечет за собой как добрые, так и лихие последствия — осторожные пытались выяснить наперед, ждать от судьбы награды или бедствия, а если и того и другого, — то в какой пропорции?

И, наконец, малую толику составляли бродяги, зева-ки, любопытные, сумасшедшие и те счастливцы, на которых свалилась нежданная награда Провидения. Эти последние желали выяснить, за что именно благодарит их судьба, и перед дворцом они всегда были в меньшинстве, потому что, как правило, всяк, внезапно награжденный, легко находил в себе соответствующую добродетель и не обременял Толкователя ненужными вопросами...

Толкователей было, согласно канону, одиннадцать. И двенадцатый, верховный Толкователь, объясняющий наиболее запутанные случаи либо дарующий толкование знатным osobам. Говорили, что мудрость Толкователя не вместит ни одна книга, что ключи-разгадки к головоломкам судьбы всякий Толкователь передает непременно своему преемнику и непременно на смертном одре...

Но ведь это не законы физики, Анджея, думала Иrena, стоя под палящим солнцем в толпе прочих искателей.

лей правды. В быту законы физики выполняются всегда... или почти всегда; по крайней мере, сковородка обычно падает на пол и никогда — на потолок... А законы справедливости, растворенное в природе право судие... если ты создал этот мир ТАКИМ, то зачем эти подпорки в виде двенадцати Толкователей?!

Возможно, ты понимал всю слабость своего построения. Возможно, эксперимент продлится до того момента, пока ты не зафиксируешь все возможные погрешности...

ЭТОТ мир — твоя цель? Именно его ты хотел смоделировать? А та, предыдущая МОДЕЛЬ с упирьми-адвокатами послужила тебе разминкой, полигоном?

Или в этой новой МОДЕЛИ тебя снова нет, ты ушел в следующую и будешь создавать их без конца, пока у недоброй памяти господина Петера окончательно не иссякнет энергия... Хотя кто сказал, что господин Петер со своей машинерией может что-то теперь изменить?..

Солнце жгло, но Ирене на мгновение сделалось зябко — когда она вспомнила версию Семироля о том, что эта новая МОДЕЛЬ есть ее собственный, измененный катализмом мир...

Очередь продвигалась. Медленно, но шла. Толкователи работали — все одиннадцать.

А ей позарез нужен двенадцатый. Верховный.

Не один час потрачен был на то, чтобы придумать подходящий вопрос. Толкователи просеивают людей, как песок. Сколько песчинок на берегу, — столько сложных и спорных вопросов, загадок Провидения, заковырок и казусов, и все они протекают сквозь пальцы Толкователей, привычных ко всему, знающих сокровенное, видящих нассквозь...

А Ирене нужен был двенадцатый. Во что бы то ни стало поставить рядового Толкователя в тупик — так, чтобы он признал свою некомпетентность и направил

ее к своему шефу, Толкователю над Толкователями, который, наверняка, читал ее «Раскаявшегося», который знает об этом мире все, который...

Она перевела дыхание.

Никто не знает имен Толкователей. У смертного одра своего предшественника, принимая с рук на руки связку ключей-разгадок, они на всякий случай лишаются имени,— вероятно, это угодно Провидению? А уж у верховного Толкователя, по слухам, имени никогда и не было, и никто не помнит его предшественника, он вроде бы был на своем посту изначально, так, во всяком случае, утверждает молва.

А Ирене так хочется верить, что забытое имя этого изначального Толкователя — Анджей Кромар...

Как медленно продвигается очередь.

Ожидающие один за другим втягивались на порог, поднимались по одиннадцати ступенькам и исчезали внутри. Прямо перед Иреной стоял мальчишка лет двенадцати — никакой надобности посещать Толкователя у него не было, он держал место в очереди для кого-то, зарабатывая таким образом на безбедную жизнь. При мерно третья очередь состояла из таких «заместителей» — целый промысел...

Зато следующим за Иреной соискателем был молодой горожанин, коренастый и смуглый, у него ни с того ни с сего разорилась преуспевающая ростовщическая контора, и делец искренне не понимал, чем провинился перед Провидением и чего ждать дальше. А за ростовщиком — Ирена знала — стоит старушка, желающая и не решаясь добить впавшего в маразм, безнадежно больного отца. А еще дальше — другой отец, относительно молодой, но желающий сорвать сыновью свадьбу, потому что от будущей невестки, как он уверен, не следует ждать ничего хорошего. А дальше...

Очередь продвинулась еще на два шага.

Ирена давно продумала и перебрала все возможные варианты вопросов. Часто вспоминался Ник, избавлявший от мук своих обреченных пациентов и осужденный за это на смерть от зубов упыря. Похоже, Провидение в этой МОДЕЛИ не столь прямолинейно, как правосудие в предыдущей, но Ирена просто обязана поставить его в тупик. По крайней мере, поставить в тупик Толкователя...

Крыльца об одиннадцати ступеньках неумолимо приближалось. Ирена нервничала все больше.

Шаг. Еще шаг; вместо мальчишки, получившего свою мзду за сохраненное место в очереди, перед Иреной встала хорошенькая барышня лет шестнадцати,— интересно, о чем будет спрашивать юная особа? Отчего же стокое Провидение наказало ее смертью любимой собачки ?

Первая ступенька. Солнце склонялось все ниже, очередь волновалась,— на закате двери закроются, и всем, кто не успел сегодня, придется ждать до рассвета...

Вторая ступенька. Третья и четвертая, Ирена поняла, что сегодня не успеет. Новая ночь на соломе; а наутро, вполне возможно, народу сообщат о внезапной кончине верховного Толкователя, но только Ирена будет знать, что это означает появление новой МОДЕЛИ, модели-в-модели, следующего звена, следующей куколки-матрешки...

Двери отворились и пропустили сразу семерых. Прямо перед Иреной опустился резной жезл, импровизированный шлагбаум, которым привратник сортировал толпу:

— Погодите, милейшая... По всей вероятности, на сегодня прием закончен.

Она даже не удивилась. Там, за дверью, было холодно и сыро, уходили ввысь темные колоссальные колонны, они стояли безо всякой системы, как деревья в лесу,

и оттого преддверие дворца действительно напоминало лес, девственную чащу, куда тысячи лет не ступала нога добытчика древесины...

В глубине ударили гонг. Ударил дважды.

— Еще два человека, — с неудовольствием сказал при-вратник.

У Ирены онемели ноги, и, если бы не молодой ростовщик, ломанувшийся в двери и невольно толкнувший ее в спину, — стоять бы ей тут до завтра...

Потому что старушка, оказавшаяся за шлагбаумом-жезлом, кипела негодованием и едва не опередила зазевавшуюся предшественницу.

— Нет, госпожа. Сюда...

Стволы-колонны оказались винтовыми лестницами. Однинадцать лестниц, и расстояние между ступеньками такое, что Ирена мельком пожалела старушку, — и как она будет сюда карабкаться...

Она заблудилась бы среди винтовых стволов, если бы специальный слуга не направил ее. Помогая себе руками, путаясь в ненавистных юбках, мысленно призывая Создателя, Ирена принялась взбираться; неподалеку сошел молодой ростовщик — его лестница была рядом, но он значительно опередил Ирену, она видела, как летят с его подошв чешуйки засохшей грязи и так подолгу кружатся в воздухе, что впору испугаться и посмотреть вниз...

Ирена не боялась высоты. Но вот как будет карабкаться старушка?..

Люк. Ирена больно ударила затылком, потом, пепердохнув, навалилась плечом, крышка оказалась нетяжелой, полумрак смешался со светом — матовым, зеленоватым, Ирена, задыхаясь, на четвереньках выбралась из люка. Вероятно, Толкователям следовало бы позабочиться о лифте для посетителей...

От бесчисленных поворотов лестницы кружилась голова.

Горели зеленые свечи. Ирена сроду такого не видела — свеча как свеча, но только огонек — будто на новогодней гирлянде, зеленый...

Фокусники.

Она огляделась.

Круглая тесная комната напоминала сковородку. Ручкой служил узкий длинный коридор, на деревянном полу которого красовалась недвусмысленная, истертая сотнями ног, направляющая стрелка.

Значит, туда...

У входа в коридор она невольно задержалась. Где-то капала вода, пахло плесенью и подземельем, и это при том, что она находится, как минимум, на высоте десятиэтажного дома! Тот, кто организовывал Толкователям рабочее место, постарался как можно дальше уйти от традиций пыльной конторы. Дизайнер поработал на славу,— но Ирена не могла отделяться от мысли, что ее вот-вот окликнет невидимый раздраженный чиновник: «Поскорее! Рабочий день заканчивается!»

Она собралась с духом и пошла по коридору, считая шаги. Ого. Двадцать, двадцать пять, сорок...

Стоп.

Новая комната, почти совсем темная, потому что одна зеленая свечка может запугать, но не прибавит света. Каменная морда неведомой зверушки — и достаточно свирепой, если учитывать размеры отверстой пасти. Ирену пробрала дрожь — отнюдь не потому, что экзотическая декорация запугала ее. Нет — близился момент, когда решится ее судьба на ближайшую вечность...

— Подойди, госпожа, и загляни в темноту...

В пасти каменного чудовища мелькнул, приглашая, огонь. Ирена приблизилась на негнущихся ногах; сразу стало ясно, что придется становиться на колени. Хоть бы подушечку предусмотрели, мерзавцы...

Осторожно, будто боясь испортить прическу, она про-
сунула голову зверушке в пасть. Вот уже любители де-
шевых эффектов...

На лицо ей лег свет. Она зажмурилась; яркий факел,
снабженный зеркалом-отражателем, конструкция, как
у прожектора, дикий народ, а вот поди ж ты...

— По доброй ли воле ты пришла, госпожа?

Тот, кто спрашивал, оставался невидимкой. Только
голос выдавал мужчину, немолодого, уставшего за
длинный рабочий день, собирающегося расправиться
с последней посетительницей,— а потом пойти в
трактир и спокойно, неузнанным, выпить с друзьями пива...

— Да,— она машинально кивнула, ударившись под-
бородком о зверушkinу челюсть.

Пауза. Долгая пауза, во время которой ее изучали, и
холод от каменной морды ручейками потек по спине:
опознали! У всех Толкователей имеется ориентировка
на неблагонадежную сочинительницу Ирену Хмель...

Вздох в темноте:

— Не желаешь ли ты злого Толкователям, Высокой
Крыше, вольному городу?

Толкователь удовлетворился осмотром. Зачем ему
лишние хлопоты, да еще в конце рабочего дня...

— Нет,— она с трудом удержалась, чтобы не помо-
тать головой.

— Скажи, в чем твое смущение, и я истолкую тебе
волю Провидения, с тем чтобы ты следовала ей созна-
тельно и радостно...

Формула была заученная. Ирене потребовалось вре-
мя, чтобы осмыслить ее,— Толкователь, между тем, не
был расположен к лирическим паузам:

— Говори же...

Дочь моя, мысленно добавила про себя Ирена. В
процедуре действительно было что-то от таинства испо-

веди,— только вот свет бил в глаза, будто на жестоком допросе...

Надо подумать. Надо собраться с мыслями.

Сотни вариантов вопроса придумала она накануне — и ото всех отказалась. Одни были слишком экзотичны, другие фальшивы, третьи...

Она боялась попасться на вранье. Толкователи просеивают людей, будто песок,— им ли не выявить ложь, тем более что Ирене вранье давалось столь же натужно, как нерадивому школьнику — высшая математика...

— Говори,— повторил Толкователь, и в голосе его обозначилось раздражение.

Она набрала в грудь воздуха:

— Сестра моя беременна, господин. Отец ее ребенка — упырь, страшное существо, питающееся живой кровью. Отец мой пытался убить упыря, и брат мой пытался убить упыря,— но он ушел невредимым...— Ирена перевела дыхание, лихорадочно решая, не стоит ли добавить одну-две подробности.— Он ушел... не тронутый ни осиновым колом, ни серебряной пулей,— она на мгновение запнулась,— а пулей у нас с деревне называют серебряную... иголку... А сестра моя понесла, и известно, что рожит она упыреныша, дитя-кровопийцу, и что скажет Прорицание, если нерожденный плод того... вытравить?

Яркий свет демонстрировал невидимому Толкователю ее замешательство, смущение и страх. Пусть видит. Ясно, по крайней мере, что бедная женщина не врет...

Сейчас он добренъким голосом скажет очередную заученную формулу — и отпустит ее с миром, спускаться обратно по бесконечной лестнице, сознательно и радостно. Ведь можно себе вообразить, сколько молодых дурочек с нежеланным ребенком во чреве являлись сюда, чтобы посоветоваться насчет Прорицания. Вдруг оно допускает, как выразился бы Ник, аборты по социальным показаниям...

Или нет. Сейчас он кликнет стражу, и палач в пыточной камере уточнит и происхождение ребенка, и за одно содержание вредного рассказа «О раскаявшемся»...

Толкователь молчал.

Неужели она сумела его, всезнайку, озадачить?..

— Добровольно возлегла твоя... сестра с упырем — или по принуждению?

Ага. Сам факт плодовитого союза с упырем сомнений не вызывает, и то хорошо...

— По принуждению,— сообщила она без колебаний.— Он угрожал лишить ее жизни...

— Сколько лет твоей сестре?

А это, интересно, зачем?

— Тридцать,— сказала она с запинкой.

— Сколько времени, как зачат плод?

Она заколебалась. Ее дело — усложнить Толкователю задачу, а вовсе не получить совет в реальной житейской ситуации...

Кстати, пауза, которую он сделал перед словом «сестра», говорит о том, что...

— Отвечай, госпожа.

— Два месяца,— пролепетала она, умышленно сокращая срок. Ей тяжело было соображать в режиме вопрос-ответ; ее собеседник сразу же понял, конечно, что никакой «сестры»...

— Точно ли известно, что ребенок будет кровопийцей?

Секундное колебание. Ей казалось, что за световой стеной она различает силуэт Толкователя...

— Вероятность девяносто процен... то есть девять к одному...

Молчание. Раздражало потную кожу грубое полотно, мешал ненавистный корсет, поскорее бы все это закончилось...

— Сбожди, женщина.

Силуэт исчез. А через несколько секунд погас факел.

Ирена вытащила голову из пасти каменного зверя. Ожесточенно протерла слезящиеся глаза. За стражей он пошел... или все-таки за своим премудрым шефом? Так просто... нет. Так не бывает...

А если они взяли Семироля — и сейчас устроят им очную ставку?!

А если...

После света в глаза темный мир вокруг виделся темно-вишневым. И зеленая свечка, манящая, как палец утопленника...

Она прислушалась. Далеко-далеко шумела толпа. Вероятно, очередь расходитя по домам, по трактирам, по ночлежкам... чтобы завтра перед рассветом подобраться к заветным ступенькам.

Там, на краю площади, ждет ее Рек. Ждет и, наверное, волнуется; опека Река не была ей неприятна. Может быть, потому, что она знала наверняка — никакой награды от Провидения рыцарь не получит...

— Женщина...

В каменной пасти мелькнул свет. Она вздрогнула и подошла.

Импровизированный прожектор снова осветил ее лицо — на этот раз, как ей показалось, мягче. Спокойнее.

И там, за стеной света, находился теперь другой человек. Она поняла это раньше, чем он заговорил.

Темный силуэт...

Она всматривалась, забыв приличия. Вернее, пытаясь взмотреться.

Нет, так ничего нельзя сказать наверняка. Голос. Создатель, дай ему голос, пусть заговорит...

— Женщина, чисто ли твое сердце?

Верховный Толкователь — если только это был он — говорил шепотом. Ирена обмерла.

— Ждешь ли совета по совести? Или тебя заботит, как обмануть Провидение?

Странная акустика в этом склепообразном небоскребе. Звуки множатся, кажется, что Толкователь говорит отовсюду. Ниточки-звуки, звуки-лоскутки, собирающиеся в единый клубок, и этот голос...

Голос, который она впервые услышала в телефонной трубке. «Алло, Ирена? Это Ирена?..»

— Жду,— сказала она хрипло.

А вдруг у разговора есть свидетели? И он дает ей понять, что приличия следуют покуда соблюдать?..

Она вдруг увидела себя его глазами. Постаревшая, подурневшая, забывшая о косметике, в платке до бровей...

Она заплакала. Без горечи — просто разом хлынули накопившиеся за долгое время слезы.

«Так это верховный Толкователь желает меня допросить... для установления... меры моей вины? — Я всего лишь рыцарь, Ирена...»

Этот указ издан... для того, чтобы Анджей нашел ее?

Он ждал? Ждал, что она придет?!

Темный силуэт пошевелился. Она вызывает у бывшего мужа сочувствие? Брезгливость? Замешательство?

— Зачем ты это сделал,— сказала она шепотом. Если сторонний свидетель и услышит ее — спишет эти странные слова на бессвязный лепет испуганной женщины...

— Боишься ли ты кары, или хочешь получить вознаграждение? — человек в темноте повысил голос, и Ирена обмерла, и горячие слезы не ее лице враз остывли.

ТОТ голос или...

Анджей, это ты или не ты?!

Человек в темноте ждал ответа. Ей казалось, что еще немного — и она разглядит черты лица...

Молчать дальше было невозможно.

— А что вы думаете о смертной казни? — сами собой спросили ее губы.

Будто пароль.

Темный силуэт помедлил — и отступил в один из боковых черных провалов.

И уже уходя, верховный Толкователь на секунду угодил в отблеск факела. И Ирена увидела его лицо.

* * *

...Раньше дом принадлежал местному богатею. Собственно говоря, это был не единственный его дом; в один прекрасный день богатею подошла пора жертвовать, причем в особо крупных размерах, и ничего странного в этом не было, потому что род занятий у богатея был, мягко говоря, не вполне человеколюбивый. Богатей был разбойничим атаманом, и для покрытия совершенных и задуманных злодеяний требовалось все новые, все более крупные, все более добрые дела...

Богатый разбойник пожертвовал ближним свой лучший дом в пригороде, и на весах Провидения снова установилось равновесие. Несмотря на мзду, взимаемую разбойником с уличных торговцев, задушенного удавкой конкурента и разграбленный купеческий обоз.

Обо всем этом Ирена узнала много позже. А пока ее привели, ослабевшую и не сопротивляющуюся, на широкий двор за высоченным внешним забором и приземистым внутренним, причем по узкому коридору между двумя заборами взад-вперед бродили псы той же породы, что и теленок-Сэнсей...

Было утро. Ночь прошла в темном закоулке дворца Толкователей; Ирене не объясняли, чем она проницлась, но товарищем ее по заточению оказался слабоумный парнишка лет шестнадцати, а из разговоров слуг, на время превратившихся в стражников,

она заключила, что среди толп, протекавших, как песок, сквозь пальцы Толкователей, сумасшедшие вовсе не были редкостью...

Она смотрела перед собой, но видела не забор, не поленницу и не рассохшуюся бочку посреди двора. Перед ней стояло лицо верховного Толкователя — такое, каким она его увидела в последнее мгновение их встречи...

Тогда, в первый миг, ей показалось, что она УЗНАЛА его, что бывший муж и бывший моделятор действительно обезумел, сделался Толкователем до мозга костей и не играет роль — врос в нее по самое горло...

Эти несколько первых минут были самыми страшными.

Потом — ее уже взяли под локти, уже вели коридорами — память услужливо вернула картинку, и, снова всматриваясь в лицо главного в этом мире человека, она чуть не застонала от облегчения.

Верховный Толкователь никогда не был Анджеем Кромаром. Он был всего лишь самой большой, самой красивой куклой в этом игрушечном мире, и если он и желал допросить под Высокой Крышей сочинительницу Хмель, — то никак не в качестве бывшей жены...

Вероятно, на него, как и на рыцаря Река, большое впечатление произвел рассказ «О раскаявшемся».

...Рек, вероятно, волнуется. И, что скорее всего, уже никогда ее не дождется... Хотя кто знает. Вот если бы верховный Толкователь узнал в бедной женщины «сочинительницу Хмель», — дело обернулось бы действительно плохо; Иrena передернулась. Хорошенькая картинка — от нее требуют, возможно, с помощью палача, объяснений относительно «Раскаявшегося», — а она, написавшая этот рассказ, так и не удосужилась прочесть его!..

Но верховный Толкователь не узнал ее. Он просто принял ее за сумасшедшую.

Ждать пришлось долго. В углу двора двое тощих мужиков качали насосом воду, причем один то и дело сачковал, работая вполсилы, а второй, добросовестный, надрывался, оттопырив слонявшую губу... Вероятно, первому вскоре следует ждать наказания от Провидения, а второму, наоборот, награды...

Или на территории приюта для умалишенных законы Провидения действуют как-то по-другому?

Ирена сидела на деревянной колоде. Слабоумный парнишка бродил рядом, подбирал что-то с земли, разглядывал, нюхал и пробовал на зуб. Ирена старалась не смотреть в его сторону.

...Что было в том рассказе? Если люди жгли дорогую бумагу, опасаясь хранить написанный на ней текст?

После примерно полутора часового ожидания новоприбывших провели в дом. Ирена поразилась — почти везде бывшее богатство было аккуратно снято со стен вместе с дубовыми панелями, шелковыми gobelenами и бронзовыми светильниками. Голые стены, от пола до потолка, грубый дощатый пол, — вероятно, чтобы умалишенные ничего в припадке не попортили.

Зато комната, куда их в конце концов привели, сохранила прежнюю роскошь и даже, вероятно, приумножила. В комнате обнаружился невысокий седой старичок с красными прожилками на носу — он раскричался, досадя на слуг, которые привели «безумцев» не в смотровую, как было велено, а прямо в кабинет...

Паренек, Иренин спутник, ежился и втягивал голову в плечи. Смотровая оказалась мрачным залом с вмонтированными в столбы железными кольцами, деревянными скамьями у стен и каменным колодцем посередине; Ирена поджалла губы. Кто чего боится, — то с тем и случится. Зря Семироль насмехался над ней, считая труслихой. В предыдущей МОДЕЛИ для Иrenы нашлось

ретивое правосудие, а здесь, по-видимому, тюрем нет, зато найдется кое-что поэкзотичнее...

Впрочем, все оказалось вовсе не так трагично.

Старичок с прожилками на носу оттянул веко слабоумному парнишке, жестким пальцем ткнул ему кудато под ребра и, когда парнишка дернулся, удовлетворенно кивнул:

— Пойдешь дрова рубить...

На Ирену лекарь кинул один только мимолетный взгляд. На лицо — и на округляющийся живот.

— Прясть, ткать обучена?

Ирена покачала головой.

— Убирать будешь...

Десять минут спустя ей пришло в голову, что следовало похвалиться грамотностью и напроситься тем самым на работу почище. Но подходящий момент давно миновал, носатый старичок ушел, а Ирена легко и без проволочки оказалась зачислена в нестройные ряды здешних обитателей — убогих рассудком...

— Пахнет... еда, — восхищенно сказал слабоумный парнишка.

По просторным коридорам действительно разносился густой, сытный запах не особенно изысканной, но, наверняка, жирной и плотной пищи.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

П

риют для убогих» вмешал в себя самую разнообразную публику, и каждый из его узников-обитателей был убог по-своему. Кроме сумасшедших, к которым теперь относились и Ирена, здесь было несколько беспомощных стариков, пара калек, горбатый карлик с печальными глазами и человек десять ребятишек — сирот, в разное время подобранных под разными плетнями.

Все они жили вместе, и свобода их ограничивалась только забором. Ну и, разумеется, природным «убожеством» каждого — так, например, колченогий мужи-чонка Лобз не мог самостоятельно спуститься с высокого крыльца, а бедная умалишенная Флея верила, что сидит в железной клетке три на три шага, и никогда не распрямлялась в полный рост, — чтобы не удариться о во-ображаемые прутья... Некто Горох, широкоплечий кре-стяинин с повадками императора, время от времени принимался насаждать в приюте жесточайшую и бес-смысленную диктатуру, — но после нескольких роздан-ных Горохом оплеух и какой-нибудь показательной порки тирана настигало вездесущее Провидение. Сраженный новой внезапной хворью, он надолго исчезал со двора,

отлеживался где-то в дальнем углу, и всякий раз ему было все труднее оклематься, и всякий раз его товарищи надеялись, что он не оклемается вовсе...

Постоянного персонала в приюте не было. Ежеутренне ворота открывались, пропуская двух-трех хмурых добровольцев, иногда знакомых, но чаще новых. Добровольцы разбредались по дому в поисках работы, носатый старичок, исполняющий обязанности директора и главврача, направлял их. Брезгливо морщась, работники прибиравшие за немощными, не встающими с соломенных тюфяков, утирали сопли слабо сопротивляющимся детям, стирали и мыли, помогали колченогому Лобзу спуститься с крыльца — словом, исполняли всю рутинную, порой исключительно грязную работу. Никому за это не полагалось ни гроша — расплачиваться предстояло Провидению...

Те из добровольных помощников, кто «искупал» по самому большому счету, месяцами жили тут же, во флигеле. Почти все «убогие» панически боялись их — отнюдь не потому, что рисковали получить подзатыльник. «Искупанть» никогда, за редчайшими исключениями, не трогали «убогих» даже пальцем, — тем не менее, никто, кроме Гороха в периоды обострений, не рисковал приблизиться к ним по доброй воле. Ирена скоро поняла, почему...

С того самого момента, как верховный Толкователь исчез в боковом коридоре, напоследок показавшись ей в случайном рассеянном свете, — с этого самого момента все происходящее с ней как бы потеряло смысл. Цель — добраться до Анджея Кромара — снова отодвинулась в неопределенную мутную даль, зато загадка — что написано в осужденном властями «Раскаявшемся» — казалась куда важнее реально происходящих событий. И когда Ирене указали ее место — на тюфяке, на жесткой соломе, — она безропотно кивнула головой. Все, что происходило, — случилось не с ней.

Впрочем, условия жизни в бывшем богатом доме были, пожалуй, даже получше, чем в той ночлежке, где Ирене и Реку довелось провести последнюю ночь перед визитом к Толкователям. «Убогие» ели досытга — в приют регулярно доставлялись богатые пожертвования. Чистота, несмотря на специфические особенности заведения, заслуживала всяческих похвал, и Ирене вовсе не пришлось, как она боялась вначале, изнурять себя грязным трудом. Добровольцы-уборщики старались изо всех сил, ведь иначе их заслуга перед Провидением могла быть обесценена!..

«Приют для убогих» был той отдушиной, той разменной монетой, с помощью которой даже убийца, заранее и до мелочей спланировавший свое злодеяние, мог рассчитывать на компромисс со всевидящим Провидением. Объектом для доброго поступка служили самые благодарные потребители бескорыстия — калеки, сумасшедшие и дети. Нечистые на руку торговцы, уличные воришки и даже обыкновенные разбойники «отмывали» свои прегрешения, подтирая блевотину, вынося горшки и купая парализованных старух. И время от времени важные слуги приносили в корзинах пожертвования от Высокой Крыши. И широкоплечие молодцы, по виду стражники, послушно кололи дрова, подметали двор и чистили выгребную яму...

В их же обязанности входило охранять ворота и сдерживать в необходимой свирепости сторожевых собак. «Убогие» ни в коем случае не должны были разбежаться, — вероятно, их охраняли для их же пользы...

Ирена усмехнулась.

У нее не было времени, чтобы всему стать свидетельницей и до конца постигнуть законы жизни приюта. Зато ей повезло — в первый же день для нее нашелся приятный собеседник; спустя совсем недолгое время ей показалось, что, познав мир «убогих», она поймет эту МОДЕЛЬ в целом...

Скорее всего, она ошибалась.

* * *

Старик с лютней проводил время в углу двора, в относительно спокойном и теплом месте — солнечные лучи являлись сюда рано утром и не уходили до полудня. Старик перебирал струны и негромко ныл песни, без мелодии и без размера, однообразные, но обладающие странным магнетизмом — во всяком случае, для Иrenы.

— Да... Я читал «Раскаившегося». Рассказать тебе?.. Нет. Нет, не боюсь... Но смогла бы ты пересказать, как льется, к примеру, вон та вода...

Из шланга, ведущего от насоса, толчками вырываясь тугая блестящая струя. Чугунный казан мало-помалу наполнялся — кто-то из вольнонаемых уже возился, разводя под ним огонь. Будет теплая вода для купания...

Странное дело. В большом, внешнем, «оригинальном» мире рассказы Иrenы не удостоились даже номинации на Серебряный Вулкан. В МОДЕЛИ номер один это были уже весьма достойные вещи — вон, Семироль под впечатлением от них принимал решение об Ирениной жизни и смерти... А здесь, выходит, опальная сочинительница Хмель попала едва ли не во властительницы дум. Случайность или злая шутка Анджея Кромара?

— Расскажи, Музыкант.

— Не смогу...

Иrena вздохнула. Старик умел быть феноменально упрямым.

— Хорошо... А что ты сделал Провидению такого, что оно наказало тебя?

Старческие веки приподнялись, открывая большие, выцветшие, удивленные глаза:

— А разве я наказан?

Ирена помолчала. Предположила осторожно:

— По-моему, да... Если бы ты не был наказан, то жил бы в своем доме, среди детей, внуков и внуков детей...

Старик неопределенно хмыкнул.

Тощая девочка лет десяти — сколько ни корми, а все тощая и тощая! — подобралась к казану, чтобы украдкой потрогать воду. Закатала рукав, сунула руку по локоть, довольно улыбнулась; тот вольнонаемный, что заведовал баком, обернулся от поленницы. Ни слова не сказал, просто обернулся; девчонку будто отбросили, спотыкаясь, она отбежала от казана в противоположный конец двора и остановилась там, плаксиво морщась, вытирая мокрую руку о подол платья...

В глазах добровольного помощника сирот было столько гадливой ненависти, что даже Ирена, поймавшая этот взгляд уже на излете, невольно вздрогнула.

Вспомнились изогнутые брови Река. «Торговцы»...

Вспомнился и лавочник, из чьих цепких доброжелательных лап ее вызволил бескорыстный рыцарь. «Прорицание учит: отчаявшихся — утешать, бездомных — привечать, беременных — оберегать... Байстроука вашего в хороший приют отдадим. Ну, пошли...»

Тощая девочка все еще стояла у забора напротив.

«Прорицание учит: ежели кто добра своего не понимает, так наставлять деликатно либо в тайне добро делать... А в тайне не получается. Не дергайся, кому говорят? Спасибо потом скажешь... А то гляди, спросит с тебя Прорицание — за неблагодарность...»

— Погоди, Музыкант...

Она поднялась. Прошла через двор, остановилась в шаге перед девчонкой. Чем-то девчонка напоминала Река — такая же светловолосая, и даже брови, страдальчески сведенные над переносицей, изгибались «тильдой»...

Ирена заколебалась. Девочка смотрела напряженно и неприязненно.

— Чего же ты испугалась? — Ирена опустилась на одно колено, так, что ее лицо оказалось чуть ниже девочкиного.

И положила руку на белобрысую стриженную макушку. Жест дался ей не так просто — она в жизни не гладила ничьих детей, считая это дурным тоном. Слашаво и фальшиво; если ты не мама — зачем тянешь руку?!

Но эту девчонку, вероятно, никто и никогда не гладил по голове. А если и гладил — то с обязательной надеждой получить мзду за проявленную доброту. Торговцы... Торговцы...

Девочка на секунду замерла. На мгновение; Ирена и глазом не успела моргнуть, — а подопечная уже бежала к дому, высоко подбиравая подол, чтобы не путался под ногами...

Каким девчонка видела мир, — Ирена не могла себе представить. А однажды попытавшись, ужаснулась и тут же отказалась от попыток...

— Что смотришь, Музыкант?

— Чудная ты.

Ирена невольно усмехнулась:

— Не чуднее тебя...

— Чуднее, — старик неохотно отложил лютню. —

Ты скажи мне, госпожа... Что тебе так дался этот «Раскаявшийся»?

Солнце стояло в зените. Еще немного — и забор потемнеет, солнце уйдет на противоположную его сторону, туда, где почти уже воля, туда, где бегает, не привязанный, теленок-волкодав...

— Я сумасшедшая, — сказала Ирена как можно равнодушнее. — Что, и спросить нельзя?

Лютнист улыбнулся краешком рта:

— Спросить-то можно...

Коренастый крепыш с неопределенного цвета бородой — он жил во флигеле, если верить Мзыканту, вот уже четвертый месяц — на руках вынес из дома умалишенного, наполовину парализованного старика. Никто не знал, как звали этого человека прежде — для всех его имя было раз и навсегда Гнойник. Если вольнонаемный не находил за собой особо тяжкой вины перед Провидением, — он всячески избегал возни с Гнойником, но, если, подобно крепышу-разбойнику, имел на совести человеческую жизнь, а то и не одну, — что ж, купание Гнойника было той самой миссией, за которую Провидение простит, что угодно...

Бедняга боялся. Закрывал глаза ладонью. Втягивал голову в плечи; его усохшие ноги казались мертвыми ветвями колдовского дерева. Коренастый, презрев чужую помощь, одну за другой стягивал со старика его серые тряпки, и лицо у него было такое, будто приходится голыми руками разделывать тухлую коровью тушу.

Из дома стайкой вышли дети. Сели в угол дворца, кружком, но не касаясь локтями. Не обращая ни малейшего внимания на происходящее, затеяли игру в камушки...

— Мзыкант... А ты веришь в Создателя?

Лютнист молчал.

— Если бы, вообрази на секундочку... Если бы ты был Создателем и решил смодели... создать... мир... Ты мог бы обойтись без Провидения?

Болезненно вскрикнул Гнойник. Коренастый мыл его, как кусок дерева. Видимо, Провидение спросит с добровольного санитара исключительно за результат...

Мзыкант поднял голову. Поймав его взгляд, Ирена нахмурилась:

— Что?

— Примерно о том же писала сочинительница Хмель,— неохотно проговорил старик.— Сельский мальчик подслушал, как ящерица и хамелеон ведут спор, ящерицу звали Милосердие, а хамелеона — Раскаяние... А потом в спор их вмешался Создатель.

Коренастый закутал дрожащего Гнойника в кусок чистого полотна и понес в дом — с чувством выполненного долга. Гнойник по-стариковски щурился, глаза его слезились, то ли от холода, то ли...

— Создатель? — механически переспросила Ирена.

Музыкант хихикнул:

— Госпожа Хмель дала Создателю имя...

Вдоль забора шел, неумело помахивая метлой, чистенький юноша явно благородного происхождения. Чем-то провинился отпрыск славного рода, обстоятельства потребовали срочного реверанса перед Провидением, и вот юнец зарабатывает поощрение, убирая за убогими, хотя даже легкая метла мозолит ему пальцы...

Юнец двигался равномерно и слепо, как мусороуборочная машина. Ирену рассмешило это сравнение; приблизившись к старику с лютней, сидящему прямо на траве, и расположившейся рядом сумасшедшей беременной бабе, подметальщик приостановился. Сделал красноречивое движение метлой — убирайтесь, мол, не мешайте процессу искупления...

Музыкант, кряхтя, поднялся.

— Имя Создателя? — переспросила Ирена с привычным опозданием.

— Посторонись, — хрипловато сказал юнец.

Ирена не шевелилась. Напряженно сведя брови, она снизу вверх смотрела на лютниста:

— Имя Создателя?

Подметальщик шагнул вперед, его нежное безбородое лицо перекосилось брезгливой ненавистью:

— Подними задницу, потаскуха рехнутая!

И замахнулся метлой. Не собираясь, конечно же, **бить** — просто отгоняя помеху, как гоняют с огорода обсевших его ворон...

Музыкант уже брел к дому, **мутня** в его руках едва не касалась земли..

* * *

На другой день Провидение преподнесло всем жестокий урок.

Колченогий Лобз поскользнулся в коридоре, упал и угодил виском на железный штырек, когда-то поддерживавший здесь ковер. Смерть наступила мгновенно; все, исключая разве что парализованных и сумасшедшую Флею, сбежались к месту происшествия, молча и вслух гадая, за что наказало бедного Лобза справедливое Провидение.

Сразу же выяснилось, что Лобз упал потому, что пол в коридоре был надраен и чрезмерно натерт воском. А навоцил его — из наилучших побуждений — тот самый юный «искупант», что замахивался на Ирену метлой. Таким образом, юнец оказался повинен, хоть и косвенно, в человеческой смерти...

Из приюта послан был гонец — надо полагать, к юнцову папочке. Мальчишка, смертельно боящийся расплаты Провидения, дважды подряд вымыл несчастного Гнойника и в конце концов полез на крышу — починять черепицу. А так как черепицу он до тех пор видел только издали и лазал куда-то исключительно под присмотром учителя гимнастики, то стоит ли удивляться, что уже через полчаса он сорвался, оборвал своим весом плохо закрепленную страховку и рухнул на крыльце, сломав руку и ногу?..

Ирена держалась в стороне от общей суеты. Ей запомнилось лицо мертвого Лобза, которого зашивали в

мешковину,— равнодушное, очень усталое лицо. И покрытая испариной физиономия юного аристократа — он ошелел от боли и от свалившихся на него несчастий и даже не стонал, а только удивленно таращился на обступивших его людей, в то время как вольнонаемные санитары рассуждали о руке Провидения, которое, по-видимому, рассчиталось с юношей сразу за все его грехи...

К вечеру под воротами объявились карета, запряженная четверкой вороных. Юношу увезли в родное имение,— Ирена искренне надеялась, что он не останется инвалидом на всю жизнь; колченогого Лобза вынесли за ворота в мешке и похоронили где-то неподалеку. И хотя оба были овеществленными фантомами, подопытными существами без прошлого и без будущего,— Ирена чувствовала себя скверно.

Старый Музыкант тем временем впал в депрессию. Сидел на обычном месте, под забором, нудел свои песни и не реагировал на внешние раздражители. А значит, Ирена еще не скоро узнает, как звали Создателя в ее же собственном рассказе про «Раскаявшегося», и что сказала ящерица по имени Милосердие хамелеону по имени Раскаяние...

Ирена поймала на себе чужой взгляд и обернулась:

В нескольких шагах стояла белобрысая стриженая девочка. Смотрела странно — не то с опаской, не то вопросительно.

* * *

Ночь прошла плохо, следующий день начался и того хуже — вылез откуда-то тиран Горох, оклемавшийся после очередного удара судьбы, и принялся бродить среди «убогих», зыркая, бормоча, понемногу разогревая себя, — вероятно, ему казалось, что он — император, бродящий среди вконец распустившихся слуг, и, несмотря на

аристократизм и кротость нрава, ему придется собраться с духом и положить распущенности конец...

— ...Поди сюда!

Слабоумный парнишка по имени Зуб — тот самый, что попал в приют одновременно с Иреной — подошел, виновато улыбаясь.

— Сучонок... — протянул Горох, и голос его был почти что ласковым. — Порядка не знаешь, сучонок? Закона не знаешь?

Зуб моргнул редкими ресницами.

Гениальная интуиция сумасшедшего Гороха безошибочно указала ему на жертву — самую слабую, самую подготовленную для предстоящей роли. Для того, чтобы подчинить Зуба, даже не придется особенно гневить Прорицание...

Ирена не стала на это смотреть. Повернулась и ушла в дом.

В коридоре — после гибели колченогого весь воск с пола соскребли начисто — ждала ее белобрысая девчонка.

Сама не думая, зачем, просто повинуясь внезапному побуждению, Ирена положила руку ей на макушку.

Девчонка не увернулась.

Глаза ее стали бессмысленными. Соловыми, как от сильного наркотика. Она привстала на цыпочки, — как бы желая удержать Иренину руку...

Наверное, впервые в жизни девчонка поймала ласку ради ласки. Не ради возможного вознаграждения...

Другое дело, как она это учゅяла. Каким нюхом?..

Впрочем, Ирена и без того знала, что выделяется среди прочих, как альбинос в вороньей стае. Это сразу увидел Рек, это моментально понял Музыканта, странно, как не успел понять этого верховный Толкователь...

Впрочем, самым безопасным местом для нее оказался приют «убогих». Возможно, следует затаиться, подождать, пока моделятор вконец разочаруется в своей

гениальной МОДЕЛИ и вспомнит о бывшей жене, неудавшейся лазутчице...

Если он вспомнит. Если он еще жив, если он еще здесь, если бесконечный колодец МОДЕЛЕЙ не затянул его, подобно воронке...

Возможно, каждая следующая МОДЕЛЬ безумнее предыдущей и более ограничена в пространстве. В конце концов он смоделирует клетку, как у сумасшедшей Флеи, и окажется запертый в ней в компании совершенно фантастических, бредовых существ, подчиняющихся непознаваемым законам...

Хотя нет. Анджей всегда знал, что и зачем делает. Не прав Петер, полагающий, что ошеломляющий успех модельтора, успех, обернувшийся поражением, стал неожиданностью для самого господина Кромара...

В печальных размышлениях прошла и эта ночь.

Утром ворота распахнулись, пропуская очередную партию добровольных помощников, и первым вошел стройный крестьянин с сосредоточенным тонким лицом и изогнутыми «тильдой» бровями...

Бескорыстный рыцарь Рек по кличке Шиповник.

* * *

За поленицей дети играли в некое подобие чехарды — без улыбок, деловито, будто выполняя ответственную работу. Музыкант перебирал струны своей лютни; Ирена сидела рядом и смотрела, как Рек, подражая крестьянской манере двигаться, разгружает телегу посреди двора.

Телега пришла из-под Высокой Крыши. Несколько мешков муки, окорока, колбасы, масло, даже вино — щедрая жертва должна была покрыть творимые под Крышой грехи. Калеки и сироты будут жевать лепешки, а власть получит некоторую свободу действий — не быва-

ет власти без принуждения, но не расплачиваться же собственными костями за каждый подписанный указ...

Подражатель из Река был никудышный. Наверняка, в нем уже раскусили переодетого аристократа,— но что же, здесь, в приюте, ряженые появляются чаще, чем где бы то ни было...

А вот бескорыстных рыцарей здесь не бывает.

Бескорыстные не нуждаются в выслуге. Бескорыстные имеют право на бескорыстное добро,— а вовсе не на безнаказанное зло...

Ирене захотелось сесть за компьютер. Или добраться, в конце концов, до ручки и листа бумаги, она уже знает, как писать рассказ «О раскаявшемся», знает, какое имя дать Создателю — не Анджей, конечно, и не Кромар, это было бы прямолинейно, но когда-то, во времена их щенячьей влюбленности, у нее было обыкновение называть его «Андрусь»...

...Беседуют ящерица и хамелеон. Хамелеона зовут Милосердие, а ящерицу Раскаяние... Или наоборот? Стоп, стоп. Рассказ называется «О раскаявшемся», а кто раскаялся-то, неужели Создатель?!

Рек мимоходом на нее взглянул. Близился вечер; еще полчаса — и работы будут свернуты, «убогих» позовут на ужин, приходящих работников выдворят за ворота... А это значит, что...

Она в изнеможении закрыла глаза.

Сегодня будет побег. Сегодня она покинет приют. Сегодня... Кажется, что вырваться за двойной забор означает вернуться домой. Добраться до компьютера, написать рассказ за одну ночь, подать в номинационную комиссию Серебряного Вулкана... Ну на кой он ей сдался, этот Вулкан?!

— Что с тобой? — негромко спросил Музыкант.

Она вздрогнула. Стариk вот уже несколько дней молчал, — у него началось обострение...

— Ничего...

— Я вижу...

Ирена отвернулась:

— Мечтаю о Серебряном Вулкане... Сумасшедшая я. Тебе-то что?

Музыкант вздохнул:

— Тебе бы... темного Толкователя. Надо бы...

— Кого? — Ирена нахмурилась.

— Темного... Толкователя. Того, что учит людей, как от Провидения уклониться... Говорят. А может, врут все... Кто он тебе, тот парень?

— Какой? — снова спросила Ирена, и вопрос прозвучал нарочито глупо.

— Который телегу разгружает...

Ирена обмерла. Вот оно что; тщательная конспирация приводит к тому, что помыслы ее видны, как на ладони...

Ирена открыла рот, на ходу пытаясь придумать ответ, — но в этот момент в ворота застучали снаружи. Настойчиво, едва ли не грубо; дружно залаяли собаки.

Носатый старичок выбрел на крыльце. Скользнул взглядом по двору, по повозке, по работнику Реку с мешком на плече; кивнул двум охранникам, выглянувшим из флигеля, и с недовольным видом направился к воротам.

Музыкант взял причудливый, длинно звучащий аккорд.

Время было внеурочное. В такой час пожертвований не принимали, рабочую силу не пускали и новых постояльцев, соответственно, тоже...

Ирена видела, как Рек побледнел под слоем загара и пыли.

— Кто там? — спросил старичок, приоткрывая смотровую щель.

Ответа Ирена не слышала, но старичок вздрогнул, нахмурился, жестом велел охранникам убрать собак. Ворота заскрипели и отворились.

Ирена обнаружила, что стоит за спиной у Река. И что Рек странно держит руку, — будто придерживая нечто, висящее под курткой на боку...

Вошедших было двое, они были не «искупанты» и не потенциальные «убогие». Оба в черном, в шляпах с перьями, у старшего в опущенной руке имелся казенно-го вида свиток с печатью.

— Приказано выдать тебе, лекарь, женщину, умом тронутую, чревом в тягости, что была доставлена тебе десять дней назад из дворца Толкователей на содержание и лечение... Вот.

И протянул носатому бумагу. Тот принял ее дрогнувшей рукой, помедлил, обернулся...

Носатый лекарь все еще оборачивался. Ирена все еще пыталась вздохнуть.

Ясно же, что ни с кем не спутают. И вспоминать не придется, кто такая да когда привезли, — ее особыя примета выдает сразу и с головой. Вернее, с животом...

Рек перемахнул через повозку. В руках у него непонятным образом оказался кинжал; люди в черном шарахнулись. Они явно не ожидали такой встречи, но и реакция у них была побыстрее Ирениной...

Кто-то из «убогих» испуганно закричал. Глухо звякнула лютня. Заливались лаем псы.

— Закройте ворота! — властно рявкнул тот из гостей, что принес свиток с печатью. — Закройте, живо!

И он, и его напарник были вооружены тяжелыми шнагами. Странный белобрюсый крестьянин с повадками фехтовальщика оказался между двумя остриями — вместе со своим кинжалом.

Убийство «при исполнении» — не убийство?

Грехи подчиненных искупает Высокая Крыша? Может быть, искупает наперед, и на той телеге, к борту которой прижмут сейчас Река, сложена плата за его вынужденно пролитую кровь? Мука, мясо, масло для убитых?!

— Не гневи Провидение,— сказал тот, что принес свиток.— Брось оружие... бескорыстный.

Рек молчал. Ирена не видела его лица; о чем он сейчас думает? О женщине, с которой его ничто, в общем-то, не связывает, кроме разве что нескольких рассказов? О самих этих текстах, «О рыцаре, который совершал зло, чтобы оставаться бескорыстным»?!

А вот любопытно, отстраненно подумала Ирена, кто из обнаживших оружие совершает сейчас зло,— а кто благо? Совершенно невозможно понять. Рек отстаивает интересы Ирены,— а двое со шпагами, возможно, интересы государства...

Пока она думала, Рек прыгнул.

Двое его соперников были классными фехтовальщиками. Движения бойцов оказались неподвластны медленному Ирениному восприятию.

Рек, кажется, подловил одного из противников на слишком широком выпаде. Поднырнул под клинок, поймал нападавшего за руку; сдавленный крик. Шпага летит вниз, но не долетает, Рек подхватывает ее в сантиметре от земли...

Обезоруженный враг отступает. Глаза белые — не иначе, Рек ему руку сломал...

Ирена прозевала атаку второго Рекового противника. Размазанные в воздухе движения, доля секунды...

Человек в черном вильнул, уходя от выпада, выругался коротко и грязно, превосходящей массой отбросил рыцаря так, что тот спиной ударился о телегу. Не в интересах черного было устраивать здесь турнир. Он представитель власти; сейчас запрут ворота и...

Несколько событий случилось сразу.

Охранники спустили собак, и свирепые псы, не разобравшись, кинулись на всех подряд. Завизжали, разбегаясь, дети; Музыкант в своем углу неумело заслонился лютней, он не умел быстро бегать, Ирена молила неизвестно кого, чтобы собаки не сочли его достойной добычей...

Носатый лекарь нечленораздельно завопил. Ему не подчинились ни псы, ни охранники; кто-то из вольнонаемных оборонылся, размахивая палкой, кто-то схватил топор.

Высоко на заборе — как только сумела взобраться?! — сидела беловолосая девочка и не сводила с Ирены испуганных, умоляющих глаз.

Всеобщая паника подействовала на императора Гороха, как инъекция адреналина. Ревя о законности и порядке, он ворвался на поле битвы, со странной яростью набросился на мешок муки, не сгруженный с телеги, и разорвал его голыми руками.

В воздухе взметнулась белая пыль.

— Госпожа Хмель!!

Рек стоял в воротах. В одной руке у него была шпага, другую он протягивал Ирене.

Путь ей преграждал человек в черном. Ирена с удивлением глянула на свои руки — они были в муке по локоть, со стиснутыми белыми кулаками...

Лицо того, что преградил ей путь, залито было кровью из неглубокой раны на лбу.

Не раздумывая — по наитию — Ирена сыпнула ему в глаза содержимым стиснутых кулаков. Кровь и мука... Хорошенькое тесто.

И, уже почти дотянувшись до протянутой руки рыцаря Река, она обернулась на Музыканта.

Да, он слышал. Кто-то, может быть, и пропустил мимо ушей, но старый сумасшедший все слышал — «госпожа Хмель»...

С трудом выпустив его потрясенный взгляд, она бросилась в ворота. За ее спиной оставались паника и суетолока, охранники, ловящие псов, носатый лекарь, державшийся за сердце, император Горох, сражающийся с окороком, вольнонаемные, превратившиеся в карательный отряд санитаров, двое людей в черном — оба ранены, но вполне еще могут организовать погоню...

И белобрысая девочка на заборе. Десятилетняя девочка, которую больше никто и никогда не погладит «затак».

* * *

Ночь провели в лесу, в специально оборудованном тайнике. Ночевали без огня и, практически, без сна. И почти без слов.

Что же дальше, хотела спросить Ирена, но у нее не поворачивался язык. Бескорыстный рыцарь и без нее понимал, что дела их, в общем-то, не особо хороши.

...Но и не трагически плохи. Здесь нет полицейских постов, паспортной системы, компьютерной сети... В принципе, нанявшись работницей на какой-нибудь за jakiочный крестьянский двор, можно легко выпасть из поля зрения Высокой Крыши...

— Ведь это Высокая Крыша меня... ловит?

— Высокая Крыша преследует сочинительницу Хмель уже очень давно, — устало сообщил рыцарь. В его голосе была едва ощутимая укоризна: что, мол, дурочкой прикидываться?..

— У меня есть дом, — сказала она после паузы. — У вас есть лошадь... Мы могли бы... День пути — и мы доберемся...

Рыцарь вздохнул.

Вероятно, местонахождение ее дома было известно преследователям. Вероятно, они наведывались туда в Ире-

нино отсутствие... И Ирене с Семиролем просто повезло, что, вывалившись из МОДЕЛИ номер один в МОДЕЛЬ номер два, они не застали в прихожей людей в черном, не ознакомились тут же со свитком, заменяющим ордер на арест...

Семироль. Семироль...

— Я нашел его для вас, — глухо сказал Рек.

Ирена помолчала. Потом дернулась:

— Что?!

— Нашел экземпляр рассказа «О раскаявшемся»...

Наверное, один из последних. Вот, возьмите...

Движение в темноте. В руку Ирене лег тугой рулон бумаги. Будто кусок обоев...

Она подавила дрожь.

— Спасибо, Рек...

Она не знала, за что благодарит. Наверное, все-таки за рассказ. Потому что даже благодарность за спасение здорово уступила этой внезапной радости, этой внезапной вере, что уж теперь-то все будет хорошо, она поймет, она найдет ключ к этому миру, разыщет Анджея... Вернется домой...

«Наверное, один из последних». Они способны уничтожить ее рассказ, полностью, все экземпляры... Следует запомнить текст — слово в слово, чтобы потом воспроизвести...

Потом. Для номинационной комиссии Вулкана.

Ирена усмехнулась, и хорошо, что Рек этой усмешки не видел.

Развернула свиток. Света звезд хватило, чтобы понять, что текста совсем немного.

— Рек... Огниво, свечка... фонарик... что-то есть?

Он вздохнул:

— Госпожа...

Она стиснула зубы. Понятно. Надо дожидаться рассвета.

* * *

На рассвете в лесу сделалось чуть ли не по-зимнему холодно. Во всяком случае, Ирене так казалось. Возможно, причиной ее дрожи были нервы, сырость, бессонница — как бы то ни было, но «сочинительницу Хмель» трясло, как в лихорадке, и Рек забеспокоился, плотнее укутал ее одеялом, лег рядом, пытаясь согреть...

— Верховный Толкователь... — пробормотала она сквозь лязгающие зубы, — вот черт, как бы язык себе не откусить... Верховный Толкователь оказался вовсе не тем, кого я... ищу... Он просто верховный Толкователь. Он... кукла...

— Верховный Толкователь — кукла? — после паузы спросил рыцарь.

Неподалеку, на поляне, паслась невидимая в темноте лошадь.

Ирена вздохнула:

— Рек... Кто такой... Темный Толкователь?

Рыцарь молчал. Плотнее прижал ее к себе; она ощущала телом пряжку на его поясе, шнурок на его куртке, мышцы, твердые, будто каменные...

— Рек... Понимаете. Я ищу человека, который... мог бы держать в руках ниточки этого мира. Который... Это не Верховный Толкователь, нет. Не герцог... наверное. Кто?!

— Создатель,— с коротким смешком предположил Рек.

— Создатель,— эхом отозвалась Ирена.— И что обидно, он может оказаться кем угодно... тренером местной... футбольной команды... Извините, Рек. Я говорю глупости...

Небо серело. Еще немного — и можно будет развернуть свиток. Прочесть, наконец, текст, из-за которо-

го и в этом патриархальном, как бы средневековом мире скромной женщины нет покоя...

Она осторожно высвободилась. Села. В лесу запевали первые птицы, Ирена лишний раз убедилась, что рассвет — лучшее время суток, как жаль, что в своей жизни она так редко видела рассветы, так поздно ложилась спать и вставала, когда солнце давно поднялось...

Потянулась к вещам Река. Выудила из дорожного мешка свиток, внутренне трепеща, развернула...

Если поднести текст к носу — можно разобрать буквы. Во всяком случае, первая — любовно выписанная, огромная, красная витая буква «к»... «Как-то... раз...»

Она опустила глаза к концу текста. Да, вот она, подпись... «Сочинительница Ирена Хмель», и ее собственный росчерк, кем-то старательно скопированный с оригинала...

Рек сел рядом. Толчком, будто внутри него резко сократилась пружина.

— Слышите?

Она захлопала глазами. Далеко в лесу... Да. Звуки рога, а потом и собачий лай...

— Охота? — неуверенно спросила Ирена.

Рек — его лицо понемногу проявлялось в расступающихся сумерках — поджал тонкие губы:

— Да, охота... на нас с вами, сочинительница Хмель.

* * *

...Да. Еще пару месяцев — и ей станет трудно двигаться. Пока еще ничего... Но при мысли о том, что придется остаться здесь, родить упыреныша на соломке, а потом воспитывать его... как крестьянского мальчи-ка... или даже как незаконнорожденного аристократа,bastarda... при одной этой мысли у нее либо безвольно

опускались руки, либо, вот как сейчас, просыпалась исступленная жажда действия...

Лес все не кончался. Рек шел впереди, ведя лошадь под уздцы. Вероятно, место их ночлега уже обнаружено... А интересно, за преследование неповинной беременной женщины Провидение никак не наказывает? Или эти, что идут сейчас по их с Реком следам, загодя откупились пожертвованиями, подарками сиротам, безвозмездной службой в больнице или приюте?..

А может быть, по меркам здешнего Провидения, виновна как раз она, злонамеренная сочинительница, и те, кто идет следом, исполняют роль санитаров общества? И Провидение их еще и наградит?!

Лес поредел. Рыцарь обернулся:

— Сейчас выйдем... Надо будет через реку... Там дорога... склон крутой...

Ирена кивнула.

Стоило остановиться на минутку... всего на минутку. И прочитать рассказ «О раскаявшемся». Ей хотелось сделать это с того самого момента, когда над горизонтом поднялось солнце, так светло и удобно читать, но вот беда — времени нет ни минуты...

Надо идти вперед, иначе содержание рассказа придется излагать палачу... с объяснениями и дополнениями «от автора»...

Лес расступился.

Да, склон крутой. Это уже предгорья; Ирене даже показалось, что она узнает местность. Как будто нечто похожее ей доводилось видеть из окна машины, мельком, проезжая мимо на благоразумной скорости шестьдесят километров в час...

Из-под лошадиных копыт падали камни. Летели, задевая о склон, плюхались в воду... Потому что по дну оврага тек ручей, даже, скорее, маленькая речка.

Ирене пришлось спешиться.

Когда-то они с Анджеем целый день строили на таком вот ручье запруду. И запрудили, и в результате получили лягушатник три на три метра, с уровнем воды Ирене до подбородка... И минут двадцать играли надувным мячом в водное поло, пока не пришел лесник и не устроил разнос, пригрозил штрафом, потому что, оказывается, от подобной запруды нежной природе — страшный вред...

— Осторожнее, госпожа Хмель... Ирена...

Она и без того старалась ступать как можно легче.

...И пришлось запруду, с таким трудом построенную, самим же и разбирать... Поздней ночью, вернувшись к себе в палатку, прдорогшие и голодные... они выпили с горя две бутылки густого крепленого вина... вдвоем... причем Ирена пила наравне с Анджеем... а наутро...

Она пошатнулась. Ухватилась за ветку счастливо подвернувшегося куста.

Тропинка вела вдоль берега, и берег становился все круче и выше, а ручей внизу окончательно оказался речкой, и глубина там, судя по вот этим нехорошим водоворотам на поверхности...

И вода холодная...

— Долго еще, Рек?

— Сейчас выйдем к мосту...

Он не договорил.

Лошадь оступилась. Забила копытами, обрушивая ценные пласти песка и глины, на глазах у Ирены и Река сползла ниже, еще ниже, проехалась брюхом по камням...

Да, вода была холодная. Во всяком случае, лошадь выкатила глаза так, будто свалилась в кипяток... Брызги поднялись чуть не вровень с берегом. Лошадь была копытами уже в воде, имитировала движения пловца, в то время как вода, изо всех сил толкая тяжелое тело, увлекала лошадь все дальше; дальше, вперед...

Ирена смотрела, разинув рот. Лошадь плыла; вместе с ней плыли седельная сумка и дорожный мешок, в котором...

Ирена застонала. Взялась руками за щеки и села на тропинку.

— Вперед!..

Совсем рядом оказалось белое, яростное лицо Река.

— Вперед, если не хотите...

Из-под ног сыпались камушки. Плывущая лошадь уже скрылась за поворотом; чего ей — выберется. Комуто из крестьян повезет, прибудет имущества, если, конечно, лошадь Река не выучена по-собачьи лаять на чужих и преданно разыскивать хозяина...

Хотя для «Раскаявшегося» разницы уже нет. Все едино...

Она заставила себя подняться и продолжать путь.

Жизнь не кончена. Но отыщется ли другой экземпляр?..

* * *

Мост был, как сиротская радость,— узенький и хлипкий. На двух канатах, на одной подгнившей свае, дойди лошадь до этого моста — так и так пришлось бы в воду прыгать...

— Не глядите вниз...

Ирене была приятна забота Река — и немножко смешна. Она совершенно не боялась бегущей воды; этот мир, мир второй МОДЕЛИ, по мере знакомства с ним, казался все мельче, все жалчье, все игрушечнее...

Этот мир обманул ее. Первое впечатление оказалось ошибочным. Колодец на дороге, живой колодец с живой водой, будто пасть доисторического чудовища... Декорация. Картон. Единственное, что в этом мире подлинно и действительно чудовищно,— так это их

Провидение, неотвратимые кнут и пряник, над головой у каждого...

Интересно, а как герцог завоевывает благосклонность Провидения? Если, к примеру, случилось дать пощечину слуге? Отказывается за обедом от сладкого, жертвует свой компот в пользу детского дома?..

А симпатяга-Рек думает, что она боится хлипкого моста, высоты в три метра и быстрого течения...

Под ногой у нее проломилась дощечка. Ирена зашипела, судорожно вцепившись в перила.

— Рек, кто отвечает за состояние этого моста?

— Что?

Шум воды перекрывал слова.

— Тут вообще кто-то ходит? — спроила она в сердцах.

Рек не рассыпал.

Противоположный берег был куда более удобным. Можно было идти даже без тропинки — склон был покрыт короткой травкой, такую высаживают на стадионах, лужайках, у подножия монументов...

И, что приятно, чуть дальше по берегу обнаружились наполненные водой отпечатки копыт. Лошадь отдалась легким испугом; возможно, скоро случится радостная встреча...

— Рек, — Ирена остановилась.

Рыцарь оглянулся:

— Что?

Она помедлила, раздумывая. На лбу у рыцаря прорезалась складочка нетерпения:

— Да идемте же...

— Рек, у вас огниво сохранилось?

Рыцарь похлопал себя по поясу — да, мол, огниво носим при себе....

— Давайте подожжем мост...

— Что?!

— Подожжем мост,— сказала Ирена увереннее.— Чтобы меньше было проблем с погоней... Чтобы им не-реправляться труднее.

Рек страдальчески искривил брови:

— Поджечь... За это Провидение... нам... отольется.

— Это доброе деяние,— сообщила Ирена, не дрогнув лицом.— Мост опасен. Уничтожая его, мы, возможно, спасаем жизнь неосторожному путнику... или заблудившемуся ребенку. И побуждаем предполагаемых пользователей... ну, тех, кто по нему иногда ходит... привести свое хозяйство в порядок. Починить или построить новый... Что, нет?

Рек молчал.

— Мы теряем время,— сообщила она нервно.

* * *

Поджигать не пришлось.

Достаточно оказалось перепилить кинжалом один из поддерживающих канатов — и мост оказался совершенно непригодным к употреблению, потому что второй канат, подгнивший, порвался сам собой.

— Не так эффектно, зато эффективно,— пробормотала Ирена себе под нос.

Рыцарь поглядывал на нее почти со страхом.

— Что случилось, Рек?

Он помедлил.

— Если бы я и сомневался, что вы Ирена Хмель... то сейчас убедился бы окончательно.

— Да? — она растерялась.— Почему?

Они шли по склону. Речка осталась позади; полуза-росшая тропинка вывела на дорогу, дорога, по-видимо-му, вела к селению. Путники были голодны и хотели пить; Рек молчал так долго, что Ирена уже отчаялась услышать ответ.

— Вы специально спросили меня о Темном Толкователе, Ирена?

— Ну уж не случайно,— пробормотала она, пытаясь понять, куда поворачивает разговор.

— Вы хотите, чтобы я рассказал, что об этом думаю?

Ну да. Ее вопрос он принял за испытание, за тест...

— Да, Рек... Я была бы вам благодарна.

Бескорыстный рыцарь вздохнул:

— То, что вы говорили про мост... есть классический прием темного толкования. Оправдание... перед Прорицанием. Хитрый ход...

— Погодите,— она сбилась с шага,— но ведь Прорицание карает или поощряет... не по замыслу, а по факту! Если я смогу убедить себя, что для всеобщей пользы мне надо кого-нибудь убить... что, Прорицание простит мне убийство?!

— Нет,— рыцарь смотрел себе под ноги.— Если вы убьете невинного, будучи уверенной, что убиваете во благо... Прорицание все равно вас покарает. Но если вы найдете кого-то, кто опасен... или мешает... многим людям... и убьете его — возможно, вы останетесь безнаказанной...

— Этим занимаются все Толкователи,— механически сказала Ирена.— Как поступить в сложной ситуации и что скажет на это господин Прорицание... Или оно госпожа?...

Рек покачал головой:

— Нет... Толкователи просто говорят, что, по их мнению... исходя из опыта... можно от Прорицания ожидать. А Темный Толкователь учит... как поступить, чтобы Прорицание... обойти.

Впереди показались черепичные крыши. Деревня? Нет, скорее хутор, обособленный, небольшой, по крайней мере, тут можно позавтракать...

Ирена считала шаги. Двадцать... Пятьдесят...

— Рек. А зачем вам тогда... бить горшки базарным торговкам? Делать то самое зло, которое позволяет вам оставаться... бескорыстным?

— Провидение не так просто обмануть,— жестко проговорил рыцарь.— Само намерение... не проходит даром.

* * *

На хуторе их встретили радостно. И радость была какая-то истерическая.

Лошадь Река пришла к жилью чуть раньше хозяина. Крестьяне не тронули ни сумки, ни дорожного мешка, справедливо полагая, что есть еще надежда на появление их законного владельца: «Ну не может господин рыцарь так запросто в речке утонуть!»

Повинуясь закону гостеприимства — сперва накормить и приветить,— хуторяне усадили Река со спутницей за стол, предложили постель и теплой водички для мытья. Со скрежетом зубовным пришлось отказаться,— потому как через час-другой на хутор обязательно явится погоня...

До того, как опустели тарелки и кувшины, крестьяне говорили только о погоде, урожае и о качестве еды. Таков закон — сперва накормить, потом о делах; а что у хуторян есть дело к бродячему рыцарю, и Рек, и Ирена поняли почти сразу...

— Выкладывайте, люди добрые,— хмуро сказал Рек, отодвигая тарелку. Ирена с ужасом поняла, что, соблюдая законы и втянувшись в игру, он возьмется сейчас за любое дело; покажут ему дракона за ближайшим холмом — он и пойдет воевать дракона, забыв о погоне, о людях в черном, о рассерженной Высокой Крыше...

И только об Ирене — она надеялась — не забыв.

Крестьяне переглянулись. Старший — кряжистый мужик с круглой лысиной и светлой бородой в форме совка — поморщился, будто говорить ему было горько на вкус:

— Чудище у нас, господин. Недели две уже, как чудище... В пещерах. Тут, стало быть, пещеры под бережком... А выход у поля. Так... кровушки напились у работничка, у Ваня... еле жив остался... и в пещеру забилось. И сидит... ране девки в ту пещеру со свечами по грибы ходили — теперь боятся...

Бородач мельком взглянул на Ирену, будто извиняясь за предстоящие ужасные подробности.

— Пошла как-оть одна... еще тогда, ране... А вернулась сама не своя, белая... на шее дырка, и еле стоит. Страху-то набралась. Кровосос, говорит, свечку задул... страшный такой кровосос, с виду как человек, только диким волосом зарос и на четвереньках... Заикается с тех пор. То есть не кровосос заикается — девка... Вы бы, господин рыцарь... успокоили чудице-то. Сил нет боле... бабы ночами не спят... хлопцы работать на поле боятся... А ну выйдет, да пойдет по хатам, да кровь сосать?!

Все, бывшие в комнате, почти одновременно продемонстрировали правой рукой одинаковый сложный жест, — видимо, отгоняя злых духов.

Ирена сидела, как истукан. Автоматически поглощала живот.

Она предполагала, что в этом мире водятся сородичи адвоката Семироля. Ни Рек, ни Толкователь не удивлялись слову «упырь»... Значит, вот так? На четвереньках, в пещере...

Интересно, когда погоня преодолеет несложную, в общем-то, водную преграду, возьмет явный, в общем-то, след, и наведается на хутор?..

Она поймала взгляд бескорыстного рыцаря.

И сразу все поняла.

«Рек, мы же спешим...»

«Я давал обет».

Возможно, в благодарность за доброе дело Провидение подарит Реку удачу... И погоня съется со следа...

Нет, скажет Рек. Я обет давал. И сразу же совершил какую-нибудь гадость, и вереница неприятностей полностью поглотит возможное везение...

— Кого он сосал-то? — сухо спросил рыцарь. — На отпечатки зубов надо поглядеть, что за зверь...

Толпа у дверей — а к тому времени в комнате собралась настоящая толпа — зашевелилась. Вперед вытолкнули девчонку лет семнадцати, в кокетливом вышитом платьице, с жалостливо поджатыми губками.

Воротничок на платье стоял до самых ушей. Что-то мне это напоминает, мрачно подумала Иrena.

Рек встал. Положил руку девчонке на плечо — та счастливо замерла — и отогнул край воротничка...

— Так быстро зажило? — спросил недоверчиво.

— Ч... — сказала девчонка. — Ч... ч...

Губы ее задрожали — уже не притворно, чтобы показали. По-настоящему.

— Через пять дней зажила, — сказали от двери.

Иrena, не обращая внимания на удивленные взгляды, встала и заглянула Реку через плечо.

Шрамик на шее девчонки можно было разглядеть только опытным глазом. Длинный и тонкий шрамик, будто белый волосок...

Она села на свое место. Машинально отломила себе еще хлеба. Сунула за щеку.

Рек деловито совещался с мужиками. Заказывал какое-то особое железо, жердь, веревку, фонарь; ему обещали тут же выдать все необходимое, и даже больше. Повидимому, хуторян привела в восторг решимость молодого рыцаря — браться за дело немедля, пока солнце на дворе...

Ирена жевала хлеб. Вкусная корка. Душистая.

Вся беда в том, что она медленно соображает. Все неприятности ее от этого...

— Когда он появился? — спросила она хрипло, но ее никто не услышал.

Тогда она встала, подошла к мужику с совкообразной бородой, без церемоний дернула его за рукав:

— Когда появился упырь-то?

— Упырь? — мужик, кажется, не понял.

— Ну, кровосос ваш...

— Да недели две,— неуверенно сказал мужик. Сомневался он отнюдь не в сроке — сомневался, следует ли отвечать этой странной женщине, что таскается зачем-то за молодым рыцарем, а сама — не скроешь — брюхата...

Недели две.

Десять дней, проведенных в приюте. Три дня, проведенных с Реком в городе... Четыре дня, проведенные в ожидании пропавшего Семироля. Или она сбилась со счета?..

И расстояние от города до хутора...

Хотя расстоянием как раз можно пренебречь. Тут не бывает больших расстояний. Это очень компактная МОДЕЛЬ...

Не особенно сходится. Хотя....

— Рек,— она удивилась своему голосу, неожиданно низкому, хриплому.— Надо поговорить. Срочно.

* * *

До околицы их провожал едва ли не весь хутор; ко входу в пещеру — а его оказалось не так просто отыскать среди камней и высокой травы — рыцарь с Иреною подошли уже вдвоем.

Рек мучился. Брови его страдальчески изгибались — уже не «тильдой», а, скорее, ломаной линией.

— А если вы не правы? А вы ведь скорее всего ошибаетесь, я же не могу рисковать...

— Войдем вдвоем,— устало предложила Ирсна.— Берите ваши жерди, клинки... фонарь... Я достаточно скоро пойму, ошиблась я или нет. И быстренько сообщу вам...

— Я не могу рисковать,— повторил Рек с нахмомом. Ирена покала плечами:

— Ну, в самом крайнем случае буду заикаться, как эта бедная девчонка...

Про себя Ирена подумала, что, если она дожила до сегодняшнего дня и до сих пор не заикается,— поросший диким волосом кровосос вряд ли сумеет произвести на нее впечатление.

Кровосос в суде куда страшнее. Особенно, если он адвокат...

Вход в пещеру смотрелся едва ли не идиллически. Над узкой черной щелью колыхались красные и синие цветы, звенели в траве кузнечики, валялась, задрав по-темневшее дно, маленькая забытая корзинка...

И они ходят сюда грибы собирать? Какие-那样的 грибы, шампиньоны, печерицы?!

— Ирена,— в мучительном раздумье пробормотал Рек. Даже забыл с перепугу про «госпожу»...

Осторожно ступая, она спустилась вниз по вырезанным в дерне ступенькам. Низко наклонилась, заглянула в темноту...

Захотелось вернуться. Милостиво кивнуть Реку — давай, мол, работай, рыцарь, это твоя профессия...

Вероятно, он обрадуется. Аккуратно отстранит ее плечом, подальше от предполагаемого кровососа, в безопасность... Возьмет свое оружие, самострел, фонарь, жерди... Кстати, зачем ему жерди?..

— Кто здесь? — спросила Ирена шепотом. Никакого отзыва, никакого эха; привыкшие к полумраку глаза

различают темный узкий лаз, белесое мочало, образующее как бы занавесочку у входа... Это корни, обратная сторона травы.

— Кто здесь?

Тишина.

— Ян... Ян! Это я, отзовитесь!

Ей померещилось движение в темноте лаза — или действительно там кто-то пошевелился?

Она поймала Река за локоть. Хотела взять фонарь, но рыцарь не позволил. Неподобающая тяжесть... для женщины в ее положении.

По замшелым стенкам скакнул свет. То здесь, то там действительно белели матовые шляпки невиданных грибов, более того — неподалеку от входа обнаружился детский рисунок, кропотливо выложенный камушками на стене — пузатый человечек с рогами и собачьим хвостом... Огарок свечи. Несколько старателльно отпечатанных ладоней. Умели бы писать — нацарапали бы что-то вроде «Рея плюс Ивоника жених и невеста»...

Вероятно, хуторская молодежь ходила в пещеру не только за грибами, но и ради игр, забав и первых свиданий. Знали бы родители, на какое безобразие расходуется свечной воск...

Рек критически осмотрел узкий коридор. Поставил фонарь на землю, выбрал из всего вооружения незнакомое Ирене орудие — нечто вроде облегченного боевого цепа... Белесые брови его сошлись над переносицей. Он казался очень сосредоточенным студентом-отличником, просматривающим экзаменационный билет...

— Ну, госпожа Иrena? Вы уже поняли, что ошиблись?

Из темноты пахло сыростью, известкой... еще чем-то, Иrena не могла определить, что это за запах, но он беспокоил ее.

— Госпожа Ирена... подождите меня наверху,— рыцарь мягко подтолкнул ее к выходу.

— Рек, вам уже случалось истреблять кровососов?

Если он и решил, что она издается,— виду не показал.

* * *

Он вернулся через полчаса. Все это время Ирена присидела в траве среди ромашек и маков,— но плести венок у нее не было никакого желания.

Рек тяжело взобрался по земляным ступеням. Сел на траву, положив рядом свое орудие. Ирена невольно пробежала глазами по шипастой стали — нет, крови не было...

— Там кто-то сидит,— сказал Рек устало.— И поумнее, чем просто волосатая тварь... Пару раз мог на меня кинуться,— но рассчитал, что связываться не стоит.

— Вы его видели? — быстро спросила Ирена.

Рек мотнул головой:

— Там дальше... Переходы, тупики... грибы эти чертобы под ногами... детишкам, понимаю, раздолье. Привольно в прятки играть...

Он вдруг замолчал, глядя Ирене через плечо.

Она сосчитала до трех и обернулась.

От хутора приближались, настегивая коней, всадники. Шесть человек. Чуть опережая их, гоня волну в высокой траве, неслись собаки. Неопределенное число.

— Приехали,— хрюплю сказала Ирена.

Рек неторопливо обнажил клинок. Лицо его стало совсем белым — даже светлые глаза на этом фоне показались почти маслинами...

Шесть всадников со своей собак — описывая эту ситуацию в своей книге, Ирена, разумеется, предпочла

бы жестокую правду. Рыцаря заарканили и приволокли к подножию трона, дабы подвергнуть серии позорных наказаний...

Хотя читатель был бы не доволен.

Она рассуждала, а тем временем уже можно было различить лица всадников, и первым, в бинтах, скакал тот, кто не так давно явился в «приют для убогих», вооруженный тугим ордером-свитком...

— Рек... вниз.

Он не слышал ее. Душой он был уже в схватке — боец и... мертвец.

— Рек!! Вниз, быстро...

Он оглянулся. Кажется, понял. Подтолкнул ее ко входу в пещеру — идите, мол, а я умру на пороге...

— ВМЕСТЕ вниз, Рек!

Земля явственно дрожала под ударами копыт.

— Дурак! — рявкнула она, как никогда не кричала даже на самого тупого студента.— Я же одна боюсь... там! Со мной, скорее...

В его глазах чуть-чуть рассвело. Из-за горизонта отваги острым краешком проглянула мысль.

...Преимущество нападавших в темноте подземелья сходило на нет. То есть, конечно, ничто не мешает им послать на хутор за фонарями и устроить облаву по всем правилам; — но Ирене почему-то казалось, что собаки будут, по крайней мере, деморализованы...

Она всю жизнь хорошо относилась к собакам. И вот, пожалуйста, — искренне желает всей своре поскорее лопнуть. Ишь разаялись, бестии...

Она шла за Реком. След в след. Продержаться в пещере некоторое время можно — другое дело, что всю жизнь потом не захочешь есть грибы...

Хотя... сколько ее осталось, жизни?..

Рыцарь остановился. Ирена налетела на него, и со стороны это, вероятно, выглядело комично...

— Рек...

— Тихо.

Она замолчала.

Собачий лай отдалился и доносился теперь явно сверху. Так и есть — собаки во тьму идти не пожелали, здесь таксы нужны, а не эти здоровенные людоеды ... Если только в этом мире есть таксы...

Но Река остановили не собаки.

Коридор впереди двоился. Рыцарь водил фонарем, перебрасывая взгляд с одного хода на другой. Подавался вперед, желая заглянуть поглубже, — но не делал и шага.

— Что там, Рек?

Тишина. Отдаленный собачий лай.

И — взгляд из темноты. То ли справа, то ли слева...

Ирена проглотила противный комок. Механически погладила живот; бедный малыш. Это же каким нервным ты родишься. Темноты будешь бояться с пеленок...

— Ян...

Тишина.

— Ян, это я...

— Вижу...

Рек дернулся.

Голос шел справа. Очень тихий, усталый, бесцветный голос.

— Ирена, вы живы... слава Создателю.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

K

ак вы меня нашли?!

— Мы вас не искали,— она нервно усмехнулась.— То есть сейчас не искали... за нами... погоня.

— Черт... Вы прямо-таки притягиваете неприятности, Ирена.

— Никогда за мной такого не водилось,— сообщила она мрачно.— Это... МОДЕЛИ. Они выживают меня...

— Ирена, вы нашли выход?

Она помолчала.

— Нет... Ян, я думала, Вы нашли...

На этот раз пауза получилась многозначительной.

— Вы решили,— медленно произнес вампир,— что я смылся, бросив вас?

— Нет... то есть в какую-то минуту... нет, я так не думала.

— Ирена,— в голосе вампира послышалось почти презрение.

— Я так не думала, Ян, честное слово... Я решила, что с вами что-то случилось...

— Со мной действительно... случилось,— вампир усмехнулся в темноте.

Они сидели на подстилке из сухого мха. Фонарь пришлось затушить.. Из всех троих зрением обладал сейчас один только Семироль.

Ирена предполагала, какое лицо сейчас может быть у рыцаря. И Семироль отлично видит это лицо, и внутренне, наверное, потешается...

Ей на минуту стало обидно. За Река, который на самом деле насмешки не заслужил.

Собачий лай на поверхности давно уже угомонился. Сейчас, вероятно, люди в черном готовят экспедицию в преисподнюю, а испуганные хуторяне отговаривают их, потому как кровосос, надо полагать, уже и рыцаря, и злонамеренную беглянку употребил в пищу, вернее в питье...

Ирена в изнеможении прикрыла глаза. Смотри — не смотри, разницы все равно не было никакой, с закрытыми глазами даже удобнее...

В темноте ее взяли за руку. Пожатие было знакомым; но непривычно слабым; потом рука осторожно легла ей на живот.

— Все в порядке, Ян...

Пожалуй, она сказала это даже слишком бодро. Прикосновение Семироля было одновременно нежным и хозяйственным; зачем, зачем она в свое время, лежа в дрянной гостинице на соломе, молча обещала отдать этого ребенка... его заказчику?

Пусть даже родится трижды вампиреныш...

— Ян, я...

Она запнулась. Упырь-адвокат снова пожал ее руку — доброжелательно, но очень слабо:

— Ничего, Ирена... Той ночью мне потребовалось... вы знаете что. Нервная встряска, все такое, короче, физиологическая потребность... Я скоро нашел, за счет кого ее утолить. Не пугайтесь — тот мужичонка остался жив... Зато Прорицание... нам следовало догадаться сразу. Про-

видение сочло мои действия достойными кары... Я упал и сломал ногу! На ровном месте, Ирена! Я так удивился... Мимо проезжал возчик, и тут, Ирена, начинается самое интересное... Вместо того, чтобы отвезти меня в гостиницу, как я просил... этот идиот счел, что настало время заработать немножко счастья ему и его дочке... И увез калеку, то есть меня, к себе в пригород, в опеку... Ирена, я ведь ничего не понимал! То есть начинал понимать... Идиоты. Они взяли мне ногу в лубок — неправильно! Обращаться к врачу не сочли нужным — зачем раздавать заслуги перед Провидением чужим людям... Ох, я не раз и не два вспомнил Ника — вот был профессионал... вернее, не был, а есть... Короче говоря, мое терпение исчерпалось. Я немножко пополнил свои запасы гемоглобина — травма, Ирена, травма! — и на костылях попался на поиски лекаря... Но Провидению опять что-то не понравилось, — и меня выследили, затравили как упыря! Бегать на одной ноге неудобно... И больно. Я забился в какую-то дыру... На сегодняшний день нога моя срастаться не желает, налицо все возможные осложнения... Не за горами сепсис. Вернее, у меня уже десять раз развился бы сепсис, если бы в пещеру время от времени не забредали... .

— Вы упырь? — глухо спросил рыцарь.

Ирена вздрогнула от звука его голоса.

— Да, — равнодушно отозвался Семироль.

— Это вы сосали кровь из...

— Да, да, да. Но той девочке, кажется, даже понравилось.

Ирена высвободила руку, остававшуюся в ладони Семироля. Тот не сделал ни движения, чтобы ее удержать.

— Рек, — она старательно улыбнулась в пустоту. — Познакомьтесь, это господин Ян Семироль, я о нем рассказывала... А это, Ян, господин Ректонор, он же Осиповник, бескорыстный странствующий рыцарь... Ян, Рек помогал мне искать вас...

Повисла пауза. Слишком долгая для непринужденной светской беседы.

— Вы циничная, вредная человечеству тварь,— сказал Рек, и голос его как-то металлически звякнул.

Ирена обеими руками вцепилась в скрипучий мох.

— Человечеству? — удивился Семироль.— Кто тут у вас в роли человечества, юноша?

Рек не слушал:

— Я обещал тем людям убить вас... И я исполню обещание.

— Сейчас? — саркастически осведомился Семироль. Пещера ожила.

В отдалении послышались... нет, не голоса. Идущие в облаву хранили молчание; еле слышно поскрипывали камушки у них под ногами, изредка звякал металл.

Охота началась. Вернее, начался ее очередной этап.

Семироль склонился к Ирениному уху, и она кожей ощутила жесткую бороду на его щеках:

— Забирайте своего дон-кихота... и отходите вглубь.

— А вы?!

— Я калека, но не настолько же...

Она заметила, что голос его чуть дрожит. Совершенно не от страха. И не от волнения.

Совершенно иная страсть владеет сейчас преуспевающим адвокатом. Сильнейшая, вовсе не человеческая страсть.

— Ирена, ну идите же... Мне очень НУЖНО. Иначе я умру.

* * *

Ирена так ничего и не узнала о дополнительных способностях упыря-адвоката, тех, что не находили применения в зале суда. И даже не уверилась до конца, что они вообще были, эти способности. Как гова-

ривал в свое время осужденный доктор Ник, «черт его знает. Упырь...»

Рек молча увлек ее в темноту... впрочем, темнота была везде. На ощупь, скользя ладонями по стенам, Рек забрался в отдаленный отросток коридора, в тупичок, и оставил Ирену у себя за спиной, сам же встал, перегородив проход, изголовив свой цеп...

Некоторое время они слышали, как осыпается песок и поскрипывают камушки. Как вполголоса, глухо, переговариваются люди; потом на стены лег слабый отблеск фонаря, и тут же исчез, и звякнуло раздавленное стекло.

Ругань... Видимо, огонь затоптали прежде, чем вспыхнуло разлитое масло.

Снова ругань. Приглушенный вскрик.

Скрипнул зубами справедливый Рек-Шиповник.

Вопль ужаса. Приближающийся топот...

Новый крик. Тишина. Темнота.

Вопль такой, что хоть затыкай уши. Новый звон стекла. Вопль, удаляющийся по коридорам.

— Не бойтесь, Рек,— сказала Иrena с нервным смешком.

Возможно, он обернулся. И хорошо, что она не видела его лица.

На самом деле она успокаивала не его, а себя. Она действительно ужасно боялась — не людей в черном, конечно...

Она боялась, что в установившейся под землей тишине раздастся размеренное, удовлетворенное чавканье.

* * *

— ...А если они вернутся?!

— Они не вернутся,— сказал Семироль с явным сожалением.

Он сидел у стены, вытянув ногу, туго перетянутую полотняными лоскутами. Рядом лежала суковатая палка, заменившая охромевшему адвокату костиль. Фонарь освещал его лицо, исхудавшее и заросшее бородой; еще час назад вампир-адвокат походил, вероятно, на подзаборного доходягу, — но теперь отросшие волосы приобретали холеный блеск, выравнивалась кожа на лбу и на скулах..

Ирена старалась не глядеть на Река. Возможно, своим поведением она нарушает важнейшие для рыцаря этические принципы — скажем, не разговаривать с упырями иначе, нежели посредством осинового кола...

Хотя как раз на осиновые колы Семироль плевал с высокой колокольни.

— Почему они за вами охотятся, Ирена?

Она помолчала.

— Из-за моего рассказа, Ян. Рассказ называется «О раскаявшемся», а я его даже не...

Она вовремя прикусила язык. Рек молчал; Семироль и так все понял.

Фонарь горел ровно. Масла хватит еще на пару часов, а потом на троих останется одна пара глаз — Семироловых...

— Нам надо выбираться, Ян, — сказала она, стараясь, чтобы ее голос звучал твердо. — Нам надо выбираться, Рек...

— Вы искали выход, Ирена?

— Да... И я искала Анджея.

— Поиски провалились?

— Поиски еще не закончились...

Рек с сомнением покачал головой. Не знаю, мол, что вы хотели найти, — но вот придется ли искать дальше — это Провидению видней...

Преследователи ушли и не появлялись больше. Но это вовсе не значит, что на выходе из пещеры беглецов не ждет засада... Не может быть, чтобы не ждала.

— Другого выхода здесь нет? — спросила она, желая избыть неприятное чувство безысходности.

Семироль хмыкнул:

— Устройство этой пещеры — отдельная история, Ирена... Ни один спелеолог не поверит в ее существование. Это декорация, искусственное сооружение, вроде садово-паркового грота... Здесь хорошо играть в казаки-разбойники. Вот мы и играем.

Он отломил от ближайшей стены бледное полукрупье подземного гриба. Смачно, с хрустом, надкусил; Ирена поняла, что ее слегка мутит.

Рек поджал губы. С того самого момента, как вернулся насытившийся Семироль, он не произнес ни слова. Фонарь зажег, но губ не разжимал.

— Вы ведь никого не убили насмерть? — спросила Ирена в третий раз. Специально для Река.

Семироль вздохнул и закатил глаза. Рек молчал.

— Идиот, — с чувством сказал упырь-адвокат. — Какой он кретин, ваш Анджея... Ему следовало потренироваться на морских свинках; прежде чем...

— Над морскими свинками Провидение не властно, Ян. У них свои законы.

Стоячий воздух дрогнул. Плотная волна его сильно ударила в барабанные перепонки — то был далекий взрыв. Затряслись стены, кое-где полетели с потолка камни и комья, боль перешла в звук — глухой удар...

Фонарь, защищенный стеклянным колпаком, дрогнул пламенем, но не погас.

— Ого, — сказал Семироль.

Рек молчал.

Тишина установилась, как бы на новом уровне — где-то что-то оседало и сыпалось, но эти звуки только подчеркивали холодное, как в мертвцкой, молчание.

— Они взорвали вход, — сказал Семироль. — Вероятно, здесь успели выдумать некое подобие пороха...

Рек взял Ирену за руку.

Машинально. Желая подбодрить. Семироль заметил это жест — и бледно усмехнулся:

— Уважаемый бескорыстный рыцарь... Возьмите, пожалуйста, фонарь и проверьте мою догадку. Думаю, у входа вас ждет ужасное зрелище земляного завала...

Рек неприятно искривил губы.

— Понимаю,— терпеливо кивнул Семироль.— Ни на секунду не считаю себя вправе отдавать вам распоряжения, но подумайте сами... Я хромой и еле передвигаюсь. А госпожу Ирену мы не будем посыпать навстречу возможной опасности, правда?

Наверное, в этот момент Иrena выглядела особенно растерянной и жалкой,— во всяком случае, Рек, бросив на нее долгий взгляд, бесшумно поднялся, взял в одну руку фонарь, а в другую свое оружие и двинулся вдоль галереи. Свет в его руках уходил все дальше и дальше, Рек углублялся в тоннель, как подземный поезд метро...

Огонек завернул за угол. Иrena опустила голову — что ж, в темноте, возможно, даже лучше...

— Сколько времени прошло... там, откуда мы явились? — негромко спросил Семироль.

Иrena напрягла память — но так и не смогла сообразить.

— Если считать, что эта МОДЕЛЬ находится к той МОДЕЛИ во временном отношении десять к одному... То есть в таком же отношении, как предыдущая МОДЕЛЬ к... — она хотела сказать «к реальности», но запнулась.

— ...Почти четверо суток,— сухо заключил Семироль.— А если в другом, э-э-э, временном режиме?

Она не ответила.

— Понятно,— Семироль вздохнул.— А когда вы догадались, что такое Провидение? Вы ведь давно догадались, правда?

Она заговорила — поначалу ощущение было такое, будто читаешь третью лекцию кряду, причем об одном и том же. Все давно обдумано, сказано и пересказано, ловишь себя на нещадных повторах, язык ворочается с трудом...

Потом она увлеклась. Заново увидела и лес винтовых лестниц, ведущих к Толкователям, и «приют для убогих», и бумажный свиток, испорченный водой...

— ...Одна заглавная буква осталась. Большая «К». Весь текст смыло... подчистую. Вот,— она через силу усмехнулась.— А вы говорили что-то про сомнительные художественные достоинства...

— Среди тех рассказов, что хранились у вас в доме, не было «Раскаявшегося», — возразил Семироль.

— И правда...

Тишина. И песок перестал осыпаться, и не слышно ни ветра, ни шагов, ни шелеста шарящих под землей корней...

— Я думал о Нике, о Сите, об Эльзе... Если я не вернусь... они обречены.

Ирена с сомнением пожала плечами. Ей, наоборот, казалось, что, освободившись от адвоката-упыря, бывшие смертники заживут припеваючи...

— ...Им не жить среди людей, как вы понимаете. Если их вычислят... а их вычислят рано или поздно... обзовут меня бесчестным человеком и приведут приговоры в исполнение. Только и всего...

— А как же закон об оборвавшейся веревке?

— Что?

— Если веревка случайно оборвалась и приговоренный остался жив,— его милуют...

— Нет такого закона,— после паузы сказал Семироль.

— Это У ВАС нет,— Ирена устало прислонилась к покрытой мхом стене.— Потому что Анджей

перестарался... в своем стремлении к неподкупности.

— Почему я до сих пор не рехнулся? — спросил Семироль как бы сам у себя.

Тишина. Черная тишина просторной могилы.

— Мне страшно, Ян...

— Думайте о ребенке. Ему ни к чему ваши отрицательные эмоции...

— Если там обвал и мы...

На земляные стенки лег отдаленный отблеск фонаря. Рек возвращался.

* * *

— ...Наверное, шагов на двадцать сплошного завала. Уж чего они туда подложили — не знаю...

— Откапываться будем? — деловито поинтересовался Семироль.

Рек криво усмехнулся:

— На пару месяцев работы хватит... Это если руки, как ковши.

Фонарь он поставил на землю — но оружия не выпустил, и Ирена это с нехорошим чувством отметила.

— А куда нам спешить? — весело поинтересовался Семироль. — Вода тут есть, ручеек с глиной пополам, но зато экологически чистый... Грибы вполне съедобны. Другое дело, что госпоже Ирене в ее положении необходимы витамины, мясо, овощи, молоко, солнечный свет, гигиенические процедуры, положительные эмоции...

— Отойди от нее, — глухо сказал Рек.

— Что? — Семироль сделал вид, что не рассышал.

— Отойди от нее, упырь... — пальцы Река судорожно сжались на рукоятке цепа. — Отойди от женщины!

— Что-что? — Семироль дурашливо приставил ладонь к уху.

— У тебя есть все шансы умереть последним, упырь, — в свете фонаря блеснули оскаленные Рековы зубы. — Я не позволю тебе. Ты умрешь первым, кровосос!

Цеп начал вращение — и сразу же скрылся из глаз. Остался размазанный в темноте круг, остались свист рассекаемого воздуха и оледеневшие глаза бескорыстного рыцаря.

— Рек! — беспомощно крикнула Иrena.

Семироль улыбался:

— Елки-палки, Иrena, и где вы только... ладно. Юноша, вам придется наклониться, потому что сейчас я не в состоянии встать даже с помощью костыля... Бейте, рыцарь. Я не защищаюсь.

Иrena подумала, что, если Семироль и играет, то очень опасно. Он не представляет себе, чем бескорыстный рыцарь отличается от своих сусальных книжных собратьев. Бескорыстные времена от времени совершают настоящие подлости и настоящее зло — просто из принципа; будет ли Рек щепетильным по отношению к охромевшему вампиру?!

Не будет. Иrena поняла это по страдальчески изогнувшимся бровям.

— Рек, назад!!

Мгновенный взгляд из-под прищуренных век. Он не боится убивать, но он стесняется спутницы. Он не хочет убивать В ЕЕ ПРИСУТСТВИИ...

Цеп приостановил вращение.

— Госпожа Иrena... Госпожа Хмель. Я не знаю, что связывает вас с этим существом... Но мы в ловушке. А он еще долго может прожить, питаясь нашей кровью и...

Иrena перевела дыхание:

— Оставьте его, Рек... Это отец моего ребенка.

* * *

Сырость пробиралась под одежду. Доктор Ник упал бы в обморок, увидев, в каких условиях коротает время его пациентка...

— Ирена, хотите гриб?

— Спасибо, Ян. Не хочу.

Темнота. Угрюмый рыцарь Рек взял фонарь и ушел на разведку — возможно, он еще не утратил надежду. И пока он бродит по пещере, Ирена краешком сознания верит, что вот сейчас он разведет путь, вернется, молча возьмет ее за руку и выведет на свет...

Или он уйдет в одиночку? Оставив этих двоих — вампира и его женщину — коротать вечность в обществе друг друга?!

— ...Или эти вот, к примеру, бескорыстные,— Семироль полулежал, опервшись плечом о замшевый камень.— Среди прочих законов природы... потому что Провидение — это всего лишь закон природы... догадались выделить один, который «безнравственен». И найти обходной путь... А кто научил их отделять так называемое добро от так называемого зла? И эта их уверенность, что ненагражденное добро — благороднее... Кстати, а что вас связывает с этим юношей, Ирена?

Ей показалась, что адвокат чуть усмехается. Во всяком случае, голос его насмешливо дрогнул в непроницаемой для Ирены темноте.

— Это мой поклонник,— сказала она устало.— Мои ранние рассказы... определили его жизненный выбор. Ни один лауреат Серебряного Вулкана не может похвастаться чем-то подобным...

Семирольsarкастически хмыкнул.

— Ничего смешного, Ян... И еще этот, как вы выражались, юноша спас меня несколько раз, возможно, что и от смерти...

— Провидение вознаградило его за это — или, наоборот, покарало?

Ирене сделалось неприятно, что Семироль видит ее лицо, в то время как она смотрит в темноту.

— Я спрашиваю из профессионального интереса... Эта МОДЕЛЬ настолько искусственна, что я вообще поражаюсь, как она просуществовала больше суток... Иrena, я боялся за вас. Получилось, что я вас бросил... Вам нельзя скитаться по этому сумасшедшему миру. Покой, положительные эмоции, пешие прогулки...

Иrena молчала.

— Зачем, ну зачем вы устроили этот безумный побег?! Вам было плохо на ферме? Вас кто-то обижал, с вами не считались, вас не уважали?!

— Это пустой разговор, Ян.

— Иrena, я хочу, чтобы ребенок жил...

— Тогда вам следовало выращивать его с помощью инкубатора... Инкубатор не убежал бы от вас, не предъявил бы прав на своего ребенка, инкубатор можно было бы потом списать в утиль...

Похоже на разговор по телефону. Когда кидаешь слова как бы в пустоту, не имея возможности видеть лицо собеседника...

Рука Семироля легла на ее ладонь. Слабо сдавила:

— Вы — как Провидение, Иrena. Однажды провинившись перед вами, всю жизнь придется искупать вину...

— А вы поэт, — сказала она сквозь зубы.

Семироль шумно вздохнул:

— Бедные мои клиенты... если я не являюсь на процесс. Вот будет разочарование... Да... Мне было бы любопытно, Иrena, поглядеть на Толкователей. Вы правильно рассудили — если искать, откуда у Провидения ноги растут, Толкователей надо пошерстить прежде всего. Жаль, что я не успел...

— Почему вы ничего не делаете? — спросила Иrena.

— То есть?

— Ну, рыцарь, по крайней мере, ищет выход... А вы? Вы так и умрете — бездействуя, рассуждая?

— Простите, но я не собираюсь умирать...

Ирена с содроганием подумала, что адвокат-юрист спятил, все-таки спятил, не выдержал потрясений и перегрузок.

— ...А выход тут искать бесполезно, уж на что я с трудом передвигаюсь — а все-таки раза три все обошел... Странная пещера. Искусственная, как все мироустройство, я уже говорил... Даже, кажется, есть повторяющиеся фрагменты, как будто у дизайнера не хватило воображения... А рассуждаю я потому, Ирена, что у меня нога болит. Что, было бы лучше, если бы я валялся и стонал?

— Извините, — сказала Ирена после паузы.

— Да не за что... Возьмите гриб. Все вовсе не так плохо...

Новый звук нарушил тишину пещеры.

Тоже удар. Но не такой мощный, как звук обвала. Мягче и глушше, и сразу же вслед за ним серия новых ударов, будто раскаты, а затем такой звук, будто распоролся туго набитый мешок с фасолью и жесткие зернышки хлынули на цементный пол...

Ирена не могла понять, откуда у нее взялась такая ассоциация. Рука ее механически вцепилась Семиролю в плечо.

Звук не иссякал. Акустика пещеры странно искала его — казалось, шипит и шелестит одновременно отовсюду...

Потом в галерее мелькнул огонь; тусклый свет фонаря заставил Ирену болезненно соплюриться.

— Там... — Рек задыхался. — Госпожа Хмель... вода... речка пробила... промоину. Теперь...

— Долго осталось? — отрывисто спросил Семироль.

— Что?..

— Сколько времени пройдет, пока мы всплынем к потолку?!

Рек молчал. Глядел на Ирену, на ее застывшее бледное лицо, на округлившийся живот... Брови его застыли страдальческими значками «тильда».

Только сейчас, переваривая новость, Ирена впервые усомнилась в «братскости» его чувств. Да, Семироль был прав, когда саркастически хмыкал...

Рек смотрел. Фонарь вздрагивал в его руках. Он боялся, боялся неподобающим для рыцаря образом...

И, конечно, не за себя.

* * *

...Вода искала путь вниз. Подмывала стены, змеей сворачивалась во впадинах, цетинилась лохматой пеной; свет фонаря дробился на бурлящей поверхности, вода казалась угольно-черной, пена — бурой...

— Провидению не нравится... моя любовь к чужому гемоглобину, — хрипло сказал Семироль.

Он стоял, тяжело навалившись на свою палку. Вода заливала его туфли.

Ирена молчала.

Упырь-адвокат удивительно быстро приспособился к чужому мироощущению. Вот, оказывается, каково это — искать и находить причину всех событий в личном служебном списке, в блокноте Провидения...

— Моя доля тоже есть,— неожиданно сказал Рек, а он молчал так долго, что Ирена боялась забыть его голос.— Я тоже... на мне кровь людей из-под Высокой Крыши. На мне обман...

— Я не исповедник,— сухо сообщил Семироль. По счастью, Рек его не понял.

Вода прибывала. От стен то и дело отслаивались куски слежавшейся глины, обрушивались, порождая

воронки; огонек фонаря, в целях экономии прикрученный до минимума, не рассеивал тьму — наоборот, нагнетал панику...

— Где-то я это уже видел, — с отвращением сказал Семироль. — Какой-то фильм... Вы не помните, Ирена?

Она с удивлением поняла, что да, помнит. Тоннель, испуганные обреченные люди, прибывающая вода... Супермен, явившийся на помощь...

Если даже они с Семиролем говорят о разных фильмах, — суть не меняется. Картинка, уже виденная однажды, пусть мельком, в кино, страничка, прочитанная в забытой книжке... МОДЕЛЬ, сотканная из лоскутов вторичной информации. Мозаика, игра...

Вода прибывала.

— Идемте-ка отсюда, — сухо сказал Семироль. — У нас есть еще сухие места и некоторый запас времени...

Говорят, паразитка-медведка, бич огородников, роет свои ходы как раз с учетом затопления. Волнообразно. Глубокие участки чередуются с подъемами, и даже если огородник вздумает залить в нору раствор мыльного порошка с керосином, — медведка отсидится на незатопляемой «горке» и не станет хлебать отраву...

Пещера не имела преимуществ медведкиной норы. Вода свободно растекалась по галереям; видимо, сотрясение от взрыва нарушило хрупкий порядок земляных пластов, и речка, давно дожидавшаяся выгодного момента, не преминула сломать равновесие. Скоро чье-то плодородное поле неожиданно обрушится само в себя, на месте пашни будет овраг, а невезучее крестьянское семейство станет наниматься к соседям или вообще пойдет по миру...

Ирена тряхнула головой.

Нет. Логика — не та. Все случившееся определено человеческими грехами; Рек врал, нанимаясь в «приют для убогих», и применял насилие, спасая Ирену от лю-

дсй в черном. Семироль — ясное дело, сосал человеческую кровь. Крестьяне, те, чье поле скоро обрушится, тоже в чем-то провинились...

А может, наверху не пашня вовсе, а пустырь?..

Хорошо-хорошо, а в чем провинилась она? То есть, конечно, наивно считать ее безгрешной, но вот тяжелый, явный грех, приведший ее на грань гибели...

Может быть, это рассказ «О раскаявшемся»?.. Погодите!.. А тот, еще не родившийся, но уже почти человек, который находится В НЕЙ, — его Провидение вообще не берет в расчет?!

— ...вы меня слушаете? Я говорю, что по законам физики... в противоположность массе воды... прокол... инструменты... поток воздуха... Но все это вряд ли имеет смысл в этом бессмысленном мироздании...

Семироль говорил негромко, сквозь зубы, и большая часть сказанного ускользала от Ирениного сознания.

Рек молчал.

Самым высоким местом в пещере оказалась дорога к выходу. Вернее, тупик к выходу; обвалом поглотило и рисунок на стене, и отпечатки детских ладоней. Спасаясь от воды, рыцарь, вампир и женщина пришли к завалу из камней и глины; сюда поток явится в последнюю очередь, но и бежать отсюда — некуда... Собеседников завалит размытой землей — или они захлебнутся, побирахтавшись предварительно в ледяной воде...

Рука Семироля лежала на Иренином животе. Как будто намереваясь защитить...

Поймет ли ребенок, что умирает?

Вечные медицинские споры — с какого момента нерожденный червячок с хвостом и жабрами достоин называться человеком...

Неужели Провидение не видит, что вместе с тремя виновными губит совершенно невинное существо? Или

этот, неродившийся, виновен уже тем, что явится на свет вампиром?!

Вот он, ответ на Иренин вопрос Толкователю...

— Постарайтесь не нервничать, Ирена. Ваш стресс передается... адреналин в крови...

Она криво улыбнулась. Хорошо, умрем хладнокровно...

— Мы должны угодить Провидению,— сказал молчавший до сих пор Рек.

Ирена почувствовала, как дрогнула Семиролева рука.

— Мы должны... заслужить... заработать...

Слова давались Реку с трудом. Он никогда ничего не «зарабатывал» — он, бескорыстный, собирался нарушить обет...

По счастью, Семироль поймал его мысль на лету.

— Браво, рыцарь... Не законы физики, а законы Провидения... Ирена, вы меня слушаете? Я знаю, вы умеете хорошо соображать... но вы думаете слишком долго, а вода течет слишком быстро... Как в задачке о бассейне с двумя трубами... ... Господа присяжные, мы имеем трех человек и приывающую воду...

Зависла пауза.

— Четырех человек,— шепотом поправила Ирена.

— Четырех,— подтвердил Семироль после паузы.— И мы во что бы то ни стало должны выслужиться перед Провидением... как это делали те мерзавцы в приюте, про которых вы рассказывали... Думайте, Ирена, и вы, рыцарь, думайте тоже... Есть предложения?

Тишина. Звук приывающей воды.

Кто-то из них немедленно должен заработать награду. Створить большое добро. Адресно. Кому-то из своих близких. Большое, явное добро...

Ирена нервно хихикнула:

— Давайте я порежу себе палец, а кто-то из вас перевяжет...

— И скажет «бедненькая», — хихикнул в ответ Семироль. — Лучше поцелуйте рыцаря — вот это будет действительно гуманно...

Напрасно он так шутил. Ирена сжалась, как от холода.

— Лучше я убью упыря, — ровно предложил Рек. — Это будет колossalное добро — для всего человечества...

— ...если только Провидение не зачтет его как убийство. Не усугубляйте свою вину, подсудимый!..

Семироль осекся. Навалился на свой костыль. Помолчал; спросил другим тоном, деловито и сухо:

— Госпожа Хмель, вы проходили курсы медсестер? В институте должны были? Или когда получали водительские права — вас же учили элементарным медицинским манипуляциям, не так ли?

Она механически кивнула.

— Отлично... Перед вами пациент.

Она все еще не понимала.

— У меня был открытый перелом, — терпеливо пояснил Семироль. — Я так долго просидел без притока свежей крови... прошу прощения, без гемоглобина... и меня так изумительно лечили, что кость не срослась до сих пор. Теперь я регенерирую — и имею все шансы навек охрометь, потому что срастется она неправиль но... Ничего, что я так много говорю? Ваша задача, Ирена, — сломать то, что начало срастаться, сложить правильно, жестко зафиксировать. Доступно?

Она молчала.

— Только скорее, Ирена. Рыцарь подержит фонарь... Это будет настояще добрьо. Без дураков. Это вам не порезанный пальчик... Через неделю я смогу ходить. А через месяц буду танцевать.

— Будет заражение, и вы умрете, — холодно сказал рыцарь.

— Фигушки! — голос Семироля звучал почти весело. — У меня сейчас прилив сил и всепробивающий иммунитет...

— И волосы блестят, — сказала Ирена шепотом. Семироль расслышал.

— Да... и лицо холеное. Ирена, вам все ясно?

— Я не могу, — сказала она еще тише.

Будто в ответ на ее слова земля дрогнула, принимая груз очередной обвалившейся глыбы. Волна рывком преодолела расстояние до завала, потянулась лизнуть Ирениньи туфли — но не смогла, отступила, чтобы вскорости вернуться вновь...

— Я не могу, Ян. Без анестезии... Я лучше умру.

— Баба, — пробормотал Семироль.

— Да, баба... И потом, я не знаю, как правильно складывать кости. Я прогуливалась... занятия... по оказанию первой помощи... и вряд ли там учили... такому...

— Я сделаю, — сказал Рек.

Некоторое время было тихо, только трудилась, заливая норы, вода.

— Я умею... у меня нянька была костоправ. Она меня учила... Только...

Рек замолчал.

— Если бы я не был уверен, что выдержу это, — сказал Семироль вкрадчиво, — я бы не лез с инициативой... Держать меня не придется. Вы ведь это имели в виду, доблестный рыцарь? — Семироль выждал паузу. — Или возвращать здоровье проклятому упырю — подло по отношению к человечеству?

Рек молчал.

— Вот и чудненько, — Семироль сел ровнее, потянулся с плеч куртку. — Рубашечка не стерильна, ну да про иммунитет я говорил... Ирена, будете держать фонарь. В крайнем случае зажмуритесь — ребенку ни к чему такие стрессы... И живее, рыцарь, живее,

ради Создателя, доставайте из ножен свои... инструменты!..

* * *

Солнце лежало на песке. Солнце.

Солнечные пятна расплзались по траве, как разбросанные детали головоломки. В трех шагах горел костер, и пламя его было почти неразличимым среди наполнявшего мир света...

Ирена приподнялась на локте.

Впервые с того момента, как в темноте полу затопленного подземелья разверзлась косая дыра, впустившая рассветное небо...

Да что там — впервые с мгновения, когда треснула под рыцарским цепом не до конца сросшаяся Семиролова кость...

Вспоминание заставило ее судорожно втянуть воздух. Бедный ребенок, бедный малыш, он получает отравленную адреналином кровь, ей нельзя волноваться, нельзя, нельзя...

Впервые, с того самого момента, к ней вернулась способность видеть и думать.

Лес. Берег. Тишина, но не глухая, пещерная, — пронизанная звуками тишины ясного летнего полдня... Солнце. Все просто.

Она подползла ближе к костру. Легла, греясь одновременно в двух огнях — солнечном и рукотворном...

Проклятое Провидение. Безжалостное, безглазое, прямолинейное, как фельдфебель...

Она поймала на себе взгляд.

Семироль лежал, неудобно повернув голову. Из глаз его наконец-то ушла обморочная муть; вампир-адвокат смотрел на Ирену, и смотрел внимательно и ясно.

Она поднялась на четвереньки. Подобралась поближе, путаясь в рваном подоле. Села рядом.

— Ян?

Он прикрыл глаза жестом «да». Все, мол, в порядке, а вы зачем вспокоились?..

Нога его была с двух сторон зафиксирована плоскими, особым образом подогнанными палками.

Время не текло. Солнце висело в ажурных кронах, неподвижное и доброжелательное. Будто глаз уравновешенного, сытого божества...

— Мы обманули Провидение,— сказала Ирена шепотом.

Пришел от реки Рек. Бросил на траву связку крупных, незнакомых Ирене рыбин. Мельком взглянул на нее, на лежащего Семироля, отвернулся...

Ирена в который раз отдала должное мужеству бескорыстного рыцаря. Рек сделал вид, что и ожившая Ирена, и очнувшийся Семироль мало его интересуют.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

O

дин хозяин недосчитался монетки и подумал, что это служанка взяла ее... И поколотил служанку, а поскольку был выпивши, так и до полусмерти... На другой день рука у него попала в молотилку, и лекарь отнял руку по самое плечо. Чуть оклемавшись, стал хозяин думать, как умилостивить Провидение... и, желая вернуть руку, подарил свой дом вдове своего брата, которая жила с детьми в бедности и под чужой крышей... И вскорости откопал он на своем поле сундук, а на дне сундука — две золотые перчатки... И заплакал тот человек горестно и злобно: «Смеется надо мной Провидение... Нет насмешки горше, чем дарить перчатки безрукому!..» Другой — юноша — желал получить любовь прекрасной девы, и, чтобы пленить ее сердце, украл денег, и купил ей драгоценное кольцо... Но дева отвергла подарок, а Провидение за кражу наслало болезнь и лишило юношу мужских достоинств. Тогда, желая искупить вину, стал он подавать нищим, кормить сирот, и ни дня его не проходило без доброго дела... Провидение стало им довольно и в награду послало любовь прекрасной девы. И когда она пришла к нему на ложе, он заплакал горестно и

зло... потому что дева, даже самая соблазнительная, была ему без надобности. Смысл же моего рассказа таков: верша зло, не думай, что удастся умаслить сурое Провидение... чтобы не пришлось потом плакать!..

Рассказчик умолк. Собравшиеся в корчме переглядывались — уважительно, но хмуро, даже испуганно. Пущенная по кругу шапка вернулась, полная медных монет.

— Спасибо, добрые люди... Завтра расскажу вам про женщину, которая наносила себе раны, дабы родичи могли перевязать их... И про волка, что отвратился от мяса, желая заслужить милость Провидения. И про козла, который испортил огород и был наказан за потраву... Завтра, добрые люди. А сейчас у меня саднит в горле...

Рассказчик залпом осушил предложенный стакан, поднялся, опираясь на костыль, и удалился в дальнюю комнату,— те, кто видел его вчера, могли бы отметить, что сегодня он двигается куда легче и ловчее...

Во всяком случае, Иrena, шедшая следом, отметила.
Притворилась за спиной дубовая дверь.

— С приобретенцем,— сказал Семироль, сгружая монеты на стол, потемневший от времени и въевшегося жира.

Рек, неподвижно сидевший перед горящей свечой, промолчал.

Семироль уселся за стол. Придвинул к себе тарелку с холодной ветчиной, изъял из тайника бутылку темного вина. В одиночестве выпил; Рек по-прежнему молчал, Иrena присела на табурет напротив.

— Ну что, рыцарь-костоправ? — Семироль отставил бутылку.— Так и будем молчать?

Рек бросил на адвоката-вампира угрюмый взгляд. Семироль привольно откинулся на спинку стула:

— Я благодарен вам за поддержку, которую вы оказали в свое время госпоже Хмель... И особо благодарен за виртуозно проведенную хирургическую операцию. Вероятно, вы достойнейший из бескорыстных и бескорыстнейший из достойных...

Рек поднял голову:

— Мне надо поговорить с госпожой Иреной. Только с ней.

Семироль облизнул губы, будто подбирав с них остатки вина. Побарабанил пальцами по столу, кивнул:

— Ладушки...

Поднялся и вышел, негромко постукивая костылем.

Ирена смотрела на остатки ветчины. Ей не хотелось есть. Ни капельки.

— Я прошу разрешения оставить вас, госпожа Ирена... — Рек смотрел прямо перед собой.

Она ждала этих его слов. И все равно вздрогнула.

— Вы просили у меня помочи... в поисках двух людей. Одного из них... — Рек запнулся, — одного мы нашли... Вероятно, моя миссия исполнена.

Она все еще молчала.

Ей было страшно. Она привыкла иметь под боком если не каменную стену, то, по крайней мере, твердый поручень, о который всегда можно опереться, — молчаливого Река...

И хоть Семироль был во многих отношениях даже надежнее, — теперь ее почему-то страшила перспектива остаться посреди этого вывихнутого мира вдвоем с вампиром.

— Вы, — она слогнула, — вы все-таки подумайте, Рек. — Мы... с Яном... должны найти... еще одного человека... или... короче говоря, наши поиски не закончены. Меня ищут... — она перевела дыхание. — Мне будет не хватать вас, Рек. Честно.

Он посмотрел на нее — быстро, пристально. Отвернулся:

— Ваш... Отец вашего ребенка больше не желает меня видеть. Вероятно, он имеет на это право?

Она дернулась, как от пощечины:

— Рек... То, что связывает меня с Семиролем... думайте, что угодно. Но это не то, что вы думаете.

Он бледно усмехнулся:

— Откуда вы знаете, что именно я думаю?

В обеденном зале ворчала, насыщаясь, толпа. Кто-то тяжело прошел по коридору, что-то разбилось со звоном, где-то хлопнула дверь...

— Можете поверить, госпожа Ирена, мне тоже... видите ли. Продолжая... помогать вам, я нарушу обет.

Она не поняла, тогда он объяснил, улыбаясь, будто ребенку:

— Мое... служение вам перестало быть бескорыстным. Видеть вас ежедневно — награда, на которую я не вправе рассчитывать...

Все просто.

Они молчали еще минут десять, — наконец, без стука, не скрипнув дверью, явился Семироль. Перевел взгляд с одного лица на другое, хмыкнул; Ирена поняла, что ненавидит его, циника. Почти ненавидит.

— Завтра утром я трогаюсь в путь, — бесцветно сказал рыцарь.

Семироль кивнул, ни капли не удивленный:

— ...А мы остаемся — нашему будущему ребенку хватит острых ощущений...

«Нашему будущему ребенку». Это значит, что вампир передумал отнимать его у Иrenы?!

«Нашему будущему ребенку». Да что же такое подумал Рек в эту минуту, что глаза его сделались, как холодец...

— Вы не правы, Рек,— сказала она беспомощно.— Оставайтесь.

Рыцарь помедлил. Поднялся и вышел; беззвучно прикрылась дверь.

Пахло кислятиной. Еще свежим деревом и дымом,— но запах кислятины был сильнее, пробивался в щели, заставлял Ирену брезгливо морщиться...

Хотя после всего, что было,— уж какая брезгливость.

— Знаете что, Ян...

— Ирена, давайте наконец на «ты». Я устал...

Она вздохнула:

— Ян, вы... ты уверен, что люди из-под Высокой Крыши не идут за нами по пятам? И, если это так,— уж не встанете ли вы сами с мечом... или с такой вот шипастой вертушкой... на пороге этой самой комнаты?

— То есть ты предлагаешь оставить рыцаря из pragматических соображений? — после паузы спросил Семироль.— Похвальная рассудительность...

Ирене сделалось противно.

Семироль был прав. Ирена относилась к великодушному Реку исключительно потребительски — как к удобной, неприхотливой, подчас незаменимой вещи...

— ...но так называемые люди из-под так называемой Высокой Крыши... чтоб ей проходить поскорее... давно уже потеряли тебя из виду. А потому расслабься, не надо пороть горячку, думай, Ирена. У тебя есть время,— вот и думай, где найти твоего Анджея. Если не хочешь рожать в антисанитарных условиях...

— Тысячи женщин так рожают,— сказала она неожиданно для себя.

Вампир поднял бровь:

— Да? То есть такая перспектива больше тебя не пугает?..

Она отвернулась.

Ровно в пять утра под окнами закричит ишак. Она не знает, откуда взялся ишак на местной конюшне,— но в пять, перед рассветом, он дико закричит: «И-а!», звук этот ворвется в очередной ее сон. Ей будет сниться, что она дома, лежит на диване и гладит черепаху, и удивляется странному сну о бесконечных МОДЕЛЯХ, и вдруг под окном, во дворе — ишак...

И она проснется в холодном поту. Желая проснуться опять — обратно, в свою жизнь... Но — нетушки. Нельзя...

— Ирена,— мягко сказал вампир.— Думай. Какие есть мысли?

Она молчала.

Рек... Самый благодарный ее читатель. Самый... бескорыстный. Уйдет безропотно, оставив ей ее вину... провинность, которой на самом деле нет,— но черта с два Ирена теперь его забудет...

— Это очень тесный мир, Ирена. Очень маленький, компактный. Если понадобится, мы обойдем его весь... Мы найдем Анджея, не надо отчаиваться...

Ирена подумала, что Семироль сознательно упрощает. Найти Анджея — вовсе не означает решить проблему. Чем ближе она знакомится с МОДЕЛЯМИ, тем меньше ей хочется встречаться с моделятором...

— Темный Толкователь,— сказала она шепотом.

— Что?

— Темный Толкователь... Человек, который учит других обманывать Провидение.

Семироль с сомнением почесал переносицу.

— В отличие от своих «светлых» коллег,— Ирена бледно усмехнулась,— он не сидит под Крышей, он таскается по дорогам... в лучших традициях авантюрных романов. Неограниченное поле для экспериментов... Безумец. Как его найти, я не знаю.

Голоса в обеденном зале звучали все громче. Сейчас затянут песню... ага, вот и запевала. Голосок дребезжащий, но сильный — кажется, это одноглазый погонщик мулов, сидит в корчме третий день и, слушая рассказы сказителя-Семироля, по-детски округляет единственный голубой глаз...

В песне бесконечное множество куплетов. В качестве аккомпанемента звучат деревянные кружки. И снова ощущение где-то виденного и слышанного, неведомый классик однажды описал все это, и хор завсегдатаев корчмы пошел кочевать из книжки в книжку, из фильма в фильм...

— Я опоздала к началу триместра, — сказала Иrena буднично.

Семироль поднял брови, хотел что-то сказать, но в этот момент дверь открылась, пропуская припев бесконечной песни — и бескорыстного рыцаря Река, бледного, как непропеченный блин.

— Погоня?! — Иrena обнаружила, что стоит, сжимая в руках тяжелый подсвечник. Бродячая жизнь и черепаху научит хорошей реакции, вдолбит боевой рефлекс, когда еще ничего не понял, — но уже бежишь и стреляешь...

Рек молча покачал головой. Закрыл за собой дверь. Перевел взгляд с Иrenы на Семироля и обратно.

— Там... люди. Спрашивают Темного Толкователя...

Иrena все еще сжимала свой подсвечник. Язычки пламени спешно облизывали воск, горячие капли падали Ирене на подол.

— ...они решили, что человек, рассказывающий байки про Провидение... и есть Толкователь. Более того, — они говорят, что многие в округе уже знают...

Семироль поднялся. Обошел вокруг стола, взял у Иrenы подсвечник, аккуратно поставил на место.

— Это правда? — тихо спросил Рек.

— Что? — удивился Семироль.

— Вы действительно Темный Толкователь?

Бескорыстный рыцарь выглядел теперь гораздо старше своих лет. Белесые брови его сошлись в одну волнистую линию:

— Это... правда? Я все пытался втолковать им, что они ошибаются, но они... Госпожа Хмель! Это правда?!

Рек обернулся к Ирене. И Семироль тоже обернулся к Ирене; вампир-адвокат пребывал в явном затруднении.

— И говорили,— пробормотал Рек, как бы сам себе,— что сочинительница «Раскаявшегося» знается с Темным... а я не верил...

— Что, быть Темным Толкователем стыдно и недостойно? — небрежно спросил Семироль.

Рек посмотрел на него почти с ужасом:

— Нет...

Песня в обеденном зале все длилась. Куплетов через сорок наступит кульминация...

— Все нуждаются в адвокатах,— вампир философски поднял палец.— Даже если нет состязательной системы суда... даже если самого суда нет,— адвокаты все равно будут в цене, а тем более адвокаты хорошие... Правда, Ирена?

Они встретились глазами, и Ирена увидела, что кро-
вососущего юриста стремительно захлестывает профес-
сиональный кураж.

— Где эти люди, рыцарь? А ну, ведите-ка их сюда!..

* * *

Спустя несколько дней на Семироля посыпались подарки судьбы.

Нога его заживала даже быстрее, чем предполагалось. Лестница не скрипела под его шагами, в подклад-

ке куртки обнаружились потерянные монетки, хозяин корчмы был отменно вежлив, а в копченой рыбине, взятой из общей груды руками Семироля, обязательно находилась икра.

— Провидение восприняло мои экзерсисы как сотворенное добро,— удивленно признал вампир-адвокат.

Ни тогда, ни после Ирена так и не узнала, с какой проблемой пришли к Темному Толкователю двое — тощий мужчина и дородная бледная женщина. Уединившись с просителями, Семироль под утром дал им совет — и, как показала практика, совет удачный...

Спустя несколько дней в корчму явилась молодка с неприятными жесткими глазами. Семироль выслушал и молодку; попросил день на обдумывание и вечером выдал совет — тайный, и молодка осталась довольна, а Семироль, как показалось Ирене, был прямо-таки счастлив...

На другое утро путники убрались из корчмы. От греха подальше.

* * *

Рек пренебрег своим обетом. Рек остался; вероятно, это решение далось ему нелегко. Пришла на помощь жестокая необходимость; ведь ежу понятно — вздумай еж задуматься о подобных проблемах, — что в присутствии Темного Толкователя положение «сочинительницы Хмель» не сделалось безопаснее, скорее наоборот...

Рек счел, что нужен Ирене. Переступил через обет и остался.

Ирена радовалась решению рыцаря — и одновременно тяготилась им. Все труднее становилось делать вид, что ничего не происходит, что не было той его фразы — «видеть вас ежедневно — награда, на которую я не вправе рассчитывать...»

Рек держался подчеркнуто отстраненно. Официально. «Я здесь, пока я нужен,— говорило его бесстрастное бледное лицо.— Я уйду, как только надобность в моем присутствии отпадет...»

Семироль не протестовал. Адвокату-вампиру совершенно чужды были комплексы, по крайней мере так казалось со стороны. В любом селении — а весть о Темном Толкователе расходилась кругами — находились люди, тайно стремящиеся к нему на консультацию; они приходили под покровом ночи, скрывая лица под платками и капюшонами, стыдясь самих себя. Выработалась целая система паролей, которые все понимали, и трактирщик, заслышав их, бледнел, и одновременно в его взгляде появлялась почтительность...

Путешественники сделали большой круг, двигаясь как бы по ободу колеса, в центре которого лежал город. Несколько раз доводилось слышать указ о поимке злорадной сочинительницы Хмель — его читали глашатаи на базарах. Однажды случилось наблюдать публичное сожжение «противных Пророчеству писаний». Действо было жутковатое, с палачом в балахоне, с настоящим эшафотом, столбом и костром, вот только на гору пылающего хвороста брошены были совершенно посторонние исчерканные бумаги, частью бухгалтерские счета, частью школьные упражнения, и, чтобы заметить это, вовсе не требовалось орлиное зрение Семироля. Выслушиваясь перед Высокой Крышей, местные власти жгли макулатуру под видом «вредных рассказней», причем ни палач, ни собравшиеся на площади обыватели не умели читать...

Рек обнаружил повадки профессионального телохранителя. Спать он ложился на полу, поперек двери, с кинжалом под рукой; Семироль зубоскалил, и порой очень едко, Иrena скимала губы, удерживая себя от оскорбительного заступничества, но лицо Река остава-

лось вполне бесстрастным, — он потрясающе владел собой...

Они ехали от селения к селению, — но никто и нигде не слышал о человеке по имени Анджей Кромар. И во всем мире был один только Темный Толкователь — вампир-адвокат, воплотившаяся легенда. Первый и единственный, прочие — бесплотные отпечатки в человеческой памяти...

А однажды ночью, лежа без сна, Ирена впервые ощутила, как пошевелился внутри нее маленький человечек.

* * *

Теперь Рек шел впереди, ведя под уздцы их единственную лошадь. Следом бодрый мул тянул двуколку, в которой ехали Ирена и Семироль; ехать верхом адвокат категорически отказался: «Вы издеваетесь?! Эта бестия сбросит меня при первом же удобном случае, вам мало одного перелома?..» И Ирена, и Рек осознавали его правоту: животные сторонились Семироля, и, чтобы смирить их, требовались определенные усилия...

— Смотрите, — сказал Рек, и голос его напряженно дрогнул.

Стволы, до того забором стоявшие вдоль дороги, внезапно расступились. Ирена прищурилась.

Башня была высотой с пятиэтажный дом. Непонятно, кто и зачем возвел среди леса это колоссальное по местным меркам сооружение — не то пожарная каланча, не то сторожевая вышка, причудливый, даже изысканный силуэт, покрытые мхом камни... Двусторчатая приземистая дверь. Крыльца нет — дверь вросла прямо в траву...

Рек смотрел испытующее. В последнее время он очень редко позволял себе смотреть Ирене в глаза — зато теперь не отводил взгляда.

У самой башни, у поросшей хмелем стены, растопырила ветви огромная черная коряга. Высохшее дерево с обнажившимися корнями, находка для натуралиста-дизайнера, особенно если в его, натуралиста, хозяйстве найдется строительный кран...

Ирена прищурилась. Коряга походила на человека; одну руку, правда, обломило бурей. И, кажется, недавно — скол свежий...

Взгляд Река лежал на ее затылке, давил, как печать. Вроде бы бескорыстный рыцарь ждет ответа. Хотя вопрос так и не прозвучал...

Она вымученно улыбнулась.

Ее отношения с Реком-Шиповником превратились в сплошную запретную зону, зону тонкого льда. Она боялась обидеть его и боялась обнадежить, и еще был иррациональный детский страх, что он догадается — она не читала собственных рассказов...

Рек смотрел, ожидая, по-видимому, реакции, а в такие вот минуты Ирена соображала особенно медленно, особенно туго.

— Красиво,— проворчал Семироль.

Рек, наконец-то, отвел глаза. Тронул лошадь, продолжая путь.

* * *

— ...Помните, Ян, я говорила, что вы везде приспособитесь? Тогда я даже не представляла себе, до какой степени окажусь права...

Семироль молчал; жесткие волосы его блестели на солнце, глаза съто щурились, гладкой упругой коже позавидовала бы любая юная кокетка.

Неприятная догадка пришла, как толчок. Вероятно, Иренино лицо изменилось; во всяком случае, Семироль счел нужным ответить:

— Да.

— Что — «да»?

— Вы и сейчас не предполагаете, до какой степени оказались правы... да, я приспособился. Кажется.

На шее у мула размеренно тенькал медный колокольчик. Рек уехал далеко вперед, — как бы подчеркивая свою непричастность...

Впрочем, появившись на дороге препятствие, — бескорыстный рыцарь окажется тут как тут.

— Дороги тут спокойные, Ирена. И вообще — процент преступлений против жизни и собственности крайне низок... Кое-каких результатов ваш бывший муж добился.

Она усмехнулась через силу:

— Было бы обидно, если бы мы с Реком искали Темного Толкователя... и нашли вас. Я ведь однажды уже приняла вас за Анджея...

— Не забуду до гроба, — пробормотал адвокат себе под нос.

День стоял ясный и теплый — усредненное, очень комфортное лето. И безразмерное, как песня в трактире.

— Ирена, вы только посмотрите, как красиво. Тот вот лес... И горы на горизонте... Живописная моделька, правда?

Она машинально кивнула.

— Если вы правы, Ирена, — голос Семироля чуть изменился, — если вы правы, и мы всего лишь перешли из одной МОДЕЛИ в другую... В конце концов, какая разница? Даже если мы не сможем вернуться...

— Ян.

— Да?

— Я-то пришла не из МОДЕЛИ... Я должна вернуться домой.

Поскрипывали колеса. Подергивал ушами бодрый мул.

— Ты уверена, Ирена? Что место, откуда ты пришла...

— Да! Да, я уверена, и не надо этих намеков... Я знаю моделятора, Ян, я отлично его знаю, и тот мир, где я родилась, создал не он!.. Не надо, Ян, я не желаю об этом говорить...

Тишина. Поскрипывают колеса.

— Ирена... Там, у себя, ты всего лишь начинающий скромный автор. А здесь — действительно властительница... Наверное, здесь ты классик. Гений. Я бы не поверил, если бы сам не слышал, как они шепчутся о «Раскаившемся»... Подумай.

Ей сделалось страшно.

Все эти дни, все эти ночи она жила верой в скорое возвращение. Ну, пусть не такое скорое,— но НЕПРЕМЕННОЕ; цель была хоть и далекой, но совершенно ясной — найти Анджея, найти выход...

А теперь единственный человек, знающий правду об этом мире, выдергивает из-под ее ног опору. Если бы он спросил, возможно ли вернуться, она не испугалась бы так... но он спрашивает, СТОИТ ЛИ возвращаться!..

— О чём мне подумать? — спросила она так тихо, что не услышала своих слов.

Семироль услышал.

— У тебя есть к кому возвращаться?

Она прикрыла глаза.

Сэнсей, черепаха... По большому счету, черепаха даже не поймет, что ее переселили под другую лампу. В школьный живой уголок, например. А Сэнсей... Да, Сэнсэя жаль, но ведь Ирены нет давно, он успел смириться...

А кто еще ее ждет? В том, настоящем мире? Карателица? Профессор восточной литературы? Студенты? Да, они ее любят, но ведь в любом случае забыли бы — через год после выпуска уже не вспомнят...

А ее рассказы... бледная тень того, что в свое время дал ей почитать Семироль. Не говоря уж о «Раскаявшемся»...

Что скажете, господин Петер?!

Она кисло улыбнулась своему воспоминанию:

— Здесь нету кофе, Ян...

— Найдем,— серьезно пообещал Семироль.

— Ян, ты действительно...

— Для начала найдем себе пристанище. Раздобудем акушерку... Вот, скажем, наш рыцарь Рек прекрасно спрятится. Он, вероятно, многому выучился у своей нянечкистоправа...

Она хохотнула. Смех получился жалким.

— Ян, мне не нравится так шутить... Мы поселимся в диком замке в горах... О, черт, я уже что-то такое читала, читала, читала!.. А через пару месяцев со всей округи сбегутся крестьяне с осиновыми кольями...

— Не сбегутся,— голос Семироля прозвучал так уверенно, что Иrena осеклась.— Не сбегутся... Я знаю, как решить этот вопрос.

— Ты его уже решил,— сказала Иrena шепотом.— Очень умно... хитрецов, что хотят обмануть Провидение, ты...

— ...решив обратиться к Темному Толкователю, они уже переступают некую черту... И сделать этот шаг им куда труднее, чем подставить шею. Нам трудно понять, но такие здесь нравы... Да, я беру натурой. И Провидению плевать — он воспринимает это не как злодеяние, а как расплату. И с наивностью идиота еще и вознаграждает меня — за доброе дело... Судья, подобный этому Провидению, не продержался бы у нас в департаменте и месяца!..

Тускло позвякивал колокольчик.

Ирене было холодно. Холодно, стыло... тошно.

— Паразит,— сказала она шепотом.

- Что?
- Паразит... существо... паразитирующее... на других.

И потрогала свой живот. Семироль молчал.

- Ты по-прежнему хочешь отнять у меня ребенка?
- спросила она медленно.

— Мы дополнительно обсудим этот вопрос...

— Мы ничего не станем обсуждать...

Мул испуганно фыркнул. Навстречу, из-за поворота, вылетел верхом на лошади Рек-Шиповник:

— Засада... Поворачивай! Засада...

И, покрывая его слова, налетел из ниоткуда топот многочисленных копыт.

* * *

...Поначалу Рек держался,— но под вечер впал-таки в беспамятство. Две глубоких раны и, по-видимому, сотрясение мозга — в таком состоянии человека везут в реанимацию, а вечерняя сырость, холод и подстилка из рогожки — не лучшие врачи...

— Что мы можем сделать, Ян?

Семироль молчал.

— Но мы ведь можем что-нибудь сделать?

В минуту опасности бодрый мул проявил себя вполне достойным образом. Правда, роль его только в том и заключалась, чтобы бежать, бежать без дороги, нестись через редкий лес. Не опасаясь за целостность двуколки, уносить с поля битвы поверженного рыцаря, испуганную женщину и деловитого упыря...

В свое время Ирена избегала описаний битв. Она понятия не имела, что чувствует человек, вспарывая противника заостренным железом. И, даже начитавшись соответствующих книг, не умела употреблять к месту красивые бойцовские термины; обнаружив в сочинении

коллеги сцены битвы героя против двадцати пяти варваров, она снисходительно усмехалась и пролистывала две страницы вперед. Или вовсе откладывала книгу...

Рек былся один против восьмерых. Просто потому, что ничего другого ему не оставалось,— Семироль не успел завернуть мула с дороги в чащу, всадники, высыпав из-за поворота, увидели двуколку и устремились прямо к ней... Вернее, устремились бы, не встань у них на пути бескорыстный рыцарь.

Вряд ли Ирена сможет когда-нибудь описать эту битву. Слишком быстро чередовались события, ее скорости восприятия оказалось явно недостаточно... Семироль, прихрамывая, только еще добежал до поля боя, а нападающие уже отступили — их было пятеро, все ранены, а еще трое остались лежать на дороге, в пыли, вперемешку с брошенным оружием, — о, Создатель, успела подумать Ирена, что же скажет на это Провидение...

Рек тоже отступил. Семироль помог ему выбраться из-под лошадиного трупа.

Двуколка заскрипела, сообщая, что не вынесет троих; упыгрь-адвокат хлестанул мула, и началась гонка с запутыванием следов, с обламыванием колесных спиц, на грани катастрофы...

Очень скоро Ирена поняла, что, если не перевязать рыцаря немедленно, — гонка во многом потеряет смысл.

Они остановились под защитой какого-то бурелома, Ирена опустошила дорожную аптечку и, в лучших традициях авантюрного романа, пустила на бинты собственную нижнюю юбку. Минуту посидела, глядя прямо перед собой, вспоминая картинки из учебника по оказанию первой помощи; рыцарь мало походил на жертву автокатастрофы, а курсы военных медсестер Ирена не проходила...

Рек все еще держался. Улыбался и говорил, что Ирене зачтется доброе дело. И что у Высокой Крыши,

возможно, пропадет охота заполучить ее к себе на разговор...

— А может быть,— задумчиво сказал Семироль,— они и впрямь хотят всего лишь побеседовать? Отсылают во все стороны шпионов, гоняются и ловят — затем только, чтобы ты прочла им лекцию по психологии творчества?..

Ирена мрачно взглянула на него,— но не ответила ни слова; через несколько часов рыцарь сделался горячим, как котел, и впал в беспамятство.

Семироль и Ирена разожгли костер, укутали рыцаря в его же плащ и сели рядышком, потому как сделать больше было, в общем-то, и нечего...

— Ему нужны антибиотики,— сказал Семироль после получасового молчания.

Ирена вспомнила обширное хозяйство доктора Ника. Вздохнула сквозь зубы.

— Будет жаль, если он умрет,— задумчиво сказал Семироль.— В конце концов... чтобы восстать против фундаментальных законов мироздания, надо быть... короче, он заслуживает уважения.

Ирена молчала. Семироль покосился на нее, вздохнул тоже:

— Провидение должно, по идеи, уничтожать таких, как он. Просто чтобы не вертелись под ногами, не раскачивали лодку... Заметь, наибольшая стабильность в этой МОДЕЛИ достигается бездействием. Ни заслуги, ни вины...

— Ты же юрист,— сказала она неохотно.— «Преступное бездействие» — вполне устоявшийся термин...

— Но ведь это в критических ситуациях... Например, я вижу, как старушка хочет перейти через улицу. Я могу помочь ей, а могу не помогать... Провидение сочтет это преступным бездействием? Особенно, если старушку, к примеру, сбьет грузовик?

— Здесь нет грузовиков, Ян,— Ирена через силу улыбнулась.

— А это тоже вопрос... зачем твоему Анджею понадобилось устраивать здесь фальшивое средневековье?

— Он такой же мой, как и твой,— привычно огрызнулась Ирена.

Семироль покал плечами:

— Думаю, это упрощение, специально для чистоты эксперимента... Ирена, а...

Он запнулся. Поморщился; подкинул веток в огонь, потрогал правое дергающееся веко:

— Ирена... Та, с позволения сказать, МОДЕЛЬ, которую я привык считать миром... тоже упрощена?

— Не знаю,— сказала Ирена честно.

Семироль помолчал. Отблеск костра делал его лицо моложе и смуглее, и, пожалуй, благороднее, чем при свете дня.

* * *

С восходом луны у Река начался бред.

Он бормотал то громче, то тише, то невнятно, то явственно; Семироль засыпал и просыпался. Ирена сидела без сна.

— Сажайте рассаду... на грунт... пора...— шептал Рек.

Ирена вспоминала, как он прогнал от нее цепкого лавочника, решившего отработать свое счастье. И как выхватил старую женщину с пути несущейся чудовицкой бочки...

— Не стойте так близко, все вы...— требовал Рек сквозь стиснутые зубы.— Отойдите... отойдите...

Ирена укутывала его плащом, трогала пульс, трогала лоб, касалась пропитанной кровью повязки.

Она вспоминала, каким было его лицо, когда он узнал правду об Иренином ребенке. Там, в пещере,

за несколько часов до неминуемой гибели, в почти полной темноте — фонарь едва горел, а поди ж ты, Ирена прекрасно запомнила выражение его лица, наверное потому, что никогда больше она не видела Река ТАКИМ...

— Я не они,— бормотал Рек.— Я не они... я не буду, я не стану... Посмотри в себя, сказала ящерица, ты способен изменять цвет... Ты такой, как трава, ты такой, как земля... Но посмотри внутрь себя... ты не умеешь раскаиваться... ты не человек. Хамелеон... сказал... что в моем раскаянии... разве оно способно... кого-то согреть или накормить...

Ирена склонилась ниже. Взяла в свои руки ладонь бескорыстного рыцаря, стиснула зубы, потому что от запаха крови ее мучило.

— ...Так, сказала ящерица, Провидение вынули из тебя, как сердце... но вынутое, оно продолжает биться... на берегу и без воды... А ты пуст и недвижен, ты не умеешь раскаиваться... Ты...

Рек говорил медленно, запинаясь, широко открыв глаза — будто читая с листа. Будто текст, однажды написанный, много раз прочитанный, с трудом добытый, а потом слизанный холодной водой с размокшего бумажного листа,— как будто этот текст восстановился теперь в ночной темноте, в двадцати сантиметрах от осунувшегося Рекова лица.

— ...И он смеялся. Он сказал: «Каждому по делам его. И ваше счастье, что я не учитываю также и помыслы... И в страхе замерли ящерица и хамелеон, а Создатель прошел мимо черного дерева к башне, туда, куда указывал деревянный идол... и вошел в ворота, и они закрылись за его спиной...»

Рек выдохся. Тихонько застонал. Прикрыл невидящие глаза.

Луна висела над лесом. Метались летучие мыши, беспорядочно и непостижимо, и, как показалось, панически...

Ирена сидела над поверженным рыцарем, и мысли ее метались, подобно летучим мышам... нет. Мысли ее тянулись, как улитки по мокрому стеклу.

Она должна сообразить. О чем-то вспомнить, что-то сопоставить, и почему-то ей кажется, что от этого зависит сейчас жизнь Река...

Ползла по небу луна. Ирена знала, что шестеренки ее мыслей, раз запущенные, уже не остановятся. Крючок за крючок, зубец за зубец, стрелки доползут до назначенной отметки,— и, как фигурка на старинных часах, из заржавленных воротец со скрипом явится ПОНИМАНИЕ...

Другое дело, что это может произойти через месяц или два. Безнадежно поздно...

Раскаявшийся. Хамелеон. Ящерица. Насмешливый Создатель. Может быть, все экземпляры ее последнего рассказа стерты, исчезли с лица земли,— и остались только Рек, только его бред, его память, хранящая обрывки такого важного текста...

Она должна подумать. Нужно время, и тогда...

Башня.

Смотрите, сказал Рек. И смотрел сам. Но не на башенку — на Ирену... Очень внимательно смотрел...

«И в страхе замерли ящерица и хамелеон, а Создатель прошел мимо черного дерева к башне, туда, куда указывал деревянный идол... и вошел в ворота, и они закрылись за его спиной...»

Она давала Реку напиться. Запекшиеся губы раненого упускали воду, капли стекали по щетинистому подбородку, по шее — на рогожу...

Башня.

* * *

День они провели в зарослях, не подалеку от источника. Рыцарь ненадолго пришел в себя; пытаясь соорудить на костре нечто вроде грибного шашлыка, Ирена постоянно ощущала на себе его взгляд. Не сухо-сосредоточенный, как прежде, — грустный, очень теплый, внимательный взгляд...

Ирена маялась, желая расспросить Река о башне — и не решаясь. Напрасно, в общем-то, маялась, — раненый все равно не мог говорить...

Потом Рек вернулся в забытье. Семироль заново перевязал его раны, и Ирена, стиснув зубы, выстирала в ледяной воде заскорузлые бинты. Кто знает, сколько еще придется их стирать...

— Он сильный парень, — сказал Семироль. — В общем-то, и раны не такие опасные, он бы справился и без антибиотиков...

Семироль замолчал, и в молчании его читалось несказанное «но».

— Но?.. — спросила Ирена.

— Но Провидение очень уж на него обозлилось. Боюсь, как бы...

— Ясно. Можешь не продолжать.

Весь день ее преследовали ящерицы и хамелеоны. И назойливая, как дятел, мысль: вспомнить... вспомнить... сообразить...

Она не спала вторые сутки. Перед глазами плывали цветные пятна; ночь принесла вместо облегчения страх.

— Сорвать... — бормотал Рек. — Красный... в траве... из него исходит... вытекает... сорвите его... цветок... он от крови... сорвите, сожгите...

— Ян... он бредит.

— Что я могу сделать?

— Не знаю...

— Успокойся, Ирена. Если ему суждено выжить,— выживет... Подумай о ребенке... Спи.

Ирена отошла к костру. Протянула руки над мерцающими угольями.

Башня.

Закутаться в плащ — и спать до рассвета. Циничный Семироль прав,— она ничего не изменит, она должна думать о ребенке...

Башня.

Высотой с пятиэтажный дом... Нет.

На письменном столе. Бронзовая... Коричневая с прозеленью. Подсвечник в виде башенки, подсвечник, извлеченный Анджеем с дальней полки антикварного магазина. Внутри зажигается свечка — на лица гостей ложатся полукруглые теплые пятна... «Как красиво, Ирена... Как оригинально...»

КАК ОНА МОГЛА НЕ УЗНАТЬ ЕГО СРАЗУ?!

Башня-подсвечник. И рядом с ней на шкафу — деревянная фигурка какого-то забытого полководца, властно указывающего своей несуществующей армии путь к победе... Анджей, вытри пыль... Надо убрать на шкафу — столько хлама... По-настоящему красивые вещи теряются...

Ирена на четвереньках отползла от костра. Казалось, ее сейчас стошнит. Головокружение...

— Ян...

Семироль проснулся моментально и беззвучно. Взял ее за плечи. Блеснул в темноте белками:

— Что?..

— Ян... — Ирена слизнула скатившуюся на подбородок слезу.— Я знаю, где выход... из МОДЕЛИ. Где ворота.

* * *

В любом селении находились охотники оказать помощь раненому. Ирена смотрела на них с невольной брезгливостью, даже и не замечая, что уподобляется при этом бескорыстному рыцарю.

Рек почти не приходил в себя.

Тяжелораненым не следует путешествовать в двухколке. Для рыцаря — это бесчестье, а для ран — опасность... Любой самозванный лекарь готов был это повторить при первой возможности. Ирена не слушала лекарей.

— Нужны антибиотики, Ян... настоящая медицина... Здесь у него нет шансов... Надо скорее...

Они сбились с дороги. Потеряли день. Наверстали. Заканчивались деньги, не хватало продуктов, Рек таял, уходил все глубже в бред, но отрывков из «Раскаявшегося» Ирена больше не слышала ни разу...

Потом они въехали в густой сосновый лес. Стволы забором стояли вдоль дороги, и Ирена закусила губу, потому что до заветной цели оставалось чуть более часа пути...

— Нас преследуют, — сказал Семироль, обернувшись.

Дорога была пуста. И ни звука, кроме синичьих переговоров и отдаленной кукушки...

Семироль хлестанул мула.

— Ирена, спокойно, да? Ты точно знаешь, куда идти?

— Мы войдем вместе, — сказала она испуганно. — Мы войдем вместе... Канал... Он для меня... Но он выдерживает... того, кто близко... как в сказке про девочку и серебряные башмачки... тот, кто держался за нее, тот...

Она молода и молода чепуху, и с ужасом понимала, что не может остановиться, в то время как отдаленный топот копыт различим был уже совершенно явственно, для этого не требовался утонченный слух Семироля.

— Ян, скорее... Ну скорее, Ян!.. Мы вернемся... все будет хорошо... Мы просто исчезнем на глазах этих дураков, вот смешно будет, вот... скорее, Ян!!

Колеса прыгали по неровной лесной дороге. Ирена удерживала голову Река, и все равно рыцарь раз или два ударила затылком...

Этот мул просто не умел бежать быстрее. Хоть забей его на месте.

— Ирена, спокойно, я говорю... Если увидим, что не успеваем,— побежиша вперед, я постараюсь прикрыть...

Подъем. Спуск. На холм вылетают, будто возникшая из-под земли, пятеро всадников на высоких конях...

Ирена ударила локтем. Больно.

— Есть! — рявкнул Семироль.

Стволы расступились. Ирена невольно разинула рот; пятиэтажная башня, бывший подсвечник. Перед ним — корявая фигура полководца, только указующую руку безжалостно обломала буря...

На мгновение она ощутила себя пластилиновой игрушкой на том же шкафу. У Анджея была одна такая игрушка,— подарила, кажется, какая-то поклонница...

Ворота.

— Ирена!!

Двуколка остановилась. Отвалилось колесо, покатилось замысловато, петлями, Ирена успела придержать голову Река, маленький экипаж накренился, вываливая путников в пыль...

Откуда у нее взялись силы? В ее-то положении, когда нельзя таскать тяжелое?!

Она подхватила Река под мышки. Ноги его волочились по траве, голова запрокинулась; глаза, прежде мутные, вдруг широко раскрылись, Ирена поймала совершенно осмысленный, удивленный взгляд...

— Бросай его! Уходи!

Она тащила.

На поляну вылетели всадники. Рассыпались полукольцом, придержкали лошадей...

— Именем Высокой Крыши!..

Они будут официальны и вежливы. Они не хотят лишний раз гневить Провидение.

— Именем Высокой Крыши, сочинительница Хмель, остановитесь!

Семироль обернулся. Ирена успела встретиться с ним взглядом; потом он коротко взмахнул рукой — уходи, мол...

— С дороги!

Семироль прыгнул.

Все пять лошадей завизжали и шаражнулись, и один из преследователей не удержался в седле, грязнулся в траву... Лошади бились и поднимались на дыбы, лошади в ужасе пятились от адвоката; в какой-то момент Ирене показалось, что можно перевести дыхание. Что Семироль сейчас догонит ее, и они вместе подхватят Река и уйдут в ворота, и секунду спустя ввалится в лабораторию господина Петера, и эксперты, обалдевшие от постоянного кофе, эксперты, в несвежих от долгого ожидания воротничках, отшатнутся и загалдят, защелкают клавишами компьютеров...

Преследователи спешились. Теперь они принимали Семироля всерьез. И шли на него стеной, и лица у них были белые и плоские, а лица Семироля Ирена, на свое счастье, не видела...

— Упырь! Упырь!! — тот, что выпал из седла, с трудом поднимался на ноги.

Рек пошевелился и застонал. Ирена застонала тоже. Наткнулась на камень и поранила ногу, а потом запнулась о сухую ветку под черной корягой,— когда-то ветка была рукой, указующей на двери...

Один из преследователей догнал Ирену в трех шагах от двустворчатых дверей. Кажется, она его узнала. Это

был тот, что оплошал в «приюте для убогих»; теперь он хрипло дышал, не сводя с Ирены ненавидящего взгляда, и если бы взгляд имел свойство материализоваться,— Ирене никогда не сойти бы с места...

— Через его плечо она на мгновение увидела схватку на поляне. Двое сцепились не на жизнь, а на смерть, и рядом лежало безжизненное тело третьего, а четвертый заносил меч, примёриваясь, как бы ударить, чтобы не убить товарища...

Показалось ей или нет, что один из сражавшихся вцепился противнику в горло?!

— Сочинительница Хмель,— хрипло сказал тот, что наступал на Ирену.— Именем Высокой Крыши...

Рек не то застонал, не то зарычал — слабо, сквозь зубы. Ирена поняла, что не сделает больше и шага.

Что даже добравшись до двери, не успеет ее открыть...

Преследователь держал наготове осмоленную веревку.

— Провидение не простит,— глухо сообщила Ирена.

Человек в черном свел брови:

— Что?

— Не отработаешь! — выкрикнула она истерично.— Не откупишься! Провидение тебя за это...

Темные глаза сузились:

— Тебе ли, сука, говорить о Провидении?!

Чужая рука ухватила Ирену за плечо. Нападающий переступил через Река, поймал Ирену за запястье, дернул на себя...

И захрипел. Опрокинулся назад, пытаясь сбросить с горла чьи-то неестественно длинные пальцы.

— Ирена, уходи!..

Семироль был с ног до головы залит красным. Из-под правой ключицы торчала тонкая деревянная палка — будто шампур для шашлыков...

Они встретились глазами. На долю секунды — прежде чем на плечах вампира-адвоката повисли сразу двое уцелевших врагов...

— Уходи!! Сохрани...

Она шагнула назад, на последние несколько сантиметров подтягивая тяжелое тело Река, ожидая встретить лопатками кованое железо закрытой двери...

Темнота.

Острый запах кошачьей мочи.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

П

о широкому изгибу трассы...

У Ирены подкосились ноги. Она села — на упругую подстилку из очень густой, длинной, желто-коричневой высохшей травы.

Трасса, изогнутая полукольцом. Развалины старой дороги. Кое-где растрескавшейся. Кое-где обвалившейся. Совершенно пустынной...

Рек лежал на спине, и глаза его, глядящие в небо, были осмысленными.

Ирена обернулась.

Две бамбуковые лыжные палки, воткнутые в холм в двух метрах одна от другой. Трепещут на ветру ременные петли для рук. На одной палке треснуло пластмасовое кольцо, на другой — кольца вовсе нет...

— Ян?!

Она шагнула назад. Встала в хлипких бамбуковых воротах, ожидая... чего?

Рек прерывисто вздохнул.

Шелест сухой травы. Роща, лишенная листьев. Высоко в небе — размазанное бесформенное облако...

Она опустила взгляд.

Ес дом стоял там, где прежде. Ни улицы, ни соседей, ни колодца, ни водонапорной башни — только Иренин дом, бочкообразный странный, незнакомый, но все-таки, безусловно, ЕЕ дом. МОДЕЛИ могут сменять друг друга в произвольной последовательности,— Иренин дом останется на том же месте. Как точка отсчета...

Рек смотрел на Ирену — без удивления, устало. Происходящее было для него всего лишь новым бредом. Ему видится, что он лежит под незнакомым небом на густой скрипучей траве и нет ни башни, ни коряги, ни людей из-под Высокой Крыши...

— Ян,— шепотом сказала Ирена.

«Сохрани»...

Она с ужасом посмотрела на свой живот. Потом — вниз, на пустынную дорогу, на одинокий дом...

На Река-Шиповника, бескорыстного рыцаря Река, который оказался в ненужное время в ненужном месте...

Хоть здесь-то, подумала Ирена угрюмо, Провидение до него не дотянется?..

* * *

Она оставила Река на холме. Устроила его поудобнее, так, чтобы склон защищал от ветра.

Проклятая юбка, сразу ставшая неуместной, привычно цеплялась за все сучки и камни.

Забора нет. Двора нет. Только дом.

Она обхватила себя за плечи.

Дом действительно походил на бочку. Огромную железную бочку, лежащую на боку, до половины вросшую в землю. Сооружение было настолько старым, что покатые стены обильно поросли травой — до самых окон...

Окна походили на толстые очки. Такие же маленькие, круглые, мутные.

Ирена облизнула сухие губы

Железная туша пестрела заплатами. То тут, то там
поблескивали тусклые прыщики заклепок. Вокруг каждого окна заклепки замыкались колыцом...

— Самолет,— сказала Ирена вслух.

Более всего Иренин дом напоминал кусок фюзеляжа с отрезанными носом и хвостом. И без крыльев. Самолет, нарезанный, подобно колбасе, зарывшийся в землю, поросший сухой травой...

Спотыкаясь и путаясь в юбке, Ирена обошла сооружение по кругу. За колючим кустарником — безлистым, трескучим — пряталась дверь, квадратная, обшитая железом, наполовину приоткрытая...

— Это мой дом,— сказала Ирена невесть кому.— Я ведь имею право войти?..

Ребенок в ее животе чуть шевельнулся. Чуть-чуть.

— Это мой дом! — повторила Ирена почти с отчаянием.

Но входить не стала.

* * *

Ночь немногим отличалась от дня — светлая, тихая и нехолодная. Ирена, все силы которой ушли на то, чтобы оттащить Река вниз, к дороге, спала крепко и без сновидений.

Проснулась оттого, что Рек смотрел на нее.

Он полулежал, приподнявшись на локте. Лицо его, прежде бледное до синевы, впервые за последние дни приобрело почти нормальный цвет.

«Он сильный парень... В общем-то, и раны не такие опасные, он бы справился и без антибиотиков...»

— Здесь нет Провидения, Рек,— сказала она шепотом.

Он не поверил.

Для него это звучало столь же убедительно, как если бы она сказала — «здесь нет неба»...

Поднялось солнце. Мягкое, подернутое дымкой. Не горячее, но, в общем-то, сойдет...

— И здесь вообще ничего нет,— сказала Ирена упавшим голосом.— И никого... Моделятор устал.

* * *

— ...И еще у меня была собака, Сэнсей... И черепаха. От черепахи нет никакого толку — просто она мордой похожа на рыцаря в латах... не обижайся, Рек. Я не то хотела сказать. На рыцаря, как их рисуют в книжках... Отстраненная, совершенно бесстрастная морда. Успокаивает... Черепаха даже на имя не отзывается, потому у нее и нет имени...

— Вы жили совсем одна?

— Но мы же на «ты», Рек... Я и говорю — со мной жили пес и черепаха...

— Не понимаю,— беспомощно сказал Рек.— А вам-пир?

— Вампир...

Ирена вздохнула.

Если эта МОДЕЛЬ существует в стандартном режиме десять к одному,— там, где остался Семироль, не прошло еще и суток.

Возможно, Ян все еще умирает на осиновом колу...

А возможно, ему плевать на осину. Возможно, он давно уже перебил нападавших и присвоил их гемоглобин. И пытается теперь откупиться от Прорицания...

Она погладила живот. Последние дни отпрыск вел себя очень мирно — если и шевелился, то только вечерами, перед сном...

— Я должна найти одного человека, Рек. Последнее время я только и делаю, что ищу...

— Анджея Кромара?

— Да, Рек...

Она откинулась на спинку кресла.

...Войти в собственный дом оказалось до тошноты страшно,— но, переступив порог, Ирена не пожалела. Ничего, что в прихожую нанесло земли и песка через приоткрытую дверь, ничего, что здесь шуршала под ногами все та же высохшая трава,— зато дальше, за коридором, по которому Ирена прошла с содроганием, обнаружилось странное, но пристойное жилье, показавшееся измученной Ирене просто верхом комфорта.

Здесь нашлась аптечка с запасом перевязочного материала. Лекарства тоже были, но в ампулах без маркировки, а значит, совершенно бесполезные; впрочем, выйдя из-под контроля Провидения, Рек явно пошел на поправку, и стерильной перевязки оказалось вполне достаточно...

На кухне имелся наполовину полный газовый баллон. Остатки хлеба в хлебнице, едва ощутимый запах тления, макаронная пыль в стеклянной банке, еще какая-то бывшая снедь, которую пришлось немедленно выбросить...

И целый ящик консервов. Как будто прежние жильцы — тут Ирена усмехнулась, потому что прежним жильцом была как бы она сама — заранее опасались перебоев со снабжением...

Компьютер не работал. Папки для бумаг были пусты — только в одной сохранился наполовину заплесневелый листок с косыми небрежными строчками: «В доме никого нет. Кресла не синие, а коричневые. Дверь открыли ломиком. Собака не злая... и неухоженная. Черепахи нет. В доме кто-то жил».

Да уж...

Она устроила Река в собственной спальне. Рыцарь почти самостоятельно добрался до кровати, во всяком случае, держался вертикально и сам переставлял ноги... Ирена потом полчаса переводила дыхание.

Она шаталась от усталости, — но на душе у нее было почти легко. Может быть, потому, что, наконец-то, убрался прочь кулак Провидения, занесенный над головой? Или потому, что она впервые за много дней оказалась в доме, который с полным правом могла считать своим?..

«Сохрани», сказал Ян.

— Да,— бормотала Ирена, слоняясь по неизвестному заброшенному дому.— Да, да, да...

Входную дверь так и не удалось закрыть. Заклинило.

— ...Мне говорили, Рек, что найти Анджея — проще простого... Я дорого расплатилась за это заблуждение. Триместр начался, а я все еще не на работе... Карательница будет недовольна. Студенты... их, конечно, хлебом не корми, дай прогулять пару... Но всему же бывает предел...— Она запнулась.— Рек. Ты выздоровеешь, и мы попытаемся... Нет. Это бессмысленно.

Она погладила мягкий подлокотник.

— Что бессмысленно? — осторожно спросил бескорыстный рыцарь.

— Все равно мне надо идти в отпуск,— сказала она, глядя в высокий изогнутый потолок.— По уходу за ребенком... и Карательнице придется смириться... Рек, теперь уже я начинаю бредить. И это мне даже нравится... Нет, не вставай!..

Он не послушал. С трудом поднялся, подошел, присел на подлокотник, взял ее за руку:

— Ирена... А мы вообще-то живы?..

* * *

День их развода был неподобающим солнечным. Ирена нарядилась в лучший костюм, всем своим видом желая показать, что идет на праздник.

Анджей опоздал. Явился в Дом Регистраций на полчаса позже, погруженный в совершенно посторонние мысли. Он ничего никому не хотел демонстрировать,— все и так видели, что предстоящий развод для него не более важен, чем покупка нового зонтика.

Вся процедура оказалась простой и до странности легкой. И скорой — почти такой же скорой, как свадьба...

Она на минуточку зашла в уборную — и неожиданно для себя выплакала целый литр горьких безнадежных слез. Минут через пятнадцать ее нашли подруги, долго отпаивали валерьянкой, утешали...

Перед выходом из Дома Регистраций Анджей Кромар кормил голубей пшеном. Глупые птицы толились у его ног, поспешно подхватывали милостыню; Анджей смотрел на них с почти отеческой улыбкой. Губы его шевелились, будто он сочинял стихи...

Ирена прошла в двух шагах. Ни голуби, ни Анджей не обратили на нее ни малейшего внимания.

* * *

Они были живы.

Третий участник их маленькой команды время от времени напоминал о себе несильными толчками. У меня должно быть много, много молока, внушала Ирена самой себе. Поблизости нет ни одной коровы или козы, и даже ни одной волчицы... ни одного существа, которое можно было бы подоить. Да, у меня будет молоко, иначе новорожденного придется кормить, в лучшем случае, тушенкой...

Или кровью, тоненько говорил запретный внутренний голосок. Ирена стискивала зубы и отказывалась слушать.

Тущенка приелась. Консервированная рыба — тоже. Хотелось свежего хлеба, хотелось овощей, приходилось тащиться в лес за ягодами и кореньями, прорашивать случайные зерна и жрать белесые ростки. Ирене приснился однажды лоснящийся помидор, тяжестью своей обрывающий материнский куст...

Зато здесь, в брошенном доме на безлюдной трассе, Ирена впервые за много дней обрела чувство безопасности. И даже мысли о Семироле, прикрывшем ее отступление, тревожили реже, чем ожидалось. И даже мысли о том, кем может оказаться его ребенок... Может быть, потому, что первое время она почти ни о чем не думала?..

— Рек, куда?!

Едва поднявшись на ноги, бескорыстный рыцарь принялся осматривать окрестности. Она злилась, негодовала, требовала дождаться окончательного выздоровления; Рек играл желваками и не слушал.

Реку не было уютно. Рек маялся, но боль его не имела никакого отношения к заживающим ранам; путешествие по МОДЕЛЯМ — занятие не для рыцарей. Не раз и не два Ирена всерьез опасалась за его рассудок. Обитать в пустом мире на пару с умалишенным — удовольствие ниже среднего...

Первое время она ходила вместе с ним. Они ковыляли, как два хромых таракана: он опирался на палку, она гордо несла свой тяжелый живот...

От пригородного поселка с единственной улицей не осталось и следа. Груды камней на месте соседских домов могли быть как остатками фундаментов, так и просто обломками скал. Нанесенная ветром земля, высохшая жесткая трава поглотили их почти полностью; для

археологических изысканий требовались силы, которых не было ни у рыцаря, ни у Ирены.

Сперва они удалялись от дома всего на час медленного пути.

Потом на два часа, причем Рек шагал уже быстрее.

Потом он заявил Ирене, что разведкой займется сам, а она пусть отдыхает, да прорашивает зерна, да сочиняет рассказы...

Она так и не поняла, был ли последний совет шуткой. Но, оставшись в одиночестве, устав от шелеста сухой травы и высокого пустого неба, она вернулась в кабинет, села к письменному столу, положила поверх клавиатуры единственный лист бумаги, тот самый, с карандашами: «В доме никого нет. Кресла не синие, а коричневые...»

Плесень, запятнавшая лист до половины, ее не смущала. То, что поверх клавиатуры писать почти невозможно, не смущало тоже.

Она не собиралась писать. Так, сходу, истребить единственный листок?! Может быть, со временем Рек надеется для нее бересты, и она станет царапать острием вязальной спицы...

Кстати, спиц у нее сроду не водилось. Она не занималась вязанием. Никогда...

Чистый лист завораживал.

Относительно белый и относительно чистый. Бесконечные неиспользованные возможности. Первая же буква сократит их на порядок, первое же слово почти не оставит Ирене выбора...

Она улыбнулась. Ей доставляло удовольствие смотреть на пустую бумагу; вероятно, нечто подобное испытывал Анджей, задумывая очередную МОДЕЛЬ...

Пошевелился ребенок. Ирена автоматически положила ладонь поверх живота.

* * *

Рек уходил с каждым днем все дальше, и возвращался всякий раз все более мрачным. Ему не удавалось найти не только человека, но даже следов людского присутствия, сколь угодно давних. Зверей здесь не было тоже; за все время, проведенное беглецами в брошенном доме, в небе ни разу не показалась ни единая птица.

Ощутимо похолодало. Теплой одежды не нашлось, зато в шкафу обнаружилась гора шерстяных пледов, Ирена соорудила подобие плащевой — себе и Реку...

Более или мене окрепнув, рыцарь предпринял многодневный поход; предполагалось две, а то и три ночевки. Ирена не боялась одиночества, прекрасно понимая, что самой страшной неприятностью будут припозднившиеся мысли и слишком яркие воспоминания. Зато за Река она тревожилась; когда рыцарь явился на другой же день, Ирена сперва обрадовалась и только потом ощутила беспокойство.

— Там не пройти,— сказал Рек.

Ирена не поняла.

— Скалы... обломки. Как после сильного землетрясения. Дорогу завалило... и в обход не получается. До города, выходит, не добраться... то есть до места, где был город.

Ирена молчала, соображая.

— Отдохну и еще попробую,— сказал Рек, будто прося прощения.— С другой стороны. Сделаю крюк к северу...— На лице его впервые проступило раздражение.— Я всю эту землю исходил еще юнцом. А тут, как во сне... Видишь знакомое место... а оно незнакомое. Вот так...

Ирена кивнула. Молча ушла в дом. В кабинете легла на диван, натянула плед до подбородка...

Моделятор устал.

Собственно говоря, Реку незачем расходовать время и силы. Создатель пустой МОДЕЛИ не утрудил себя даже подобием естественности — замкнутый, коротенький мир... Мир-капля... Для двух человек вполне хватит...

Пусть так, подумала она, до хруста сжимая зубы. Пусть так, но тогда проще будет обшарить этот мир до последнего закоулка, и либо поймать Моделятора, либо убедиться...

...что его здесь нет. Снова нет. Еще один мир без Создателя...

Ей сделалось страшно. Она крепко прижала ладони к животу.

...А следующая МОДЕЛЬ будет похожа на кабинку телефона-автомата. Там на грязном, заплеванном полу сидит Анджей Кромар, плачет пьяными слезами, а рядом валяется оборванная трубка...

Ну нет.

Она глубоко вдохнула затхлый воздух новообретенного дома. Как лекарство.

Хватит барахтаться, поднимая брызги. Ее дело — сохранить ребенка. Чтобы он жил — и жил по возможности нормально... в конце концов, последняя воля должна быть исполнена. Даже если это последняя воля вампира...

И с этой мыслью Ирена уснула. Спокойно и без сновидений.

* * *

— ...А еще я буду писать рассказы и повести. А ты, Рек, будешь номинационной комиссией... и жюри. Сперва отберешь мои рассказы на конкурс — не все, конечно... А потом присудишь им Серебряный Вулкан. Или не присудишь. Время от времени ты должен отказывать мне в награждении — иначе какой же интерес?..

Она боялась.

Она бравировала и подсмеивалась, чтобы скрыть изводящий страх. Потому что от реакции Река сейчас зависело много, очень много, он может остаться другом и соратником, а может предъявить права... единственного самца в популяции. Вряд ли... не верится, но во все, что произошло с ними, верится еще меньше...

— Рек... Прости. Это я тебя во все это втравила, это я...

— Да,— он поднял глаза, еще плотнее свел белесые изогнутые брови.— Да, с тех пор как я прочитал... «Рыцаря, который совершил зло...» И потом еще с тех пор, как увидел вас, Ирена. Это вы меня во все втравили... Это моя жизнь.

Она с ужасом поняла, что он, кажется, верит в то, что говорит.

— ...Вы боялись сказать мне, что я... чья-то игрушка? Я никогда не сомневался в этом, Ирена. Мне плевать было, кто и зачем меня со... то есть смоделировал. Он сделал меня способным принимать решения, и на том спасибо...

Она молчала.

Она всегда считала его отчасти ребенком. Не то чтобы низшим — младшим, не способным понять... Аборигеном...

— Теперь мы остались вдвоем, Ирена. От того завала из камней, который к западу, до этого провала без dna можно дойти пешком, с одной только ночевкой... Ну и что? Я всегда знал, что мир имеет границы. Немножко шире, немножко уже...

Сегодня днем Рек вернулся из последней экспедиции. Прогулявшись по остаткам дороги в противоположном от города направлении, он вскоре наткнулся на трещину — не такую узкую, чтобы перепрыгнуть, и не такую широкую, чтобы не добросить камня... Однако камень не долетал. Ни один.

Затаившись, Иrena ждала, что он скажет дальше.

— ...Ну и что? Мы все равно должны жить. Мы должны что-то есть... а мясо в железных банках скоро кончится. Значит, мы должны копать землю, что-то в нее сажать, ждать, пока вырастет... Наверняка, найдутся съедобные корни, грибы... яблоки...

Он говорил негромко и размеренно. Иногда улыбался. «Грибы, яблоки...»

Иrena молчала.

* * *

— ...Ты — хмель.

Они соскочили с электрички наобум и даже не запомнили названия станции.

— Ты — Хмель... И с тобой я постоянно во хмлю.

Она смеялась. Анджей был серьезен.

Они пробирались сквозь луг, они увязали в траве, как увязает гребень в слишком густых волосах.

— Куда мы идем?

— Не важно...

В дачном поселке их обляли одинаковые пятнистые псы, — происходящие, по-видимому, от единой прародительницы-псины...

— Погоди, я натерла пятку...

— Не важно...

По поверхности круглого, как зеркало, пруда стайками плавали облетевшие с яблонь лепестки.

— Ты — Хмель. Все, что я делаю, — во имя тебя и во хмелю...

Все на свете цвело.

Она села на обочину и заплакала — от острого счастья и еще от боли в стертой до крови ноге.

* * *

Бескорыстный рыцарь Рек-Шиповник никогда не прикасался к мотыге. Если на его руках и появлялись мозоли,— то лишь от неустанных упражнений с боевым оружием; однако рыцарь Рек был наблюдателен и практичен. Именно он, а не Ирена, верно определил место для будущей пашни, именно он распознал среди множества трав одичавшую рожь, именно он решил, что сеять сейчас нельзя — по всей видимости, скоро наступят холода, а за ними придет местный аналог весны...

Рек был хмур и сосредоточен. Все инструменты, найденные в доме, подверглись критическому осмотру и классификации. В активе оказалось немного: дом, когда-то оснащенный электроникой, будто стыдился своих грабель, тяпок и пары лопат. Топор и пилу дом прятал в подвале, а ржавый слесарный инструментарий — почему-то в ящике для грязного белья; на лбу у рыцаря Река лежали, не разглаживаясь, практически, никогда, две сосредоточенные складки.

«Наверняка найдутся съедобные корни, грибы... яблоки...»

Ирена бродила по ближним окрестностям, ей удалось отыскать три яблони и выродившуюся сливи. Грибов было много, но выглядели они так зловеще, что решено было оставить их на случай крайнего голода — когда терять будет уже нечего...

Впрочем, Рек уверял, что столь тяжкие времена не наступят никогда.

Ирена зря боялась, что, осознав положение дел, рыцарь впадет в истерику. Мироощущение Река оказалось куда более гибким, чем ее собственное; с детства приученный к испытаниям, Рек воспринял все случившееся с ним как очередной долгий экзамен. Глядя, как он без-

ропотно осваивает позорный для рыцаря труд, Ирена время от времени ощущала бегущие по спине мураски.

«Сохрани», — сказал Семироль. Интересно, а каков оказался бы в подобной ситуации господин вампир-адвокат? Неужели взял бы топор — и пошел валить сухие деревья?

Неужели так подчеркнуто — и вместе с тем так естественно — держался бы «добрый братом»?

Возможно, он придумал бы что-нибудь получше. Или похуже; мир-капля, мирок для двоих не предоставил бы Семиролю работы по специальности, зато потребность в живой крови никуда не делась бы, и вот тогда встал бы действительно пикантный вопрос...

Жив ли он, думала Ирена, осторожно поглаживая живот. Вот уже несколько раз я списывала его со счетов, — а он появлялся из ниоткуда, к добру ли, к худу...

* * *

Пророчества Река относительно зимы начинали сбываться. Снова похолодало, рыцарь убил массу времени на то, чтобы починить камин. Кустарник, загораживающий вход, сослужил теперь хорошую службу — дверьто закрыть так и не удалось, Ирене пришлось занавесить ее пледом...

Рек валил сухие деревья. В одиночку распиливал их, сучья складывал отдельно, дрова — отдельно. А хватит ли нам топлива, думала Ирена, то есть на эту зиму, конечно, хватит... Если, конечно, зима здесь стандартная... А вот как дальше, на годы и годы вперед, успеет ли лес восстановиться, если мы все время будем пилить деревья?!

На годы и годы вперед...

Заготовить сухих яблок. Накопать корней, тех, что так удачно обнаружились на месте соседского огорода...

И как-то научиться их готовить с тушенкой. Так, чтобы не надоедало. Так, чтобы смертельно усталый Рек мог прийти домой — и вкусно поесть...

Домой. Возвратиться домой.

В кладовке она отыскала иголку и крепкие, еще не прогнившие нитки. Раскроила пледы — используя школьный опыт двадцатилетней давности — и сшила себе и Реку по теплому комбинезону. Увидев ее в обновке, рыцарь изменился в лице, — но скзал зубы и смирился, тем более что с точки зрения Иrenы комбинезон сидел вполне ничего себе...

Сам Рек всячески берег свою одежду. И даже приспособился работать по пояс голым, — если рядом не было Иrenы; она не желала подглядывать, — но раз или два останавливалась поодаль, наблюдая, как падает топор, как перекатываются под белой кожей сухие Рековы мышцы и шрамы — на плече, на лопатке, на боку — кажутся экстравагантными украшениями...

Умел ли Рек молиться? «Видеть вас ежедневно — награда, на которую я на вправе рассчитывать»... И вот теперь он вознагражден с лихвой, но от такой награды почему-то хочется скрипеть зубами...

Бедный Рек.

Он способен безропотно состариться рядом с единственной в мире женщиной. Валить деревья и расчищать место для поля, сеять и жать — руками, привыкшими только к мечу. Воспитывать чужого сына...

Она смотрела на рыцаря — и испытывала нежность. Нежность матери по отношению к больному ребенку.

* * *

Они успели сташить в дом все съедобные и условно-съедобные ресурсы окрестностей, — когда упал ураган и бочкообразная форма утопленного в землю дома сослу-

жила неоценимую службу. Снег залепил и без того подслеповатые иллюминаторы, заполнил собой прихожую и тем самым решил проблему незакрывающейся двери. Ирена и рыцарь по очереди подбрасывали дрова в камин, слушали вой ветра и молчали.

— ...В уважающих себя странах любой полицейский умеет принимать роды... Но ты ведь не полицейский, Рек?

Рыцарь счел за благо промолчать.

Ирена вздохнула:

— Я справлюсь, наверное, сама... Я когда-то читала какие-то книжки. У меня были рожавшие приятельницы... Уже все готово. Я прокипятила тряпочки, подготовила на всякий случай стерильную иголку, нитки, нож...

Она говорила с нарочитой небрежностью, как бы легко и как бы беззаботно; Рек поймал эту ее интонацию. Улыбнулся чуть иронично:

— Вы слишком много... придаете этому значения. Я видывал женщин, рожавших в поле во время страды... Они заворачивали младенца в пеленку и шли работать дальше. Принять роды — пара пустяков. Другое дело, что мы должны будем работать, как проклятые, чтобы себя и ребенка прокормить... Без охоты и рыбалки, а значит — поле, огород... Если каждый год отбирать и сеять лучшие зерна, лучшие из лучших — выйдет новый сорт...

Ирена поразилась тому, как точно Рек ее понял. С одной стороны — неизбежность и обыденность родов... А с другой — эти циклопические планы на годы вперед, их будущее, предопределенное и длинное, два муравья, ползущие по шоссе, и там, в невообразимо далеком конце пути, их ждет... что?!

По внешней обшивке дома поскребывал ветер. Вот это дом; годы пустоты и разрушения не смогли серьезно повредить теплоизоляцию, и даже самый яростный

порыв отзывался всего лишь легким сквознячком, да воем в каминной трубе, да обесцокенной возней язычков пламени...

— Мы устроим колыбель, — сказала Ирена, почему-то глядя в сторону, — в длинном ящике из письменного стола. Я думаю, будет удобно...

Рек свел изогнутые брови:

— В ящике?! Побойтесь Создателя, Ирена... Я сплел корзину. Ее надо будет привесить к потолку, как и положено... Или вы собирались привесить ящик?!

Они хотели минут пять, то затихая, то снова покатываясь со смеху — то искренне, а то и через силу.

Выл ветер.

— Послушай сказку, Рек... Теперь у меня нет ни компьютера, ни бумаги, а значит, я буду просто сказительницей... Да. Лет через двести... Или лучше триста... А может быть, чем пес не шутит, и тысячу... На месте нашего теперешнего дома встанет храм. Высокий храм, сложенный из тех камней, что закрывают сейчас дорогу в город... А вокруг храма раскинется столица, Рек. Огромный мегаполис на тысячу человек... на четыреста с лишним дворов. А вокруг мегаполиса будут поля, пашни, пастища... нет, пастища, к сожалению, не будет, хотя кто знает... Там, где мы берем воду, будет священный источник. Дверь храма будет традиционно приоткрыта до половины... чтобы каждый мог войти. И не будет над этими людьми ни Провидения, ни правосудия упырей... Потому что все они будут состоять в родстве. Все будут считать свой род от... ну, об этом потом.

Рыцарь молчал. Глаза его делались все больше, больше...

— Новое человечество, — Ирена вздохнула. — Оно возникнет не сразу... Сперва мы расчистим поле и посадим этудию рожь... Потом мы отберем самые лучшие зернышки и посадим снова. Наш ребенок... — она

осеклась.— Да, ребенок... будет к тому времени уже ходить на четвереньках. Ко времени, когда придет пора сеять в третий раз, он заговорит...

Рек коснулся ладонью ее живота.

Прикосновение не было ни врачебным, ни дружеским. Ирена замолчала.

— Ирена... я не мог бы... нет. У меня нехватило бы...

...фантазии, мысленно закончила Ирена. Фантазии и наглости, вот у Анджея, например, хватило...

Мысль заставила ее содрогнуться. Рек тут же убрал ладонь.

— А в храме, Рек... Перед алтарем... будут стоять два каменных изваяния. Они не будут похожи... потому что за столетия наши лица выветрятся из памяти потомков... они будут просто мужчина и женщина. Но это не обидно, потому что все наши потомки будут похожи на нас...

Ирена прерывисто вздохнула. Рек поднял на нее взгляд,— Ирена улыбнулась:

— Да... А самым страшным проклятием у этих людей будет странное слово «моделятор». Оно сократится, сотрется сотнями языков, потеряет первоначальное значение... «Малятор тебя раздери», вот какое будет страшное ругательство. А черные колдуны в пещерах станут призывать злобный дух Малятора, и самым искусственным из них удастся восстановить его имя, то, которое запрещено произносить вслух,— Анджея... Анджея!..

Порыв ветра полоснул по покатой крыше. Ударил исступленно, так, что огонь в камине едва не погас. Оклемавшись, пламя вспыхнуло с утроенной силой и в момент пожрало все предложенные ему дрова...

— Не надо так говорить,— пробормотал Рек, и Ирена показалось, что он побледнел.

— Ну вот, начало положено,— она засмеялась.— Неназываемый бывший муж мой, как черный при-

зрак этого мира... Хотя он, если вдуматься, здешний Создатель. Но я скорее сдохну, чем позволю своим потомкам молиться ему... Рек, не смотри так. Это всего лишь сказка. И за нее никто не присудит Серебряный Вулкан...

Ладонь Река легла ей на плечо.

Другая помедлила — и снова коснулась живота.

Ирена содрогнулась от этого прикосновения. Замерла, задержала дыхание.

Там, в красном космосе, плавал нерожденный сын вампира. Безопасно покусывал беззубыми пока деснами маленький палец.

* * *

...Собрать золу до крошки, ничего не просыпать, и без того весь ковер горелый... Пронести по коридору. Пригибаясь, выбраться через занесенную снегом прихожую, пришуриться от резкого света, опорожнить ведро над черной, как вулкан, грудой золы и пепла... На ослепительно белом снегу — черная с сединой груда. Красиво. По крайней мере, впечатляет. Рек говорит, что весной зола послужит удобрением...

Смерделя выгребная яма. Хотя на морозе не больно-то посмердишь, что-то будет, когда придет тепло...

Впрочем, когда придет тепло, Рек все обустроит как надо. Согласно санитарным нормам. Выкопает поглубже и подальше...

Ирена посмотрела на свои руки. Жалкое зрелище, надо сказать. Со временем надо будет что-то придумать — маслом смазывать, что ли...

Здесь, вдоль дороги, хорошо бы поставить шеренгу подсолнухов. Не может быть, чтобы не нашлось ни сечинки, — обязательно найдется, пусть только наступит весна...

Тот, кто сидел у нее в животе, ощутимо вздрогнул. Она испуганно прислушалась к себе — нет, преждевременные роды нам ни к чему, хотя в принципе — все возможно...

Постояв еще немного, она вернулась в дом.

В захламленном кабинете было холодно, мертвый компьютер стоял на полу, рядом — монитор, лицом к стенке; посреди освободившегося стола одинокой заплаткой лежал заплесневевший листок.

Ирена села к столу, опустила голову на сплетенные пальцы и закрыла глаза.

Рек вернется после захода солнца. Он уехал за шишками... странная идея, но, наверное, вполне уместная. Где-то там растут съедобные шишки, то есть семена в них съедобные; если повыщарапывать их, налущить и отжать, то получится питательное масло... Рек правиль-но рассуждает. Прежде чем мы выстроим вдоль дороги караул из подсолнухов... Малыша придется чем-то сма-зывать... Мыла почти нет. И йода...

Она провела рукой по белой странице.

...Сперва надо будет вспомнить все детские стишки... и придумать новые. Если получится. Потом — сказки... Понятные сказки, чтобы в них не было ни зверей, ни людей... Бр-р-р. Нет, про зверей и людей она расска-жет ему потом,— когда он научится оперировать зна-комыми, естественными понятиями... Такими, как дом, снег, лес, холмы... Дядя Рек... Или все-таки пусть зовет его папой?!

...А потом надо будет придумывать приключения... дальние путешествия — в горы, в чащу, на другую сто-рону провала... Клады, фантастические открытия.. на-пример, машина для чистки орехов, приводимая в дви-жение большим ржавым воротом...

Потом...

Потом надо будет придумывать истории о любви.

Ирена опустила плечи.

Вряд ли у ее детей будет хоть какой-нибудь выбор.

Кровосмешение...

Кровь. «Гемоглобин»... Ее передернуло.

Неподходящие мысли. Несвоевременные. Начала-то она неплохо — шишки, подсолнухи, сказки...

Интересно, а если соорудить генератор... динамомашину... может быть, удастся оживить компьютер?.. Вот у Яна — существовало же на ферме совершенно автономное хозяйство...

Снова лишняя мысль. Что ей до судеб Ника и Эльзы, и Сита... И самого Яна, напоследок сказавшего — «Сохрани»?..

Иллюминатор, и без того мутный, заиндевел снаружи. Перемигивались под солнцем цветные искорки...

Потом на белую стеклянную пелену легла тень. И тут же отступила.

Несколько секунд Ирена сидела, будто пытаясь поймать за хвост ускользающую мысль. Потом сдавленно вскрикнула.

Рек?!

Даже если он вернулся заранее, — зачем ходить вокруг дома?

Она подумала об этом уже на бегу.

Заваленная снегом прихожая. Утоптаный пятак перед дверью, и, сколько хватает глаз — Ирена прищурилась, — только снег, черные силуэты деревьев, ни единого живого существа...

Увязая по колено, она обошла вокруг бочкообразного строения. Перед окном кабинета остановилась.

Да, лучи низкого солнца падали на заиндевевшее стекло. Да, на небе не наблюдалось ни тучки...

И на снегу не было чужих следов. Только отпечатки Ирениных ног, отпечатки бесформенные, потому что бахилы сооружены из подручных средств...

А значит, нечего забивать себе голову. Нервы, поме-
решилось, галлюцинация.

* * *

Под вечер резко похолодало. Ветер задувал в незак-
рывающуюся входную дверь, и никакие пологи, одеяла и
баррикады из подушек не помогали.

Рек свалил в прихожей свои драгоценные шишки;
шишками, кстати, можно топить, а запас дров на ночь
был не так уже велик. Натянув сшитые из пледов ком-
бинезоны, укутавшись в слой одеял, Ирена и рыцарь
легли спать на диване в гостиной — в обнимку. В целях
экономии тепла.

...Карусель среди двора. Скрипучая карусель, да еще
качели, да еще песочница...

Ирена вздрогнула.

Рек не спал. Смотрел на нее.

— Тебе не холодно? — спросила она шепотом.

— Нет.

— Рука затекла?

— Нет...

За стенами выл ветер.

Вероятно, Рек-Шиповник был счастлив.

Вероятно, в детстве он мечтал о свободе и подвигах.

И еще о славе; впрочем, жизнь бескорыстного рыцаря
изначально предполагает бесславие. Возможно, юный Рек
мечтал и о женщине — единственной, недосягаемой,
столь же не похожей на реальных и уступчивых деву-
шек, как солнце отличается от сальной свечи...

Романтичный Рек.

Только об одном он не мечтал никогда, — что ока-
жется свободным от воли Провидения, проснется среди
пустого мира, и все его ежедневные подвиги будут по-
священы легендарной сочинительнице Хмель...

— Спи.

— Я сплю... — он закрыл глаза.

...Как долго он не мог отвыкнуть от оглядки на Прорицание! До сих пор не отвык... Это он-то, с малых лет привыкший жить ВОПРЕКИ. Как удивлялся он и даже пугался, когда оказывалось, что и удачные и травмы приходят сами по себе, без оглядки на поступки, которые можно было бы считать хорошими — либо плохими...

Впрочем, объект для таких поступков теперь был только один — Ирена. И ей не раз и не два приходилось задумываться, что было бы — мороз по коже! — если бы их с Реком отношения взялось бы регулировать Прорицание...

А что было бы, если бы в мире Толкователей, в МОДЕЛИ, где остался Ян, Прорицание в одночасье сдохло?!

Очень часто такие раздумья заканчивались позывами к рвоте. В ее положении — нет ничего удивительного... Прыгнул в животе ребенок, — Ирена тотчас же почувствовала, как напрягся Рек.

Он ощутил. Сквозь одеяла и комбинезоны, сквозь слой утепляющих тряпок он поймал движение внутри Ирены. Там, где нетерпеливо возилось новое существо, ожидающее своей очереди посмотреть на солнце...

— Ты не спиши?

Рек открыл глаза.

Его запекшиеся губы царапнули ей кожу на скуле. И он тут же отпрянул, ожидая — чего? Немедленной расправы Прорицания? Возмущенной пощечины?..

— Все будет хорошо, Рек...

Удобрная фраза. Сойдет и в качестве заклинания.

* * *

Он вернулся позже обычного. Несколько раз она выходила на дорогу его высматривать, хоть картину пиши

— одинокая женщина ждет мужа домой, а кругом — только снежная равнина...

Она увидела его издалека. Рыцарь шел на самодельных лыжах — то прогулочным шагом, а то пускался почти бегом...

Он сильно осунулся. Лицо было мокрым от пота.

— Что?

— Снег... липнет. Тяжело идти...

Впервые за много дней у него есть, что скрывать. Более того, он считает, что промолчать будет лучше для них обоих...

— Что там такое, Рек?!

Он перевел дыхание. Вытер лоб рукавом. Все еще молча.

Она сдержалась. Позволила ему снять лыжи, войти в дом, переодеться, протянуть руки к огню...

Ее самообладание дорого ей стоило.

— Ирена...

— Ну?!

— Там... мост. Через провал. Вроде как... перемычка из снега, а потом снег подталил, и... Я НЕ ЗНАЮ, как это могло получиться, но там МОСТ НА ТУ СТОРОНУ. Вот...

У него подкосились ноги. Он опустился в кресло, положил руки на колени, пытаясь унять дрожь.

Ирена молчала.

Мир на двоих. Мир-капля...

Кто сказал, что МОДЕЛИ не развиваются? Не меняются, не растут?!

Открытия новых материков... Господи, а полеты в космос... какие полеты, что может сравниться с такой мелочью, как приоткрытая дверь бронированной камеры, узенькая щель, сквозь которую...

— Не поверю, что ты не пробовал перейти,— сказала она шепотом.

Рек опустил глаза.

— ...Мог сорваться... и я осталась бы одна...

Она тут же покалела об этих словах. Уж больно жалко они прозвучали.

Белесые Рековы брови сошлись на переносице двумя значками «тильда»:

— Я... почти перешел... на ту сторону. А потом...
Он замолчал.

Собственно, и так ясно, что было потом. Упрек, сорвавшийся с Ирениного языка, мог относиться к кому угодно, но только не к Реку. Уж в чем-чем, а в безответственности рыцарь ни разу не был уличен, он скорее умрет, чем бросит Ирену в одиночестве...

Она на минуту представила, как размазанный по дну пропасти Реков труп поднимается и идет к ней — ведомый долгом.

Содрогнулась.

В камине догорали дрова. Надо было подбросить новых, но Ирена не двигалась, смотрела на руки сидящего перед ней человека, тонкие, вздрагивающие, покрытые мозолями руки...

— Я вернулся,— сказал Рек шепотом.— Потому что я подумал... Лед ведь в любую секунду может... что, если я останусь на той стороне, а ты — на этой?!

— Сколько он простоит? — Ирена удивилась, как сухо и деловито прозвучал ее голос.

Рек покал плечами:

— Оттепель... ветер... не знаю.

* * *

Действительно, ветер. Да еще какой; Ирена прищурилась.

Неторопливые лыжные прогулки полезны будущим матерям. Конечно, следует знать меру... и не нервничать, ни в коем случае не волноваться, ни-ни...

Рек не смотрел ей в глаза. Возможно, его вина представляется ему ужасной — не сумел скрыть... более того, не посчитал возможным скрывать...

Какая красота.

Великолепие, черт бы его побрал; то ли капризом природы, то ли чьей-то причудливой волей воздвигнута здесь эта ледяная арка, огромная сосульчатая борода, хрустальное чудо, и рукой подать до противоположного края пропасти...

Кстати, что там, на дне? Неважно. Голограмма, чистая видимость, будь там вода или камни, или вообще ничего, пустота...

Рек что-то тихо сказал, но ветер унес его слова прежде, чем Ирена расслышала их, и рыцарю пришлось повторить, почти выкрикнуть:

— Мы не пойдем туда!

...Подсолнухи вдоль дороги... новое человечество, дома и дворы, колыбель из прутьев...

Не стоит себя обманывать. Не будет, конечно, никакого нового человечества, но ребенка-то родить надо, там, в теплом доме, для него готовы и кроватка, и пеленки, и...

— Мы не пойдем туда, Рек! Мы не можем...

...рисковать. Мы и не будем рисковать, Рек, — добавила она про себя. Что еще встретится там, на противоположном берегу, в лучшем случае — снежная пустыня, в худшем...

Чем дольше Ирена вглядывалась в противоположный берег, тем настойчивее ей мерещилась цепочка следов на снегу. Наваждение, нет никаких следов, это ветер покрыл снег узорами, это низкое утреннее солнце подчеркивает любую выемку...

Зачем, черт побери, она пришла сюда?! Разве она имеет право на этот выбор? Будь она одна... но внутри нее живет ОН. Она сколько угодно может презирать

очаг и крышу над головой, но для НЕГО очаг и крыша — вопрос жизни и смерти...

Сохрани, сказал Семироль. И отдал, по всей видимости, за это СВОЮ жизнь...

Со всем можно смириться и ко всему привыкнуть. Разложить по полочкам, прикинуть на века вперед, ну ладно, не на века, на годы...

Вот он, кошмар. Издевательская веревочка, ведущая... куда? В никуда, скорее всего. Манок. Ловушка. Тест.

Рванул ветер. Гроздь сосулек, висевшая под брюхом моста, будто вымя, тяжело оторвалась, полетела вниз; где она уже видела это? В каком фильме? Мультфильме? Комиксе?!

— Рек...

Он обнял ее. Желая прикрыть от ветра.

— Ирена... не надо плакать.

— Нам ведь хорошо, Рек,— сказала она сквозь слезы.— Мы будем хорошо жить...

Он кивнул, соглашаясь.

— Мы сможем вырастить его...

Вампирьего сына, издевательски подсказал ветер.

Новая гроздь сосулек обрушилась в пропасть.

— Рек... а вдруг там... ВЫХОД?!

Она сама не слышала своих слов,— но Рек услышал. Сдавил ее руку:

— Ирена...

— Или нет... ты иди. Не волнуйся, мост... он еще постоит. Только посмотрит...

Рек сжал губы. Лицо его сделалось сосредоточенным и жестким,— как тогда, перед разгромом маленького рынка на перекрестке...

— Нет. Ни за что.

* * *

Он почти не был скользким, вот что интересно. Он резал пальцы; он был безумно красив, низкое солнце преломлялось в толще льда, посперкивали застывшие пузырьки воздуха...

Казалось, он никогда не кончится.

Ирена продвигалась вперед — по сантиметру, по волоску, то на четвереньках, то верхом, цепляясь руками и ногами за малейший выступ. Пропасть совсем не беспокоила ее. Не было ни «сосущего взгляда», ни «зова пустоты» — как будто и не существовало пропасти, как будто невиданной красы ледяной мост пролегал над вошеным паркетом...

На паркет, кстати, очень больно падать.

Вот только палец порезанный, кровоточит. Пачкает ледяное великолепие...

Потом она перестала думать. Двигалась, как насекомое, механически сокращались мышцы, вперед, вперед...

И пришло воспоминание.

Заезжий парк развлечений, аттракцион «Дорога в никуда». Снизу смотреть было любопытно и весело, а вот продвигаться по прозрачной арке над площадью оказалось неожиданно тяжело и страшно... да еще ветер играл ее юбкой, то и дело заголяя бедра. Она ползла, стиснув зубы, привычно проклиная Анджея,— хотя идея залезть на «Дорогу» принадлежала именно ей... И проклиная устроителей, соорудивших посетителям нытку за их же деньги. И проклиная зевак, гадевших внизу и показывавших пальцами... так, браня все на свете, добралась до противоположного края арки...

На выход.

Она подняла голову.

Рек уже прошел мост до конца. Обернулся, протянул руку..

В то время как между Иреной и рыцарем еще оставался непройденный ледяной путь. Некоторая часть пути.

Все, что думал сейчас рыцарь, в открытую отражалось на его лице. Мучительно выгибалась светлая бровь; Рек ненавидел себя за то, что не умел уговорить... удержать... смолчать, в конце концов, оставить все как есть...

В ушах у Иrenы — наваждение или шутка ветра?! — забренчала развеселая музыка, в которой она неожиданно для себя узнала то самое банджо, сопровождавшее ее путь по развлекательной «Дороге в никуда». Мгновение спустя обращенное к ней лицо вдруг исказилось до неузнаваемости. Рек что-то увидел у нее за спиной...

Лед под ней дрогнул. Вцепившись в мост руками и ногами, она оглянулась.

Причудливое сооружение на глазах теряло блеск, мутнело, покрываясь трещинами. Мост уже не был мостом; переломанный, будто хребет издохшего ящера, он ронял позвонки один за другим, — потерявшие друг друга осколки летели в пропасть беззвучно, по крайней мере, Ирена не слышала ни звука, только визг ветра и бесконечный танец солнца на сколах, на ледяных гранях...

Дорога в никуда.

Моста больше не было. Осколки его веером летели ко дну — если только у пропасти есть дно...

Рек закричал.

Брень-брень-брень, позвенело банджо в Ирениных ушах.

Темнота.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

П

росто прессованный ветром снег. Привольные узоры, да еще низкое солнце, подчеркивающее каждую выемку...

Ирена постояла, беспомощно мигая полуослепшими, слезящимися глазами. Что-то странное случилось с восприятием цвета — белое, покрытое снегом пространство вдруг предстало перед ней во всех оттенках красного.

Голая роща. Холмы. Ветер стих... А был ли здесь ветер? Живописная груда валунов... на месте ее дома. Ее вечного дома.

Красный цвет перетек в фиолетовый. В синий; мгла отступила, теперь мир виделся по-прежнему — белым...

Сесть на снег?

Она поколебалась. И медленно пошла вперед.

Скрип, вкрадчиво говорил снег. Скрип, скрип...

Тот, что жил внутри нее, притих.

И в мире стояла тишина. Купол из выцветшего неба, тарелка из блестящих снегов, скрип, скрип...

У подножия холма она поняла, что может думать. Думать без усилий. Отстраненно.

Семироль.

Рек.

Ян остался прикрывать ее и, вероятно, отдал жизнь... Бескорыстный рыцарь был отсечен от нее будто ножом. Отрезан. Брошен в предыдущей МОДЕЛИ, один, на краю пропасти...

Она вздохнула. Все чувства притупились,— осталась горькая констатация.

Ты сделал все возможное, Рек, сказала она, как будто бы рыцарь мог ее услышать. ... Я так хочу, чтобы ты остался жив. Не сорвался в пропасть, пытаясь спасти меня... И не замерз посреди снежной пустыни. Выживи, бескорыстный, окажи мне эту последнюю услугу...

Снова поднялся ветер, на этот раз несильный, постоянно меняющий направление. Уж кому-кому думать о выживании, так это ей самой. Спустя полчаса эта проблема станет главной...

Неужели Анджей допустит?!

Анджей допустил тюрьму и суд. Зачатие и побег. Яна, Троша, Провидение, Река, обвал ледяного моста...

Анджей мертв. В лучшем случае. Создатель — мертв... Провидения нет. Все эти новые МОДЕЛИ — просто круги одной воронки, Ирена скользит сквозь них, повинуясь тем же законам, что и катящийся с горы камень...

— Не будет нового человечества,— пробормотала она сварливо.

И села в снег.

* * *

...Она в девятом классе. Читает на школьном вечере свои стихи.

«Я хочу быть серой мышкой
Под скрипучей половицей,
Грызть оброненную корку
И не думать ни о чем.

Я хочу быть черной кошкой
На бесшумных тонких лапах,
Спать в высоких травах лета
И не думать ни о чем.
Я хочу быть темной точкой
На далеком горизонте.
Никогда не приближаться.
Никогда не исчезать...»

«Что за странное мировоззрение,» — говорит ее однокашник Санька, он очкарик и любит красивые слова, а она любит его — то больше, то меньше, но ей кажется, что по-настоящему. — «Что за странное мироощущение, я, например, хочу быть ураганом и ломать леса, будто спички...» — «Зачем ломать леса?» — «К примеру... Это не значит, что я стану их ломать. Но ЧУВСТВОВАТЬ, что я сильный и многое могу... а главное, хочу... А ты что же, собираешься всю жизнь проспать?! Это на тебя похоже, Хмель...»

И он уходит в компанию других однокашников, там шумно и весело, и кто-то приволок четверть литра шампанского в бутылке из-под лимонада, и все пьяны не столько от микроскопической дозы спиртного, сколько от собственной изобретательности...

«А ты, Хмель? С тобой не захмелеешь...»

— Ирена! Ирена! Ирена!..

Детские голоса.

Это ее дети?!

— Ирена!..

Она стоит на снегу.

Хорошо бы еще хоть что-то, кроме снега, увидеть.

Она протерла глаза, и они показались такими маленькими на ощупь, а отекшая рука — такой большой...

А, вот оно что.

Десяток ребятишек от восьми до двенадцати гоняет шайбу по поверхности круглого озера. Справа и слева

— импровизированные ворота, по два пластмассовых ящика из-под бутылок. От пацанов валит пар. На заснеженном берегу валом сброшены куртки и шубы. Мелькание ярких свитеров и шапочек провоцирует рябь в глазах, кое у кого из хоккеистов на спине пристроен номер, у самого младшего, щекастого и круглого, на ветровке нарисованы клыкастые челюсти и написано «агрессор»...

Все это Иrena разглядела в мельчайших подробностях. С эффектом, можно сказать, присутствия. Мальчишки азартно вопили, коньки аппетитно резали лед, тяжелая шайба стукалась об увитые изолентой клюшки...

Иrena огляделась в поисках Река. Нет рыцаря, пусть...

Бред.

— Бред,— сказала Иrena жалобно.

Гол. Забившая команда возликовала; Иrena содрогнулась от мощного вопля полудесятка мальчишечных глоток.

Бред ли?

Она сделала шаг. Другой...

Мальчишки не обращали на нее никакого внимания.

Их тренер — тоже.

Тренер сидел на низкой некрашеной скамеечке, Иrena видела его спину и затылок.

Широкие плечи, обтянутые потертой курткой. Непокрытая голова, чуть выющиеся волосы с изрядной долей седины. Мальчишки носились и орали — единственный зритель наблюдал спокойно, чуть снисходительно, иногда делал отметки в записной книжке.

Иrena шагнула еще. Оступилась, еле удержалась на ногах.

Мальчишки вопили — ей казалось, что беззвучно.

— Анджея...

Он обернулся.

В какую-то секунду ей показалось, что сейчас он вернется к своему делу. Преспокойно обернется к играющим мальчишкам, еще и прокричит им в поощрение что-нибудь вроде «давай-давай»...

Сколько раз она ошибалась? Видела ЕГО в других людях?

Первый раз — давным-давно, в машине Семироля. Потом — в том склепе-небоскребе, дворце Толкователей, когда свет слепил глаза, а голова торчала в пасти каменной зверушки. А теперь слепят солнце и снег...

— Привет, Хмель. Ты неважко выглядишь.

— Привет, Кромар, — отозвалась она в тон. Просто по инерции. — Зато ты выглядишь превосходно.

Он поднял брови:

— Не узнаю тебя... Где же отсроченная реакция?

— Просто время здесь идет слишком медленно, — отозвалась она шепотом.

Хотелось спросить что-то совсем уж глупое. Например: «Это действительно ты?»

Что ему сказать-то? Господи, Создатель, о чем с ним говорить? После всего, что случилось?!

Она действительно плохо выглядит. Просто ужасно. Но... «Неважко выглядишь» — все, что может сказать человек, впервые увидев свою бывшую жену с огромным животом?!

Она так и тощалась бы, переминаясь с ноги на ногу, если бы тот, кто сидел на скамейке, не подвинулся. Будто приглашая усесться рядом.

Мальчишки верещали. С момента, когда сидящий на скамеечке обернулся, было забито уже два гола — по одному в каждые ворота; наверное, со временем действительно творилось что-то неладное. Или оно попросту приспособилось к ритму Ирениного восприятия?

— Кто это? — она указала на мальчишек.

Он пожал плечами:

— Да так...

— Одна моделька?

— Да... Одна моделька. Ты угадала.

Иренина длинная тень на снегу казалась автономным, совершенно самостоятельным существом.

— Садись, Хмель...

Она присела на самый краешек скамейки.

— Го-ол! Го-ол!! Двести восемнадцать-двести шестнадцать!..

Мальчишки не выглядели усталыми. Шайба, мир клином сошелся на шайбе, никто даже не взглянул на Ирену... Хоккеисты были нелюбопытны — или попросту не видели ее?..

— Что же ты молчишь, Хмель?

— Разве нам не о чем помолчать?

Тот, что сидел рядом, удовлетворенно хмыкнул. Кивнул на мальчишек с некоторым самодовольствием:

— Тебе нравится?

Она молчала.

— Ты плохо обо мне думаешь, Хмель.

— Разве? — удивилась Ирена.

Ее длинная тень достигала макушкой льда.

Хорошо бы вспомнить что-то хорошее. Что-нибудь теплое, связанное с Анджеем... Это было бы очень кстати. Потому что в момент, когда от нее требуется проявить все свои силы и способности, — в этот самый момент она уже ни на что не годна. Обидно.

Коньки оставляли на льду белые бороздки, в них преломлялось солнце, казалось, что лед подернут светящейся паутиной. Алмазной пылью носились подхваченные ветром снежинки.

— Красиво, правда? — спросил Анджей.

Ирена прищурилась.

Наваждение было мгновенным. Перед глазами у нее потемнело, снежинки обернулись рассеянными в пустоте светлячками — безумно величественное, редкое в своей красоте зрелище... Кажется, нечто подобное она испытала, когда в шесть лет впервые попала в планетарий. Но там была тень, слабое подобие мира, открывшегося Ирене в эту минуту...

Снег снова стал белым. Черная шайба улетела в сугробы, мальчишка в бордовом свитере полез извлекать ее, прочие азартно поторапливали...

— Красиво,— сказала она еле слышно.

И впервые решилась посмотреть ему в глаза.

Нет, он не изменился. С таким же лицом он мастерил свои спичечные «модельки», колдовал за компьютером, кормил голубей...

Наверное, он похож был на вдохновенного дирижера за пультом. Во всяком случае, глаза его казались скорее упоенными, чем безумными

— Анджей...

— Да?

— Ты удовлетворен?

Над озером стояло, повторяя его форму, круглое облако.

— Гм... Видишь ли, Ирена. Удовлетворен бывает бык-производитель, только что покрывший половину стада...

Облако медленно поворачивалось, приобретая странно знакомые очертания; призрак спирали, два залихватски завернутых рукава...

— Слишком трудно, Ирена... и ведь совершенства не бывает. Оно и не нужно никому, совершенство...

Ирена молчала.

Кстати пришлась бы сковородка. Или даже стопка фарфоровых тарелок; она последовательно разгромила бы их о скамейку — со звоном, с визгом, со слезами. Она закатила бы классический семейный скандал, она

потребовала бы немедленно вернуть ее на привычный диван, отмотать обратно время, прекратить, наконец, издевательство...

Почему-то ей казалось, что именно гротескная, на грани фарса «бытовуха» уместна под этим облаком и под этим солнцем. Может быть, мальчишки на время оставили бы свою игру, оглянулись бы на грохот посуды...

— Ты шутишь? — спросила она на всякий случай.

— Нет... — он улыбнулся.

Она ощутила себя лишней.

Назойливой посетительницей, явившейся не вовремя, с просьбой столь мелкой, что ее неловко произнести вслух...

О чем она может говорить с ним?

Как он это делает? Зачем? С чего все началось и чем закончится, и закончится ли вообще...

Эй, господин Петер! Я выполнила ваше задание...
вернее, первую его часть. К сожалению, исполнение ваших дальнейших инструкций не представляется возможным...

Тем более что вы, скорее всего, уже и не существите. Пали жертвой «вероятностных катаклизмов».

Что поделаешь, господин Петер. В конце пути я встретила не совсем того, кого ожидала встретить. Да и вы, наверное, не ждали такого поворота событий...

Ирена тяжело поднялась. Грузно колыхнулся живот.

— Будь здоров, Кромар. Привет.

Тот, кто сидел на скамейке, поднял на нее слегка удивленные глаза:

— Уже уходишь?

— Да... Мне пора, — Ирене вдруг стало весело. Вот так, развернуться и уйти; возможно, прежде, чем солнце сядет, она найдет какое-нибудь волчье логово и заслится спать...

Она обернулась к Анджею спиной. Тяжело, что нет рядом Рекового локтя, не на что опереться...

Впрочем, она вполне еще держится на ногах. А ветер теперь дует в спину, а значит, идти будет легче...

Она вдруг улыбнулась. Из давних-давних воспоминаний вынырнула странная дамочка, визитерша в си-нем: «Гению не нужна жена — ему нужен друг, соратник... нянька...»

А Создателю, вероятно, вообще никто не нужен.

— Хмель!!

Слово впилось ей под лопатку, как небрежно пущенная стрела. Как пластмассовая стрела с наконечником-липучкой, игрушечная стрела из тех, которыми Анджей Кромар на спор попадал в яблочко десять раз из десяти...

— Что, Анджей?

Покрытое льдом круглое озеро завертелось, как виниловая пластинка.

* * *

...Костер под защитой базальтовой скалы. Сухое дерево, погибшее, но не упавшее, давало обильную пищу огню. Изогнувшись в немыслимой позе, дерево прикрывало путников от черного неба. Вернее, пыталось прикрыть,— потому что голых веток не хватало на все это необъятное пространство, на эту колоссальную полусферу, усеянную мерцающими точками...

Ирена глядела вверх — и видела снежинки, вертящиеся над узорчатым льдом. Раскрасневшиеся мальчишечьи лица, стук клюшки, пар изо рта...

— Что ты так смотришь... Кромар?

Костер вспыхнул ярче. В огне простирали очертания замка, причем половина башен обрушилась, и над донжоном вздымалось пламя. Осадная башня,

таран у ворот, полчища варваров, взбирающихся на стены...

Давний рисунок в записной книжке. Незаконченная повесть.

Ирена закусила губу. Если бы тогда, в той давней жизни, она умела писать вот ТАК. Так мощно. Так захватывающе, так красиво, в конце концов...

— Не надо,— сказала она тихо.— Не надо моделировать смерть.

Пламя опало. Костер горел, как прежде, более того — пора подкинуть сущняка...

— Я надеялся, что ты поймешь меня, Хмель.

— Тебе так нужно мое понимание, Кромар?

— Нет,— отозвался он нехотя.— Я проживу и так... Но я еще помню, как ты ерзала над своими... рассказами. Как протирала юбку, бледнела и хихикала, носилась по дому, как сумасшедшая... Ради чего?

Она молчала.

— Любой школьник, написавший звучную строчку... Любой гончар, удачно вылепивший свой горшок... способны понять меня, Ирена. Вообрази — бесчисленное количество гончаров... как звезд на небе. И каждый вынимает из печи лучший в своей жизни кувшин... и все они — во мне.

Она молчала.

— Ты хихикала от радости над исписанным листком, Хмель... А я...

Он поднял глаза, и Ирена невольно проследила за его взглядом.

Среди неба висела, распустив хвост, явившаяся из ниоткуда белая комета.

Ирена молчала.

Только что он создал и уничтожил МОДЕЛЬ — в костре, в течение минуты. Маленькую локальную МОДЕЛЬ, но кто знает были ли варвары на стенах всего

лишь движущимися фигурками... И не было ли у них прошлого и будущего. И чем они отличались от рыцаря Река, вампира Яна, врача Ника...

— Ты... немножечко страшный, Кромар.

— Разве? — кажется, он искренне удивился.

Она перевела дыхание.

— Меня послали, чтобы ты свернул МОДЕЛЬ.

Тот, что сидел напротив, улыбнулся:

— СВЕРНУЛ? Так-таки и просили передать?

Костер догорал, но Ирена ясно понимала, что, потянувшись за сухой веткой, сразу же свалится на бок. Лучше уж не позориться.

— Да. Именно так и просили передать... более того, грозили прикрыть МОДЕЛЬ снаружи. Дабы избежать вероятностных катализмов...

— Клизма, клизма, клизма,— рассеянно пробормотал тот, что сидел напротив.— Катализма...

— Петер говорил,— она проглотила слону.— Говорил, что не хватает ресурсов. Петер боялся... что РЕАЛЬНОСТЬ изменится, Кромар. Раковая опухоль на вероятностной структуре...

— Оглянись, Хмель. Разве ЭТО не реальность?

Ирена оглянулась.

Базальтовая скала, закрывающая третью неба. Искры, по спирали летящие вверх, комета, распластавшаяся среди звезд, будто вычурная пряжка среди россыпи пуговиц...

— Любой ребенок, впервые построивший башню из песка... способен понять меня, Хмель. Да что там — любой итенец, пробивший скорлупу изнутри... поймет меня.

Она улыбнулась.

— Чему ты смеешься?

— Ты патетичен... Мне показалось, что ты выдергишь полновесную паузу... и скажешь: все это для тебя, Хмель. И полезешь целоваться.

Дерево заскрипело. Комета оставалась неподвижной.

— Нет,— шепотом сказал тот, что сидел напротив.— Не надейся.

Он встал. Ирена напряглась,— но он всего лишь подбросил хвороста в огонь. Все так же, по спирали, взметнулись искры.

— Зачем ты ждал меня, моделятор?

Он молчал.

— Зачем ты звал меня? Зачем ты построил для меня... коридор? Комнату страха, совмещенную с сумасшедшим домом? Зачем?

Ниточки огня прорастали сквозь завал из сухих веток. Тянулись к небу, и хворост потрескивал все громче и громче.

— Ты ненавидишь меня, моделятор? До сих пор?

— Нет,— сказал он после паузы.

— Это очень кстати,— Ирена удовлетворенно кивнула. Погладила свой живот; подняла голову и посмотрела ему в глаза, и не отводила взгляда, пока огонь, прорвавшись наконец сквозь завал из веток, не встал между ними пульсирующей стенкой и дрожащий воздух не исказил черты сидящего напротив до неузнаваемости.

— Я... ошибся, Хмель. Когда-то давно я верил, что смогу смоделировать мир из нас двоих... Не для нас, а ИЗ нас, понимаешь?

— Семья — ячейка общества,— сообщила она равнодушно.

— Неработающая модель,— ее собеседник пожал плечами.— Несовершенная... ты так в нее и не вписалась.

— Я виновата,— Ирена желчно усмехнулась.

— Возможно,— сказал собеседник с неожиданной злобой.

— И ты решил меня наказать...

— Нет... Я не такой уж плохой моделятор. Все, что я сделал,— несовершенно... и потому живет. Само по

себе... развивается. А наша с тобой маленькая модель. развалилась. Сдохла.

— Чего ты хочешь от меня? — спросила она сухо
Потрескивал огонь.

— Я вел тебя,— сквозь зубы признался тот, что сидел напротив.— Сквозь МОДЕЛИ. Я... не хотел терять тебя из виду... но все равно почти сразу потерял.

— Скотина,— сказала она равнодушно. И удивилась собственной душевной пустоте.

— Возможно... Вмешаться-то я все равно не мог... Для этого надо было свернуть все к чертовой матери, а мне было жалко... затраченного труда.

— Понимаю,— она кивнула. Погладила живот. Улыбнулась.— Не ревнуешь? Ни капельки?

— Пузо — не болезнь...— с нехорошой улыбкой отозвался моделятор. Улыбка перелилась в гримасу.— Я не ждал, что ты сможешь... подстилка...

Он тяжело дышал. Лицо его сделалось темным от прилива крови; возможно, Иrena походя ткнула пальцем в незажившую язву. Моделятор, попавшийся в собственный капкан, ревнивец, когда-то поколотивший в подворотне случайного ухажера разведенной жены,— бесстрастный Создатель, наконец-то потерявший маску бесстрастия...

Она прислушалась к себе. Возмущение? Шок? Ничего подобного. Усталость, немножко — сочувствие... Да-да. Почти жалость к этому чудо-мастеру, ненароком отхватившему топором собственную руку — и теперь исходящему гневом над кровавым обрубком...

— Ты и за ЭТИМ наблюдал? — спросила она с усмешкой.

Ее собеседник замолчал. Ходили желваки под потемневшей кожей.

— Ответь мне, Кромар... Это важно. Ты НАБЛЮДАЛ?

Тот, кто сидел напротив, мотнул головой. Жест, который мог означать что угодно.

— А теперь не понимаю, — она пожала плечами. — Для тебя все это... игра? Испытание?

— Для меня это ад, — глухо сказал моделятор.

Комета ползла по небу, вероятно, так двигалось время, и пока они молчат у вечного костра, где-то проходят дни и недели, месяцы...

— Как ты любишь... свои чувства, Кромар. Любые. Свою любовь... даже свои страдания. Творчество свое хваленое, талант свой замечательный, гений в себе и себя-гениального... Тебе кажется, что, сидя с веточкой над сотворенным тобой муравейником, ты крупнее, интереснее, ценнее любого из проползающих муравьев... Это хорошо, что тебе так кажется. Иначе ты не смог бы оставаться моделятором.

Свет костра лежал на лице ее собеседника, будто маска.

— Боюсь огорчить тебя, Кромар... Все это уже было. Все эти новые вселенные — я читала, и не раз... Почти слово в слово. Ты не вполне оригинал... Но дело даже не в этом. Любой человек... следящий за птицей в небе... или стоящий на кладбище в толпе прочих и слышащий, как осыпается свежая земля... знает цену НАСТОЯЩЕМУ. Люди отдают жизнь за кого-то... как Ян...

Ее собеседника передернуло. Иrena усмехнулась:

...Или наоборот, эту жизнь кому-то посвящают... как Рек. Не вздрагивай, моделятор. Твой успех действительно обернулся поражением — в твоем игрушечном мире живут, сотворенные тобой же, личности куда более интересные и крупные... А ты, сидящий с веточкой у муравейника... превратился в функцию. Ты фокусник, Кромар, ты затейник и оригинал... ну ладно, еще и Создатель... ты самодостаточен. Как фейерверк. Ты творец, ты одинок по определению, ты — сам себе модель... Зря ты вбил себе в

голову, что тебе нужна какая-то там строитивая женщина. Это каприз, Анджей... Это твоя ошибка... — она помолчала, прислушиваясь к собственным ощущениям. — ...Андрусь.

Он вздрогнул. Резко взглянул Ирене в глаза — сквозь дрожащий воздух, сквозь языки пламени.

— Ну что, теперь я поняла тебя? — она улыбнулась. Разом погасли звезды.

Это было жутковато — как будто с неба опустилась внезапная слепота. Но костер горел по-прежнему ярко, Иrena ощущала идущее от него тепло...

— Модели сворачиваются, — глоухо сказал тот, что сидел перед Иреной.

Она инстинктивно прикрыла глаза. Короткий спазм охватил низ живота, толкнул в поясницу, отступил.

Сворачивается площадь с дворцом Толкователей, город с воротами и подъемным мостом, с базарами, с гостиницей «Три козы», с гарпиями у входа в институт...

Сворачивается ферма вместе с пристройками, с живописными горами, с коровами в сарае, с антенной на крыше...

Новый спазм.

Ничего, ничего, ничего. Это еще не схватки. Это так, предвестники, ничего, мы еще поборемся...

Сжав зубы, она посмотрела поверх костра.

Моделятор сидел прямо, как памятник самому себе, только у памятников не бывает таких искаженных лиц.

— Иrena... Неправда, что ты не нужна мне.

Новый спазм. Боль, достигнув пика, плавно пошла на спад.

— ..В любой из моделей... я оставлял место для тебя. Чтобы ты могла почасть туда... как деталь мозаики. Единственное необходимая деталь...

Налетел ветер Иrena почти не ощутила его, — но сухое дерево с треском сбросило ветку

— ...Но я ничего не могу с тобой поделать, Ирена. Прости... меня.

...Зеленая трава, лошади в плюмажах, рукоплещущие дамы, трубы, шатры, флаги, оруженосцы, рыцари, турнир... Длинное копье, влетающее в яркое поле кичливого щита, клетчатое небо, струйка коричневой крови из-под забрала...

Королева на башне, прозрачное покрывало, солнце, коршуны, золотой венец, играющий шелк, женщина, стремительно летящая со стены — в ров...

Как больно. И как жалко вампира Яна, как жалко доктора Ника, чьи сыновья верят в отцовскую смерть...

Верили.

Может быть, так и надо? Что потеряет Ник, если вселенная прекратит свое существование?

Бедный Рек. Он не заслужил бесславной смерти...

Не смерти даже. Исчезновения.

Ян... Ян, что же делает со мной твой сын, он разрывает меня изнутри... Ян!!

— Анджея... не надо. Пусть... будет. Все, что уже создано... имеет право на жизнь. Пусть будут МОДЕЛИ... Черт с ними. Ничего не надо сворачивать, пожалуйста, оставим все, как есть...

Боль опоясала ее, как железный пояс верности.

Семироль... Ник, Трош, Эльза. Громила Сит... И, кстати, те три мальчика, которых смоделировали затем, чтобы они послужили жертвами. Те трое, за убийство которых Ирену осудили...

Беловолосая девочка из приюта для убогих, которую никто никогда не погладит просто так...

Казнь. Всеобщая, ступенчатая, неотвратимая казнь.

Железный пояс затянулся туже.

— Что с тобой? — ее собеседник только сейчас заметил неладное.

Ирена оскалилась. Создатель, моделятор, творец, слепой, как крот...

А что, если ребенок в ее чреве свернется вместе с МОДЕЛЯМИ?!

Пустое, беззвездное небо.

Дайте мне только добраться до бумаги, дайте! Я придумаю для этой истории счастливый финал...

— Ирена?!

Она ощутила его руки на своих плечах. Впервые за столько времени — его руки...

...И стук чужого сердца — обычно медлительного, а теперь позволившего себе сбиться с ритма. Сейчас он упадет на колени, ткнется лицом в ее огромный живот, и ей останется только материнским жестом потрепать его по седеющей макушке...

Она усмехнулась:

— «Ты не умеешь раскаиваться», сказала ящерица».

— Что?

— Ничего,— она снова усмехнулась сквозь боль.—

Просто так. Цитата.

Теперь костер был всюду — но не жег. Легонько покусывал. Как застарелая совесть.

Н

а повороте, где дорога выписывала петлю над самым обрывом, Ирена остановила машину.

— Погоди, Андрусь. Одну минуточку...

Провал начинался сразу же за полосатыми столбиками дорожной разметки.

На дне провала сидело самое настоящее облако — даже на вид плотное, струйчатое, медленно перетекающее само в себя. Серые ложноНожки, поднимаясь над краем провала, таяли в лучах восходящего солнца — сквозь расплывающиеся лохмотья проступали горы, дальний лес, красная крыша маленькой кофейни, до которой еще десять минут езды...

Ирена смотрела.

Из-за поворота осторожно — а в этих горах все ездят осторожно — выглянула длинная белая машина. При виде созерцающей Ирену притормозила, остановилась; из-за руля выбрался высокий чернявый мужчина — Ирена его где-то уже видела. Впрочем, в этих местах все когда-нибудь встречаются, людей-то не так уж много...

— Что, машина сломалась? Помочь?

Над опадающими клочьями тумана летела, мерно взмахивая крыльями, белая птица. Лес проступал яснее — он тянулся с горы на гору, будто небрежно наброшенная шаль.

— Извините, если помешал...

Она очнулась:

— Нет-нет... спасибо. Все в порядке.

В машине требовательно захныкал ребенок.

— Тихо, Андрусь, сейчас поедем...

Малыш ерзal в своем креслице, укрепленном на заднем сидении машины. Сворачивал ухо резиновому кроlikу, недовольно надувал губки.

...Туман таял. Скоро проявятся валуны на дне провала и ручей между валунами...

— А говорят, — неожиданно сказал мужчина, пролив за ее взглядом, — говорят... Знаете эту примету?

На красную крышу кофейни легло солнце, отчего черепища засияла, будто мак.

— Говорят, — мужчина кашлянул, — что если в безлюдном месте долго смотреть в плотный туман, можно увидеть Создателя. Он ходит в тумане, как в облаке... Вы не Создателя, случайно, караулите?

Некоторое время она внимательно смотрела вниз.

Потом чуть заметно поморщилась. Покачала головой.

— Жаль, — после паузы сказал мужчина.

Она подняла голову.

Он был худой и смуглый, с полоской усов над верхней губой. Похожий на южанина. В старом темно-синем свитере ручной вязки.

— Не так уж и жаль, — сказала она медленно. — Мне нечего сказать Создателю... при личной встрече.

Ее собеседник покачал плечами — что же, мол, поделать... Попрощался кивком, повернулся и побрел к своей машине.

Маленький Анджея выбросил, наконец, своего кролика. Игрушка слепнулась на дорогу.

— Погодите,— сказала Ирена нерешительно.

Тот, кто был похож на южанина, обернулся.

Что в нем было необычного?! Что заставило ее вздрогнуть, напрячься, окликнуть?

Глаза. Упоенные, как у дирижера за пультом. Странно знакомое выражение...

— Я имела глупость думать,— она усмехнулась,— что наш мир устроен не слишком хорошо... Я ошибалась. Это очень грустный... и очень красивый мир.

— Правда?

Ирена подняла кролика с земли. Правое резиновое ухо было прокущено насеквоздь — будто кусачками.

Она механически отерла с игрушки пыль. Нерешительно кивнула:

— Да... Наверное, я еще напишу...

Южанин улыбнулся шире:

— Что ж, удачи... сочинительница Хмель.

Она все еще стояла с разинутым ртом, а белая машина удалялась, виляя хвостом выхлопного дымка.

...Скорее всего, он просто узнал по фотографии в газете.

Просто прохожий.

Просто.

КОНЕЦ

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Поиск слов для живого мира...

Ю.Тубим

Вопреки традиции послесловий, я не буду подробно говорить о книге, которую вы держите в руках. Если вы прочли ее, то любые пояснения излишни; если у вас (как и у меня) есть вредная привычка начинать с послесловия — тем более не стоит объяснять, что вас ждет.

Эти страницы — краткое введение в мир, созданный Мариной и Сергеем Длченко.

* * *

Гений, как известно, не открывает новые пути — он их закрывает. «Властелин Колец» ознаменовал не рассвет фэнтези, а начало конца. Толкину можно подражать, варьировать его темы, упрощать, в который раз повторяя немудреные повороты немудреной борьбы картонного Добра с таким же картонным Злом (обязательно — с прописных букв!). Можно с яростью доказывать, что «Профессор был не прав»...

А некоторые играют по другим правилам. Мир фэнтези — мир абсолютной свободы творчества — на самом деле окружен завалами клише, стенами запретов (как тут не вспомнить стену Тэнгера из «Многорукого бога далайна»!) Столько тропинок,— но почти все они исхожены. Столько следов,— но, увы, слишком часто «виданных» зверей. В этом мире есть многое, но исчезло главное: удивление.

Причина, наверное, в том, что фэнтези создает гораздо более прочный сплав содержания и антуража, чем научная фантастика. Сколько раз в НФ был описан Контакт? Или, скажем точнее, сколько раз Контакт был описан ПО-НОВОМУ? «Левая рука Тьмы» не отменяет «Марсианские хроники», а «Пикник на обочине» — «Солярис». Но в жанре фэнтези каждая тема существует только один раз; вспыхнула и погасла, стинула в однообразных вариациях.

Путей всего четыре. Иногда — очень редко — писатель создает свою мифологию. Это дело трудоемкое и почти безнадежное — все равно отыщутся аналоги. («О, это Праведных тропа, немногие идут по ней», — предупреждала королева эльфов Томаса Рифмача.)

Другие обращаются к прославленным сказаниям и мифам. Тема задана изначально, теперь осталось ее аранжировать, пересоздать, наполнить своим содержанием. Блестящий цикл Мэри Стокарт о Мерлинне тому примером.

Третьи опираются на целые «блоки» мифологий, на традиции готического романа, магического реализма, литературной сказки... да мало ли в мировой литературе традиций! Толкин, Ле Гуин, Мерлин Пик, Ричард Адамс и многие другие нашли на этом пути свои охотничьи угодья.

И, наконец, можно выйти за пределы жанра, перемешать его с НФ, мистикой, бытописательством — с чем угодно.

Русская (вернее, русскоязычная) фэнтези испробовала все четыре варианта, но наиболее интересен, пожалуй, последний. Работа на грани жанров, на сломе традиций... Пoэзия — вся! — сюда в незнамое.

Блок говорил, что главным в судьбе и творчестве писателя является пройденный им путь.

Важна незавершенность судьбы; каждая новая книга должна быть ДРУГОЙ — и даже не важно, хуже она или лучше (все эксперименты в определенной степени — неудачи). Важно то, что Фолкнер называл «блестательным поражением» — тем самым «поражением», которое важнее патентованных удач.

Когда я беру в руки новый роман Дяченко, я никогда не знаю, что меня ждет. Разумеется, у этих писателей есть свои любимые способы вести повествование, определенные типы героев, этическая концепция, есть (в первую очередь!) стиль, — словом, то, что объединяет их книги в единое целое. В некотором смысле, творчество Дяченко пронизывает один сюжет-архетип. Но почему так непохожи воплощения этого архетипа?

Мир, созданный Дяченко, многогран и разнороден. Это и позволяет авторам постоянно смешивать угол зрения на него, добавлять новые элементы и безжалостно уничтожать прежние, уже отработавшие свое. Перебой ритма, резкая смена антуражей, цитирование «первоисточников» и построение новых мифов, постепенный, но уверенный переход от жанра к жанру, все к большей и большей творческой свободе, которая оборачивается новыми ограничениями, а значит — следует разрушать новые стереотипы.

Нахodka — развитие — кульминация — кризис — поиск — находка — ...

Сейчас Дяченко находятся на втором витке спирали, и я не берусь предсказать, сколько еще им предстоит пройти.

* * *

Первые книги Дяченко кажутся весьма традиционными. В самом деле — маги противостоят некой запредельной Третьей Силе; дракон похищает принцессу-дурнушку и, конечно же, влюбляется в нее. А если добавить к этому не менее традиционный антураж — замки и башни, прорицатели и оборотни, разбойники и бароны... Вот тут и возникает принципиальное различие между ТРАДИЦИОННОСТЬЮ и ВТОРИЧНОСТЬЮ. Дяченко не скрывают огромного влияния, которое на них оказали Толкин и Ле Гуин (а на кого классики не оказали влияния?!) Важно другое: не заимствование конкретных приемов и сюжетных поворотов, но органическое восприятие важнейших творческих принципов и даже, до определенной степени, этики и философии своих предшественников.

В «Привратнике» (1994) из многих замечательных частностей (вспомните хотя бы, как описано жилище Ларга Легиара), из традиционных фэнтезийных деталей, из традиций «романа большой дороги» — складывается нечто большее, чем просто талантливый дебютный роман. Складывается интонация, которой Дяченко остаются верны по сей день. В «Привратнике» главное — не блуждания героя по экзотичному миру, но тот выбор, который он должен — обречен! — совершать. Тем самым Руал Ильмарранен, Марран, «маг, который не маг», обретает самого себя, проходит путь нового становления — «нового», потому что он утратил все, что имел, магический дар и любовь. В «Ведьмином веке» это будет названо «второй инициацией»: отказ от себя — прежнего ради... Для героя Дяченко «ради» — это прежде всего любовь, а точнее — ответственность за Другого. Или за Других. А в конце концов — за весь мир. Кстати, только в жанре фэнтези герой своим личным выбором определяет судьбу не народа, расы или человечества в целом, но Вселенной (единственный, кажется, пример в научной фантастике — «Пикник на обочине»).

В своем первом романе Дяченко еще не смогли построить такую ситуацию, в которой окончательный выбор героя был бы непредсказуем. В самом деле, не станет же Марран, человек не озлобившийся, хотя и несчастный, ради мести всему миру отворять дверь загадочной Третьей Силе, приход которой сулит гибель старого мира и создание нового, совершенно нечеловеческого. Но, хотя исход ясен читателю, задача писателя — сделать колебания героя достоверными, а угрозу довольно-таки невнятной Силы — вполне реальной. С задачей этой Дяченко справились (приз «Еврокона» за лучший дебют — тому свидетельство) и продолжили обустраивать свой мир.

«Ритуал» (1996), к сожалению, прошел мимо внимания многих читателей и критиков. И зря — потому что книга получилась очень чистой, трогательной и светлой; на мой взгляд, это лучший из ранних романов Дяченко. В «Ритуале» авторы отошли от внешнего действия ради внутреннего,— и оказалось, что сюжетное напряжение от этого отнюдь не уменьшилось. Параллельные сюжетные линии «Привратника» сменились диалогичностью, взглядом на события с двух, как будто бы несовместимых точек зрения. Уже в «Ритуале» Дяченко демонстративно «вывернули наизнанку» сказочный сюжет (Дракон оказывается спасителем Принцессы, новым Персеем) и впервые попытались совместить несколько жанров. Привычная фэнтези о принцессах и драконах неожиданно (хотя, если исходить из художественных принципов Дяченко, вполне закономерно!) переходит в любовный роман. А точнее — роман о любви, что совсем не то же самое. Любовь в книгах Дяченко — всегда чувство запретное, недозволенное, и возникает оно не из сходства, но из различия. Дракон, который, сохранив верность древнему ритуалу, обязан съесть принцессу,— и дурнушка, которая не нужна ни женихам, ни дракону. Героям предстоит сдирать не самое

трудное: преодолеть изначальную враждебность, увидеть в драконе — поэта, в нескладной обреченной принцессе — девушку, которая невыразимо прекрасна. Необходимо преодолеть себя, выйти за рамки привычного поведения — своей «роли», если угодно. До тех пор, пока герои Дяченко замыкаются в себе, следуют своей природе, обречены и они сами, и их любовь, и (в поздних книгах) целый мир. В конце концов ВСЕ БУДЕТ ХОРОШО, — это основной постулат ранних романов Дяченко. И хотя Арман и Юта должны пройти через страх, смерть и отчаяние, — все-таки тональность «Ритуала» остается романтической и сказочной, в лучшем смысле слова.

«Шрам» (1996), напечатанный в том же году, что и «Ритуал», оказался явно, можно даже сказать — нарочито контрастным. Ни до, ни после этого романа Дяченко не производили такой жесткий анализ психологии героя, не ставили перед собой такой сложной задачи: показать, как ненависть переходит в понимание, сочувствие и любовь. Вновь — узнаваемый антураж (на этот раз мушкетерский), вновь — не схожая ни в чем пара: гвард Эгерт Соль, бретер, дуэлянт, донжуан — и Тория, жениха которой Эгерт бездумно убил. Но насколько сложнее для этих несчастных людей путь навстречу друг другу! Авторы предельно усложнили путь героя — и свой, разумеется, тоже. Непросто показать, как ломается характер бесстрашного некогда человека, которого таинственный Скиталец (наш старый знакомый, Марран) покарал заклятьем труслисти. И двойне непросто показать, как совершается обратное, — как человек, ставший никем, обретает достоинство и мужество. К чести Дяченко, они не поддались искушению упростить этот путь, не подменили щадительное, кропотливое исследование души героя поверхностью риторикой. Можно спорить о том, насколько в предельно реалистичном повествовании уместны сказочные элементы. Но, во всяком случае, они введены авторами совершенно сознательно и придают роману еще большую универсальность — такую, которая доступна только сказке. Очевидная реминисценция из «Зачарованного мальчика» в finale книги также не случайна: это отсылка скорее к «сказочности вообще», чем к конкретному тексту.

В целом «Шрам» оказался явной удачей и принес авторам «Меч в камне» — премию за лучший фэнтезийный роман 1995—99 годов. Впрочем, фэнтезийный ли? Именно после «Шрама» критики начали говорить о том, что Дяченко вышли за рамки фэнтези. Вернее было бы говорить о «минимизации», последовательно проведенной авторами: отказавшись от жанровых стереотипов, они ограничились введением только одного сюжетообразующего приема. Мир изображен плотно, хотя и не детально: он лажен постольку, поскольку определяет поступки героев. Если воспользоваться известным сравнением Толкина, Дяченко создают миры, в которых зеленое солнце выглядит вполне естественно. Почему оно именно зеленое, — никого, в общем-то, не интересует. Какие люди будут жить под таким солнцем, — вот что главное.

Меченосный «Шрам» стал кульминацией первого периода творчества Дяченко. За ним последовали две книги, которые я назвал бы кризисными. «Скрут» (1997) стал «анти-Ритуалом»: сказочная тема «красавица и чудовище» преобразилась в нем... не сказку «до неузнаваемости», но весьма радикально. Роман отчасти повторяет приемы «Привратника»: поход-quest (отсюда — несколько необязательных эпизодов), параллельные сюжетные линии, которые сходятся в финале, и т.д.

Но именно в этой книге авторам удалось найти одну из важнейших своих тем: моральный выбор, совершаемый в ситуации, которая не допускает однозначных решений. Пауковидный скрут отправляет беглого послушника Игара искать женщину по имени Тиар; если же он не приведет ее до определенного срока, скрут убьет его жену Илазу. Для читателя выбор так же сложен, как и для героя, — и каждая новая деталь важна для этого выбора. «Скрут» в моем восприятии — роман более интеллектуальный, чем эмоциональный: персонажам не столько сочувствуешь, сколько следишь за ними, пытаешься поверять их выбор своей совестью. Но, наблюдая за сменой картин, поневоле проникаешься мрачным настроением безысходности и обреченности (предвестье будущего «Ведьминого века»!). Финал — впервые у Дяченко — открыт. Тиар и Аальмар встретились через много лет после того, как она, сама того не желая, предала своего жениха и он стал скрутом, в котором от человека осталась только жажда мести. Что их ждет впереди? «Казалось бы, happy end...» — пишет С.Логинов в статье «Русское фэнтези — новая Золушка». — Однако Аальмар по-прежнему остается чудовищем, и у Тиар никто не убавит прожитых лет. «Аленъкий цветочек», как это бывает в реальной жизни, — без превращения в finale. Алтарю нет дела, в каком обличье пришли к нему любимые». Но об этом в романе ничего не сказано! Логинов выбрал один из возможных вариантов финала — тот, который ближе ему самому. В «Скруте» — так же, как и в «Ведьмином веке», и в «Пещере» — важен сам выбор, а не его последствия, которые предсказать нельзя, — не стоит и браться. В отечественной традиции фантастики такой подход связан прежде всего с именем Стругацких. В предисловии к «Улитке на склоне» мэтры писали о том, что читателя не должна интересовать дальнейшая судьба Кандида — главным в повести является осознание героя происходящего и выбор, который он делает.

«Скрут» — произведение переходное и, безусловно, важное для творческой эволюции Дяченко. Напротив, «Преемник» (1997), третья часть цикла «Скиタルцы», — это книга, которой могло и не быть, единственная крупная неудача писателей. Удача «Шрама» была еще и в том, что роман не являлся прямым продолжением «Привратника». Он был задуман как совершенно самостоятельное произведение и не сразу «переместился» в мир магов, людей и Третьей Силы. Вторую часть «Скиタルцев» связывает с первой лишь несколько отсылок; третья книга привязана к предыдущим гораздо теснее. На несчастную семью Соллей

сваливаются все мыслимые несчастья, но ситуация выбора осталась той же, что и в «Привратнике», и в результате роман лишен самодвижения, а образы — развития.

Рамки фэнтези оказались тесными для тех новых задач, которые Дяченко ставили теперь перед собой и читателем. Пришло время новых поисков жанра.

* * *

Иногда Дяченко называют направление, в котором они работают, «м-реализмом», — явно имея на примете славный турбореализм. Что такое «м», не известно никому. Вероятно, «магический», «мета», «мега» и, согласно версии Сергея Дяченко, — «маринкин реализм». Рискну предположить, что «м-реализм», помимо прочего, есть «малороссийский реализм». Тот самый реализм, который восходит к «Вечерам...» и «Миргороду», а кроме того — к «философии сердца» Сквороды, неомифологизму Леси Украинки и Коцюбинского, дьяволиадам Булгакова и буйству современной «химерной» прозы.

Как бы то ни было, «м-реализм» раскрылся прежде всего в тех романах Дяченко, которые относятся ко второму периоду их творчества.

Некоторые критики утверждают, что «Ведьмин век» (1997) разрушает жанровые традиции; вернее сказать, что он объединяет разнородные традиции в единое и лесмена неординарное целое. Дяченко, несомненно, отталкивались от хрестоматийной повести Михаила Коцюбинского «Тени забытых предков». Не случайно пролог к роману представляет собой как бы развернутый эпиграф — парафраз одной из последних сцен «Теней». (Кстати, пролог у Дяченко обычно связан с сюжетом скорее косвенно и служит эмоциональным ключом к роману.) Персонажи западноукраинской мифологии — ведьмы, няньки, чугайстры — перенесены в современный европейский город. Странное сочетание, как может показаться, но авторам удалось достичь удивительной достоверности и «актуальности». Беру это слово в кавычки, потому что прямых или аллегорических отсылок к нашей реальности в «Ведьмином веке» почти нет. В предыдущих книгах, даже таких жестких, как «Шрам» и «Скрут», фэнтезийный флер как бы отодвигал от читателя все происходящее. «Это — там...»; недаром Грин поставил загадочные слова Свифта эпиграфом к «Блистающему миру». «Ведьмин век» — это не «там», а «здесь». Полузнакомый-получужкой мир пронизан ожиданием апокалипсиса — пришествия ведьмы-матки, которую, может быть, не властна остановить даже инквизиция. Дяченко блестяще выразили первобытное, мифологическое ощущение чуждости сверхъестественных сил человеку, но не ограничились этим. Страхи и надежды герояев «Ведьминого века» — наши, сегодняшние. Мир идет к катастрофе, потому что устроена закономерно и логично. «Лесные люди» чугайстры уничтожают не-

жить; инквизиторы, стараясь по возможности оставаться гуманными, искореняют скверну; ведьмы противостоят всему человеческому. Инквизитор, полюбивший ведьму, отказавшийся уничтожить своего главного противника точечным ядерным ударом; ведьма-матка, в момент торжества отказавшаяся от ведьмской сущности,— они нарушают эту закономерность. Мир еще не спасен — и неизвестно, будет ли спасен, — но Клавдий Старж, инквизитор, и Игла Лис, ведьма, сохранили свои души, а это неотменимо. Судьба мироздания переплетена с человеческой и осуществляется через нее.

Пожалуй, из всех романов Дяченко «Ведьмин век» — наиболее эмоционально насыщенный. Страшное прошлое Клавдия — воспоминания о девушке Дюонке, которую он сам невольно позвал с того света, и она явилась к нему, став наяву. Страшное настоящее Игла, которая не может ни стать на учет в инквизиции, ни пройти инициацию, безвозвратно утратив все человеческое. Непредставимое будущее — тот самый Ведьмин век, который начинается уже сегодня. Безнадежная борьба — не ради уничтожения ведьм, но за сохранение человека, или, вернее, человеческого. Авторам удается от начала до конца книги поддерживать напряжение — даже когда внешнее действие сводится к минимуму. Ритм книги сродни ритму танца чугайстроров — он затягивает читателя и отпускает не раньше, чем того захочет создатель танца.

Сравнительно с «Ведьминым веком» «Пещера» (1998) может показаться книгой более спокойной и менее динамичной, — но лишь поначалу. Клавдий и Игла (особенно Игла) действовали скорее интуитивно; герои «Пещеры» должны прежде всего понять, что происходит с ними и с их миром, а поняв, определиться в своих поступках, — только так и не иначе. Даже гений режиссера Рамина Ковича должен подчиниться этим правилам. Знание — выбор — ответственность — и сомнение в правильности выбора.

Дяченко написали книгу о насилии, любви, искусстве, судьбе. О корнях насилия, лежащих в человеческой природе. Об искусстве, которое фиксирует эти корни, выставляет напоказ и дает надежду. О любви, противостоящей насилию, и борьбе против него — борьбе, которая неминуемо оборачивается новым насилием. Сложное построение «Пещеры» раскрывается неспешно. Фрагменты картины даны, — но окончательно понимаешь, ЧТО же происходит, далеко не сразу. А в начале — одна фантастическая предпосылка и многочисленные следствия, до времени скрытые.

Писатели изображают две страны — нормальных людей и мутантов. В обеих импульсы насилия и первобытные инстинкты направлены вовне. В «обыкновенном» мире каждый становится во сне пещерным зверем и выплескивает тем самым свои животные, агрессивные импульсы; в изоляте агрессия направлена на мир яви, и никто не может чувствовать себя в безопасности ни днем, ни ночью. Читателю, вслед за героями, предстоит осознать проблему и понять,

что однозначного решения она не имеет. Потому что истоки насилия — в каждом. Надеяться, что все зло, всю злобу и агрессию можно передать своему зверю и оставить в Пещере, — по меньшей мере, наивно. Мальчик Митика делает родным и близким гадости по мере возможности. Оскорбительно ведет себя Раман Кович. Фактически, легализуют убийства представители администрации — Триглавца. Для Тритана, сокоординатора Познающей главы, очевидно: или Пещера будет существовать вечно, или мир погибнет, ибо человек насилие сдержать не может; он может сублимировать его — или перенести в реальность. То есть зверь сильнее человека и всегда будет сильнее. Ни один из героев возвратить Тритану не может, потому что не был в стране мутантов и просто не может представить себе, что такое реальное насилие (полицейский плачет, увидев убитого человека). Возражает жизнь, как бы высокопарно это ни звучало. Тритан жертвует собой ради спасения Павлы. Кович побеждает хищника в себе. Даже Митика оказывается способен на какое-то сочувствие. Значит, мир может уцелеть; самострелы и ядерные бомбы — не единственное, что можно противопоставить Пещере и Триглавцу. Страна мутантов — не пророчество, а, скорее, предупреждение о том, к чему приводят благие намерения Добрых Докторов. Даже созидательное творчество может обернуться злом. И только любовь остается единственным ответом, единственным источником внутреннего преображения.

Повесть «Горелая Башня», недавно получившая приз «Интерпрескона», тоже не дает ответов. Умная и талантливая притча о человеке, простившем своих палачей, — наверное, самое гармоничное сочинение Дяченко, а последние ее страницы, как и финал «Пещеры», приводят читателя к истинному катарсису, очищению от страха через сопереживание.

«Ведьмин век» и «Горелую Башню» еще можно с натяжкой назвать фэнтези. «Пещера» — это уже «чистая» фантастика. Чудесное в ней не объясняется ни волшеством, ни, тем более, наукой, а существует как данность. В «Казни» Дяченко пошли еще дальше и вторглись в область научной фантастики. Условно говоря, научной фантастики — с примесью все той же фэнтези, хоррора и Бог знает, чего еще. Но говорят авторы в ней о том же, о чем и в предыдущих книгах, — о людях, о том единственном, ради чего стоит писать. А еще — об искусстве, о власти и бремени творца, о правосудии и жалости.

Впрочем, судите сами.

Перефразируя хитроумного Эко: критик должен умереть. Чтобы не становиться на пути текста.

Михаил Назаренко

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ.....	5
ГЛАВА ВТОРАЯ.....	37
ГЛАВА ТРЕТЬЯ.....	74
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.....	99
ГЛАВА ПЯТАЯ.....	132
ГЛАВА ШЕСТАЯ.....	168
ГЛАВА СЕДЬМАЯ.....	204
ГЛАВА ВОСЬМАЯ.....	224
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.....	269
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.....	303
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.....	335
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ.....	371
ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.....	393
ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.....	421
ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.....	451
ЭПИЛОГ.....	468
ПОСЛЕСЛОВИЕ.....	471

**По вопросам оптовой покупки книг
издательства АСТ обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж
Тел. 215-43-38, 215-01-01, 215-55-13**

**Книги издательства АСТ можно заказать по адресу:
107140, Москва, а/я 140, АСТ - "Книги по почте"**

Литературно-художественное издание

**Дяченко Марина и Сергей
Казнь**

Ответственный редактор К.М. Королев

Редактор Л.И. Филиппов

Художественные редакторы А.Е. Нечаев, О.Н. Адаскина

Компьютерный дизайн: А.С. Сергеев

Технический редактор Ю.Ю. Смирнов

Корректоры Г.А. Разумова, В.Г. Степанова

Дизайн книги А.Е. Нечаев

Подписано в печать 20.08.99.

Формат 84×108^{1/32}. Усл. печ. л. 25,20.

Тираж 11 000 экз. Заказ № 3642.

**Налоговая льгота – общероссийский классификатор продукции
ОК-00-93, том 2; 953000 – книги, брошюры.**

**Гигиенический сертификат
№ 77.ЦС.01.952.П.01659.Т.98. от 01.09.98 г.**

ООО "Фирма "Издательство АСТ"

ЛР № 066236 от 22.12.98.

366720, РФ, Республика Ингушетия,

г.Назрань, ул.Московская, 13а

Наши электронные адреса:

WWW.AST.RU

E-mail: astpub@aha.ru

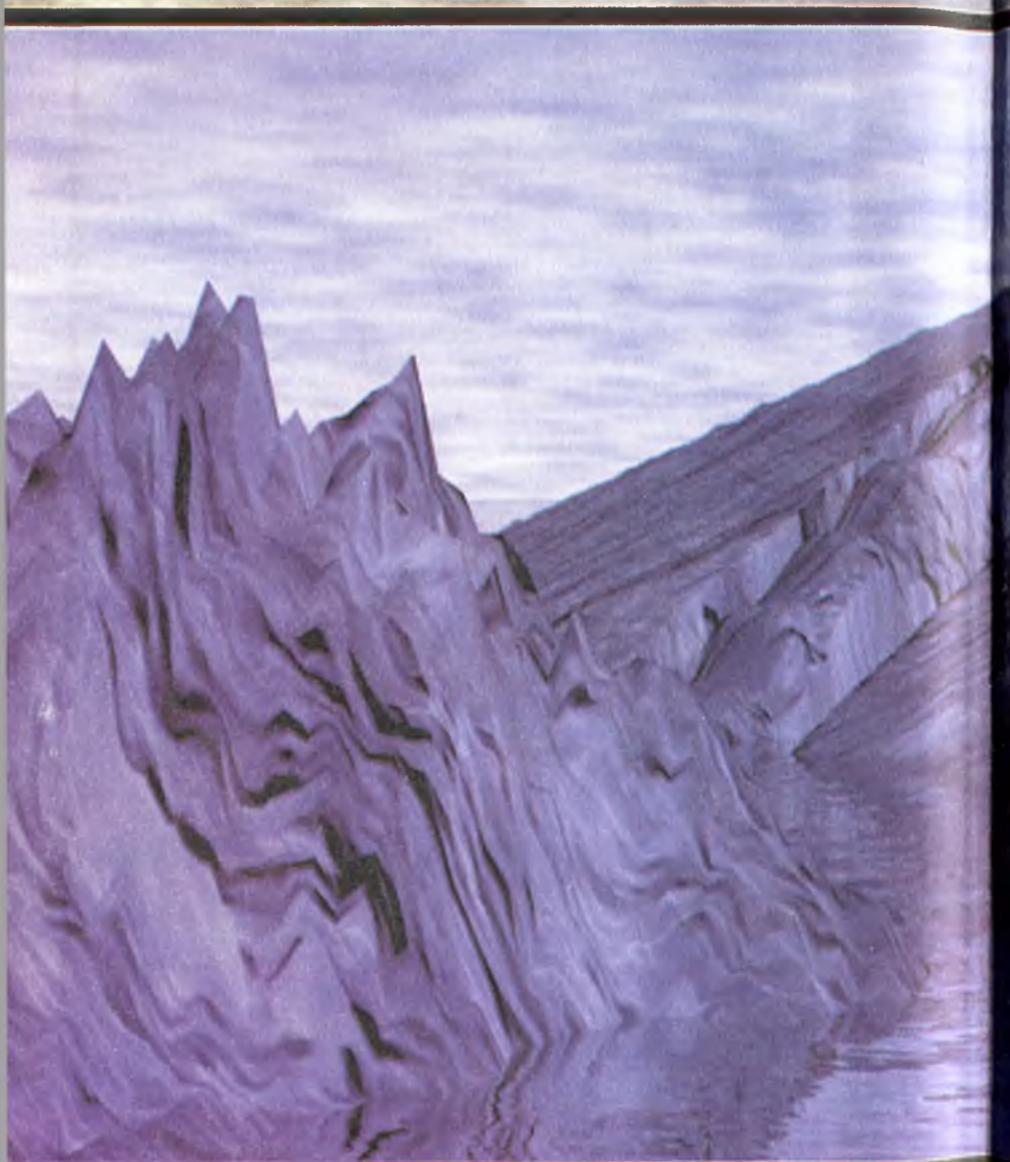
**Издательство "Terra Fantastica" издательского дома
"Корвус". Лицензия ЛР № 040390.**

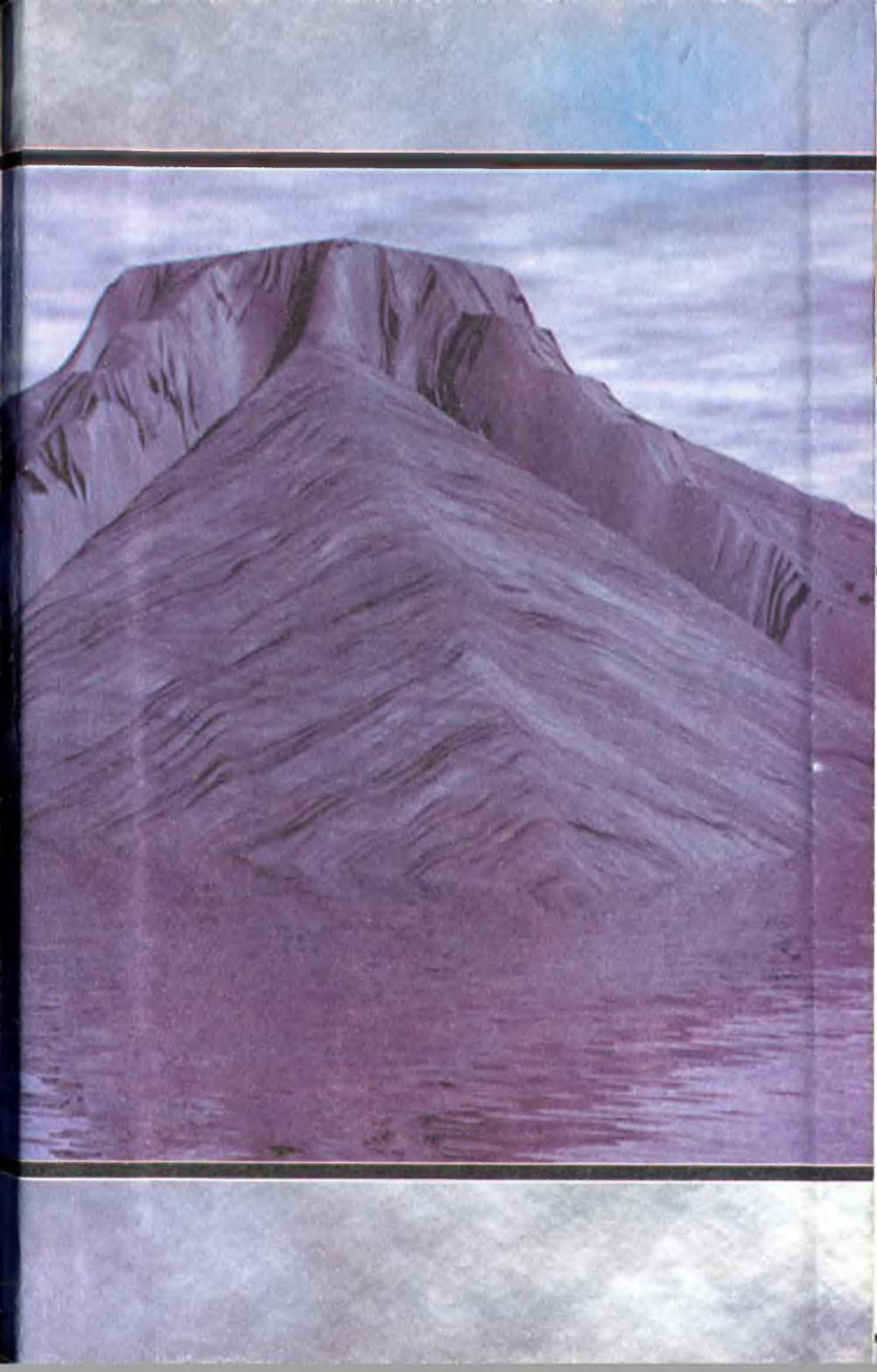
190068, Санкт-Петербург, Английский пр., д. 40.

Электронный адрес:

WWW.TF.RU, E-mail: TERRAFAN@TF.RU

**Отпечатано с готовых диапозитивов
на Книжной фабрике № 1 Госкомпечати^{*} России.
144003, г. Электросталь Московской обл., ул. Тевосяна, 25.**

ISBN 5-237-03363-6

9 785237 033632

Марина и Сергей Дяченко... Их романы — «Привратник», «Ведьмин век», «Шрам», «Пещера» — навсегда перевернули наши представления о российской фантастике.

Ночные кошмары хороши одним — возможностью проснуться.

У нее такой возможности нет.

Она сделала шаг — и оказалась в мире, где кромешный ужас — не просто реальность, но единственная реальность.

Можно, наверное, сделать еще шаг. Только вот — каким окажется следующий мир? Еще страшнее? Еще безысходнее?

И каким тогда будет ее следующий шаг?..

ЛАБИРИНТ

З В Е З Д А Н Ы Й